

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ БАЛКАН И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

*Лингвистика, история
археология*

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ БАЛКАН И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

*Лингвистика
история
археология*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

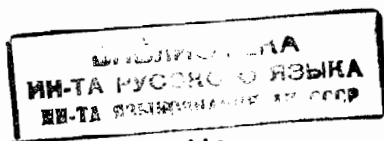
В сборнике рассматриваются проблемы этногенеза и этнической истории народов Балкан и Северного Причерноморья с доисторического периода (III тыс. до н. э.) до прихода славян на Балканы (VI в. н. э.).

Авторы исследуют вопросы этимологии, лингвогеографии, эпиграфики, дешифровки, анализируют топо- и этнонимы у античных и византийских авторов. Отражая современное состояние затронутой проблематики, статьи содержат материал, разработка которого расширяет представления об этногенезе, истории, языках и культуре населения Балкано-Карпатского региона и смежных областей.

Редакционная коллегия

С. Б. БЕРНШТЕЙН, Л. А. ГИНДИН (ответственный редактор),
Е. С. ГОЛУБЦОВА, А. И. МЕЛЮКОВА,
И. А. КАЛУЖСКАЯ (отв. секретарь)

4
Э-91

78132

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА И ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ БАЛКАН

(К методологии
междисциплинарных исследований)

Л. А. Гиндин, Н. Я. Мерперт

Сформировавшись в послевоенные годы, античная балканистика с самого начала имела установку на решение задач, требующих учета данных всех смежных дисциплин гуманитарного цикла. К этому побуждала не только специфичность исследований, вынуждающая находиться в сфере реконструкций различной степени достоверности, но главным образом фрагментарность фактической базы в каждой частной области знания о дописьменных и раннеписьменных периодах истории Балкано-Карпатского ареала. Компетенции античной балканистики подлежат, обобщенно говоря, неклассические древности указанного региона: археологические культуры и отдельные материальные памятники, история негреческих и догреческих этносов, реконструкция реликтовых языков на основе античных и ранневизантийских письменных источников, содержащих относительно значительное число отрывочных свидетельств и разнохарактерное по времени и способу фиксации множество имен собственных при самом минимальном числе глосс. Отмеченные особенности источников обусловили появление и самого термина «античная балканистика»¹. Впрочем, хронологические рамки исследований отнюдь не ограничиваются античным периодом. Это в наибольшей степени касается археологии, у которой при изучении древнейших судеб населения Балкано-Карпатского региона и его культуры вообще отсутствуют временные ограничения вглубь. Следует подчеркнуть, что как раз успехи археологии, наблюдаемые в этом и

смежных районах с 50-х годов, а также существенное увеличение сведений о реликтовых языках Балкан и истории их носителей создали возможность и вызвали настоятельную необходимость в комплексном подходе к разрешению узловых историко-культурных проблем, и прежде всего вопросов этногенеза древних и современных народов Балкано-Карпатского пространства.

На фоне своеобразной лингвистической экспансии последних десятилетий представляется целесообразным специально отметить неуклонное возрастание интереса со стороны ученых смежных специальностей к филологии в ее традиционном понимании, с обязательной критикой текста и т. п., в качестве ключевой дисциплины в кругу наук, призванных осуществлять междисциплинарные методы исследования указанных выше проблем, поскольку данные различных дисциплин — археологии, языкознания (этимологии, топонимики и т. п.), не говоря уже об истории в собственном смысле, — должны непосредственно или ретроспективно координироваться с письменными источниками и как бы фокусироваться в них. При этом только письменная традиция способна переводить древнейшие факты, извлекаемые отдельными науками, из плана реконструкции в плоскость реально засвидетельствованных данных. Так как в интересующем нас регионе древнейшей является античная письменная традиция, то при выборе в качестве предмета исследования дописьменных периодов истории Балкан и смежных территорий, где разворачивалась этническая история и народов Балканского полуострова, именно она оказывается единственной конкретной отправной точкой для ретроспективных построений этногенетического и иного характера. Мы берем на себя смелость утверждать, что к античной письменной традиции восходит этническая атрибуция любого факта дописьменного периода в указанном ареале. В этом пункте чрезвычайно рельефно выявляется значение комплексных исследований, взаимодействия ряда дисциплин, прежде всего филологии и археологии. Такое взаимодействие обуславливает все большее углубление нижних границ истории в прямом (а не всеобщем) понимании этого термина как периода, освещенного прямыми и последовательными письменными свидетельствами. В ряде достаточно уже известных случаев история явно теснит предшествующий период, условно именуемый праисторией (или дописьменной историей). Достаточно отметить, что откры-

тие археологами и расшифровка М. Вентрисом линейного письма В удревнила письменную традицию и начало письменных свидетельств на Балканах с VIII до XIV в. до н. э., а находка замечательного архива Эблы отодвинула границу специфической письменности на территории Сирии до XXIII в. до н. э. Все это, повторяем, оказалось возможным только благодаря теснейшему взаимодействию археологии и филологии (генр. языкознания).

Сказанное имеет самое прямое отношение к вопросам этногенеза, являющегося по преимуществу проблемой исторической, всегда занимавшей доминирующее положение в исследованиях древней истории Балкан, чему в немалой степени способствовала богатейшая античная традиция, создавая особенно благоприятные условия при изучении ранних этапов этнической истории балканских народов, в том числе славян, населяющих в настоящее время карпато-балканское пространство.

Сам термин «этногенез» мы склонны понимать достаточно широко, включая в него в первую очередь задачи воссоздания этнической карты Балкан и сопредельных территорий на различных хронологических срезах по лингвистическим, археологическим и письменным источникам, реконструкцию древних реликтовых языков, материальной и духовной культуры указанного ареала, этнические и лингвистические контакты и субстратно-суперстратные отношения — т. е. реконструкцию всех факторов, которые в догосударственный и раннегосударственный период могли повлиять на образование отдельного этноса или этнической общности.

Балкано-Дунайский район, с территорией которого неразрывно связана вся многообразная проблематика античной балканистики, на протяжении тысячелетий являлся классическим примером сложнейшего «пучка» экономических, этнолингвистических, культурных и общен исторических феноменов. Будучи важнейшим мостом, соединявшим Европу с Азией, Средиземноморье — с глубинными районами континента и бескрайними просторами евразийских степей, он притягивал к себе значительные человеческие группы, развивавшиеся на его благодатных землях, двигавшиеся в различных направлениях, находившиеся в состоянии постоянно расширявшихся контактов и усложнявшегося взаимодействия. Здесь проходил один из важнейших путей заселения Европы человеком. Здесь возник древнейший для нашего континента очаг

производящего хозяйства, решающие воздействия которого определили все дальнейшее развитие европейской экономики. На Балканах сложились первые государственные образования и первые цивилизации Европы, здесь следует искать истоки фактически всех основных направлений развития европейской культуры — от появления письменности и древнейших литературных памятников до ряда отраслей искусства и науки, достигших здесь блестящего расцвета, венцом которого явилась великая античная культура. В равной мере Балканы являются центром сложнейших этнолингвистических явлений древней истории. С ними связана разработка коренных проблем этнического состава древнеевропейского населения, — как неиндоевропейских, так и индоевропейских его пластов. Что касается последних, то балканские материалы имеют особое значение для постановки и исследования не только общих вопросов индоевропеистики, но проблем сложения конкретных индоевропейских групп и исторически засвидетельствованных народов этой языковой семьи — от хетто-лувийцев и «пеласгов» до греков, фракийцев, фригийцев, иллирийцев, славян.

Мы отметили лишь некоторые аспекты проблематики, связанной с Балкано-Дунайским «пучком». Число таких аспектов могло бы быть значительно умножено. И само многообразие их еще и еще раз свидетельствует о необходимости междисциплинарного подхода к разработке проблематики античной балканистики, участия в ней представителей самых различных специальностей: лингвистов, филологов, археологов, историков, этнографов, искусствоведов, культурологов, антропологов, палеогеографов, палеобиологов, экономистов и т. д. Каждая из этих специальностей обладает своей спецификой, своим кругом источников, своей методикой. Выработка форм их взаимодействия, корреляции, взаимного контроля и обогащения — весьма значительная задача античной балканистики. Здесь мы кратко коснемся лишь отдельных сторон этой задачи и, прежде всего, по отношению к наукам, участие которых в разработке этногенетических проблем стало уже определенной традицией — филологии, прежде всего ее лингвистических отраслей (гидро- и топонимии, этимологии в современном понимании) и археологии. Роли каждой из этих наук в разработке данной проблематики, вопросов их соотношения и возможностей взаимодействия посвящена значительная, но в немалой степени

противоречивая литература, специальный обзор и анализ которой произведен Г. С. Кнабе в работе, достаточно свежо воспринимающейся спустя более 20 лет после того, как она была опубликована². Приемы этногенетических построений сгруппированы им по трем разделам. К первому отнесены методы либо чисто лингвистические, либо чисто археологические, используемые без попыток их сопряжения и взаимодействия. Второй объединяет методы взаимной увязки и проверки конечных результатов, полученных обоими путями. Наконец, в третий раздел включены методы, «... при которых не только конечные результаты, полученные лингвистом и археологом, приводятся в связь, но и в самом ходе исследования данные языка и материальной культуры берутся в постоянной и органической взаимообусловленности»³. При этом необходимо не априорное убеждение в тождестве культурных и этнических групп, а всесторонне аргументированное отождествление конкретных археологических комплексов с определенными языковыми группами.

Среди методов подобной аргументации можно выделить два наиболее конструктивных. Первый — «локалистский метод» — базируется на тщательном доказательстве по максимуму археологических показателей последовательности и преемственности культурного развития на определенной территории с сохранением единства основного комплекса. Если такое развитие не нарушено серьезными разрывами и прослежено до исторически известных этнических групп, то это позволяет в ретроспекции утверждать близость языков этих групп языкам их археологически определяемых предков. Подчеркнем в этой связи, что ретроспекция является неотъемлемой частью характеризованного метода и представляется фактически единственным путем его применения.

Вторым является метод «этнизирующих» признаков — выделение археологических показателей, связь которых с закономерностями экономического и социального развития минимальна, что исключает возможность их самостоятельного возникновения у различных этнических групп. Таковы погребальный обряд, прочие культовые памятники, орнаментация и специфические формы керамики, произведения искусства, украшения — все это должно рассматриваться в общем археологическом контексте, в рамках определенной археологической культуры.

Наряду с чисто лингвистическими методами, применяемыми при этногенетических построениях, существуют и методы комплексные, при которых этническая атрибуция аргументируется постоянным сочетанием и взаимодействием лингвистических и археологических данных. Первый из таких методов предусматривает массовый анализ географических названий, прежде всего гидронимии, в сочетании с картографированием археологических культур определенных периодов. Второй метод основывается на стратиграфических показателях многослойных археологических памятников и предусматривает разбор их последовательных культурных горизонтов в сочетании с лингвистическими, антропологическими и прочими данными, с совмещением соответствующих ареалов и увязыванием конкретных горизонтов с определенными этнолингвистическими группами.

Число таких методов может быть умножено (отметим хотя бы совмещение ареалов определенных видов флоры и фауны с ареалами соответствующих языковых показателей), но сейчас мы ограничимся отмеченными выше и кратко коснемся вопроса о том, какие же материалы для их применения дает Балкано-Дунайский район.

Сразу следует подчеркнуть, что это фактически единственный в Европе район массового и регулярного распространения теллей — многослойных стационарных поселений, последовательные слои которых отражают ход экономического и культурного развития на протяжении нескольких тысячелетий. При этом для одних и тех же памятников и в единых группах археологических фактов по целому ряду археологических, антропологических, палеоботанических, палеогеографических показателей чрезвычайно рельефно фиксируются как преемственность развития, так и нарушения ее, позволяющие предполагать и этнолингвистические изменения. В ряде случаев преемственно связанные, последовательные слои могут быть доведены до культурных комплексов исторически известных и освещенных письменными источниками народов. Такие материалы наиболее благодатны для применения как «локалистского метода», так и метода «этнизирующих» признаков. Наличие различных комплексов такого рода в пределах единых периодов является чрезвычайно важным показателем не только последовательного («вертикального») развития определенных групп, но и многообразия их «по горизонтали», что позволяет предполагать наличие

и взаимодействие различных этнических компонентов древнебалканского населения⁴.

Четкая стратификация этих богатейших и предельно выразительных археологических данных в сочетании с выделением на Балканах ряда неиндоевропейских и индоевропейских лингвистических слоев⁵, анализом большого гидро- и топонимического (работы Вл. Георгиева, И. Дуриданова, Л. А. Гиндина, В. Н. Топорова и других авторов), антропологического и прочих видов материалов создают определенные возможности и для применения отмеченных комплексных методов. Все это уже привело к определенным результатам при изучении этногенетических процессов как на юге, так и на севере Балканского полуострова, где, в частности на территории Фракии, преемственность последовательных археологических культур прослеживается с рубежа IV и III тысячелетия до н. э. (культура Эзера) вплоть до формирования соответствующего комплекса исторических фракийцев, освещенных уже письменными источниками, в том числе гомеровскими текстами. И здесь взаимодействие филологических и археологических исследований и, главное, независимое совпадение конечных результатов, позволяют углубить этногенетическое построение и отнести население рассматриваемой территории к раннему бронзовому веку — протофракийцам, а точнее — к протофрако-фригийскому этносу⁶.

Мы остановились на этногенетическом аспекте античной балканистики (особенно на наиболее ранних его проявлениях) как самом сложном, дискуссионном и требующем еще значительных усилий по выработке эффективной методики интердисциплинарных исследований. Но этим отнюдь не ограничивается ни проблематика античной балканистики, ни этногенетический ее аспект. Уже для I тысячелетия до н. э. в балканском регионе возможно фокусирование трех видов источников: анализа гомеровских текстов, данных топономастики и археологии, что позволяет ставить проблему создания этнической карты в диахроническом разрезе с аргументированным определением конкретных этносов: протофракийцев, исторических фракийцев, гето-даков, иллирийцев, кельтского этнического компонента и т. п., не говоря уже о греках. При этом необходимо учитывать всю сложность субстратно-адстратных взаимоотношений автохтонных элементов с пришлыми и с решающими влияниями смежных этнолингвистических групп. Здесь существенное значение приобретают

вопросы эллинизации и романизации, разрешение которых также постоянно требует археологических и филолого-исторических исследований. Наконец, особую проблему составляет славянизация Балканского полуострова. Ранние славянские топонимы и письменные свидетельства (Приск, Прокопий, Иордан) позволяют достаточно обоснованно говорить о распространении на Балканах славянского этнического элемента, начиная по меньшей мере с середины V в. н. э.⁷ Пока в разработке этой проблемы филология опережает археологию, дает направление ее исследованиям и ставит перед ней конкретные задачи, касающиеся углубления во времени и большей дифференциации этнических атрибуций археологических источников. В этой связи нам представляется необходимым стремление выйти за пределы традиционных гипотез и предвзятых построений, а в некоторых случаях — противостоять последним. Это требует как внимательного пересмотра уже имеющегося источниковедческого фонда, так и значительного притока новых фактов, исследуемых с использованием всех возможностей, которые дает междисциплинарный подход, необходимость и плодотворность которого мы стремились подчеркнуть в настоящей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обоснование термина «античная балканистика», ее место среди других отраслей гуманитарного знания см.: *Гиндин Л. А.* Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1973, № 1.
- ² *Кнабе Г. С.* Вопрос о соотношении археологических культур и этноса в современной зарубежной литературе — СА, 1959, № 3.
- ³ Там же, с. 245.
- ⁴ *Титов В. С.* К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова. — КСИА, 1970, вып. 123, с. 42.
- ⁵ См.: *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967; *Титов В. С.* Указ. соч.
- ⁶ См.: *Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Д. Г.* Езеро. Раннебронзового селище. София, 1979, с. 522—523; *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы. София, 1981, с. 188.
- ⁷ Из недавних работ см.: *Гиндин Л. А.* К хронологии и характеру славянизации Карпато-балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным), I. В кн.: *Формирование раннефеодальных славянских народностей.* М., 1981.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН

С. Б. Бернштейн

Формирование и ранняя история различных этнических групп со всеми их отличительными признаками (языковыми, культурными и антропологическими) — одна из труднейших проблем современной исторической науки. Исследователю приходится отвечать на вопросы, которые даже при редкой возможности непосредственного наблюдения сплошь и рядом не дают ясного и однозначного ответа. Трудности возрастают во много раз при изучении процессов этнообразования, происходивших в далеком прошлом. Отсюда проистекают глубокие разногласия не только между археологами и лингвистами, но и среди ученых одной специальности. Так, Б. А. Рыбаков тшинецко-комаровскую археологическую культуру (XV—XII вв. до н. э.) признает славянской, тогда как И. П. Русанова утверждает, что до VI—VII вв. н. э. ни одну из известных археологических культур нельзя с уверенностью причислять к славянским культурам. Она пишет: «Этим периодом (т. е. VI—VII вв. н. э. — С. Б.) датируются самые ранние достоверно славянские археологические памятники, и с этого времени можно говорить о последовательном развитии славянской материальной культуры вплоть до позднего средневековья»¹. Не менее глубокие разногласия существуют и среди тех лингвистов, которые интересуются не только реконструкцией отличительных особенностей праславянского языка, историческим его развитием, формированием его диалектов, но и процессами славянского этнообразования, вопросами прародины, контактами древних славян с родственными и неродственными племенами.

Разногласия между учеными объясняются многими причинами. Главное — отсутствие строгой методики и произвольность отбора фактов. Изучение литературы по славянскому этногенезу последних лет наглядно свидетельствует, что почти всегда отбору фактов предшествует

уже готовая схема. Приводятся в доказательство лишь те факты, которые подтверждают эту схему, и игнорируются те, которые ей противоречат. Сама система доказательств во многих случаях настолько произвольна, что реально считаться с ней не представляется возможным.

Авторы многих исследований по этногенезу (не только славянскому) не определяют своей позиции в важнейшем теоретическом вопросе — что они понимают под этногенезом вообще? Причисляя ту или иную археологическую культуру к славянскому этническому миру, археолог часто не отдает себе отчета в том, что он фактически решает *лингвистическую* проблему, так как принадлежность определенной культуры к славянской может значить только одно — носители этой культуры говорили по-славянски. Только на основе тождества технических приемов гончарного производства, изготовления орудий труда, оружия, типов жилища, характера захоронения трупов и т. д. решать проблемы этнообразования нельзя. Расхождения между культурными и языковыми признаками — обычное явление во все периоды человеческой истории. Тождество орнамента на керамических изделиях не всегда может служить доказательством этнического и языкового родства, так как сами возможности варьирования этих признаков весьма ограничены. Проблема типологических тождеств во весь рост стоит не только перед лингвистами, которые в последние 50 лет уделяют ей большое внимание, но и перед археологами. В этом отношении археологи отстают не только от лингвистов, но и от этнографов, которым уже удалось решить немало задач, имеющих непосредственное отношение к проблемам этнических универсалий.

Археологи обычно считают лингвистические данные при решении этногенеза второстепенными, не очень надежными, в какой-то степени случайными. Так, археолог В. В. Седов в монографии «Происхождение и ранняя история славян» утверждает, что «славянский языковой материал для истории праславянских племен дает очень немного. . . Неоднократно предпринимаемые попытки использовать для более конкретной локализации раннеславянского региона ботаническую и зоологическую терминологию оказались несостоятельными»². И здесь же в полном противоречии с собой автор пишет: «Поскольку эти термины (названия лосося и угря. — С. Б.) восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славян-

ский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т. е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море»³. Дело не в возможностях славянской ботанической и зоологической терминологии, а в уровне этимологического анализа, в учете новейших данных палеоботаники и палеозоологии. При использовании дендрологической терминологии в прошлом допускались грубые ошибки. Теперь в руках этимолога имеются надежные и проверенные данные.

Необходимо строже учитывать возможности влияния табу на историю древних названий растений и животных. Наличие *своего* древнего слова при решении вопросов прародины всегда надежнее, убедительнее, нежели его отсутствие. Славянские языки не содержат следов индоевропейского названия *медведя*, но хорошо сохраняют название волка. Славяне хорошо были знакомы с медведем и волком, но на название медведя был наложен строгий запрет, табу. Оно и не сохранилось. Таких примеров можно привести много.

Исследователь славянского этногенеза не ограничивается данными ботаники и зоологии. Значительно более надежные сведения можно извлечь из области орографической терминологии. Она содержит важные сведения для локализации древнейших славянских поселений. Пока специалисты по этногенезу совсем недостаточно привлекают этот ценнейший материал.

В итоге изучения древнейшей топонимики (главным образом гидронимики), семантического анализа праславянской лексики с особым вниманием к ее орографическому разряду, растительной и животной терминологии, на основе анализа заимствованной лексики праславянского периода лингвистам удалось убедительно осветить многие стороны жизни и быта праславян, определить в какой-то степени древнейшую территорию их поселений и более позднюю территорию в связи с миграционными процессами.

Общий вклад лингвистов в этногенетическую проблематику велик. Однако весь длительный период изучения этногенеза славян убедительно показал и очень слабые стороны лингвистических исследований. Праславянский лексический фонд, восстанавливаемый на основе изучения литературных славянских языков, диалектов, памятников письменности, славянских заимствований в неславянских языках, топонимики и антропонимики реально

в полном виде синхронно никогда не функционировал. Практически мы имеем дело со славянскими лексическими древностями, которые функционировали по-разному в течение нескольких тысячелетий. Мы знаем сравнительно хорошо терминологию славянского обычного права, но мы не можем эти термины распределить во временной плоскости. Этногенез славян — это проблема историческая, и решаться она может убедительно только на основе материала, хорошо проработанного в историческом плане. Стратификация праславянской лексики — первоочередная задача исследователей праславянского языка. Здесь большую помощь лингвистам могут оказать данные археологической науки.

В одном археологи имеют неоспоримое преимущество перед лингвистами. Они могут держать в руках предмет, точно изучить его форму, технику его изготовления, его функцию, изучить его в определенном культурном слое, характеризующемся целым набором реальных и точно установленных признаков, ясно представить себе территорию его распространения. Археологи лишь не знают, как назывался этот предмет, как обозначались процессы его изготовления, на каком языке говорили создатель и владелец этого предмета. Но без этого археологи не могут дать этнической характеристики изучаемой культуры. Многие из них не ограничиваются описанием культуры, но смело переходят границы своей науки и в той или иной степени пытаются решать вопросы языковой принадлежности носителей данной культуры. Славянская археология знает немало примеров подобного рода. Для археологов при решении вопросов этнической принадлежности культуры большую роль играют два фактора: территориальная преемственность и отсутствие резких смен археологической культуры на данной территории. Факторы эти, конечно, весьма существенны, но они могут служить серьезным основанием лишь при характеристике поздних культур (для славян — с начала нашей эры).

Этнографы всю этногенетическую проблематику пытаются решать на основе фактов славянского народного быта XIX—XX вв., сохранившихся пережиточно от более ранних эпох. Они не смогли выработать надежных критериев, на основе которых можно было бы сохранившиеся до нового времени пережитки древнего быта расположить в хронологической последовательности. Этнографы практически все свои данные проецируют на одну плос-

кость без строгого временного приурочения. Если явления материального быта, производства могут в какой-то степени корректироваться данными археологии, то факты духовной культуры повисают в воздухе. Специалисты по этнографии славян находят в представлениях славян о вселенной, в обрядах и верованиях многочисленные пережитки язычества. Все это механически переносится в праславянщину. Но ведь каждый из этих пережитков имел свою историю, свои истоки. Одни могут восходить своими корнями еще к дославянской истории, другие относятся к раннему праславянскому периоду, третьи могли возникнуть еще позже. Какие-то черты могли сформироваться в результате своеобразного симбиоза позднеязыческих и христианских представлений и, таким образом, неся в себе какие-то признаки язычества, фактически не являются пережитками язычества в целом. Языческий период в истории славян был значительно длительнее периода христианского. Языческие представления и все с ними связанное претерпевали сложные преобразования в результате как внутреннего развития, так и различного рода влияний. Исследователи духовной культуры славян смогут принять участие в решении проблемы этногенеза славян лишь в том случае, если они выработают надежные критерии стратификации своего материала.

Исследователи этногенеза славян обязаны учитывать данные палеоантропологии. К сожалению, возможности использования данных этой науки весьма ограничены, что объясняется обычаем трупосожжения у древних славян. Тем не менее и в данной области имеются уже ценные наблюдения.

В исследовании этногенеза славян возможности историков, специалистов по раннему средневековью Европы тоже ограничены. Дело в том, что сохранилось сравнительно мало древних текстов, содержащих сведения о славянах первого тысячелетия н. э.

Итак, ни одна из перечисленных наук не является полноправным хозяином проблемы этногенеза славян. Ни лингвист, ни археолог, ни этнограф самостоятельно проводить исследования в этой области не могут. Многолетний опыт убеждает, что добиться здесь ощутимых результатов можно лишь *совместными* усилиями лингвистов, археологов, антропологов, этнографов: самостоятельное обращение археологов к данным лингвистической науки или лингвистов к данным археологии положительных резуль-

татов не дает. Нужно искать новые формы подлинно коллективных исследований.

Организация и проведение этногенетических исследований требуют четкого и ясного разграничения таких областей науки, как глоттогенез, этногенез и этническая история.

Изучение индоевропейского праязыка, процессов его формирования, его связей с другими языками Старого Света, его распада на самостоятельные диалекты, ранняя история этих диалектов — вся эта проблематика подлежит ведению только лингвистов. На этом уровне устанавливать контакты с археологами бесперспективно. Таким образом, ранний период истории праславянского языка находится за пределами этногенеза славян. Его изучение следует начинать с III—II вв. до н. э.

Некоторые исследователи не делают различия между проблемами этногенеза и проблемами этнической истории. Вся этническую историю периода феодализма и даже нового времени они включают в общую проблему этногенеза. Такое толкование этногенетической проблематики особенно характерно для этнографов. Согласно этому взгляду данная проблематика включает в себя не только формирование праславян, но и формирование отдельных славянских народностей, а для некоторых авторов — даже формирование самостоятельных славянских наций. С подобным толкованием проблематики этногенеза славян согласиться нельзя. Изучение этногенеза славян имеет *общую* задачу, которая может решаться на разнородном материале (языковом, культурном, антропологическом). Изучение формирования болгарской, польской, русской и других славянских народностей в каждом случае имеет свой материал и свои самостоятельные задачи. Во многих случаях исследователю формирования болгарской народности важнее учитывать факты этнической истории неславянских народностей Балкан, нежели, скажем, польской народности.

Учитывая все сказанное, проблемы этногенеза славян нужно решать на фактах, идущих от начала нашей эры и до последних столетий I тысячелетия. Весь накопленный здесь опыт представителями разных наук говорит о необходимости применения в данном случае *ретроспективного* метода. Нужно начинать от конца I тысячелетия новой эры. Заранее определять нижнюю границу нет оснований. Она будет выявлена возможностями самого материала.

Проблемы этногенеза славян в настоящее время стоят в планах исследований многих научных учреждений разных стран. Было бы целесообразно не только установить самый тесный контакт между исследовательскими коллективами, но и в результате совместных усилий распределить задачи и поручения, чтобы избежать дублирования. На очереди созыв международной конференции по этногенезу славян.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 5.
- ² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 22.
- ³ Там же.

78-132

ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ

*

ФРАКИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕРМИН TARABOSTEIS

В. И. Абаев

Наши сведения об общественном строе древних фракийских племен очень скудны. Тем больший интерес вызывает любое свидетельство, которое несет хоть какую-то информацию о социальной организации фракийцев. Одним из таких свидетельств является термин «Tarabosteis» (варианты: Tarabosteisei, Thorabostes). Согласно историку Иордану (VI в.) со ссылкой на Диона Хризостома (I в.), так называлась у даков и гетов привилегированная каста, из которой вербовались правители и жрецы¹. Их отличительным внешним признаком был особый головной убор — греч. pilos, лат. pileus, поэтому они назывались по-гречески pilorhōgōi, по латыни — pileati. По свидетельству Петра Патриция, «Декебал (вождь даков) отправил к Траяну в качестве послов пилофоров, так как они у них (даков) пользуются наибольшим почетом»².

Выделение подобной привилегированной группы соответствует определенному этапу в развитии общества, когда в недрах родо-племенного строя начинается кастовое расслоение, определенные фамилии присваивают себе исключительное, переходящее по наследству право выполнять функции жрецов и военных вождей и общество приобретает ту «трифункциональную» структуру (жрецы — военные вожди — труженики), которую так красноречиво и убедительно описал в ряде работ проф. Ж. Дюмезиль. Если верно сообщение Диона Хризостома, что у фракийцев цари и жрецы происходили из касты Tarabosteis, то это указывает на ту более раннюю стадию формирования трифункционального общества, когда обязанности вождя и жреца могли выполняться одним и тем же лицом.

Коль скоро за термином «Tarabosteis» скрывается важная социальная категория, нас не могут не интересовать

его точное значение и происхождение. В статье «Thrasco-Scythica» мы пытались показать, что этот термин восходит к др.-иран. *tara-basta- и представляет собой сложное слово типа bahuvrihi со значением «носящий лобную (tara-) повязку (basta-)»³. Для первой части ср. осет. tær в tær-пух (синонимический повтор: пух также значит 'лоб')⁴, перс. tār, tārak 'макушка; темя'⁵, согд. tār-(t'r-) 'лоб'⁶, сак. ttāra- 'лоб'⁷. Для второй части ср. осет. bast 'связанный, повязанный'⁸, перс. basta 'завязанный, повязанный', 'повязка, узел'⁹, согд. βast-(βst-) 'связанный'¹⁰, сак. basta- 'то же'¹¹, авест. basta, др.-перс. basta- (причастие прошедшего времени от band-'вязать')¹².

Как видим, оба компонента восстанавливаемого *tara-basta- хорошо засвидетельствованы в иранском. Но насколько реально их сочетание в значении особого головного убора («лобная повязка»)? Точно такого сложного слова мы в памятниках не находим, но словообразовательная модель — самая обычная, ср. (с другим первым компонентом) осет. ron-bast 'пояс' из *gāna-basta- букв. 'набедренная повязка' (в первой части gāna- 'бедро')¹³. Например, у осетинского народного поэта Косты Хетагурова:

Маæ ronbast — waærdæx

«Мой пояс — скрученный прут»¹⁴.

По образованию и семантике ср. еще осет. sæg-bæddaen, перс. sarband, тадж. sarband, sarbandak 'женский головной платок' (в первой части sag 'голова', во второй — уже знакомый нам глагол band- 'вязать')¹⁵. Особо стоит отметить, что в персидском слово bast само уже может означать 'тюрбан, чалма'¹⁶.

Остается подкрепить нашу этимологию фракийского Tarabosteis со стороны реалий: есть ли указания, чтобы где-либо на иранской почве особый вид лобной или головной повязки служил отличительным признаком какой-либо привилегированной группы или касты?

В статье «Индо-иранские касты у скифов» Э. А. Грантовский отмечает, что особым головным убором выделялись у иранцев жрецы. На это указывает ряд свидетельств. В частности, «на золотых пластинках из Аму-Дарьинского клада, изображающих жрецов, всегда подчеркнут особый головной убор, часто в виде повязки, завязанной на лбу, с обязательно спускающимися с обеих

сторон головы концами повязки, уходящими иногда далеко вниз»¹⁷. Это описание как нельзя лучше подходит к значению восстанавливаемого нами иранского **taṛa-basta-* 'лобная повязка'.

Сходное описание дает Валерий Флакк в «*Argonautica*» головному убору «киммерийского» вождя Авха:

triplici percurrens tempora nodo

demittit sacro geminas a vertice vittas

«Обвивая виски тройным узлом,

Спускается со священной головы двумя лентами»¹⁸.

Э. А. Грантовский приводит также одно место из сказа Лукиана о скифе Токсарисе, согласно которому у скифов «пилофоры» («тюрганосцы») противопоставляются простым людям.

В позднеантичных изображениях бог Митра выделяется среди других богов особым головным убором. И такой же убор носил главный жрец этого бога¹⁹.

В свете всего сказанного фракийское *Tarabosteis* как социальный термин получает определенное значение. Античность застаёт фракийцев и скифов примерно на одном уровне социального развития. У тех и других начинается формироваться трифункциональная (со временем — трехкастовая) структура с выделением привилегированной (обычно фамильной) группы жрецов и военных вождей. В этих условиях мог особенно легко происходить обмен терминами, относящимися к общественному строю. Фракийское *Tarabosteis* из иранского **Tara-basta-* 'Носящие лобную повязку' — один из примеров такого обмена²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 489—490.
- ² *Schrader O., Nehring A.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, II. В.—Leipzig, 1917—1923, S. 624 (s. v. «Kopfbedeckung»).
- ³ *Абаев В. И.* Thraco-Scythica. — В кн.: Езиковедски проучвания в чест на акад. В. И. Георгиев. София, 1980, с. 108—109.
- ⁴ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III. М., 1979, с. 270—271.
- ⁵ Персидско-русский словарь, т. I. Под ред. Ю. Рубинчика. М., 1970, с. 343.
- ⁶ *Benveniste E.* Textes sogdiens. P., 1940, p. 273.
- ⁷ *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979, p. 125—126.
- ⁸ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, с. 239.

- ⁹ Персидско-русский словарь, т. I, с. 208.
- ¹⁰ Henning W. Ein manichäisches Bett- und Beichtbuch. — Acta Iranica, 1977, v. 14, p. 467 (485).
- ¹¹ Bailey H. W. Op. cit., p. 274.
- ¹² Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стб. 952.
- ¹³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II. М., 1973, с. 420.
- ¹⁴ Коста. Собр. соч. М., 1939, с. 52.
- ¹⁵ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III, с. 79.
- ¹⁶ Персидско-русский словарь, т. I, с. 207.
- ¹⁷ Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 6 (со ссылкой на: Dalton M. O. The treasury of the Oxus. L., 1905, N 48, 49, 51—57, 61—62, 68—70, p. 94—97, pl. XIII, XIV).
- ¹⁸ Valerius Flaccus. Argonautica VI, 63—64.
- ¹⁹ Börner E. Deus pileatus. — Acta Iranica, 1978, v. 17, p. 115—122.
- ²⁰ Во фракийском ожидали бы Tarabasteis. Но, видимо, колебание в огласовке *a/o* имело место во фракийских диалектах. Ср. *Σпарτοκος* рядом со *Σпартакος*, Spartacus (Detschew, S. 473—474).

ОБЩЕЛУВИЙСКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ТИП (Вопросы реконструкции)

Л. С. Баюн

Общеанатолийский глагол, как это можно заключить на основании данных исторически засвидетельствованных языков, характеризовался наличием грамматических категорий лица, числа, времени, наклонения и залога, получивших более или менее регулярное формальное выражение в словоизменительной системе. Исследования показали, что для анатолийского глагола было релевантным противопоставление двух серий глагольных форм (соответствующих хеттским спряжениям на *-mi* и *-hi*), которые оказалось возможным соотнести с греческо-армяно-индоиранскими длительными и аористическими корнями¹. Однако некоторые явления глагольной парадигматики лувийской подгруппы анатолийских языков ставят под сомнение возможность проецировать хеттский глагольный тип на все периоды анатолийской диалектной общности. Основная проблема возникает при анализе глагольного словоизменения в милийском диалекте дикийского

языка, сохранившем ряд архаизмов на различных уровнях, что нельзя не учитывать при внутренней реконструкции.

«Милийская проблема» сводится к следующему. Отношения в системе милийского глагола в целом основаны на тех же оппозициях, что и в хеттском. Так, в частности, категория времени строится на противопоставлении граммем презенса и претерита. Однако анализ распределения милийских презентных и претеритных форм выявил интересную закономерность, не находящую аналогий в хеттском: у определенной группы милийских глаголов презент образуется от редуцированной, а претерит — только от нередуцированной основы. Учитывая ограниченный объем милийского материала (на этом диалекте сохранилось всего два текста, или около 500 словоформ) и специфику поэтического жанра (оба текста метрические), естественно поставить вопрос о том, не объясняется ли отмеченный факт условиями стихотворного размера либо тем, что редуцированные формы претерита до нас просто не дошли. В исследованиях по милийскому языку до недавнего времени в неявной форме присутствовала точка зрения, согласно которой отсутствие редуцированных форм претерита в милийском является случайным. Милийская глагольная редупликация описывалась как средство образования итеративов-интенсивов либо итеративов-дуративов², иными словами, она была а priori отнесена к хеттскому типу³. Между тем анализ материала показал, что милийские факты, выступающие как стройная, логически взаимозависимая система, совершенно не укладываются в хеттские рамки; более того, они в определенном смысле меняют традиционные представления относительно не только милийского, но и общепанатоллийского глагольного словоизменения.

Обратимся к милийскому материалу и рассмотрим в первую очередь, как соотносятся между собой по значению формы с редупликацией и без нее в тех немногочисленных случаях, когда обе эти формы засвидетельствованы у одного и того же глагола:

TL 44 с 61—62: *kudi pubrati pere medije tike xuzrĩtasi [si] xrbblatã trqqĩtasi* 'когда осквернит... кто-либо алтарь *x* (адъектив) тархунтов'.

TL 44 а 51—52: *ãka herikle se haxlaza pabrati kbide hri xĩtawatahi ese tabãna terĩ ijãnã* 'подобно Гераклу и Ахиллу, гонит Кавн царский к Т. (топоним?) ионийское войско'.

TL 44 с 51—52: *se de kerī trisu qñnāthīsu prete laxadi zḡtēni* 'и вот в К. трижды двенадцать (раз) он гнал боем врага'.

Можно предположить, что в первых двух примерах удвоенные презенсы *pubrati*, *rabrati* передают интенсивное/многократное действие, однако в третьем примере действие в гораздо большей степени обладает этими же характеристиками (что подчеркивается выражением «трижды двенадцать (раз)»), тем не менее глагол не содержит редупликации. Здесь может возникнуть предположение, что милыйский, подобно хеттскому, где удвоенные глагольные формы не употребляются с количественными наречиями, стремится к устранению избыточности⁴. Этому допущению противоречат примеры типа мил. TL 44 с 34—36: *trqqiz-kke-pe mede zppli xixbati qetbeleimis* 'и богов *q*. (определение, вин. п. мн. ч.) м. семь раз окропляет'. Можно видеть, что в милыйском редуплицированная глагольная форма свободно сочетается с обозначением количества, поэтому предположение об избыточности редупликации в *prete* оказывается несостоятельным.

В контексте TL 44 с 34—36, на который мы ссылались выше, удвоенный презенс *xixbati*, несомненно, передает многократное действие, но в других предложениях такое же многократное действие выражается посредством неудвоенного претерита, например в TL 44 с 63—65: *wixsabala-ba... xhade... trqqiz tḡisu seriḡe kabura sebe masa* 'а Виксабала... окропил... божество дважды, а также *k*. и *m*.' (оба раза — вин. п.).

Другие милыйские презенсы с редупликацией, претеритные формы которых до нас не дошли, могут быть интерпретированы как примеры экспрессивного (по А. Мейе — «усилительного») удвоения:

TL 44 d 33—34: *nike dezi : mutala : apñ tadi : tetbeti : laβra :*) 'и сильный м. (nomen agentis) посредством *a*. да не разобьет/повредит стелу!' Вероятно, в этом случае презенс выступает в функции прохибитива с интенсивным удвоением. Аналогичное значение присутствует, судя по всему, и в контексте TL 55, 7: *neki relesi : kixrāti ziwālā* 'да не разобьют аралово божество!'⁵. В TL 44 с 32—34 два действия с одним и тем же видовым оттенком передаются в одном случае посредством нередуплицированного, а в другом — редуплицированного презенса: *sebe : pasbā natri : slati : xusttedi : sebe xñtabu sebe fite laβra : trujeli :*

zazati : nbb :) 'и войско *n.* (nomen agentis) благословляет и руководство и на стеле по-милийски высекает следующее'.

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что милийская глагольная редупликация, в очень малой степени связанная с характеристикой действия, выполняет определенную грамматическую функцию, формируя презентные основы у некоторого ограниченного класса глаголов. Пытаясь проследить, как соотносятся между собой милийские глаголы с редулицированным презентом и родственные им индоевропейские глагольные формы, мы обнаружили, что все милийские глаголы, противопоставляющие редулицированный презент нередулицированному претериту, восходят к индоевропейской второй серии глагольных окончаний. При этом они связываются либо непосредственно с хеттскими глаголами на *-ḫi* (мил. *nēnije-* 'вести' : хет. *nai/ne-*; мил. *zaza-* 'бить, высекать на камне' : хет. *šai-* 'сеять; вдавливать, отпечатывать' и др.), либо с глаголами других индоевропейских языков, принадлежность которых ко второй серии очень вероятна (мил. *titbe-*, *tetbe-* 'повреждать, наносить ущерб; разбивать' : и.-е. **dhebh-*, **dhebh-eu-*, др.-инд. *dabhnōti* < **dhebh-n-eu-ti* 'вредить; причинять боль, ранить; обманывать', греч. *ἀτέμνω* 'повреждать'; о принадлежности ко второй серии свидетельствует структура греческо-индоиранской презентной основы, образованной с помощью носового аффикса). Таким образом, в милийском мы наблюдаем явление, параллельное тому, что имеет место в языках аугментного ареала — греческом, индоиранском, где аористические глаголы могут присоединять первичные окончания только к редулицированной основе, тогда как аорист образуется от основы без редупликации. Параллелизм между милийским и греческо-индоиранским распространяется также на структуру основ некоторых архаичных глаголов второй серии, которые в древнейших формах презенса имеют нередулицированную основу:

1. Мил. *da-* 'давать' ⁶ < и.-е. **doH₂-*, мил. 3 л. мн. ч. императива *dutu* < **doH-ntu*. В качестве исходной формы для прамилийского восстанавливается нередулицированная атематическая основа второй серии. Аналогичную структуру имеет и.-е. **doH₂-* в наиболее древних ведических текстах, ср. вед. *dāti* ⁷.

2. Мил. *ta-*, *ddi-*, лик. А *ta-*, *tti-* 'ставить, помещать' < и.-е. **dheH-*. В парадигме глагола *ta-* редулицированных

форм нет (ср. вед. *dhā-ti*⁸ при более позднем *dadhāti*). Редуцированная основа отмечена у мидийского причастия *tidñta* < **dhēdh°nt-*, которое выступает в контексте, где говорится о приношении даров (TL 55, 4): *rija-nuwa... tidñta : xbade* '(когда) дары (были) положены, он (их) окропил'. Вероятно, удвоенная основа передает здесь многократно-результативное действие, подобно хет. *tittijant-*⁹. И.-е. **dheH-* отражается в мидийском как передудуплицированный атематический глагол второй серии. Заслуживает внимания в ликийском А сигматическая основа *tas-* 'помещать', 3 л. мн. ч. наст. вр. *tasñti* с индоевропейским показателем форм второй серии **-s-*.

Закономерно встает вопрос: какое место занимает мидийская модель противопоставления двух классов глаголов в общелувийской и праанатолийской глагольной парадигматике, ограничено ли оно только мидийским ареалом или имело более широкое распространение как территориально, так и хронологически? Для ответа на этот вопрос оказалось необходимым привлечь данные лувийских языков как более древних (лувийского клинописного и иероглифического), так и позднего современника мидийского — ликийского А.

Лувийский клинописный

Редуцированные глагольные основы появляются только в презенте и императиве; в претерите они не зафиксированы¹⁰. В некоторых презентных формах редупликация имеет, вероятно, экспрессивный характер, связанный с интенсивностью, многократностью и т. п. передаваемого действия.

В то же время есть случаи, в которых презентная редупликация едва ли может рассматриваться как экспрессивная, ср. KUB IX 31 Vs II 30—32 : *30 u-ra-az 4UTU-az ta-ti-in-zi DINGIR^{MEŠ}-in-zi 31 DĒ-A-aš-ḫa pâr-na-an-za-ta ku-wa-at-ti an-da ḫu-u-i-na-i ma-an 32 la-la-an-ti* 'великий бог Солнца, боги-отцы, в дома бога ЭА если он побежит, то его возьмут'.

В то же время ряд примеров свидетельствует о факультативности использования лувийской удвоенной основы при передаче интенсивно-многократного действия (KUB IX 6 + XXXV 39 Vs II 13—14; XXXV 43 Vs II 9—10 и др.).

Отсутствие в лувийском редуцированных претеритных форм (независимо от степени «экспрессивности»

действия) едва ли можно считать случайным (ср. ниже лувийский иероглифический), хотя крайняя малочисленность надежных примеров не позволяет утверждать, что противопоставление редулицированного презенса нередулицированному претериту было релевантным у некоторого класса глаголов в письменный период лувийского языка. Однако тот факт, что все лувийские редулицированные глагольные основы соотносятся со старыми глаголами второй серии (лув. *elēhai*- 'мыть, смывать': хет. *laḥu(wa)ḥi*-; лув. *ṣamṣana*- 'говорить': хет. *ṣemai*-; лув. *ṣarṣar-kuwai*- 'очищать': хет. *ṣarḫuwai*-; лув. *ṣiṣṣa*- 'давать': хет. *ṣe-/ṣai*-; лув. *tatarḫ*- 'ломать, разбивать': хет. *tarḫ*- 'побеждать' (mi-спряжение, но, судя по наличию ларингального элемента, видимо, старый глагол на *-ḫi*), лув. *wiwiḫa*- 'вести': хет. *uda*-), позволяет отметить определенный параллелизм глагольной парадигматики мидийского и клинописного лувийского языков.

Лувийский иероглифический

В этом языке отсутствуют какие-либо ограничения, налагаемые на структуру основы. Как в презенсе и императиве, так и в претерите широко употребляются редулицированные глагольные формы. В ряде случаев редуликация вызвана необходимостью передать хабитативное, многократное, интенсивное действие, но в этих же условиях могут встретиться и нередулицированные формы:

18 (Kululu I), fr. 6: ${}^kwa-n^k$, ${}^{USA}u-sa-n^k$ ${}^{USA}u-sa-en$ I : U wa-wa-ti-i III : HAWA₁ ha-wa-ti^k sa-s¹-r-la-wa 'и для него (букв. 'его') год за годом одного быка и трех овец буду приносить в жертву'.

28 (Sekke), fr. 7: wa-ma-za CCC CCC : TA-i-za pi-ta 'и дал им 600 (?) лошадей'.

В целом лувийский иероглифический материал свидетельствует о следующем: а) в нем отсутствует грамматическое противопоставление редулицированных и нередулицированных глагольных основ; б) в качестве тенденции можно отметить предпочтительное использование редулицированных основ, если действие характеризуется как интенсивное, многократное, хабитативное (кроме количественных характеристик — здесь чаще используются нередулицированные основы); в) так как

в перечисленных в п. «б» случаях возможны и глаголы без редупликации, надо полагать, что в лув. иер. ее употребление было относительно факультативным.

Ликийский А

В ликийском А редупликация засвидетельствована только в презенсе и императиве, в претерите она отсутствует. Некоторые презенсы в ликийском А с удвоенной основой передают интенсивное, многократное, длительное и т. п. действие.

Однако нельзя утверждать, что глагольная редупликация в ликийском А аналогична хеттской, так как, с одной стороны, удвоенный презенс используется и при выражении однократного, нейтрального с точки зрения экспрессивности действия, а с другой стороны, многократное действие передается с помощью неудвоенного претерита, например: TL 149, 4—5: *mei ne ŋta wātā pibijeti : tere ebehe* 'и ему передаст эту гробницу на участке'; TR 12—15: *se deliñtātē : teteri : sejepewētlm- mēi : hrñmada : tta- raħa : me xbaitē : z- ā : ese xesñtedi qñtati : se pigrēi* 'и предоставили (постановили?) город и перизки освобожденные от налогов для городских h., и чтобы они орошали землю, которую обрабатывают Кесентеди и Пигрени'.

Глагольная редупликация в ликийском А едва ли отражает какую-то грамматическую оппозицию, так как ни регулярного соотношения между удвоенным презенсом и старыми глаголами второй серии, ни какого-либо иного обнаружить не удастся¹¹. В некоторых случаях очевиден экспрессивный характер редуплицированных презентных форм. С другой стороны, очень важно подчеркнуть абсолютное отсутствие редупликации в претерите даже в тех случаях, где интенсивно-многократный характер действия не подлежит сомнению¹².

Анализ глагольной редупликации в лувийских языках показывает, что круг значений ее обширен и не всегда легко определим. В него входят как аспектуальные значения (интенсивное, итеративное, дистрибутивное и др.), так и временные (связь с системой презенса); в отдельных случаях значения пересекаются. С точки зрения места редупликации в глагольной парадигматике хетто-лувийские языки можно расположить в определенной последовательности, на одном полюсе которой окажется хеттский язык с чисто видовой редупликацией (а также, возможно, и лувийский иероглифический), а на другом — милий-

ский, где редупликация используется для передачи временных противопоставлений, маркируя определенную часть глагольных основ. Промежуточное положение занимают лувийский клинописный и ликийский А, в которых, несмотря на довольно широкое использование экспрессивной редупликации, существуют ограничения на сочетаемость редулицированных основ с граммемой претерита, что приближает эти языки к мильскому типу.

Отсутствие временной (=морфологической) редупликации в северных и восточных анатолийских языках (хеттский и лувийский иероглифический) говорит о том, что она развивалась не в общеанатолийском, но лишь в части лувийских диалектов, расположенных на юго-западе анатолийского ареала. Последнее определенно указывает на то, что юго-западная лувийская модель редулицированного презенса является результатом развития, параллельного тому, что имело место в греческом ареале, и проходившего в условиях диалектного контакта, который некогда существовал в этом регионе. Образование данной изоглоссы, объединяющей часть лувийской диалектной области с греческим языком, относится к достаточно раннему периоду, предшествовавшему созданию лувийских клинописных памятников. Для этого периода (хронологически соотносимого, вероятно, с рубежом III—II тыс. до н. э.) можно допустить существование хеттского и палайского языков в местах, близких к исторически засвидетельствованным¹³, нескольким лувийским диалектам в Центральной и Юго-Западной Анатолии и одного или нескольких восточнолувийских диалектов, сохранивших ряд грамматических особенностей, свойственных обеим группам.

В период, последовавший за распадом хетто-лувийской диалектной общности, глагольное словоизменение хетто-лувийских языков строилось по одной из двух моделей. В основе первой модели («хеттской») лежало противопоставление двух типов спряжений; во второй модели («западнолувийской») было релевантным противопоставление длительных и аористических корней. Согласно исследованиям последних лет, обе эти модели продолжают индоевропейские, при этом вторая, известная в языках аугментного ареала (греческом, индоиранском, отчасти в армянском) и западнолувийском, является хронологически более поздней и восходит ко времени, непосред-

ственно предшествующему отделению греческого и индоиранского.

Рассмотренное в настоящей статье явление еще раз заставляет задуматься над тем, не является ли условностью понятие «общехетто-лувийский» уже для III тыс. до н. э. Характеристика взаимодействия двух хетто-лувийских моделей глагольного словоизменения могла бы принять более конкретный вид, если бы западнолувийский тип был исследован в сопоставлении с греческо-индоарийским на разных стадиях их эволюции. В полном объеме, однако, задача пока еще остается нерешенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Иванов В. В.* О методах изучения истории индоевропейского языка и его диалектов. — В кн.: Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языка. М., 1960.
- ² *Neumann G.* Lykisch, § 28. — In: *Handbuch der Orientalistik*, Bd 2. Leiden—Köln, 1969.
- ³ *Pedersen H.* Lykisch und Hittitisch. København, 1945, S. 28. О хеттском см.: *Brock N. van.* Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen. — *RHA*, 1964, v. 75, p. 119—165. Что касается вопроса о возможном метрическом характере милийской презентной редупликации, то едва ли он заслуживает серьезного рассмотрения: в милийском были другие, более простые способы сохранить необходимое для размера количество слогов (в частности, редукция либо восстановление безударного гласного).
- ⁴ Относительно хеттского см.: *Brock N. van.* Op. cit., p. 155.
- ⁵ Мил. nekī из ni+eki/eke, ср. лув. запретительное ni-s 'да не...', и.-е. *nē. Мил. адъектив relesi *erele/arala 'относящийся к ага-' можно связать с лид. аага- 'двор', тогда (e)relesi ziwala будет означать 'божество двора'.
- ⁶ В других лувийских языках родственный ему глагол имеет значение 'брат': лув. la-, lala-, пер. ta-, но ср. лид. dav 'дано'.
- ⁷ *Елизаренкова Т. Я.* Аорист в Ригведе. М., 1960, с. 71.
- ⁸ *Renou L.* Grammaire de la langue védique. Lyon, 1952, § 311; *Елизаренкова Т. Я.* Указ. соч., с. 71.
- ⁹ Ср. хет. URU DIDLI.ЦІ.А GAL.GAL TIM tittijanteš ešir 'большие города (вновь и вновь) основаны были' (*Brock N. van.* Op. cit., p. 142 ss.).
- ¹⁰ Единственное исключение — лув. lalatta 'он взял' в KUB XXXV 42 7, однако в дубликате XXXV 43 Vs II 16—18 дважды употреблена нередулицированная форма latta.
- ¹¹ В частности, целый ряд глаголов в ликийском А, восходящих к анатолийскому спряжению на -ḫi (лик. А ha- 'бить, забивать': хет. ša(i)- 'впечатывать' и др.), не имеет редупликации в презенте.
- ¹² Фактический материал по анатолийской глагольной редупликации см.: *Баюн Л. С.* Некоторые вопросы реконструкции обще-

анатолийского глагольного строя. — В кн.: Древняя Малая Азия. М., 1982.

¹³ Иванов В. В. Анатолийские языки. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980.

АРХАИЗАЦИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭТНОНИМИИ

М. В. Бибиков

Оживленные современные дискуссии об античном континуитете в византийской культуре самым непосредственным образом связаны и с проблемой языка византийской литературы, ее терминологией. Новые исследования, посвященные сопоставлению византийских текстов одних и тех же сочинений, написанных как на чистом литературном языке, так и в виде «народноязычных» парафраз¹, показывают, что мы имеем дело не столько с разными языковыми уровнями (как понималась византийская диглоссия), сколько с различными стилистическими способами выражения. Архаизация стиля и живая речь средневековых греков оказываются взаимопроникающими формами языка. С этих позиций интересно проанализировать византийскую терминологию, прежде всего этническую. Мы ограничиваемся пока византийскими авторами XI—XIII вв.

С проблемами толкования византийских этнонимов сталкиваются кавказоведы, привлекающие сведения византийских землеописаний, географических комментариев и трактатов для изучения этногенеза некоторых северокавказских народов. Так, рассматриваются «киммерийцы», «скифы», «меоты», «синды», «керкеты», «зихи», «исседоны», «меланхлены», «агафирсы», «гунны», «хазары» византийских источников — вплоть до XIII в.! — принимаемые в качестве предков современных народностей Северного Кавказа². Но очевидна архаичность этнической терминологии данных источников. Здесь встает проблема определения античного субстрата византийских этногеографических представлений, выявления при его анализе а) реальных, «живых» наименований кавказских народов, б) актуализированных традиционных этнонимов, в) «нулевых» этниконов (т. е. не имеющих определенного этни-

ческого содержания терминов). В подобных случаях уже не только не достаточно сопоставления генеральной совокупности противоречивых свидетельств источников одного хронологического среза, но необходимо выявление литературной традиции функционирования рассматриваемых данных.

Текстологические же ситуации, необъяснимые с позиции подобной методики подбора аналогий, заставляли при толковании византийской этнонимии прибегать к эмендации анализируемого средневекового текста. Например, непонятное на первый взгляд сообщение Иоанна Цеца о колхах как «индийских скифах» (Ἰνδικοὶ Σκίθαι) разъяснялось с помощью конъектуры «синдские скифы» (Συνδικοὶ Σκίθαι)³. Необоснованность ее, однако, становится ясной при выявлении источника данного свидетельства⁴.

Итак, практика византийских этнонимических исследований показывает необходимость комплексной методики изучения этнонимии византийских письменных памятников. Разрабатываемая методика направлена на раскрытие семантической сферы этнических (и связанных с этносами государственных и территориальных) наименований и попытку определения закономерностей их функционирования⁵.

А р х а и з а ц и я — наиболее характерная черта византийской этнонимии. Реальные, современные для анализируемых памятников этнические термины — раритет. Например, «русские», «Русь» (в различных вариантах) с и с т е м а т и ч е с к и употребительны только в актах и легендах печатей: других наименований для Руси эти два типа источников практически не знают⁶. Совсем иная картина — в нарративных сочинениях: самоназвания народов или актуальная терминология скорее исключение, чем правило. Три раза «Русь» встречается у Никиты Хониата⁷; однажды лишь говорится о «Русской земле» в «исторических стихотворениях» Феодора Продрома⁸; еще несколько случаев использования этого термина — в эниграммах⁹, поэмах¹⁰, письмах¹¹. В целом во всех нарративных источниках XII—первой половины XIII в. встречается едва ли больше десятка употреблений этника «Русь». Основная же масса этнонимов — архаические наименования, утратившие свой настоящий этнический смысл: население Руси обозначается терминами «скифы»¹², «тавры»¹³, «тавроскифы»¹⁴, «киммерийцы»¹⁵,

«гипербореи»¹⁶. Архаизация употребляемой терминологии — элемент системы словоупотребления византийских авторов¹⁷. Таковы результаты анализа и византийской этнонимии Адриатического побережья и Малой Азии¹⁸. В целом же, как известно, турки-сельджуки в текстах XII—XIII вв. оказываются «персами», венгры называются не только «уграми», но чаще «пеонцами», «гепидами», «гуннами», «мисийцами», «скифами», «паннонцами» и др., жители Адриатического побережья — «трибаллами», «далматами», «иллирийцами», «сербами», «даками», а население Подунавья — «гетами», «даками», «скифами», «влахами» и т. д.¹⁹

Этническое содержание рассматриваемых названий редко соответствует принятому этнониму. Так, для населения Северного Кавказа из более чем 150 обследованных случаев употребления этнонимов византийских памятников XII—первой половины XIII в. почти 120 (80%) не обозначают соответствующей этнической общности, но являются лишь условными знаками, «зашифрованным» обозначением народностей²⁰. Во многих случаях не устанавливается единственная корреляция между этниконом и этносом: один термин имеет расширительное значение, распространяясь одновременно на несколько народностей²¹. Или, наоборот, для целого ряда наименований находится лишь один и тот же реальный этнический коррелят²². Если обратиться к цифровым показателям по отдельным византийским авторам изучаемого периода, то получим следующие результаты: архаические термины составляют 71% этнонимов — у Никифора Вриенния, примерно 61% — у Кекавмена, 79% — у Никиты Хониата.

Следует отметить и другую особенность византийских наименований народов: риторическому стилю повествования присуща замена этнонимов описательными выражениями; например, «северный» может обозначать русских²³, «западные» племена — тюркских кочевников, болгар, влахов²⁴, «миксоварвары» — нижнедунайское население²⁵, употребителен общий термин «кавказцы»²⁶ и т. п.

Таким образом, в употреблении этнических названий византийскими авторами, с одной стороны, наблюдается тенденциозный отказ от самоназваний современных народностей, точных этниконов, с другой — тяготение к архаической терминологии, к описанию вместо этнонима.

Оценивая такое явление, К. Дитерих назвал его «литературным атавизмом»²⁷. Казалось бы, действительно отношение особенностей византийского словоупотребления на счет литературной традиции — наиболее, пожалуй, простое, а потому и распространенное объяснение²⁸. Однако только констатация самого факта существования такой традиции еще не объясняет причин ее поддержания и системной жесткости для наших случаев. Поэтому для понимания поставленной проблемы целесообразно обратиться к категории этикетности средневекового мировосприятия²⁹.

Применительно к этнонимике это оборачивается созданием сетки этнических представлений, основанных на авторитете античных свидетельств и составивших систему, элементы которой, этнонимы, непосредственно или в определенных ипостасях наложены на карту современного византийцу мира. Соответственно на название народа, обитающего в той или иной области, переносится этнокон античного племени, обитавшего здесь. Это — принципиальная модель рассматриваемого явления; определение же генетической стороны должно решаться в каждом случае конкретно. Так же конкретно определяется и данный «вид» этикета, выясняется причина его утверждения, закрепления традицией. В дальнейшем необходим более детальный анализ форм отмеченной «этикетности» в отношении этнических названий. Например, отказ от употребления самоназваний можно объяснить, используя принятое в литературоведении понятие «чужое слово» (или «чужая речь») ³⁰. Применяя этнический термин современного чужого языка, византийский автор отдаляется, отчуждается от объекта, лежащего в сфере традиционного мировосприятия (в данном случае — системы этнических представлений). И происходит противопоставление авторской речи как вышедшей из рамок общепринятой, «этикетной» системы и «нормальной» литературной речи подразумеваемого читателя. Достижение такого эффекта в условиях разноречия словесной ткани произведения — особая художественная задача; обычное же, «нормальное» повествование не разрывает связей элементов системы. Отсюда — традиционность набора терминов, в данном случае этнических.

Такое стремление византийцев ко все большему включению этниконов в «свою» систему словесного выражения прослеживается на фактах этимологического толкования

и смысловых отождествлений этнонимов в анализируемых источниках. Например, имя «тавры» воспринимается Евстафием Солунским как омонимичное названию животного — «бык»³¹, а в «Катомиомахии» наблюдается игра слов: *πουτικῆ* — «мышь» и «понтійцы»³². Характерный пренебрежительный оттенок подобных этнических отождествлений прослеживается и в этимологических заметках; например, «скифы» производятся от *σχιζοειδαι* 'сердиться', 'гневаться'³³. Так этнический термин дополняется особой этической нагрузкой.

Все сказанное относится преимущественно к плану выражения объекта исследования. В изучении плана содержания византийской этнической терминологии в последние десятилетия сделаны важные выводы. Например, на материале анализа этнонимике Анны Комниной было показано, что средневековые наименования не являются категорией, обозначающей только этническую принадлежность, но содержат в себе общее, закрепленное традицией представление о месте поселения, образе жизни, деятельности, быте, правах народа³⁴.

Итак, 1) современные нашим авторам этнические термины и самоназвания народов встречаются систематически только в двух типах рассматриваемых источников, а именно в актах и легендах печатей, т. е. в памятниках официального характера. В нарративных источниках они крайне редки; 2) основу этнонимике византийских повествовательных сочинений составляют архаические античные имена, употребление которых закреплено традицией на основе выработанных этикетных норм словоупотребления; 3) самоназвания представляются «чужим словом» в текстах; 4) наименования народов в византийских памятниках не являются этнонимами в строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик.

Таким образом, при анализе византийских этнических терминов в качестве исторических источников необходимо обращать внимание на их десигнативное значение, не ограничиваясь денотативным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Hunger H.* Stilstufen in der byzantinischen Geschichtsschreibung des 12. Jhs.: Anna Komnene und Michael Glykas. — *Byzantine Studies/Etudes byzantines*, 1978, v. 5, S. 139—170; *Idem.* Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias XI—XIII. Ein Beitrag

- zur Erschliessung der byzantinischen Umgangssprache. Wien, 1981; *Dielen J.-L. van.* Bemerkungen zur Sprache der sogenannten vulgargriechischen Niketasparaphrase. — *Byzantinische Forschungen*, 1979, Bd 6, S. 37—77.
- ² Народы Кавказа, т. 1. М., 1960, с. 63 и след.; ср.: *Гаглойти Ю.* Этногенез осетин по данным письменных источников. — В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с. 74 и след.; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 40 и след.
- ³ Цец. Комм. Лик, 174 (систему принятых сокращений византийских источников см.: *Бибиков Н. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980, с. 146—151). О конъектуре см.: *Каухчишвили С. Г.* О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов. — В кн.: Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья». Тезисы докладов. Тбилиси, 1975.
- ⁴ Ср.: Цец. Ист. VIII, 760 и след.
- ⁵ О возможностях сочетания методик различных смежных дисциплин для определения тематической и мотивационной семантики этнонимов ср.: *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 6.
- ⁶ Акт. Ис. 35.32; Акт. Росс. 6.28, 48, 51, 79—80, 93; 7.26, 44, 170, 177, 188, 194; Герм.; Нил Докс. 1105.
- ⁷ Н. Хон. Ист. 92.49; 129.29; 522.28.
- ⁸ Ф. Пр. И. ст. LIX.189.
- ⁹ Код. Вен. 153₂.3.
- ¹⁰ Цец. Ист. XII. 898; Цец. Теог. 26.
- ¹¹ Г. Торн. рит. Пис. 425.21; М. Хон. II.356.16; Г. Торн. м-т. 215.12.
- ¹² Н. Хон. Ист. 129.30.
- ¹³ Цец. Пис. 119.5—6; Цец. Ист. XI.872—876; Цец. Комм. Лик. 1374; Евст. Сол. Взят. 58.25.
- ¹⁴ Н. Хон. Ист. 312.2; 333.54; 347.39; 348.63; 523.43; 532.17; М. Хон. II.144.22; М. Сол. 142.10, 13; Кишп. 115.16.
- ¹⁵ Ф. Пр. Речи. 531.7.
- ¹⁶ Н. Мес. Диал. 24.34; М. Хон. II.4, 5; ср. Ман. Сар. 269.20.
- ¹⁷ *Литаверн Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 198—217.
- ¹⁸ *Радојчић Н.* Како су назвале Србе и Хрвати византијски историци XI и XII в. Јован Скилица, Никифор Вриеније и Јован Зонара. — *Годишник српск. НД*, књ. 2, 1926, с. 1—13; *Christides V.* The Names "Αραβες, Σαρακηνοί etc. and their false Byzantine etymologies. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1972, Bd 65, S. 330—333.
- ¹⁹ См. соответствующие разделы в сводах: *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*, Bd 2. В., 1958; *Византијски извори за историја народа Југославије*, т. 4. Београд, 1971.
- ²⁰ *Бибиков М. В.* Народы и государства Кавказа и Средней Азии в византийской литературе XII—первой половины XIII в. — В кн.: Институт востоковедения АН СССР. Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников (Экономика, история). М., 1976, с. 168—169.
- ²¹ М. Анх. 199.439; К. Ман. Речь. 182.320—321; Тип. Павт. 1—13; И. Ап. 292.33.

- ²² Код. Вен. 44.23; Ф. Пр. И. ст. I.85 и след.; М. Анх. 199.440 и след.; Евф. Торн. 173.34 и след.
- ²³ М. Сол. 152.2—3; Евст. Сол. Речи. 4.14; 81.9; 103.31; ср.: Евст. Сол. Соч. 200.67; М. Анх. 191.157—158; ср.: Ф. Пр. Манг. VI.342; Н. Мес. Сообщ. II.9.
- ²⁴ Иак. Болг. 86.25 и след.; И. Ант. 1148 С; Гр. Ант. Речи. 453; И. Сир. 17.15; Г. Торн. рит. Речь. 272.4—12.
- ²⁵ *Tárkova-Zaimova V.* Les μιξοβάρβαροι et la situation politique et ethnique au Bas-Danube pendant la seconde moitié du XIe s. — Actes du XIVe Congrès International des Etudes Byzantines, v. 2. Bucarest, 1975, p. 615 sq.
- ²⁶ Цец. Ист. VIII.761; Цец. Пис. 62.16.
- ²⁷ *Dieterich K.* Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, Bd 1. Leipzig, 1912, S. XVII—XVIII.
- ²⁸ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinische Literatur. München, 1897, S. 229; *Moravcsik Gy.* Op. cit., Bd 1. Berlin, 1958, S. 198.
- ²⁹ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 184 и след.
- ³⁰ *Бахтин М. М.* Слово в романе. — В кн.: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 126 и след.
- ³¹ Евст. Сол. Комм. Ил. 259.7 и след.
- ³² Ф. Пр. Кат. 80.12.
- ³³ Евст. Сол. Комм. Ил. 723.42 и след.
- ³⁴ *Gyoni M.* Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade D'Anne Comnène. — Byzantinische Zeitschrift, 1951, Bd 43, S. 247.

ЧЛЕНЕНИЕ СКИФСКИХ ПЛЕМЕН ПО ДАННЫМ ЛИНГВО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (Геродот, кн. IV)

Л. А. Гиндин

Разыскания в комплексе проблем славянизации Карпато-Балканского пространства обратили наше внимание на 1) достаточно строгую дистрибуцию на фоне отсутствия по большей части свободно-варьированного синонимического употребления в сочинениях Прокопия Кесарийского глаголов обитания *οἰκέω*, *ἕμεσθαι* (med.-pass.), *ἰδρόσθαι* (med.-pass.) и 2) несоблюдение крайне необходимой в данном случае аутентичности перевода на современные языки форм указанных глаголов (нами просмотрено значительное число контекстных ситуаций в *De bello Gothico* и в се употреблении этих глаголов по отношению к славянам на протяжении в с е х сочинений Прокопия). Стремление

определить семантический спектр и проследить семантическую эволюцию этих этимологически совершенно различных глаголов, обусловивших включение определенной части их значений в единое семантическое поле, заставило изучить контекстное функционирование упомянутых глаголов в трудах основных греческих историков классической поры с учетом фактов гомеровских поэм.

Коль скоро обнаружилось довольно строгое распределение между οἰκέω и véρωμαι в этнографических и этнологических описаниях (ιδρώμαι в интересующем нас смысле получило распространение в постклассическую эпоху), показалось целесообразным поставить своего рода эксперимент и проанализировать употребление данных глаголов в IV книге Геродота, содержащей описание шести скифских племен наряду с другими племенами Восточной Европы, известными Геродоту. При этом, по нашим общим наблюдениям над языком исторической прозы, οἰκέω, будучи деноминативом от Γοῖκος 'жилище, дом', специализировавшим свою семантику по сравнению с индоевропейским термином социальной организации **deik*'- etc. (ср. лат. *vicus* 'деревня, городской квартал', др.-инд. *vis* '(по)селение (также одной семьи), племя, род', ср. *vīs-pátih* 'глава рода, клана' и т. д., слав. *вьсь* 'деревня' = гот. *weihs*), соответственно мотивации обозначало «жить домом, ведя совершенно оседло ойкосное хозяйство, организованное в рамках урбанистической цивилизации, с свойственными ей интенсивными формами обработки земли» (см. «Труды и дни» Гесиода); по отношению к негреческим племенам это означало в общих чертах тип хозяйства, с х о д н ы й с г р е ч е с к и м, затем уже «жить вообще». Напротив, véρω, являясь первичным непроезводным глаголом, в своем семантическом спектре и семантике отглагольных имен сохранило в преобладающей мере поверхностно ощутимым этимологически исходное значение «предназначать, наделять и т. п., распределять соответственно обычаю или соглашению; делать предоставление, дележ упорядоченным и т. п.» (ср.: Chantraine, s. v.), реконструируемое на базе двух семантических кругов глагола véρω и его субстантивных производных, чрезвычайно полно документированных в греческой письменной традиции.

Приведенная семантическая реконструкция может быть до известной степени достоверно распространена на и.-е. **pet-*, так же как и и.-е. *deik*'-, продуцировавшее важнейшую терминологическую сферу социальной жизни индо-

европейцев, но сохранившееся, кроме греческого, весьма неполно, см. наиболее архаичную семантику в гот. *brōþar* 'брат' в смысле «получать законно»¹, особенно в лат. *numerus* 'число' (< **nomes-o*); если оно действительно относится к рефлексам данного корня, то это может свидетельствовать о первичном «техническом» смысле и.-е. **nem-* 'считать некие конкретные объекты' (Рокотну I, 765 s.; ср.: Walde—Hofmann, s. v.). Имеются в виду такие значения глагола *νέμω*: I. «распределять, раздавать пищу, питье, землю (под пашню и выпасы) и т. д.», откуда в *med.* «пожинать плоды», «кормиться, питаться (в широком смысле)», затем «жить, обитать, простираться, занимать территорию», часто с именами собственными — этнонимами, топонимами и т. д., «вообще существовать» и т. д.; II. «пасти скот, заниматься скотоводством», в *med.* — «кормиться, пастись (о крупном рогатом скоте)» → «питаться, жить (о скотоводах, пастухах, кочевниках — *νομάς*)», «бродить, скитаться» и проч.²

Согласно нашим наблюдениям, вполне правомерно обобщить значение *med.-pass. νέμομαι* в интересующем нас аспекте: «(по отношению к негреческим племенам) поддерживать существование → жить, обитать, добывая средства к существованию иными, чем привычные грекам, формами ведения хозяйства, менее интенсивными, вплоть до натурального (отсюда медий), применяя другие способы обработки земли (например, переложное, подсечное земледелие), кочевым и отгонным скотоводством, наконец, простым собирательством, обусловившими, на взгляд греков, недостаточно оседлый образ жизни, сопровождающийся различной частоты переменами конкретного местожительства», поэтому понятие «пастись» одинаково было применимо и к животным, и к людям, ср. в совершенно контрастной позиции с *ἰδρύμαι* (*resp. οἰκέω*) у Прокопия о склавинах, савроматах-кочевниках: *καὶ εἰ τι ἄλλο θηριῶδες ἀνθρώπων γένος ἢ νέμεσθαι, ἢ ἰδρύσθαι ἐναῖθα ξυμβαίνει . . .* «и также всякий другой звериный род людей, которому случается здесь или пастись (*sc.* кормиться), или оседать» (*Proc. ae.* IV, 5=Н. IV, 103).

В соответствии с охарактеризованной семантической дифференциацией анализ контекстных употреблений глаголов *οἰκέω* и *νέμομαι* в IV книге Геродота при этнографическом описании племен Восточной Европы дал удивительно высокую степень предсказуемости их выбора в зависимости от типа хозяйственной деятельности и образа жизни.

В глазах Геродота, основной этнический признак скифов вообще, без более дробных подразделений — кочевой скотоводческий образ жизни. В начале вводной части³, после экзотического описания доения кобылиц, он высказывает общее категорическое положение в § 2: [Σκύθαι] οὐ γὰρ ἀρόται εἰσὶ ἀλλὰ νομάδες «ибо они [скифы] не земледельцы, но кочевники (т. е. номады)». В § 11 соответственно о скифах-номадах, живущих в Азии (οἰκέοντας ἐν τῇ Ἀσίῃ), сказано: τὴν [sc. γῆν Κιμμερίην] γὰρ νῦν νέμονται Σκύθαι «ведь страна киммерийцев [в Европе, за Араксом] теперь населена скифами»; part. praes. act. от οἰκέω — один из двух случаев, когда может возникнуть мысль о позиции свободного варьирования синонимических глаголов, чему здесь препятствуют, по нашему мнению, отсутствие параллелизма форм и несоразмерность географических объектов, поэтому данное причастие надо, видимо, понимать как простое указание на неконкретизированное место жизни, т. е. «(вообще) живущих в Азии».

При раздельном описании каждого из шести скифских племен наблюдается следующее распределение:

1. Σκύθαι νομάδες: Геродот, оставшись верен своему языковому чутью, в § 19, аналогично интерпретированным § 2, 11, с той же хозяйственной характеристикой употребляет ожидаемое νέμομαι: ... διαβάντι τὸν Παντικαπὴν ποταμὸν νομάδες ἤδη Σκύθαι νέμονται, οὔτε τι σπεύροντες οὐδὲν οὔτε ἀροῦντες «за рекой Пантикап обитают уже скифы-номады, ничего совсем не сея и не вспахивая».

2. Σκύθαι ἀροτῆρες: четко выраженная характеристика интенсивного сельского хозяйства — производство хлеба на продажу; пахари в этом смысле единственные среди других скифских племен, что обусловило постановку οἰκέω в § 17: ὅπερ δὲ Ἀλιζώνων οἰκέουσι Σκύθαι ἀροτῆρες, οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπεύρουσι τὸν σίτον ἀλλ' ἐπὶ πρήσι «над алидзонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для [собственного] потребления, но на продажу», ср. о догреческом народе пеласгов, высокий статус культуры которых для Геродота был бесспорен, всегда οἰκέω, несмотря на ограниченный объем 1,57 и близкое соседство глагольных форм (3 раза + одно приставочное образование на протяжении пяти строк стереотипного издания in octo), что, однако, не вызвало необходимости стилистического свободного варьирования синонимических глаголов; то же о дорийцах в I, 56.

3. Σκύθαι γεωργοί (из γη (-ο)-Γοργός или -Γεργός, букв. 'земледельцы', ср. γαβεργός [ὁ] ἀγροῦ μισθωτής. Λάκωνες (Hes.); к квантитативной метатезе в сложениях γεω- < γη-ο-, ср. γεωμετρία 'землемерие' и др. — Frisk, Chantraine, s. v. γῆ)⁴: характеристика хозяйственной деятельности отсутствует; по поводу скифов-земледельцев употреблено νέμομαι в трех местах: в § 18, затем в § 53 и 54; это может указывать на стереотипность узуса и неслучайность выбора Геродотом данного глагола; единожды, причем в пределах того же § 18, за несколько строк до νέμομαι (2-е предложение) стоит οἰκέω (1-е предложение); последнее обстоятельство может также создать впечатление о стилистическом варьировании, но пристальный филологический анализ всего отрывка, как кажется, со значительной вероятностью препятствует этому: ἀτὰρ διαβάντι τὸν Βορυσθένεα ἀπὸ θαλάσσης πρῶτον μὲν Ἰλαίη, ἀπὸ δὲ ταύτης ἄνω ἰόντι οἰκέουσι Σκύθαι γεωργοί, τοὺς Ἑλληνας οἱ οἰκέοντες ἐπὶ τῷ Ἰπάνι ποταμῷ καλέουσι Βορυσθενεΐτας, σφέας δὲ αὐτοὺς Ὀλβιοπολίτας. οὗτοι ὦν οἱ γεωργοὶ Σκύθαι νέμονται τὸ μὲν πρὸς τὴν ἡῶ ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας ὁδοῦ, κατήκοντες ἐπὶ ποταμὸν τῷ ὄνομα κέεται Παντικάπης, τὸ δὲ πρὸς βορέην ἄνεμον πλόον ἀνὰ τὸν Βορυσθένεα ἡμερέων ἕνδεκα «А за Борисфеном от моря прежде всего Гилея, от нее же, если идти вверх, живут (οἰκέουσι) скифы-земледельцы (Σκύθαι γεωργοί), которых эллины, живущие (οἱ οἰκέοντες) на реке Гипанис, называют борисфенитами, самих же себя — ольвиополитами. Именно эти вот земледельческие скифы обретаются (οὗτοι ὦν οἱ γεωργοὶ Σκύθαι νέμονται) [букв. 'кормятся, пасутся'] к востоку на три дня пути, простираясь до реки по имени Пантикапа, на север же плаванья вверх по Борисфену 11 дней». Постановка οἰκέω, вероятно, инспирирована по крайней мере тремя причинами: 1) общая неконкретизированная констатация факта в контекстной ситуации, аналогичной рассмотренной в § 11; 2) непосредственная близость part, praes. act. οἰκέοντες — атрибутива к Ἑλληνας; 3) семантический параллелизм фразовых отрезков, связанных с καλέουσι: «живущих за Гилеей скифов... и живущих на Гипанисе эллинов... называют».

Далее идут два племени с хозяйством переходного типа, одинаково, видимо, отличного от интенсивного греческого, основным признаком которого было производство на продажу.

4. Ἑλληγες Σκόθαι οἱ Ἀλιζῶνες и

5. Σκόθαι οἱ Καλλιπίδαι: относительно обоих в § 17 употреблено νέμομαι: ἀπὸ τούτου [sc. Βορυσστενεϊτέων ἐμπορίου] πρῶτοι Καλλιπίδαι νέμονται ἐόντες Ἑλληγες Σκόθαι, ὑπὲρ δὲ τούτων ἄλλο ἔθνος οἱ Ἀλιζῶνες καλέονται. οὗτοι δὲ καὶ οἱ Καλλιπίδαι τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταῦτὰ Σκόθησι ἐπασκέουσι, σίτον δὲ καὶ σπείρουσι καὶ σιτέονται, καὶ κρόμμου καὶ σκόροδα καὶ φακούς καὶ κέγχρους «от нее [sc. торговой гавани борисфенитов] первыми обретаются (обитают) каллипиды, являющиеся эллинами-скифами, выше же них [обретается, т. е. νέμεται] другой народ, который называется алидзонами. Они же и каллипиды во всем остальном ведут себя (ср. лат. studeo), как скифы (т. е. ведут кочевой образ жизни), однако (δὲ καὶ) хлеб сеют и едят и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо».

6. Βασιλήιοι Σκόθαι: в плане интересующих нас глаголов употреблен семантически нейтральный глагол κατήκω (ион.) 'доходить, простираться'.

Отмеченное синтагматическое противопоставление οἰκέω и νέμομαι сохраняется в этнографическом описании прочих племен Восточной Европы, так как все оно построено на сравнении обычаев и образа жизни этих племен со скифами:

1) савроматы: типичные кочевники, живущие в безлесной степи — употреблено νέμονται (§ 21);

2) будины: обитают в густом лесу (γῆν νερόμενοι πᾶσαν δασεάν ὄλη παντοίη), «имея другой надел, буквально полученный по жребию» (δευτέρην λάξιν ἔχοντες — § 21, где λάξις от λαγχάνω возрождает этимологическое значение νέμω); в § 109 будины названы αὐτόχθονες νομάδες, питающиеся сосновыми шишками, т. е. растительной пищей, что подтверждает правомерность нашей мысли о расширенном понимании термина νομάδες у Геродота: это не только скотоводы, но племена, ведущие образ жизни, связанный с переменой местожительства (подсечное земледелие, охота, собирательство и т. д.);

3) фиссагеты: живут охотой (ζῶσι δὲ ἀπὸ θήρης) — в соответствии со сказанным употреблено νέμονται (§ 22);

4) гелоны: живут в земле будинов совершенно оседло в огромном деревянном городе Γελωνός, отличаясь от будинов по языку и образу жизни (§ 108): «гелоны же и землю обрабатывают, питаясь хлебом и имея сады» (Γελωνοὶ δὲ γῆς τε ἐργάται καὶ σιτοφάγοι καὶ κήπους ἐκτημένοι — § 109) — употреблено οἰκησαν (§ 108);

5) невры: жители лесной области, находящейся рядом с областью будинов (§ 105), видимо к западу; по данным археологии, земледельцы — дважды употреблены формы от οἰκέω: οἰκήσαν (§ 105) и οἰκέουσι (§ 17); впрочем, нравы у них скифские (§ 105);

6) меланхлены: жители лесостепной полосы, так как на-селяют область непосредственно к северу от царских ски-фов — употреблено οἰκέουσι (§ 20) и второй раз — οἰκημένους (§ 101); нравы, как у невров, скифские (§ 107);

7) тавры: живут разбоем и войною (ζῶσι δὲ ἀπὸ ληΐης τε καὶ πλῆμευ — § 103) — соответственно практически 4 раза на протяжении одного 99-го параграфа употреблено véρομαι;

8) андрофаги: единственное явное противоречие нашей схеме, так как в § 106 о них сказано: νομάδες δὲ εἰσι, но в § 18 употреблено οἰκέουσι; это может быть оправдано тем, что андрофаги несомненно не были жителями степей: ἡ δὲ κατύπερθε τούτων [sc. τῶν γεωργῶν Σκυθῶν] ἔρημος ἐστὶ ἐπὶ πολ-λόν. μετὰ δὲ τῇ ἔρημον Ἀνδροφάγοι οἰκέουσι «выше них [sc. земледельческих скифов] простирается пустыня намного, за пустыней же живут андрофаги» (§ 18).

Проверка других контекстов с οἰκέω и véρομαι из Геро-дота с помощью словаря Пауэлла⁵ подтвердила, что ди-стрибуция данных глаголов в целом сохраняется на про-тяжении всех девяти книг «Истории».

Остается указать на замечание М. И. Артамонова: «Для него (Геродота. — Л. Г.) и для греков вообще важ-ным представлялась не их (скифов. — Л. Г.) обществен-ная организация, а направленность хозяйственной дея-тельности»⁶, и поставить вопрос перед археологами, су-ществуют ли археологические различия между Σκύθαι ἀρο-τῆρες и Σκύθαι γεωργοί; если нет, то, может быть, изложенные наблюдения над текстом каким-то образом стимулируют поиски в намеченном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, I. Economie, parenté, société. P., 1969, p. 81.

² Ср.: Liddell H. G., Scott R. A Greek-English lexicon. A new edition by Jones St. and Mckenzie R. Oxford, 1948.

³ Ниже везде имеется в виду IV книга Геродота (см.: Herodoti historiae, rec. Hude C. Oxonii, 1976).

⁴ Ср.: Schwyzler E. Griechische Grammatik, I. München, 1968, S. 447.

⁵ Powell J. E. A lexicon to Herodotus. 2 ed. Hiedesheim, 1966.

⁶ Артамонов В. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 82.

К ХРОНОЛОГИИ И ХАРАКТЕРУ СЛАВЯНИЗАЦИИ КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(по лингвистическим
и филологическим данным).

II*. СЛАВЯНСКИЕ ТОПОНИМЫ У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Л. А. Гиндин

Заново осуществленный в предшествующей части настоящей работы лингво-филологический анализ письменных источников (Приск, Иордан) наряду с этимологической ревизией топонимических данных позволил с почти полной определенностью судить о наличии славян в середине V в. н. э. в Южной Паннии и Юго-Западной Дакии — районе нижнего и, возможно, среднего течения Тисы и Тимиша; *terminus post quem* с некоторым естественным удревнением — 448 г. — дата участия Приска в посольстве Максимиана к Атилe. Колонизацию прочих областей левобережной Дакии славянами следует датировать несколько более поздним, если не тем же, временем; *terminus post quem* с еще большим удревнением — 527 г. — начало правления Юстиниана¹.

Что же касается собственно Балкан (т. е. территорий по правую сторону Дуная), то датировка начальных этапов их славянизации почти целиком зависит от этимологической интерпретации топонимических данных Прокопия Кесарийского. Ряд соображений, опирающихся на выводы указанных в примеч. 1, 6 работ, а также на лингво-филологический анализ дистрибуции глаголов обитания (*οἰκω, ἕρμαι, ἰδρῶμαι*) в сочинениях Прокопия применительно к славянам, побудили нас вновь вернуться к старой проблеме о возможности фиксации Прокопием в «*De aedificiis*» каких-то славянских географических названий.

* Часть I см. в кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 52—96.

Для приверженцев раннего проникновения славян на Балканы, начиная с Шафарика (вслед за ним Дринов, Нидерле и др.), это представлялось непреложной истиной, хотя, напомним, Прокопий нигде не говорит о славянах как о жителях правобережья Дуная, но лишь единожды свидетельствует о зимовке их военных отрядов в границах империи (В. VII, 40, 33 — 550/1 г.). Вместе с тем он в двух местах особо оговаривает долговременное пребывание славян в основанных римлянами городах или в непосредственной к ним близости, имея в виду *Ὀβλιτιῶν* (Ac. IV, 7, 17)² и *Τούρρις* (В. VII, 14, 32).

В наше время, в конце 50-х годов, новую попытку сплошного этимологического анализа «*De aedificiis*» на предмет выявления славянских названий предпринял В. Георгиев³. Обнаружив неправдоподобно большое количество славянских названий — 63 определенно и 41 возможно, сам автор склонен теперь как будто более не возвращаться ни к материалу, ни к слишком смелым выводам своего труда. Действительно, большинство предложенных этимологий не выдерживает серьезной критики. Однако в работе содержится один чрезвычайно сильный аргумент — совпадение нескольких топонимических фиксаций Прокопия с теми греческими адаптациями определенно славянских названий, оставленных в Греции предками болгар, которые выявил и проэтимологизировал М. Фасмер в известной монографии, служащей и сейчас образцом подобного исследования по полноте и тщательности выполнения всех необходимых процедур⁴. Заново проверяя весь материал В. Георгиева, к своему удивлению, среди греческих фиксаций Прокопия, совпадающих с приводимыми Фасмером (ради справедливости надо отметить, что полностью тождественных очень немного), мы натолкнулись по крайней мере на пять топонимов, которым почти определенно можно приписать славянское происхождение. И другой поразительный факт, служащий дополнительным критерием достоверности: все они группируются в правобережье Дуная вокруг города *Ναϊσσός* (совр. Ниш) в междуречье среднего течения Моравы и верховьев р. Тимок, сравнительно правильным клином спускаясь к югу вблизи от того места, где Приск застал предположительно славянских поселенцев, перевозивших его через Тимиш и Тису⁵; географическое отождествление топонимов дается по указанной работе В. Георгиева.

1. Βράτζιστα (Ae. IV, 4) — область р. Тимок (Георгиев, с. 71) = в Греции Βρατσίστα, ср. болг. Vračeš, с.-хорв. Vračev Gaj и т. д. (Vasmer, S. 56).

2. Γρίβο (Ae. IV, 4) — вероятно, вблизи Ниша, ср. болг. Гриво (Георгиев, с. 72) = в Греции Γκρίμποβο < *Gribovo (Vasmer, S. 28).

3. Δευριάς (Ae. IV, 4) — область Ρουμισιάνα (Бела Паланка), ср. др.-болг. ДЪБРЪ, болг. Дебър (ср.-болг. Дебрь. — Л. Г.) (Георгиев, с. 73) = в Греции Δέβρη < слав. *Дьбръ, ср. болг. Дебър (Vasmer, S. 181, 232 etc.).

4. Δουρβουλιανά (Ae. IV, 4) — область Дардании ≈ *Dǫv-ljane, ср. болг. дърва (праслав. *dǫvo. — Л. Г.), русский этноним Деревляне (Георгиев, с. 73) = в Греции топонимы Δροβιανή < слав. *Dǫvǫpъ, ср. болг. Dǫvǫnica, Dǫvǫna; Δρούβα < южнослав. *Dǫva, ср. ст.-слав. dǫvo, мн. dǫva 'дрова', болг. dǫvo 'дерево', др.-русск. Dereva как обозначение территории племени Derevljane 'жители лесов' (Vasmer, S. 33, 142); второе ου вставное между vl как Σολίβαινα < *Slivǫna (Vasmer, S. 257; там же другие примеры).

5. Τζερτζενούτσας (Ae. IV, 4) — область Бела Паланка *Cergǫnica, ср. болг. Черешница, Черешник (Георгиев, с. 76) = в Греции Τσερέζνιτσα, ср. болг. Čerešnica (Vasmer, S. 196), согласно Георгиеву, отражает тот период, когда метатеза tert еще находилась в процессе завершения; последнее не должно вызывать удивления, поскольку болгарский знает фракийские географические названия без метатезы плавных как раз в начальном слоге.

Все перечисленные топонимы либо отсутствуют у Д. Дечева, либо стоят особняком. Особенно убедительно выглядят такие транскрипционные монстры, как Δουρβουλιανά и Τζερτζενούτσας.

В поддержку правомерности предположения о некоем компактном славянском анклав в очерченном ареале кроме изложенного выше соображения, основанного на свидетельстве Приска, можно высказать и другие, опирающиеся на тот же фрагмент. Это была, видимо, «ленная» область Аттилы в одном дне пути или в суточном переходе от Нанисса, куда он собирался переправиться через Истр «под видом охоты»⁶ (...οἷα δὲ βουλομένου ὡς ἐπὶ θήραν Ἀττίλα διαβαίνειν ἐς τὴν Ῥωμαίων γῆν⁷); его ставка находилась всего в 70 стадиях (≈ 14 км) от переправы (περαιωθέντες δὲ τὸν Ἴστρον καὶ σὺν τοῖς βαρβάροις ὡς ἐβδομήκοντα περὸθέντες σταδίουσ — там же); переправляли посольство Максимиана через Истр,

как и позже через Тимиш и Тису, прибрежные жители (οἱ προσκοιῶντες τοὺς ποταμούς — там же, с. 300), которых он называет то варварами, то, как и гуннов, включая Аттилу, скифами. В обоих случаях переправа осуществлялась посредством лодок-однодеревок, называемых Приском μονοξύλοι (там же, с. 293, 300); по всей видимости, это население было оседло-земледельческим; подробнее о его вероятной славянской атрибуции в Потисье на основе анализа текста Приска см. в первой части нашей работы.

Приск и его спутники нашли Наисс совершенно лишенным населения (т. е. ромеев), потому что он был разорен (ἀφικόμενοι δὲ ἐς Ναϊσσὸν ἔρημον μὲν εὐρομεν ἀνθρώπων τὴν πόλιν, ὡς ὑπὸ τῶν πολεμίων ἀνατραπέισαν — там же, с. 291).

Таким образом, в качестве весьма осторожной гипотезы мы берем на себя смелость высказать мысль о славянской принадлежности туземного населения района, обрисованного рассмотренными топонимами Прокопия и являвшегося форпостом гуннского союза племен. Будучи земледельцами, славяне во время посольства Максимиана (448 г.) уже занимали правобережные земли Истра близ Наисса, более удобные для хозяйства их типа ⁸, чем территории на противоположном берегу, к тому же занятые кочевьями гуннов, о чем явно свидетельствует все изложение Приска о продвижении посольства после переправы через Истр до ставки Аттилы и о дальнейшем сопровождении последнего в северо-западном направлении. Уместно напомнить, что лишь в 457 г. Маркиан, преемник Феодосия II, смог изгнать собственно гуннов из Иллирии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Гиндин Л. А.* Начальные периоды славянизации Балкан как междисциплинарная проблема. — В кн.: *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1979. с. 35—39.
- ² Здесь и далее текст Прокопия цитируется по изданию: *Procopii Caesariensis Opera omnia*, v. I—IV. Ed. J. Haury. Lipsiae, 1963—1964.
- ³ *Георгиев Вл.* Най-старите славянски имена на Балканския полуостров и тяхното значение на наш език и нашата история. — *Български език*, 1958, т. VIII, № 4—5 (с картой); см. то же в кн.: *Георгиев Вл.* Вопросы на българската етимология. София, 1958 (част II, гл. I) (сокр.: Георгиев).
- ⁴ *Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. В., 1941 (= *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Klasse*, 1941, N 12) (сокр.: Vasmer).

- ⁵ Переводы и интерпретацию текстов, подтверждающих данное предположение, с литературой см.: *Гиндин Л. А.* К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным), I. — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей, с. 64, 71, 81 и след.
- ⁶ По поводу понимания гуннами охотничьих угодий см. интересные рассуждения К. Г. Менгеса в кн.: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Пер. с англ. М., 1979, с. 33.
- ⁷ *Prisci fragmenta.* — In: *Dindorfius L.* *Historici graeci minores.* Lipsiae, 1852, p. 292.
- ⁸ Относительно характера земледелия у славян в данном ареале см.: *Гиндин Л. А.* Из комментария к свидетельствам Прокопия Кесарийского о славянах: *Прос. В. VII, 14, 29; 24.* — В кн.: Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981.

ОБ ИРАНОЯЗЫЧНОМ И «ИНДОАРИЙСКОМ» НАСЕЛЕНИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский

Одна из основных проблем истории Северного Причерноморья I тыс. до н. э. — этническая принадлежность его населения. Помимо внешних этноязыковых привнесений (греческие колонисты и др.) и возможного наличия в маргинальных зонах иных языков (северо-западной кавказской группы и др.) основная масса дошедшего до нас лингвистического материала обычно считается иранской. Но в том же материале не раз пытались выявить иные компоненты. Тут следует выделить индоарийскую гипотезу, разрабатывавшуюся в 20—40-х годах П. Кречмером применительно к Тамани и Прикубанью в связи с мнением о расселении индоариев из областей к северу от Кавказа. Поддержанная В. Бранденштайном, но отвергнутая В. Эйлерсом и М. Майрхофером, а также Р. Хаушильдом (литературу см.: Грантовский 1970, 15 и след., 20 и след.), она была возрождена и развита О. Н. Трубачевым (1975; 1976 и др.). Сначала он тоже имел в виду Восточное Приазовье, а затем причислил к районам обитания индоариев в античную эпоху Южный Крым, Нижнее Поднепровье

и другие области Северного Причерноморья, оставив иранцами лишь кочевых скифов и сарматов.

Проблема причерноморских «индоариев» имеет два аспекта: 1) принципиальная возможность их пребывания здесь и 2) его реальные доказательства для скифской эпохи. Первое теоретически допустимо и согласуется с выводом о длительном обитании индоиранцев и их разделении на две ветви в Юго-Восточной Европе (ср.: Абаев 1965; 1972; Грантовский 1964; 1970 и др.). Но конкретные аргументы о наличии здесь индоариев в античную эпоху вызывают возражения на разных уровнях исследования и собственно языковых и экстралингвистических данных.

Широкое распространение иранских языков в Северном Причерноморье I тыс. до н. э. можно считать доказанным, хотя имеются, конечно, имена, иранская атрибуция или этимология которых оспаривается, и такие, о языковой принадлежности которых судить вообще затруднительно. Это обычно и порождает попытки отыскать в Скифии следы иных этноязыковых групп. Но и отсутствие на сегодня иранского объяснения тех или иных имен еще не говорит об их неиранской принадлежности. Это подтверждается иноязычными передачами многих иранских имен из других регионов. Так, имя *Κουξάρης* лишь по этой греческой передаче едва ли сочли бы иранским и явно не определили бы его иранскую форму (к счастью, известную по персидскому тексту: ^h*Uvaxštra*). Для имени следующего мидийского царя — *Ἀστωάγης* лишь по передачам в аккадском и эламском определяется иранский оригинал: **Ṛštivaiga*, с переходом *ršt > št*, происшедшим в части западно-иранских диалектов к VI в., но еще не в персидском надписей VI—IV вв. Имена Ахеменидов пяти поколений: Теисп, Кир I и II, Камбис I и II — известны и по персидским текстам, но часто считались неиранскими, и лишь факт ираноязычия их носителей стимулировал поиски иранской этимологии. В греческих передачах имена могли искажаться по разным причинам, например из-за уподобления сходно звучащим греческим словам: *Σμέρδης* для перс. *Bardiya*, *Μεγα-* для иран. *Bag-* ряда имен и т. д. (ср.: Schmitt 1967). Уподобленное греч. *ἀρπαγή*, имя *Ἄρπαγος* происходит от иран. **Arbaka*, ср. инд. *arbhaka*, *arbhā*; существование иран. **arbaka* и **arba*, неизвестных по иным иранским данным, удостоверяется ономастикой VIII—V вв. (Грантовский 1971, 300). Принадлежность таких имен, слов, фонетических явлений иранскому

очевидна лишь в свете имеющихся данных для Западного Ирана.

Скифский языковой материал представлен почти исключительно ономастическими данными, причем немногочисленными, разрозненными, в большинстве известными по одному источнику и лишь в иноязычной передаче. Истолкование их основано на сравнении с иными иранскими данными. Но сами древние иранские имена и лексика известны в ограниченном объеме, намного меньше древнеиндийских, поэтому закономерны индийские аналогии при толковании иранских фактов, будь то из Ирана, Скифии и проч., а также привлечение данных более поздних иранских языков. Однако последние и в совокупности не сохранили всего древнего лексического фонда и, кроме того, в большинстве принадлежат к иным диалектным группам, чем «скифский»; особо важны данные осетинского, но и он разделяет не все особенности скифского. По имеющимся данным определяется лишь часть особенностей скифских диалектов; между тем та или иная диалектная черта может — тем более в иноязычной передаче — резко изменить «общеиранскую» форму имени, поддающуюся этимологизации.

Эта специфика материала требует, чтобы этноисторические выводы опирались в первую очередь на надежные языковые интерпретации. Исследование же этого материала должно учитывать источниковедческий аспект, исторический контекст, в котором выступают привлекаемые имена, закономерности иноязычных передач при определении допустимой оригинальной формы имени; предлагаемые значения имен, в том числе сложных, должны быть семантически оправданы и по возможности иметь аналогии в ономастике и фразеологии. При ограниченности иранских данных, необходимых для соблюдения этих требований, тем более показателен неуклонный рост числа имен, убедительно объясненных из иранского (ср. последовательно у Вс. Миллера, М. Фасмера, и др.; многие важные этимологии даны В. И. Абаевым, в том числе на основе осетинских данных; интересен ряд этимологий Я. Харматты, например имени скифского царя у Гелланика $\Sigma\acute{\alpha}\nu\epsilon\upsilon\nu\omicron\varsigma$: **Sānavana* 'побеждающий врагов' (Harmatta 1951, 96—98), *sāna* известно по хотано-сакскому, согдийскому, осетинскому). Любые же альтернативные гипотезы, чтобы быть весомыми, должны базироваться на не менее тщательном и всестороннем анализе материала.

Ни одна из подобных гипотез этому условию пока не отвечает.

Несмотря на скудость ранних данных, с самого появления античных свидетельств о языке населения Северного Причерноморья для всей Скифии и ряда соседних областей известны бесспорно иранские имена, например легендарного царя Колаксия (был известен грекам с VII в., ср. у Алкмана, fr. 23), царя Спаргапита (по Геродоту, жил в VII в.), Саневна и др.; ряд гидронимов, в том числе Пантикапа (Ингулец?) и происходящее от идентичного названия (видимо, Керченского пролива) имя возникшего в VII в. Пантикапея (с индоиран. *pan̥ti* 'путь' и вост.-иран. кара 'рыба', ср. в осетинском, согдийском и др.); отраженное в Πόντος Ἀξεινος, уже в VI—V в. заменявшемся на Π. Εἰξενος, название Черного моря Αχῆαινα 'синий, серый' и др. (иранское слово без индийского соответствия)¹; ряд названий соседних со Скифией племен у Гекатея, Гелланика, Геродота и др. Эти имена, как и многие из более поздних надписей из разных районов Северного Причерноморья, определяются как иранские и без дополнительных данных. Существенны выводы из комплексного рассмотрения серий взаимосвязанных имен. Остановимся на трех таких сериях: легенда о происхождении скифов (Herod. IV, 5—7 и параллельные материалы), пантеон (IV, 59 и дополнительные данные), скифская династия.

В тексте названной легенды Геродот приводит девять имен. Иранский характер и значение части этих имен или их элементов очевидны и общепризнаны (вторая часть имен трех братьев: *xšāya-* 'царь', *Παραλάται* — ср. *Paradāta* иной иранской традиции). Предлагались иранские этимологии всех имен легенды, и, хотя частично их формы и значения вызывают разногласия, имеются четкие доказательства иранизма ономастики легенды в целом. Так, *Σκόλο-ται* содержит тот же элемент, что и имя скифского вождя *Scolo-pitus* (Трог: *Iust.* II, 4,1), и окончание *-tai*, известное по этнонимам из скифо-сарматского мира и как окончание мн. числа в наиболее близких языках: осетинском, хорезмийском, согдийском. Основная часть имени — диалектная форма с $l < \delta$ (ср. в ряде восточноиранских языков и в *Παραλάται* самой легенды) от **Skuδa*, формы имени скифов, определяемой по переднеазиатским данным и по греч. *Σκόδαι*; форму с *l* дает и имя царя *Σκόληης* (см.: Дьяконов 1956, 242 и след.; 1980; 1981, 99 и след.;

Грантовский 1970, 89 и след.; Трубачев 1980, 118; Szemerényi 1980, 16—23, с литературой, там же см. об этимологии иран. *skuda). Имя $\text{A}\delta\chi\acute{\alpha}\tau\alpha\iota$ тоже объяснено как форма мн. числа (Абаев 1949, 186 и др.) и имеет параллель в ед. числе: Auchus у Валерия Флакка (Argon. VI, 60)²; тут рядом с Авхом упомянут и Colaxes ($\text{K}\omicron\lambda\acute{\alpha}\xi\alpha\iota\varsigma$ Геродота), и об обоих сообщаются неизвестные Геродоту сведения, восходящие к скифской традиции (Грантовский 1960, 5, 18; Раевский 1977, 22—24). Мотивы легенды, видимо, были известны грекам с VII в., а ее вариант у Геродота имеет характер целостной фольклорной записи и должен рассматриваться как единый комплекс, в том числе по принадлежности упоминаемых имен к одному диалекту. К его особенностям относится и метатеза в группе «согласный-г» (ср. в ряде скифо-сарматских имен и в осетинском, факультативно в согдийском и проч.): $\text{A}\rho\acute{\omicron}\text{-}\xi\alpha\iota\varsigma$ с *āgra- (ср. осет. arf 'глубь', 'глубокий') < *арга, от ар- 'вода' (Абаев 1949, 154, 236, 242 и след.; для формы без метатезы ср. также имя Апра — персонажа у Флакка, Argon. VI, 638—640, видимо соответствующего Арпоксау Геродота, см.: Раевский 1977, 68 и след.). В целом имена легенды у Геродота обнаруживают правильное без исключений следование не нормализованной иранской, но диалектной норме: окончание -ta, упомянутая метатеза, переход $\delta > l$, $g\acute{i} > l\acute{i}$ (как в сармато-алано-осетинском), сама фонема l (частая в скифо-сарматских диалектах и в осетинском, см.: Абаев 1965, 12, 35—41, 123 и след.).

Устанавливаемый таким образом системный и именно иранский характер языковых данных легенды не позволяет вырывать те или иные имена из ее контекста, объявляя их неиранскими, как это не раз было и с самим этнонимом *Сколоты*. В русле индоарийской гипотезы тоже иногда считают неиранскими такие имена, как *скифы*, *сколоты*, *Скил* (Лелеков 1980, 126). О. Н. Трубачев как раз их оставляет иранскими (1980, 118), но отказывает в иранском происхождении прародителю скифов Таргитаю в связи с концепцией об индоариях в Старой Скифии (1979, 35). Но и этот персонаж — элемент единого мифологического комплекса, имеющий четкие соответствия в иных версиях скифской легенды, включая привязанные к более восточным районам, а также у других иранцев; есть и убедительная иранская этимология его имени (Абаев 1949, 163; ее можно подтвердить дополнительными ономастическими и мифологическими аналогиями).

При толковании родоначальника скифов как, «видимо, не скифа» и индоария «довершающим» аргументом служит «близость» имен *Ταρχιτάος* и меотянки *Τιργαταώ*, уже ранее сочтенной О. Н. Трубачевым индоарийкой из-за сходства имени с женским именем середины II тыс. до н. э. из Алалаха *Tirgutawija*, «несмотря на недостаточную ясность этимологии» (Трубачев 1976, 60; 1977, 16, 23; 1978, 38—39). Точнее, этимологии этих трех имен вообще не предлагаются. Сходными же по звучанию, особенно в иноязычной передаче, бывают разные имена из одних и тех же (ср. у Геродота *Μεγάβυζος* и *Μεγάβαζος* для иран. *Bagabuxša* и **Bagabāzu*) или различных языков. Имя *Τιργυταυίης*, вероятно, местное, переднеазиатское (арийские же имена клинописных текстов II тыс. обычно мужские); сравнение его с *Τιργαταο* не более весомо, чем сближение имени *Ταρχιταίη* с монгольским именем *Ταρχυταίη* и забайкальским топонимом *Τιργυτούη* (Болтенко 1960, 40). Сходство же и различие имен *Ταρχιταίη* и *Τιργαταο* объяснимо при иранской этимологии: вторая часть общая, к *tava(h)* ‘мощь’, ‘мощный’ (об иранских именах, включая скиф. *Παρταύα-Προτοταίη* с тем же элементом, ср.: Грантовский 1970, 122, 203 и след., 234—236); первые части разные: в *Τιργαταώ* **tirga* < *tigra* ‘острый’, ‘стрела’ (в том числе в именах) с *gt* > *rg* (как в том же слове и в осетинском), *Ταρχιτάος* же закономерно сохраняет древнее *rg*. Итак, нет оснований видеть в именах легенды какие-либо неиранские элементы.

Обратимся к именам скифского пантеона. Как пример «нескифского в скифском» О. Н. Трубачев приводил имена *Οϊτοςιρ* и *Ταβιτι* (1976, 54), давая их индоарийскую этимологию (1977, 19, 23), а позднее к «непонятным из иранского» отнес теонимы: *Οϊτόσυρος*, *Θαμραζάδας*, *Ἄπι*, *Αρχιρπαζα*, *Παπαῖος* (1979, 29; ср. также у Лелекова (1980, 126) об именах *Παπαι*, *Απι*, *Αργιμπασα*); имеющиеся иранские объяснения при этом игнорируются. В других случаях сведения о скифских богах и их имена сопоставляют с широким кругом фракийских, греческих, балтославянских, малоазийских и иных данных (см., например: Ельницкий 1960); на такой основе и сам скифский язык определяют как особый индоевропейский неарийский (Петров 1968).

Различные особенности скифской религии и мифологии указывают на их индоиранскую принадлежность и имеют параллели в иных культурах арийского мира, от обще-

арийских аналогий до черт, сохранившихся для осетинской традиции. Данные о самих богах, которых, по Геродоту (IV, 59), почитали все скифы и сами цари Скифии (IV, 127), скудны, но в целом соответствуют характеру главных божеств иранских религий (ср.: Nyberg 1938, 253—256; Абаев 1962; Widengren 1965, 158—161). Имеющие общие функции или восходящие к единым образам, боги различных арийских традиций часто, однако, именовались по-разному, а в качестве имен за ними легко закреплялись их эпитеты (индийская Сарасвати близка богине иранцев, именуемой в Авесте Ардвисурой — с прозвищем *anāhitā*, прилагавшимся и к иным богам, — а позже в Иране Апахитой; имя иранского Веретрагны соответствует эпитету Индры *vṛtrahan* и т. д.; к V в. до н. э. среди ведущих богов Индии и Ирана почти не было одноименных). Имена скифских богов у Геродота также находят соответствия в эпитетах или именах арийских мифологических персонажей, за исключением, пожалуй, имени «скифского Посейдона»: тут трудно установить уже греческую форму из-за больших разночтений в рукописях (варианты см.: Латышев 1890, 25). Но как раз этого бога, по Геродоту, почитали лишь царские скифы — бесспорно иранцы.

Имя *Ταβίτι* О. Н. Трубачев толкует как «*ta(d)-biti „бьющая“. . . Ср. др.-инд. *tad* „это“ и *biti. . .» (Трубачев 1977, 23). Первый элемент, впрочем, мог бы быть и иранским, а об и.-е. *bhej- ‘бить’ О. Н. Трубачев пишет, что его продолжений «практически не знают ни индоарийские, ни иранские языки» (Трубачев 1978, 42). Да и само такое объединение местоимения и глагола едва ли правомерно. К тому же это толкование вовсе не учитывает сущности образа Табити, отраженной в ее отождествлении с Гестией и в контекстах ее упоминания Геродотом (IV, 59, 127; ср. IV, 68). Иранисты не раз (Nyberg 1938, 254, 464; Абаев 1962, 448; 1979, 236 и след.; Widengren 1965, 158) сопоставляли ее функции и имя: «согревающая», «пылающая» и т. п., причастие жен. рода *Tapatī, *Tāpayaṭī или *Tapanṭī (> *Taviti) от арийск. *tap-* (и.-е. *tep-); -β- должно указывать на иранское диалектно-хронологическое развитие. Позже Ж. Дюмезиль привлек индийский рассказ о Tapatī ‘Согревающей’, с телом сияющим, как пламя, дочери бога солнца (называемого тут же Tapaṇa ‘Согреватель’), с сюжетным соответствием в осетинской традиции о дочери солнца Ацирухс ‘Чудесный свет’

(Dumézil 1978, 123—145; обе вступают в брак со смертным — индийским царем и нартским героем; с учетом Negod. IV, 7 127 Дюмезиль реконструирует мотив брака Табити с Таргитаем; сходную гипотезу о ее браке с Кольаксаем см.: Раевский 1977, 87—109). Заметим еще, что слова от того же корня тар- широко представлены в иранском в значениях 'греть, сиять' и др., в курд. *tāw* и перс. *af-tāb* 'солнце', в персидских женских именах (Рубинчик 1970, II, 738): *Tābān* (при *tābān* 'блестящий' и т. п.) и *Tābande* — причастие наст. времени глагола 'сиять' и проч. Итак, имя *Табити*, восходящее к арийской эпохе, у ираноязычных скифов прилагалось к одному из главных божеств.

Имя скифского Зевса *Παταῖος* не столь выразительно для определения его значения. Оно могло у иранцев-скифов означать: 'отец' (см. работы Х. Ньюберга, В. И. Абасева, Г. Виденгрена) или 'покровитель' — к *rā(y)*- 'охранять' от основы *rāra-* и проч. (ср. авест. *rārō. vaśah;* *rāyu* — эпитет Ахурамазды и др.). В толковании западноиранских имен **Rāra*, **Rāraka* и др. (Benveniste 1966, 17; Gershevitch 1969, 218; Грантовский 1970, 259) существуют те же колебания. Оба объяснения соответствовали бы данным о скифском Зевсе легенды и пантеона.

Имя его супруги, скифской Геи, — 'Απι. Отмечалось, что оно представляет собой «обычное иранское слово для „воды“» (Nyberg 1938, 254; Widengren 1965, 159): *ār-*, в древнеперсидском, возможно, *āri-* (Kent 1950, 168); имя объясняли и как **Āri* 'Дочь Вод' (Brandenstein 1953, 189); допустимо и **Ār(i)uā* 'водная', 'происходящая от вод' (ср. вариант в рукописях — 'Απια, предпочитаемый С. А. Жебелевым — 1953, 33). В Авесте обожествленные Воды (**Ārañ*, *Ārō*) считались женами Ахуры; в календаре имеют месяц и день Вод; с ними тесно ассоциируется Ардвисура. Апи особо сближают с ней или с вступающей в брак с богом неба связанной с водами зороастрийской богиней земли (Х. Ньюберг, Г. Виденгрена). В дошедших версиях самой скифской традиции прародительница связана то с землей, то с водами рек (Грантовский 1960, 7 и след.; Раевский 1977, 44—49).

Для имени скифского Аполлона О. Н. Трубочев дает индоарийскую этимологию: «*ait-asura* „бог света“: *Οἰτόσ-υρος* (Герод., Гес.). Ср. др.-инд. *éta* „сияющий“, *ásura* „добрый дух“» (Трубочев 1977, 19). Предполагаемая форма не кажется реальной. Возможность сочетания *éta* ('пест-

рый, яркий' и т. п., часто о масти животных, ср.: Maughofer I, 127) с asuga требовала бы подтверждения. Членение имени произвольно; при иранских толкованиях выделяют sūga (инд. śūga) 'могучий', 'герой' — частый эпитет богов или часть их имени (ср. Ardvī-sūrā). Но надежное объяснение имени затруднено различиями его греческих фиксаций, особенно начала, где в связи с иными дошедшими написаниями для иранского принимают g- или v- (литературу см.: Widengren 1965, 159; возможны и иные иранские толкования). Передача же Oi- для ai- неадекватна, и уже поэтому этимология с aita- уязвима. Более того, давая ссылку «Герод., Гес.», О. Н. Трубочев не приводит написания у Гесихия и не объясняет, как можно согласовать его с Геродотовым. Форму Гесихия Γοϊτόσιρος (Г- и у Оригена, с. Cels. VI, 39: Γογγόσιρος) часто принимают и для изданий Геродота. Тогда передача с Oi- была бы неверна (либо, быть может, имела густое придыхание, ср.: Мищенко 1888, II, 435: Γοϊтосир Oiτόσιρος, что могло бы передавать и иран. g-; так, 'Υστάσιης у Геродота ближе не к др.-иран. Vištāspa, а к более позднему Guštāsp). По иному объяснению (Nyberg 1938, 464), Г-, как бывает у Гесихия, — результат искажения неизвестной поздним переписчикам дигаммы; тогда *Woi- и Oi- передавали бы Vai-. Итак, имя начиналось с V- или G- (в крайнем случае с H-), но отнюдь не с A-.

В разных написаниях известно и имя скифской Афродиты Урании. О. Н. Трубочев и Л. А. Лелеков упоминают лишь форму 'Αρτίμπασα (но и на ней основаны иранские этимологии И. Маркварта и Э. Герцфельда). Она представлена в некоторых рукописях Геродота, но в других — 'Αρίππασα и 'Αρτίππασα (см.: Hude 1908). Форму с -τ- дает и Гесихий ('Αρτιμπασα вместо 'Αρτίμπασα); она засвидетельствована и эпиграфически (в двух надписях вольноотпущенников из Тускула — SIG III, 6014 a, b; ср.: How, Wells 1912, 325; Widengren 1965, 160). Тогда 'Αρτι- совпадает с Arti (авест. Aši), именем известной иранской богини (см.: Nyberg 1938, 254, 464; Абаев 1962, 449 и след.; там же ср. о близости функций ее и скифской богини). Все имя *Artimpasā, по Х. Нюбергу и Г. Виденгрену, значит «смотрящая за arti» (для сочетания второй части имени с обозначением функции божества см. авестийский пример: Nyberg 1938, 464). В Авесте предмет заботы богини уже стал ее собственным именем (а она сама — олицетворением абстрактного понятия); тогда скиф-

ское имя отражает промежуточную стадию этого развития. Итак, пантеон скифов служит примером эволюции арийского религиозного наследия в конкретной ираноязычной среде.

Теперь о скифской династии. Она происходила из среды кочевых царских скифов, ираноязычие которых не оспаривает и О. Н. Трубачев. Но группу имен членов царского дома — *Гнур, Савлий, Иданфирс, Анахарсис* — он считает неиранскими и «приуроченными к Старой Скифии», где имелось «земледельческое индоарийское население» (Трубачев 1979, 35 и след., 40). Скифские цари и их родичи бывали, конечно, и там, но ничто не указывает на особую связь кого-либо из них с этими районами. О. Н. Трубачев останавливается на именах Анахарсиса и его отца, по Геродоту — Гнура, а по Лукиану — Давкета: *Δαυκέτης*. Возводя последнее к греч. *δαῦχος* 'вид зонтичного растения, пастернак, морковь', он видит в нем «кальку местного *Γυόβρος*» — испорченной передачи др.-инд. *gandīra* 'какое-то огородное растение' или *gāḡjaga* 'морковь'; так Анахарсис становится «сыном Пастернака» (Трубачев 1979, 36). Но эти индийские слова не только мало похожи на *Γυόβρος*, но, не имея индоевропейской этимологии (ср.: Mayrhofer I, 147, 318, 327), едва ли относятся к доиндийскому прошлому ариев. Само *Ἀνάχαρσις* возводится к *maḥarṣi* 'великий мудрец', начальное же *Α-* 'не' толкуется как «вторичное наращение имени, так сказать, уже после осуждения скифами Анахарсиса за следование обычаям греков» (там же, с. 35 и след.). Но привативное *α-* вряд ли дало бы тут значение, удовлетворяющее такому толкованию; согласно же традиции, скифский царевич посетил Элладу, уже пося имя *Αναхарσис*. Предложена и достаточно корректная иранская этимология: **ana-hvarti* > *ana-xvarci* 'невредимый' и т. п. — с осетинским соответствием, указывающим и на ее семантическую, правомерность; раннее развитие *ti* > *ci* и особенности греческой передачи вполне допустимы (Абаев 1949, 153, 169, 206, 214).

Принадлежность скифских царей к ираноязычной среде следует и из падежно определяемых имен: первый из названных Геродотом предков Анахарсиса — *Σπαργαπίδης* (обе части имени иранские, к тому же оно соответствует имени массагета *Σπαργαπίσης*, Herod. I, 211); царь V в. — *Ἀριαπίδης* (с той же второй частью, так что и *αγα-* тут из иранского); его сын — *Σκόλης* (ср. выше) и др. В надписи на перстне Скила назван *Ἀργότας* — видимо, царь нач. V в.

(Виноградов 1980); то же имя известно на Боспоре: 'Αρ-
γύτας (КБН № 75, II в. до н. э.) и 'Αργύδας (№ 510,
I в. н. э., с закономерным для этого времени озвончением);
в имени (ср.: Абаев 1949, 154; 1958, 65 и след.) отражена
метатеза того же типа, что в языке скифской легенды
у Геродота. Цари скифов считали своим предком Колак-
сая; эпическими или реальными царями были Саневн
(см. выше) и Ариант (Herod. IV, 81). Иранские имена но-
сили вожди скифов в Передней Азии: Ишпакай, Партатуа-
Прототий, Мадий, а также Сколопит, происходивший из
скифского царского дома (Just. II, 4, 1).

Остановимся еще на отдельных примерах, включая отно-
симые к Старой Скифии. Местность и горький источник
на ее территории назывались по-скифски 'Εξάμπατος, а по-
гречески — 'Ιραί ὄδοι (Herod. IV, 52, 81). Скифское имя
объясняли, видя тут перевод (ср.: Dumézil 1978, 305 и
след.). О. Н. Трубачев идет иным путем, толкуя его как
«непригодная вода»: к др.-инд. а ('не') -kṣamá ('пригодный')
-ráya ('вода, жидкость'), подчеркивая широкий круг зна-
чений инд. raуа- в отличие от авест. raуō «лишь молоко»
(Трубачев 1977, 19; Trubačev 1977, 132—134). Но если
принять само это толкование, то допустимо и иран.
*а-хšama-raуа (с обычным ξ для иран. хš); инд. raуаḥ и
др. 'молоко, питье, сок' и т. п. по значению едва ли от-
личны от иранских соответствий, означавших не только
молоко (основное значение и в индийском), но и иные на-
питки и жидкости, а-raу- (<.*rei-) 'литься, переливаться'
и проч. (в Авесте, также в сакском: Bailey 1979, 252), что
приложимо и к источнику; инд. kṣam-, kṣama- имеет соот-
ветствие в иран. хšam-, известном по древнейшему иран-
скому тексту — Гатам (Ys. 29, 9) и по хотано-сакскому
(Bailey 1979, 66 и след.). Так что эта этимология лишь
увеличила бы фонд иранских имен из Скифии.

Характерен пример с этнонимом 'Αλαζώνες или 'Αλιζώ-
νες. По О. Н. Трубачеву, «так индоарийцы Старой Ски-
фии звали ближайших иноплеменных соседей» — «другой
род»: инд. *ali-jana, ибо «по-ирански „род“ — zantu-, в то
время как по-индийски jana-» (Трубачев 1979, 36 и след.).
Но соответствие к инд. jana: иран. zana, прилагающееся и
к семейно-родовым группам, племени, народу, представ-
лено в ново- и среднеиранских языках, известно в Авесте
и древнеперсидском, а также по иранским именам с асси-
рийской эпохи (Bartholomae 1904; Kent 1950; Branden-
stein, Mayrhofer 1964, 157; Mayrhofer I, 416 и след.; Гран-

товский 1970, 213 и след. и т. д.). В первой части имени О. Н. Трубачев видит архаическое инд. *ali (до перехода в agi 'чужой') — пример «сохранения ламбдацизма в языковых реликтах» Северного Причерноморья (Трубачев 1979, 37). Но это явление, как отмечалось, присуще иранскому скифскому и сармато-алано-осетинским диалектам и в случаях сохранения и.-е. l, и в новообразованиях, включая gi, гу > l(i), что представлено и для агуа-, этимологически связанного с agi-, именами: Ἄλῆ-ξαρθός (КБН, № 1051), Ἄλανοί и др. (см.: Абаев 1949, 156, 189). Если бы в имени алазонов содержалось *ali 'чужой' (но допустимо и ala-, ali < агуа), оно тоже могло быть иранским, как в осет. æсæг-æл-он 'истинно чужой, чужак' (о человеке, роде, народе), где æl, по Абаеву (1958, 101), — из *ari-, *агуа- 'чужой', а по Семереньи (Szemerényi 1977, 149) — сохраняет и.-е. l. Впрочем, такое объяснение имени алазонов (и иранское, и индийское) затруднено передачей -ζῶνες для zana/jana, так что имя как минимум искажено по уподоблению греч. ἀλαζών 'хвостун' и т. п. или известному уже Гомеру (II, II, 856) малоазийскому этнониму Ἀλιζῶνες (к этому уподоблению ср.: Strab. XII, 3, 21).

В подтверждение своей этимологии О. Н. Трубачев цитирует Геродота (IV, 17): «другое племя, которые называются ализоны», видя в греч. ἄλλο ἔθνος «кальку» этнонима (Трубачев 1979, 37, 40). Но у Геродота этот и подобные обороты относятся и к другим народам, а в Скифском логосе недалеко от упоминания алазонов находим вполне аналогичный пассаж со словами Μελάγχλαινοι, ἄλλο ἔθνος (IV, 20). Имя меланхленов элемента «другой», понятно, не включает; само же оно восходит к иранскому этнониму Σαυδοράται ('одетые в черное', см.: Абаев 1949, 184; 1979, 43—44).

В титуле гех упомянутого в двух надписях царя роксоланов или сарматов Rasperaganus О. Н. Трубачев (1978a) видит «гlossу» к первой части имени, считая его индоарийским: *gāj-para-g(h)ana 'царь Врагов-убивающий', причем утверждает, что первые два слова или их значения неизвестны в иранском, а третье имело бы в нем иную форму: jap. Позже Ф. Елоева (1980) отметила, что все они отражены в иранской лексике, объясняя имя с тем же значением по-ирански: *raz/s-para-gana. Но оба толкования явно искусственны и едва ли нужны, ибо все имя убедительно объясняется на сармато-алано-осетинских материалах (Абаев 1949, 182 и след.).

Не отрицая ираноязычия сарматов — и савроматов, принимаемых за тот же народ, — О. Н. Трубачев полагает, что сам этноним сложился у «индоариев» Старой Скифии, от которых греки и узнали об этом народе. Имя толкуется как «*sar-mat — „женские, принадлежащие женщинам“... с суффиксом -ma(n)t-/-va(n)t- от ...*sar (по-ирански было бы *har) „женщина“» (Трубачев 1979, 40 и след.). Но такое образование и его значение едва ли возможны и чисто формально, а существование арийского sar- ‘женщина’ по меньшей мере относительно. Его подтверждение О. Н. Трубачев ищет в самой ономастике Северного Причерноморья, кроме того ссылаясь на инд. ar-saras и авест. hā'rišī 'женщина, самка' (Трубачев 1979, 41; ср. 1976, 56; 1977, 20—22; 1978, 38). Но имя Arsarā имеет и иные этимологии (Mayrhofer I, 40 и след.; II, 388; III, 629), а авест. hā'rišī, очевидно, иное значение (ср.: Szemerényi 1977, 34—43). Толкование О. Н. Трубачева опирается на якобы содержащееся в текстах «устойчивое соположение имени и определения „сарматы женовладеемые“: Σαρροματῶν δὲ ἐστὶν ἕθνος γυναικοκρατούμενον (Scyl. Caryand. 70); Sauromatae Gynaecocratumenoe... (Plin., NH VI, 19)» (Трубачев 1979, 40). Но в обоих случаях названы не сарматы, а савроматы, что вовсе не соответствует предлагаемому *sar-mat. Грекам же в первые века пребывания их в Северном Причерноморье народ у Танаиса был известен именно как Σαρρομάται. Имя Σαρμάται — это или более поздняя форма (и тогда она не может определять толкования имени, под которым греки узнали этот народ), или это вообще разные названия различных народов, причем сарматы пришли с востока позже (М. И. Ростовцев, Д. А. Мачинский и др.). Их имя связывают с Sa'rīma Авесты, Sarm, Salm последующей иранской традиции; оно содержит также окончание мн. числа -ta, как и имя савроматов. Иранскую принадлежность последнего, независимо от его значения, подтверждают имена Sauromaces, Saurmag (Абаев 1949, 184) — формы ед. числа с суф. -aka > -ag (ср. осет. sawdar, sawdaræg 'одетый в черное' и мн. числа sawdaratæ Σαυδαράται).

Вызывают возражения толкования при разработке индоарийской гипотезы и многих других исторических, а также археологических данных, которым отведена важная роль как при выборе областей, где ведутся поиски индоариев, так и при толковании конкретных фактов. Приняв мнение об индийской принадлежности синдов и

затем расширяя ареал индоариев в Причерноморье, О. Н. Трубачев (1976, 50 и след.) обратился сначала к меотам, опираясь на Страбона, причислившего синдов к меотским племенам (XI, 2, 11). Но меоты тут — собирательное понятие; к ним отнесены, между прочим, аспургианы с явно иранским именем (ср. еще: «Аспург, переводчик сарматов» — ЕИЛ, № 555), отражающим, кстати, ту же метатезу, что в именах *Тиргатао* и *Арготов* Боспора и Скифии. О. Н. Трубачев ссылается и на титулатуру боспорских царей; но в ней (КБН, № 6, 10, 25, 40 и др.), как бы дробно — с перечислением племен — или обобщенно ни обозначались меоты, синды всегда обособлены, так что из нее вовсе не следует, что «синды — часть меотов» (Трубачев 1976, 51). Зато уже Гелланик (fr. 92) противопоставлял синдов «меотам скифам». Отметим попутно, что отождествление меотов с митаннийцами — более чем гипотетичное — никак не указывало бы на участие меотов в азиатских походах скифов (Трубачев 1977, 16) пятью веками позже падения Митанни.

Затем О. Н. Трубачев (1977; 1979а) отнес к индоариям тавров: то, что они, по Геродоту, были не скифами, «не позволяет отнести. . . их к иранцам» (1977, 13). Но у Геродота нескифские народы включают и иранцев, а нескифской землей (IV, 21) названа и область савроматов, происходивших от скифов и говоривших на близком языке (IV, 110—117); тавры же и их страна противопоставлены (IV, 99) как раз Старой Скифии, которую О. Н. Трубачев отводит индоариям, и по той же логике следовало бы считать тавров неиндийцами. В подтверждение родства тавров с синдами и меотами Трубачев (1977, 13) отмечает, что археологи «установили различные связи между областью тавров и Западным Кавказом», со ссылкой на А. М. Лескова; но у того идет речь о ранних крымско-кубанских аналогиях, не связанных (Лесков 1965, 145—146) с генезисом культуры тавров, и о сходстве таврских комплексов с кобанской культурой (там же, с. 134—135), а она не имеет отношения к синдо-меотскому ареалу. С индоариями Крыма О. Н. Трубачев связывает эпизод из Жития Стефана Сурожского о походе князя Бравлина с русской ратью из Новгорода (вар.: из русского Новгорода), который из-за даты события (ок. 800 г.) считает не Великим, а «каким-то другим Новгородом», предлагая отождествить его с Неаполем Скифским близ Симферополя (Трубачев 1979, 133—135; 1977, 27). Но скифский город погиб не

позже IV в. Именование города русским увязано с этимологией *Русь* от инд. *rukṣa-* 'светлый' и с допущением, что скифская столица «предположительно носила и эпитет „светлый“», лишь потому, что тут в XVI—XVIII вв. существовало местечко Акмечеть. Сам Бравлин, подобно Анахарсису, получил, по О. Н. Трубачеву, индоарийское имя **Pravlīn(a)* 'раздавленный, поверженный' *post factum* — по происшедшему с ним при взятии Сурожа несчастному случаю.

Перейти из таврского Крыма в Поднепровье О. Н. Трубачеву помогает наличие там скорченных захоронений и «связи» тавров с Ольвией и Березанью (Трубачев 1979, 29,) документируемые, однако, лишь несколькими предположительно таврскими черепками (Лесков 1965, 161); редкие же на Днепре скорченные погребения характерны вовсе не для одних тавров. Важная роль отводится и известию Плиния (IV, 84) о Синдской Скифии на Южном Буге и Днепре, но возражения Трубачева (1979, 32 и след.) против мнения о перенесении ее сюда с Кубани не устраняют трудностей толкования текста: он содержит явные географические несообразности, объяснимые лишь смешением у Плиния двух Гипанисов — Буга и Кубани (ср.: Десятчиков 1973, 136). Сам Плиний (IV, 83) признает реальность лишь одного Гипаниса — Буга, а его сообщение об искусственном русле реки по сути идентично данным Страбона (XI, 2, 11) о Гипанисе-Кубани (Скржинская 1977, 25, 30). Сооружение в древности такого канала, возможное в дельте Кубани, исключено в низовьях Южного Буга: его русло пролегает глубоко в коренных известняковых породах. И не случайно Геродот и Страбон знают синдов и Синдику лишь на Тамани. О. Н. Трубачев же отождествляет «Синдскую Скифию» и Старую Скифию Геродота и относит к индийским имена, связанные с ней реально или приуроченные искусственно.

По сути общими концептуальными, а не собственно лингвистическими соображениями продиктована индоарийская атрибуция многих имен из Северного Причерноморья, включая имеющие убедительные иранские этимологии или те, которые можно — особенно по греческой передаче — счесть и индийскими, и иранскими (как и ряд современных топонимов, ср. гидроним *Апока* в Крыму, по Трубачеву (1977, 19) — к инд. **āpaka*). В иных случаях привлечены языковые критерии (см. о них: Трубачев 1976, 55; 1977, 14). Но сами такие пока-

затели (инд. s=иран. h, kṣ=š) выделяются, во-первых, на основе этимологий, исходящих из посылки, что данные имена индоарийские (хотя они объяснимы и иначе, из иранского), во-вторых, путем неприемлемых реконструкций (ср. выше: Ойтосир, савроматы-сарматы), в-третьих, не являются специфически индийскими (суф. -in, «лямбдацизм» и др.).

Один из главных критериев — отнесение выделяемой в именах лексики к собственно индийской и противопоставление ее иранской. Но, как отмечалось, отсутствие того или иного слова в дошедшем иранском материале еще не говорит о том, что оно не употреблялось некогда иранцами; еще показательнее, что при использовании этого критерия привлекаются слова, их формы и значения, известные в иранских языках и даже в самих древних текстах (см. выше, примеры легко можно умножить). Вместе с тем для индоарийских этимологий используются и слова, возможно восходящие к доарийскому субстрату индийского, а также явно поздние по происхождению формы праkrita и иных индийских языков. Более того, к «реликтам языка индоарийцев Северного Причерноморья» отнесен и топоним *Дооб* у Новороссийска — предположительно к *do-ab 'дворечь', с аналогией: «Doab, область между Джамной и Гангом, в Индии» (Трубачев 1977, 20); но это название идет из персидско-таджикского и появилось в Индии лишь в средние века. Оно хорошо известно в иранском мире: в Средней Азии и Иране, в том числе Западном, например на северо-востоке Луристана, к северо-западу от Хорремабада, или в Курдистане, к западу от Санендеджа — *Доаб*, *Дуаб* наших карт и справочников. Толкования многих имен из древних текстов требуют дополнительных доказательств или неприемлемы вследствие произвольной трактовки источников и греческих передач (см. выше, ср. также этимологии имен Καβαδάκης Zorsines : Ζορθίνης и т. д.; Трубачев 1976, 56; 1977, 20; Trubačev 1977, 130 и др.).

В целом, по нашему мнению, пока не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике, и это — решающий фактор при оценке состояния индоарийской гипотезы в настоящее время. Напротив, совокупность надежно определенных иранских имен оставляет незыблемым вывод об ираноязычном этническом элементе как основном и пока единственно бесспорном среди местного населения Северного Причерноморья античной эпохи, хотя, как отмечалось выше, это не исключает прин-

ципальной возможности сохранения отдельных индоарийских пережитков, прежде всего в топонимике данного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Раннее усвоение греками этого названия явно противоречит тезису, что оно бытовало лишь у степняков-кочевников, а по сути все побережье было занято индоарийскими (берега Боспора, Старой Скифии, таврского Крыма) и фракоязычными (киммерийцы Боспора и Нижнего Поднепровья) племенами, имевшими свои названия Черного моря. Как довод о фракоязычии киммерийцев привлекается (Трубачев 1976, 40) киммерийская глосса у Страбона V, 4, 5 — без указания, однако, что она относится к «киммерийцам» Апеннинского полуострова и едва ли пригодна для толкования этноязыковой ситуации в Причерноморье, тем более в свете мифологизированного расширительного понимания киммерийцев в античном мире. Впрочем, по самому О. Н. Трубачеву, «единственный более или менее достоверный языковой факт» (Трубачев 1975, 42), относящийся к киммерийцам, — их этноним; ираноязычные же имена их династов — «недостаточный аргумент о принадлежности всего этноса» (ср.: Трубачев 1980, 118). Но последний довод явно неубедителен в данном случае, тем более при посылке, что иранцы появились в Причерноморье лишь с приходом кочевых скифов. Сам этноним *Κιμμέριοι* Трубачев (1975) возводит к «фракийской праформе» *kir(s)-mar-jo, от выводимого отсюда же *Kers-mar 'Черное море', и реконструирует аналогичное по значению индоарийское название этого моря — по имени Азовского моря у Плиния: *Tem-agun-da* 'кормилица Черного моря'. Членение, этимология и атрибуция последнего гипотетичны, а возведение имени киммерийцев к *kir(s)-mar-jo неубедительно хотя бы потому, что учитывает лишь греческую форму, где начальное *K*-явно вторично и восходит к *G*-, ср. ассир. и вавил. *Gāmir(a)*, *Gimiri*, *Gimigā*, библ. *Gmr*, арм. *Gamir-k'*, а также груз. *gmiri* 'богатырь', осет. гувмиры 'великан'. См. также: Дьяконов 1981, где предложена и иранская этимология: *g(ā)m-īra.
- ² Формы ед. числа таких имен с -ta: массагет, сармат и пр. (ср. и само *Аехат* у Флакка — VI, 132) — образованы в греко-римской среде (понятно, без учета правил грамматики скифских языков); формы ед. числа без -ta идут из иранского, ср. пары: *Σκύλης* и *Σκύλοται*, *Μασσαίης* и *Μασσαίηται* (см. уже: Миллер 1886, 282) и другие примеры (Абаев 1949, 219—220).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Абаев 1949 — Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949.
Абаев 1958 — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958.
Абаев 1962 — Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов. — В кн.: Древний мир. М., 1962.
Абаев 1965 — Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

- Абаев 1972 — *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972.
- Абаев 1979 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III. Л., 1979.
- Болтенко 1960 — *Болтенко М. Ф.* Herodoteana. — В кн.: Материалы з археології Північного Причорномор'я, вип. 3. Одеса, 1960.
- Виноградов 1980 — *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила. — СА, 1980, № 3.
- Грантовский 1960 — *Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960.
- Грантовский 1964 — *Грантовский Э. А.* Ираноязычные племена Передней Азии в IX—VIII вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1964.
- Грантовский 1970 — *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский 1971 — *Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Десятчиков 1973 — *Десятчиков Ю. М.* Сатархи. — ВДИ, 1973, № 1.
- Дьяконов 1956 — *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.—Л., 1956.
- Дьяконов 1980 — *Дьяконов И. М.* Выступление на Круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — НАА, 1980, № 6.
- Дьяконов 1981 — *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории («Гиммерийцы»). — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.
- Елоева 1980 — *Елоева Ф.* О западных связях скифов. — В кн.: Симпозиум «Античная балканистика». М., 1980.
- Ельницкий 1960 — *Ельницкий Л. А.* Из истории древнескифских культов. — СА, 1960, № 4.
- Жебелев 1953 — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.—Л., 1953.
- Латышев 1890 — Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал В. В. Латышев. СПб., 1890.
- Лелеков 1980 — *Лелеков Л. А.* Выступление на Круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — НАА, 1980, № 5.
- Лесков 1965 — *Лесков А. М.* Горный Крым в I тыс. до н. э. Киев, 1965.
- Миллер 1886 — *Миллер Вс.* Эпиграфические следы иранства на Юге России. — ЖМНП, октябрь 1886.
- Мищенко 1888 — Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко, т. I—II. М., 1888.
- Петров 1968 — *Петров В. П.* Скифи. Мова і етнос. Київ, 1968.
- Раевский 1977 — *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.
- Рубинчик 1970 — Персидско-русский словарь в 2-х т. Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970.

- Скржинская 1977 — *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Трубачев 1975 — *Трубачев О. Н.* *Temagundam «matrem maris».* К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — В кн.: *Античная балканистика*, 2. М., 1975.
- Трубачев 1976 — *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, № 4.
- Трубачев 1977 — *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ, 1977, № 6.
- Трубачев 1978 — *Трубачев О. Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ, 1978, № 4.
- Трубачев 1978а — *Трубачев О. Н.* RASPARAGANUS REX ROXALANORUM. — В кн.: *Античная балканистика*, 3. М., 1978.
- Трубачев 1979 — *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия» (*Ἀρχαία Σκυθία*) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1979, № 4.
- Трубачев 1979а — *Трубачев О. Н.* Таврские и синдомеотские этимологии. — В кн.: *Этимология 1977*. М., 1979.
- Трубачев 1980 — *Трубачев О. Н.* Выступление на Круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — НАА, 1980, № 5.
- Bailey 1979 — *Bailey H. W.* *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, 1979.
- Bartholomae 1904 — *Bartholomae Chr.* *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- Benveniste 1966 — *Benveniste E.* *Titres et noms propres en Iranien ancien*. P., 1966.
- Brandenstein 1953 — *Brandenstein W.* *Die Abstammungssagen der Skythen*. — WZKM, 1953, Bd 52.
- Brandenstein, Mayrhofer 1964 — *Brandenstein W., Mayrhofer M.* *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden, 1964.
- Dumézil 1978 — *Dumézil G.* *Romans de Scythie et d'alentour*. P., 1978.
- Gershevitch 1969 — *Gershevitch I.* *Amber at Persepolis*. — In: *Studia classica et orientalia Ant. Pagliaro oblata*, vol. 2. Roma, 1969.
- Harmatta 1951 — *Гарматта А.* Мифологические северные племена у Гелланика. — *Acta Antiqua Hung.*, t. 1. Budapest, 1951.
- How, Wells 1912 — *How W., Wells J.* *A commentary on Herodotus*, vol. 1. Oxford, 1912.
- Hude 1908 — *Herodoti Historiae. Rec. C. Hude*, t. 1. Oxford, 1908.
- Kent 1950 — *Kent R.* *Old Persian*. New Haven, 1950.
- Mayrhofer — *Mayrhofer M.* *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Bd I—IV. Heidelberg, 1956—1980.
- Nyberg 1938 — *Nyberg H. S.* *Die Religionen des alten Iran*. Leipzig, 1938.
- Schmitt 1967 — *Schmitt R.* *Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot*. — ZDMG, 1967, Bd 117.
- Szemerényi 1977 — *Szemerényi O.* *Studies in the kinship terminology of the Indo-Europeans*. — In: *Acta Iranica*, 16. Leiden, 1977.
- Szemerényi 1980 — *Szemerényi O.* *Four Old Iranian ethnic names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka*. — SBAWW, 1980, Bd 371.

Trubačev 1977 — *Trubačev O.* Nichtskythisches im Skythien Herodots. — IF, 1977, Bd 82.

Widengren 1965 — *Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965.

*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДР.-ГРЕЧ. ἐλέφας 'СЛОНОВАЯ КОСТЬ, СЛОН'

Вяч. Вс. Иванов

В результате длительной серии исследований происхождения др.-греч. ἐλέφας 'слоновая кость, слон', недавно подытоженных в подробной историографической монографии К. Валлини¹, наметились две вероятные (и, как мы постараемся показать ниже, с определенными видоизменениями совместимые друг с другом) точки зрения. Согласно первой, изложенной П. Кречмером², это слово восходит к общеиндоевропейской гетероклитической парадигме *lebhr-/*lbhant-. К той же основе на -nt-, что и др.-греч. ἐλέφας, Кречмер возводил гот. ulbandus 'верблюды', имеющее соответствие в балтийских и славянских формах, которые представляют собой, по-видимому, древнее германское заимствование (лит. velbliúdas, прусск. weloblundis, ст.-слав. ВѢЛБЪДЪ, русск. верблюды < *vel'bl'udъ и т. п.). В качестве типологической параллели семантическому развитию слова Кречмер ссылаясь на шумер. AM.SI 'слон' (AM.SI KUR.RA букв. 'горный', ср. AN.ŠU KUR. RA 'лошадь' = 'горный осел'), 'верблюды' (AM.SI ҲAR.RA.AN 'для переездов').

Как представляется, особый интерес в работе Кречмера имеет именно выделение *-nt- (> гот. -nd-) в качестве древнего суффикса, которое по отношению к др.-греч. ἐλέφας давно было предложено Соссюром в его юношеской работе, где суф. -nt- сопоставлялся с функцией причастия³. В настоящее время можно считать установленным, что именно суффикс -nt- в индоевропейском имел активное значение, чем и объясняется, с одной стороны, превращение его в суффикс причастия действительного залога (когда этот последний стал противопоставляться медиопассиву), с другой стороны, отражение в хеттском языке (сохранившем древнее противопоставление среднего рода несреднему — одушевленному или «активному») различия

форм имен существительных ср. рода (например, ḥaštai- 'кость' как пассивный объект) и образованных от них активных форм одуш. р. на -ant (например, ḥaštīy-ant-s 'кость' как обозначения субъекта действия переходного глагола ⁴).

Здесь следует перейти ко второму возможному объяснению др.-греч. ἐλέφας: его сближению (представляющемуся очевидным) с хет.-лув. laḥra- 'слоновая кость'. Уже в первых работах, обсуждавших это сопоставление, предполагалось, что суфф. -nt- в др.-греч. ἐλέφας может объясняться анатолийским воздействием ⁵. В настоящее время сопоставление с хет. -nt- представляется возможным подкрепить благодаря уточнению хетто-лувийских форм. Рассмотрим их подробнее.

В архиве Угарита (Рас-Шамры) открыт двуязычный аккадско-хеттский поэтический текст, где обнаруживается соответствие аккад. [m]akūt šinni quttūtu [š]a ulsa malāt '(она представляет собой) полированный (букв. 'совершенный, отделанный') столб из слоновой кости (šinni букв. 'зуба'); она полна радости' = хет. la-aḥ-ra-aš-ma-aš kurak-kiš mān zinnanza naš ME.LÁM-az šu[w]anza 'она же подобна полированному (букв. 'совершенному, отделанному') столбу ⁶ из слоновой кости и она полна сияния' (RS 25.421, 28—29). В этом понимании текста, предложенном Ларошем ⁷, в последнее время высказывались сомнения на том основании, что хеттская и аккадская версии поэтического произведения не во всем совпадают ⁸. Однако несомненно значение аккад. šinni 'слоновой кости' = 'зуба', ср. шумер. KAXUD AM.SI 'зуб = кость слоновая' и хуррит. -šinibininna 'слоновой кости' ⁹. В цитированной билингве аккад. šinni может соответствовать только хет. laḥraš (род. п. ед. ч.), поэтому для последнего достоверно устанавливается значение 'слоновая кость' (от основы laḥra-). Значение подтверждается и другим поэтическим мифологическим контекстом — хетто-лувийским переводом фрагмента о Солнце и Океане, — входящим в цикл хурритских мифов о Кумарби. В этом фрагменте в строке KUB XXXVI 25 14 встречается сочетание la-aḥ-ra-aš ú-nu-wa-an-du 'слоновой костью (слово с глоссовым клином, вероятно, лувийское) они да украсят' — о столике, на котором один мифологический герой угощает другого ¹⁰. Этот фрагмент можно соотнести с многочисленными археологическими данными о столиках из слоновой кости в древнем

восточном Средиземноморье, в частности в микенской Греции¹¹, а также в Угарите.

Согласно недавно высказанной гипотезе¹², то же хетто-лувийское слово в написании *laḫma-* представлено в нескольких более древних хеттских текстах. В древнехеттском ритуале КВо XVII 43 IV 5—6 (дошедшем в копии, предположительно относимой к среднехеттскому периоду) оно встречается в контексте, где выступает также слово *regi-*, в котором можно было бы видеть древнеближневосточное название слона (аккад. *pīru* ~ *pīllu*, ср. араб. *fil* < **p^hil-*, заимствовано во многие языки: перс. *pīl*, др.-инд. *pīluḥ*, груз. *spili*, слово широко распространилось позднее: оно отражено и в тюркском, и даже в древнеисландском; в афразийском ср. бербер. *lfil* : *jällfil*, мн. ч. *idlfil*¹³). Форма, близкая к др.-хет. *regi-*, представлена в аккад. *šenni-rêgi* 'слоновая кость'. Судя по хуррит. *šin-pireguḫḫe* 'относящийся к слоновой кости'¹⁴, название проникло и в хурритский, где также отдельно засвидетельствовано и *šinni-* 'зуб' = 'слоновая кость'¹⁵. Либо непосредственно из аккадского, либо через хурритское и лувийское посредничество (которым могла бы объясняться основа на *-i-*) слово проникло и в древнехеттский. В таком случае в строке 5 указанного ритуала сочетание *regiḫ uizzi* предположительно означает 'слон идет'. Это можно понимать буквально, потому что слоны до середины II тыс. до н. э. были известны в Сирии¹⁶, что подтверждается египетскими источниками¹⁷; древнехеттские цари совершали походы в Сирию, откуда, судя по анналам Хаттусилиса I, привозили богатую добычу. К участию животных в царском ритуале можно привести ряд параллелей из древнехеттского.

Не вполне исключается и то, что здесь могла бы идти речь о воспроизведении образа слона участниками ритуала, как в некоторых индийских обрядах, зафиксированных в индийском изобразительном искусстве¹⁸ (ср. в древнехеттских обрядах людей, танцующих, «как леопарды», изображающих волков, и т. п.). Однако первое (буквальное, а не метафорическое) толкование представляется более вероятным из-за продолжения текста (строки 5—6): . . . *regaḫ SĪR-RU la-aḫ-ma-aš paizzi* ' . . . перед (ним?) поют, слон идет'. Очевидно, *regi-š* 'слон' (слово аккадского или хуррито-лувийского происхождения) и *laḫma-* (хеттское слово?) используются в этом древнехеттском описании праздника в качестве синонимов. Не как

название животного, а как название материала — слоновой кости *laḥma* использовано среди перечисляемых изделий из дерева и тканей в списке подношений КВо XXI 87 obv. 4—5 + КВо XX 29 obv. 3 (с дубликатом КВо XXI 30 I 6—8). Для рассматриваемой этимологии особенно важно производное с суф. *-ant-* — *laḥmant-*, встречающееся в архаичном (возможно, древнехеттском, но сохраненном в новохеттской копии) описании праздника KUB II 13 II 34—35: UGULA LÚ.MEŠMUHALDIM SAG.DU.MEŠ GI[R.MEŠ]. . . *la-aḥ-ma-an-du-uš uđai* 'старший над поварами (титул, имеющий широкие индоевропейские параллели, ср. старолатинскую посвятельную надпись коллегии поваров; сопоставление важно для выяснения архаичности текста) приносит подчиненных людей (рабов), кинжалы. . . слоновой кости или слоновую кость (?)'. Использование формы на **-nt-* в функции вин. п. (в данном случае мн. ч.) известно и в других случаях¹⁹ и может быть связано со структурой субъектно-объектных отношений.

Если приведенные толкования хеттских и хетто-лувийских текстов верны, то в таком случае несомненно, что суффикс и значение хет. *laḥma-nt-* 'слоновая кость; слон' аналогичны суффиксу и значению др.-греч. ἐλέφας. Возникает вопрос: как объяснить колебания *-r/-m-* в хетто-лувийских клинописных передачах слов и как связана фонетическая структура хеттского и лувийского слов с греческой? Следует подчеркнуть, что *laḥma-* и *laḥma-nt-* встречаются в древнехеттских текстах, тогда как из двух употреблений *laḥra-* одно сопровождается глоссовым клином, делающим правдоподобным лувийский характер формы, а другое засвидетельствовано в Угарите эпохи Новохеттского Царства, где опять-таки возможны лувийские воздействия. Поэтому не исключено соотношение типа хет. *-(h)m-* : лув. *-(h)r-*, которое (как аналогичное хеттское соотношение *-m-* : *-w-*²⁰) может восходить к общеиндоевропейскому, ср. до сих пор не объясненное диалектное индоевропейское различие окончаний периферийных падежей на *-m-* и *-bh-*; древнехеттский, возможно, сохраняет следы форм на *-m-* типа *-š-m-aš* 'вам, им'²¹, *laḥhemuš* 'по отношению к походам' (очевидно, от основы *laḥha-* 'поход' с архаичным окончанием типа *-imuš*, а не от незасвидетельствованного *laḥhema-*²²). На основании написаний типа хат. *lhi-* 'власть': адыг. *лʰэ*, где *lh* передает глухой латеральный, можно думать, что посредством группы знаков

хет. $-\text{hm-}$: лув. $-\text{hr-}$ передавалась архаичная фонема (или сочетание фонем) типа $*^m\text{b}^h$ (преназализованного), в конечном счете соответствующая греч. $-\varphi < *b^h$ в $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\varphi\alpha\varsigma$ (назализация согласных в анатолийском, как гласных в лувийско-ликийском, могла происходить при утрате носового согласного). В таком случае в этих формах $-\text{h-}$ не следует считать прямым отражением ларингального, и при всей уникальности соотношения др.-греч. $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\varphi\alpha\varsigma$ (с греческим развитием начального $\acute{\epsilon}$) : хет. $\text{lahma-}(nt-)$: лув. lahra- можно возвести к праформе, близкой к реконструированной Кречмером: $*\text{le/ob}^h\text{-}(nt-)$ \sim $*\text{le/o}^m\text{b}^h\text{-}(nt-)$. Есть основания думать, что в хеттском в дописьменный период распался древний индоевропейский гетероклитический тип парадигм с основой косвенных падежей на $*-nt$ ²³, архаизм которых удостоверяется внешним сравнением с дравидийским²⁴, где отражен архаичный тип имен неодушевленного класса на $-r$, чередующихся с «инкрементом» $-nt$, ср. также данные внутренней реконструкции глагольных и отглагольных форм на $-r/-nt$ в общеиндоевропейском²⁵.

Таким образом, для предложенной Кречмером индоевропейской парадигмы названия слона, верблюда обнаруживаются достаточно серьезные подтверждения в том, что касается архаичности самого типа на $-r/-nt$ и реконструкции основы косвенных (активных) падежей на $-nt$. Что же касается формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. на $-r$, здесь сравнение приведенных форм с лат. ebur 'слоновая кость' (при предложенном Кречмером сопоставлении диссимиляции плавных с $\text{jesur} < *lequr$, др.-инд. yakr-t , основа гетероклитического типа, при $r \sim *k^w$ в германских языках и хет. $l-$ в lišša- 'печень') может свидетельствовать, казалось бы, в пользу реконструкции Кречмера. Он сам использовал также греческую внутреннюю (народную?) этимологию, соотносящую $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\varphi\alpha\varsigma$ с $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\varphi\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\nu\tau\alpha$ 'причиняют вред, вводят в заблуждение, обижают, обманывают'²⁶ $\acute{\epsilon}\xi\alpha\text{-}\text{πατῶντα} \cdot \beta\lambda\acute{\alpha}\pi\tau\omicron\nu\tau\alpha \cdot \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omicron\nu\tau\alpha$. Этот глагол, в «Теогонии» Гесиода (Гн. 330) употребляющийся в контексте, где речь идет о немейском льве, у Гомера в «Одиссее» употреблен в сочетании с $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\varphi\alpha\varsigma$ таким образом, что сочетание $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\varphi\alpha\text{-}\text{τος} \dots \acute{\epsilon}\lambda\epsilon\varphi\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\nu\tau\alpha\iota$ в определенном смысле аналогично такому же употреблению $\text{κεράων} \dots \text{κράινουσι}$ ²⁷. Эти слова соотнесены в том месте, где Пенелопа говорит о двух воротах сна — из слоновой кости и из рога (τ 562 и след.):

$\delta\omicron\iota\alpha\iota \gamma\acute{\alpha}\rho \tau\epsilon \pi\acute{\omicron}\lambda\alpha\iota \acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\eta\nu\omega\nu \epsilon\iota\sigma\iota\nu \delta\nu\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$
 $\alpha\acute{\iota} \mu\acute{\epsilon}\nu \gamma\acute{\alpha}\rho \text{κεράεσσι} \text{τετεύχεται}, \alpha\acute{\iota} \delta' \acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\varphi\alpha\nu\tau\iota$.

τῶν οἱ μὲν κ' ἔλθωσι διὰ πριστοῦ ἐλέφαντος,
οἱ ῥ' ἐλεφαίρονται, ἔπε' ἀκράαντα φέροντες·
οἱ δὲ διὰ ξεστῶν κεράων ἔλθωσι θύραζε,
οἱ ῥ' ἔτυμα κραινοῦσι, βροτῶν ὅτε κέν τις ἴδῃται.

Присмотримся внимательнее к структуре гомеровского отрывка. Три строки подряд (τ 563—565) кончаются почти одинаково звучащими словами, из которых два первых представляют собой разные падежные словоформы ἐλέφας: ἐλέφαντι — ἐλέφαντος, а третье — φέροντες созвучно одновременно и со второй из этих словоформ и тем самым может свидетельствовать о возможном оживлении в гомеровском мифопоэтическом сознании связи -ντ- в основе ἐλέφαντ- с причастным -ντ-, например в φέρο-ντ-ες, и с непосредственно следующей за этой второй словоформой и предшествующей φέροντες в той же строке τ 565 в конце синтаксического отрывка глагольной форме ἐλεφαίρονται. Созвучие -ντ- трижды повторяется в строке τ 565, фонема ρ — четырежды, φ — дважды.

οἱ ῥ' ἐλεφαίρονται, ἔπε' ἀκράαντα φέροντες.

Не подлежит сомнению, что строка анаграмматически варьирует фонемы глагольной формы, которые вместе с тем переключаются и со звуковым составом форм ἐλέφαντος — ἐλέφαντι в концах двух предшествующих строк, причем последовательности ἐλέφαντος — ἐλεφαίρονται предшествует и сходное начало ἔλθωσι. Но при бесспорности изощренной анаграмматической структуры всего отрывка нельзя утверждать, что из этого гомеровского текста следует предполагаемая Кречмером этимологическая связь ἐλέφας : ἐλεφαίρομαι²⁸.

Основной трудностью при рассмотрении форм типа лат. ebur является несомненная вероятность их связей, с одной стороны, с др.-инд. *ibha-*, с другой — с егип. *ḳbw* (копт. *εβου, εβω, εβρος*²⁹) 'слон', *igbḳ* 'носорог', др.-евр. (*šep-*)*hab-bīm* (к первой половине сложения ср. аккад. *šepni-piri* 'зуб слона = слоновая кость'), общеафразийский характер которых иногда предполагается на основании сближения с котоко * $\wedge R(\wedge)P\wedge$ 'слон', кушит. * $\wedge R(\wedge)B$ (с фонетической, но не семантической стороны особенно показательно др.-егип. *igbḳ*). При предположении изменения *g* > *l*- в начальном слоге, вероятном в греческом и хетто-лувийском, где начальное *g*- вообще отсутствует (ср. также чередование *-l/-g-* в аккад. *rigi, rilu?*), последние афразийские формы достаточно близки и к др.-греч. ἐλέφας, хет.-лув.

laḥra-, laḥta-(nt)-. Поэтому наряду с гипотезой Кречмера об общеиндоевропейском источнике ἐλέφας (а возможно, и параллельно с этой гипотезой или даже совместно с ней) следует рассмотреть вопрос об отношении между формами индоевропейских диалектов (возможно, даже и общеиндоевропейскими или диалектными индоевропейскими) и афразийских языков (быть может, восходящих хотя бы частично к общеафразийскому). Соотнесение их на (западно-)ностратическом уровне исключается как ввиду отсутствия параллелей в других группах (дравидийские названия слона отличны от приведенных), так и ввиду очень больших фонетических трудностей. Остаются две возможности заимствования: из афразийских языков в общеиндоевропейский (в этом случае реконструкция типа той, которая была предложена Кречмером, остается в силе; ср., например, включение в хеттском языке древнего миграционного названия дома, егип. рг 'дом', в гетероклитическую парадигму: др.-хет. им.-вин.-мест. п. ср. р. рīg, род. п. рап-аš 'дома') или же в отдельные диалекты — в анатолийский (хеттский и лувийский) и древнегреческий.

Поскольку слоны до II тыс. до н. э. водились в Сирии к югу от Таврских гор, источником заимствования могли быть афразийские (прежде всего семитские) языки, на которых говорили к тому времени в Сирии. О реальности анатолийско-семитских связей III тыс. до н. э. говорит значительное число названий типа лув. ziti, хет.-лув. Ḫašwa в документах архива Эблы³⁰, о древних письменных греческо-семитских связях — значительное число семитских заимствований уже в микенском греческом середины II тыс. до н. э.³¹, где представлено уже и ἐλέφας в формах им. п. ед. ч. e-re-ra, род. п. e-re-ra-to, дат.-твор. п. e-re-ra-to и в производном прилагательном e-re-ra-te-jo. Следует при этом иметь в виду, что в гомеровском греческом, в частности в «Илиаде», сохраняются отчетливые следы привязывания ἐλέφας (и самого материала — слоновой кости, обозначаемой этим словом) к малоазийским областям³² Мэонии, Карию, Пафлагонию (E 583 — о царе Пафлагонии Пилемене и Мидоне: ἡνία λεύχ' ἐλέφαντι), ср. в Δ 141:

Ὡς δ' ὅτε τίς τ' ἐλέφαντα γυνή φοῖνιχι μίγη
Μήνις ἤε Κάειρα, παρήιον ἔμμεναι ἴππων

В позднейшей античной традиции использование слоновой кости в мифологических сюжетах связано с такими

уроженцами Малой Азии и сопредельных областей, как Пелоп и Пигмалион (царь Кипра). Однако едва ли можно из этого делать вывод о негреческом характере слова и предмета. Если, как это представляется возможным, греки были в Малой Азии до расселения их по островам Эгейского моря и Греции³³, то в таком случае они принесли с собой это название из областей, непосредственно примыкающих к Сирии (вспомним хотя бы о существовании микенского греческого квартала в Угарите). Существенно, что образцы слоновой кости, найденной на Крите, относятся к разновидности индийского типа³⁴, что можно связать и с возможной принадлежностью южносирийского (евфратского) слона к тому же типу³⁵. К более позднему времени относятся обозначения слоновой кости как «индийской» в латинской традиции³⁶: *indum* 'слоновая кость' у Вергилия (Аен. 12, 67), Петрония (135, 8); *indicum* 'слоновая кость' у Горация (Ног. Оди I, 31, 6); *indicum согни* 'слоновая кость=индийский рог' у Тита Ливия (38, 14, 2), у Марциала (I, 72, 4), обозначение, широко распространенное в античности³⁷, ср. *согна elephanti* 'рога слона' у Варрона и Плиния, др.-евр. *qarnōt šēn* (Кн. Иез. 27, 15) букв. 'рога зуба' при типологически сходном обозначении бивней мамонта как 'рогов' в языках Сибири³⁸. Лат. *indus* обозначало 'погонщик слонов'. Но эти позднейшие языковые указания на связь представлений римлян о слонах с Индией (как и с Эфиопией, судя по известному месту у Ювенала) относятся ко времени, когда южносирийские (евфратские) слоны давно уже перестали существовать. Между тем ранняя история греч. ἐλέφας объясняется именно отношениями той значительно более древней эпохи. Более того, если принять обсуждаемую гипотезу Кречмера и предположить, что значение 'слон' в общеиндоевропейском (хотя, как показывает все вышеизложенное, возможно, некогда и заимствованном из афразийского или, скорее, из семитского) источнике ἐλέφας было первоначальным, а значение 'верблюд' в родственном германском слове возникло позднее, то в этом можно было бы видеть еще одно языковое свидетельство миграций носителей празападноиндоевропейских диалектов через среднеазиатские степи (где они и могли познакомиться с верблюдами) из Передней Азии, в которой в период обитания в ней носителей общеиндоевропейского языка еще водились слоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Vallini Ch.* Gr. ἐλέφας: storia di un'etimologia. — In: *AIQN*. Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico. Sezione linguistica. 1/1979, Pisa: Giardini editori e stampatori, 1980 (сокр.: *Annali*), p. 123—186; см. также: *Иванов В. В.* Рец. на кн.: *Annali*. — В кн.: *Этимология* 1981. М.: Наука, 1983.
- 2 *Kretschmer P.* Der Name des Elefanten. — *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, 1951, Bd 88, S. 307—325; *Idem.* Nachträge zum Name des Elefanten. — *Ibid.*, 1952, Bd 89, S. 191—193.
- 3 *Saussure F. de.* Le suffixe -T. — *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, 1877, v. III (см. также в кн.: *Saussure F. de.* Recueil des publications scientifiques. Genève, 1922).
- 4 См.: *Laroche E.* Un «ergatif» en indo-européen d'Asie Mineure. — *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* (сокр.: *BSL*), 1962, t. 57, f. 1, p. 23—43; *Иванов В. В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.: Наука, 1965, с. 53; *Tchekhoff Cl.* Le double cas — sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite. — *BSL*, 1978, t. 73, f. 1, p. 225—241; *Neu E.* Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. — In: *Hethitisch und Indogermanisch*. Hrsg. von E. Neu und W. Meid (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd 25. Innsbruck, 1979 (сокр.: *HI*), S. 184; *Rozenkranz B.* Archaismen in Hethitischen. — In: *HI*, S. 226; *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980, p. 187; *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981, с. 150.
- 5 *Laroche E.* Le nom hittite de l'ivoire. — *Revue de philologie et d'histoire anciennes*, 1965, v. XXXIX.
- 6 Кажется возможным древнее заимствование из хаттского, ср. хат. kurkur- 'гвоздь, столбик' (?).
- 7 *Laroche E.* Le nom hittite de l'ivoire; Ugaritica V (Mission de Ras-Shamra). P., 1968, p. 772, 773, 775, 777.
- 8 *Hittite dictionary* by H. Hoffner and H. Güterbock, vol. III. Chicago, 1980, p. 12; *Güterbock H. G.* Anatolia, 1971, v. 15, p. 1, note 2.
- 9 *Тиль Г.-И.* Хурритский язык. Формальный анализ текста, глоссовый клин и критика текста. — В кн.: *Древние языки Малой Азии*. Под ред. И. М. Дьяконова и В. В. Иванова. М.: Прогресс, 1980, с. 110, 122, 123.
- 10 Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М.: Худ. лит-ра, 1977.
- 11 *Иванов В. В.* Названия слона в языках Евразии. — В кн.: *Этимология* 1975. М.: Наука, 1977, с. 148—161; *Он же.* Древние культурные и языковые связи балканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. — В кн.: *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977.
- 12 *Hittite dictionary* by H. Hoffner and H. Güterbock, v. III.
- 13 *Destaing E.* Étude sur le tachelhit du Sous. P., 1920.
- 14 *Laroche E.* Glossaire de la langue hurrite. Deuxième partie (*Revue hittite et asiatique*, t. XXXV). P., 1977, p. 235.
- 15 *Тиль Г.-И.* Указ. соч., с. 107—124.

- 16 *Brentjes B.* Der Elefant in Alten Osten. — Klio, 1961, Bd .
- 17 *Breasted J. H.* Ancient records of Egypt, v. II. Chicago, p. 588.
- 18 *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.
- 19 *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол, с. 150.
- 20 Там же, с. 14—18, 22.
- 21 Там же, с. 24, примеч. 9.
- 22 Вопреки Hittite dictionary by Н. Hoffner and Н. Güterbock, v. III.
- 23 *Иванов В. В.* К типологии инфинитива в балканских языках. — В кн.: Славянское и балканское языковедение. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М.: Наука, 1976, с. 216—230.
- 24 *Иванов В. В.* Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. — М.: Наука, 1980.
- 25 *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол, с. 75, 97.
- 26 *Goebel. A.* Lexikologus zu Homer und Homeriden, Bd I. В., 1878, S. 350; *Diels H.* Elementum. В., 1899, S. 84.
- 27 *Vallini Ch.* Op. cit., p. 126.
- 28 Там же, с. 126, 127, 171, 172.
- 29 *Budge E. A.* An Egyptian hieroglyphic dictionary. L., 1920, p. 4.
- 30 *Pettinato G.* (in collaborazione con Alberti A.). Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Markdikh-Ebla. Napoli, 1979.
- 31 *Masson E.* Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. P., 1967.
- 32 *Vallini Ch.* Op. cit., p. 126—128.
- 33 *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы, II. Тбилиси, 1982.
- 34 *Stella L. A.* La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965, p. 199.
- 35 *Vallini Ch.* Op. cit., p. 147, примеч. 70.
- 36 Там же, с. 131, примеч. 21 bis.
- 37 Там же, с. 135, 170.
- 38 *Ivanov V. V.* [Иванов В. В.] The structure of the Ket myth of the «dénicheur des aiglons» and its American Indian parallels (Working Paper). Urbino, 1978.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ INDEX PROCOPIANA, I. Χῶρος.

С. А. Иванов

В знаменитом своем экскурсе о славянах Прокопий Кесарийский пишет: Οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς, διεσκηνημένοι πολλῶ μὲν ἀπ' ἀλλήλων, ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικίσεως χῶρον — «Они живут в жалких землянках, расселенные далеко друг от друга, причем каждый как можно чаще меняет место обитания» (VII, 14, 24)*. Можно ли добавить к нашему пониманию данного фрагмента хоть что-нибудь сверх того, что в нем сказано *expressis verbis*? Попытаемся ответить пока на примере одного употребленного здесь Прокопием слова χῶρος, которое всеми переводчиками единогласно передается как 'место'. Забегая вперед, скажем, что мы вовсе не собираемся оспаривать этого очевидного значения, правильного хотя бы в силу своей расплывчатости. Наша задача в том, чтобы попытаться реконструировать систему семантических коннотаций данной лексемы. Для того чтобы понять, какие ассоциации, подчас неосознанные, заставляли Прокопия употреблять то или иное слово, нам не поможет ни словарь, ни этимология: единственный инструмент здесь — полный индекс всех употреблений данного слова автором с учетом самого широкого контекста. Но подобного индекса для Прокопия (как и практически ни для одного византийского писателя) не существует. Поэтому в процессе работы над этим источником нам пришлось самостоятельно готовить к нему

* Ссылки на труды Прокопия делаются так: буква «А» перед цифровыми обозначениями соответствует «Гайной истории», буква «К» — трактату «О постройках», цифры без букв — «Истории войн». Перечисление всегда идет в следующем порядке: «История войн», «Тайная история», «О постройках». Буква ставится один раз перед первой ссылкой на данное произведение. В «Истории войн» и «О постройках» римская цифра означает книгу, первая арабская — главу, вторая арабская — фразу. Ссылки отделяются друг от друга точкой с запятой. «Тайная история» не имеет деления на книги, поэтому ссылки на нее состоят из двух арабских цифр. За этим исключением, отсутствие римской цифры в перечне означает, что данная ссылка относится к той же книге, что и предыдущая. Наличие в перечне одной цифры означает, что данная ссылка относится к той же книге и главе, что и предыдущая.

индекс. Конечно, он получился чрезвычайно фрагментарным, что неизбежно при обработке в одиночку такого колоссального объема текста, какой составляет полный корпус сочинений Прокопия; но без этой работы невозможно плодотворное исследование, отвечающее современным требованиям филологической науки. Итак, для Прокопиева индекс, издание которого является делом будущего, ниже публикуются материалы по слову *χῶρος*.

Наша лексема встречается у Прокопия в «Истории войн» 100 раз (I книга — 14 раз, II — 11, III — 6, IV — 12, V — 14, VI — 10, VII — 9, VIII — 24 раза); в «Тайной истории» — 6 раз; в «О постройках» — 59 раз (I книга — 19 раз, II — 15, III — 9, IV — 8, V — 4 и VI — 4 раза); всего — 165 раз. Среди этой массы контекстов встречаются самые разнообразные: *χῶρος* означает то 'подземный ход', то 'место на солнечной орбите', то 'крепость', то 'провиантские склады', то 'зверинец'. Попробуем, однако, не растеряться в море расходящихся смыслов и нащупать ту исходную семантическую область, из которой началась метафорическая экспансия. Для наших целей необходимо исследовать, какие признаки сопутствуют появлению слова *χῶρος*.

Наибольшее число контекстов — 47 — говорит о *χῶρος* как о некотором замкнутом пространстве (I, 3, 8; 13; 15; 10,4; 9; V, 23,17; VI, 3,4; 5—6; 28,20; VIII, 20,45; 21,13; K, I, 1,30; 42; 46; 65; 4,12; 6,14; II, 3,16; III, 2,12; IV, 6,9—10), очерченном границами государств (II, 1,7; 29,14; VIII, 9,15; 19; 22; K, II, 4,1; 7), окруженном водой (VII, 23,14; 27,17; K, IV, 8,15) или горами (I, 15,12; III, 19,19; IV, 10,7; 19,22; 20,1; VII, 18,9; K, II, 8,15; 16). Отсюда же развивается значение искусственно созданной полости, окруженной толщей земли, — рва (II, 29,36; 37; V, 21,13; VIII, 11, 11; 12,25; K, II, 1,22) или подкопа (II, 27,4; VIII, 11,16; 17,18).

В неразрывной связи с перечисленными 58 стоят еще 30 контекстов, представляющих *χῶρος* как место, защищенное стенами. В 17 случаях это — стационарная крепость (VI, 3,5—6; 4,9; 27,20; K, II, 3,16; 21; 4,10; 6,15; 16; III, 4,17; 6,23; 7,20—21; IV, 6,22; 34; 7,4; 8,19—20; VI, 1,3; 4), в 14 — военный лагерь (I, 18,10; II, 12,32; 30,36; III, 19,1; IV, 13,33 — дважды; 19,16; 22; 20,1; 25; V, 18,2; VI, 20,5; VIII, 27,14; 29,15).

В 45 случаях *χῶρος* — это или холмистый район, или место на вершине либо у подножья горы, или сама гора

(I, 10,4; 9; 17,13; 15; 16; 18,26; II, 11,7; III, 13,22; 19,19; IV, 12,7; 13,33 — дважды; 19,16; 22; 20,1; 25; 24,13; V, 9,20; 15,7; 19,7; 8; 23,2; VI, 23,18; 27,2; VII, 11,23; VIII, 7,7; 9,15; 19; 22; 29,11; 15; K, I, 8,18; II, 3,23; 4,1; 7; 6,15; 16; III, 2,12; 6,9; VI, 4,7). В подобных контекстах подчас содержатся замечания о труднопроходимости данного места или его суровости (II, 2,19; K, II, 10,11; 11,10; III, 5,10; V, 1,4). К этим 45 логически примыкают еще 4 контекста, где говорится о непригодности для людей того или иного района вообще, без специальных указаний на рельеф (II, 1,7; VIII, 26,22; K, II, 8,15; 16).

Третье по значимости семантическое гнездо соотносит *χῶρος* с населенным пунктом: в 25 случаях это конкретно удаленность от городской стены (II, 27,41; 29,36; 37; V, 19,7; 8; 23,4; 15; VI, 4,9; 23,17; VIII, 11,11; 20,45; K, I, 3,3; 4,28; II, 1,22; 3,23; III, 2,12; 5,9; IV, 9,6), причем иногда именно от городских ворот (V, 19,2; VI, 19,7; VIII, 14,2; K, II, 1,27) или с указанием точного расстояния (VI, 27,2; K, II, 3,16; 21), в 5 контекстах описываются определенные участки самой стены (III, 4,34; 21,11; VII, 20,5; 21,15; 22,7). 16 раз *χῶρος* — место, удаленное вообще от города, а не от его стен (II, 1,7; 11,7; 12,32; VI, 20,5; K, III, 7,20—21; IV, 6,34; 8,19—20; V, 1,4; VI, 4,7), и опять-таки часто с обозначенным расстоянием (II, 25,10; III, 19,1; VI, 3,4; VII, 18,9; 23,14; K, II, 2,16; IV, 9,6).

43 раза употребление слова *χῶρος* связано с наличием какой-либо воды: в 21 случае это река (I, 17,6; 13; 15; 16; 11,30; 36; IV, 13,33 — дважды; IV, 19,7; 8; VI, 27,2; VII, 18,9; VIII, 28,7; K, II, 3,16; 21; 6,15; 16; 8,15; 16; IV, 6,9—10; 34; V, 3,5), в 10 — море (VII, 23,14; VIII, 4,9; 9,15; 19; 22; K, I, 8,2; 18; 11,27; IV, 8,15; VI, 3,6), в 6 — водопровод (V, 10,14; VI, 3,5—6; 27,20; VIII, 12,25; K, V, 3,16; 19), в 6 — источник (VIII, 7,7; K, I, 3,6; 7; III, 7,20—21; V, 3,16; 19).

В 38 случаях *χῶρος* обладает собственным именем (II, 1,7; 12; 32; 27,41; IV, 13,33; 19,22; 20,1; 25; V, 23,4; 17; VII, 27,17; VIII, 9,15; 19; 22; 21,13; 29,5; K, I, 1,65; 3,3; 6; 4,12; 28; 6,3; 8,2; 9,12; 13; 11,27; II, 4,1; 7; III, 6,23; IV, 6,9—10; 22; 7,4; 8,19—20; V, 3,16; 19; VI, 1, 3; 4; 3,6).

В 16 ситуациях мы находим на *χῶρος* храм (II, 11,7; VI, 4,9; K, I, 1,30; 46; 65; 3,6; 7; 4,20; 22; 28; 6,3;

14; 8,2; 18; 10,13; V, 1,4), в 2 — гостиницу (K, I, 9,12; 11,27).

12 употреблений слова $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ можно назвать абстрактными — здесь оно выступает как место вообще, например в сопоставлении со временем (III, 25,25; IV, 9,7; 10,19; V, 23,17; 29,14; VIII, 32,21; 33,24; A, II, 10; 17,10; 19,3; K, III, 4,18; IV, 3,4).

В 11 случаях $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ выступает как пространственная точка (I, 4,27; IV, 9,3; VI, 15,11; VIII, 28,7; 33,12; A, 7,27; 9,28; K, V, 3,5), причем в 3-х — как место воинской сродки (V, 8,29; VII, 20,16; VIII, 30,1).

7 раз $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ оказывается лесист (I, 9,15; VIII, 14,2; 27,14; K, I, 3,6; II, 6,15; 16; III, 6,9).

Как же определить то общее, что связывает даже самые разнородные из приведенных выше значений? Можно утверждать, что $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ — это участок, умозрительно выделенный человеком внутри дикой природы и часто уже подвергшийся его цивилизующему воздействию. Полюсам же противостояния природы девственной природе упорядоченной, окультуренной соответствуют слова, однокоренные с нашим: $\chi\tilde{\omega}\rho\alpha$ и $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$. $\chi\tilde{\omega}\rho\alpha$ — обозначение пространства как такового, без четких пределов, без внутренней структуры, обычно без собственного имени, пространства, ничем с точки зрения древнего мышления не одушевленного. $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$, напротив, в первую очередь мыслится строго очерченным в пространстве (в соответствии с этой ограниченностью употреблен и деминутивный суффикс), неразрывно связанным с человеком: отсюда $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ в большинстве случаев означает просто 'населенный пункт'. В $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ семантические поля обоих слов интерферируют. Какие-то его значения (они, пожалуй, преобладают) связываются и переплетаются со значениями $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ — это идея замкнутости, идея вычлененности из пространства благодаря наличию собственного центра тяготения, будь то храм, источник или вершина (подобное вычленение приходит к своему логическому пределу в тех случаях, когда $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ обретает индивидуальное, неповторимое имя), это идея соотнесенности с человеческим жильем и вообще местопребыванием людей. В 7 случаях подобное сближение доходит до отождествления $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ с $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ (IV, 13,33; 20,1; VI, 4,9; VIII, 29,5; K, III, 4,17; в двух случаях эти слова варьируются в разных рукописях: VII, 27,17; A, II, 37). Два контекста приравнивают $\chi\tilde{\omega}\rho\omicron\varsigma$ к $\pi\acute{\omicron}\lambda\iota\sigma\mu\alpha$ (II, 12,32; K, II, 4,10), один — к $\pi\acute{\omicron}\rho\gamma\omicron\nu$ (K, IV, 7,4). Но

все-таки в большинстве случаев χῶρος оказывается больше одного населенного пункта, часто из текста следует, что их там бывает по нескольку (I, 9,15; K, II, 6,15; 16; 8,15; 16; II, 10; III, 3,7; IV, 8,19—20).

С χῶρα интересующее нас понятие роднит его неотрывность от конкретного ландшафта (упоминание о водоемах, горах, лесах), а также способность описывать пространство как категорию. Причудливая сплавленность тех и других значений в слове χῶρος и обуславливает относительную редкость его употребления. Например, в VIII книге «Истории войн» χῶρος встречается 24 раза, χῶρα — 51 раз, χωρίον — 70 раз.

И вот наконец мы подошли к тому контексту слова χῶρος, который и вызвал нашу заинтересованность, — к фрагменту о местах расселения славян (VII, 14,24), цитированному в начале работы; до сих пор мы не включили его ни в один из приведенных перечней. Почему Прокопий употребил здесь именно слово χῶρος, а не τόπος, γῆ или какое нибудь еще? Этот его выбор, как нам кажется, свидетельствует о том, что славянам не была безразлична та земля, на которой они расселялись, как бы часто они ни меняли места поселения. В отличие от кочевников, которым земля представлялась лишь пространством для их передвижений, славяне рассматривали среду обитания как объект своей хозяйственно-культурной деятельности. Поэтому обживаемая ими территория начинала приобретать черты, не свойственные дикой природе (см. выше), и прежде всего она членилась на некие замкнутые, самодовлеющие ячейки, соответствовавшие, видимо, дроблению самих славян на отдельные, более мелкие общности, ἔθνη.

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-ГРЕЧ. δέλααρ И βλῆρ.

В. П. Казанскене

В греческом языке сохранилось считанное количество существительных, представляющих одну из архаичнейших черт индоевропейского праязыка: чередование г-/п-основ в одной парадигме. Поэтому представляется особенно важным, чтобы этот слой греческой лексики получил надежное этимологическое толкование.

Одним из таких имен является ион.-атт. δέλααρ, δελέ-ατος п.¹, в прямом смысле употребляемое как рыболовный

термин «наживка, приманка» (X. Mem. 2.1.4; Plb. 15.21.6) и имеющее переносное значение 'приманка для человека' — 'обман'² (E. Andr., 264; Pl. Ti., 69 d).

Βλῆρ известно из глоссы Гезихия βλῆρ·δέλεαρ. τὸ δὲ αὐτὸ καὶ αἶθμα. παρὰ Ἀλκμαίωνι ἢ λέξις, ср. EM: βλῆρ·αἰωλικῶς τὸ δέλεαρ.

До конца XIX в. обычно сопоставляли δέλεαρ с δόλος m. 'наживка; обман, хитрость', лат. dōlus m. 'хитрость, уловка, обман', др.-исл. tál. Этого мнения придерживались А. Потт³ и Г. Курциус⁴, считая, что в эолийском слове βλῆρ древнее *dl > βλ⁵. Это сопоставление, наглядное с точки зрения семантики, невозможно фонетически: переход *dl > βλ в греческом языке неизвестен. Указав на это, И. Шмидт соотнес др.-греч. δέλεαρ и синонимичные ему δέλετρον и βλῆρ с др.-в.-нем. querdar «esca»⁶. Постулируя начальный лабиовеларный, он восстановил праформы *dēreар и *dēретрон, которые вследствие диссимиляции дали соответственно δέлеαρ и δέлетρον. Первая из них, по мнению Шмидта, в G. Sg. должна была иметь форму *βλέατος или (с контракцией) *βλῆτος; в дальнейшем формы прямого и косвенного падежей были выравнены: в одном случае по генитиву *βλῆτος → βλῆρ, в другом — по номинативу δέлеαρ → δελέατος. Эту этимологию принял и пополнил в основном словообразовательными параллелями Г. Шульце⁷, предполагавший, что βλῆρ возникло путем контракции из *βλῆар и что δέлеαρ соотносится с *βρῆар так же, как βέλεμνον с βλητι λίθφ у Каллимаха, а *dēreар и *βρῆр являются производными от глагола βιβρώσκω 'пожирать, есть' (и.-е. корень *g^her-). Возражения вызвало толкование исхода корня: диссимиляция, необходимая для объяснения перехода *dēreар > δέлеαρ и *βρῆр > βλῆρ не действует, например, в именах πεῖραρ, φρέαρ (Chantraine I, 260; Frisk I, 360). Поэтому Я. Фриск (Frisk I, 361) склонен предпочесть сопоставление др.-греч. δελέαρ с арм. klaném, аорист ekul 'глотать', сюда же относится и слав. *glъть, русск. глот m. 'горло, глотка' (костр., онеж.), 'то, что можно проглотить за один раз' (пск.), с.-хорв. gŭt m. 'горло, глотка', 'глоток', словен. gòlt m. 'пасть, глотка' и т. д. (ЭССЯ 6, с. 158—159), сюда же и лат. gula 'горло', gluttiō 'глотать', ср.-в.-нем. kel[e], др.-в.-нем. kela, нем. Kehle f. 'горло'⁸, др.-ирл. gelid 'глотает, ест'. Но сам Я. Фриск указывает и на недостаток данного сопоставления: если для латинского, армянского, славянского и особенно для германского и кельтского восстанавливается корень с началь-

ным *g-, то для греческих δέλεαρ и βλήρ приходится реконструировать *gⁿ-⁹.

Ни одна из предложенных этимологий не была принята П. Шантреном. Он отметил, что с точки зрения греческого языка наилучшим было бы связывать δέλεαρ с δόλος, разделить δέλεαρ и βλήρ и отказаться от идеи 'глотать' (Chantraine I, 260).

Следует обратить внимание на два обстоятельства: 1. Греческая рыболовная терминология в основной части этимологически прозрачна, ср.: βόλος м. 'забрасывание, сеть' от глагола βάλλω 'бросать', δίκτυον п. 'сеть' от δικάειν 'бросать', ἀλιεύς 'рыбак' от ἄλς f. 'море' и проч. Кроме того, термины такого рода отличаются большой консервативностью: многие из них до сих пор употребляются в новогреческом языке. 2. 'Наживка, приманка' во многих языках имеет ясную этимологию. Часто она связана с идеей еды (ср. лат. esca, нем. Köder, франц. amorce — субстантивированное причастие от др.-франц. amordre 'кусать'¹⁰ и проч.), с идеей приманивания (лат. illicinium от глагола illiciō 'приманивать', чему семантически соответствует русск. *приманка* от *приманивать*, лит. pūsalas от pū-sinti).

Мы предлагаем отнести др.-греч. δέλεαρ и βλήρ к глаголу βάλλω 'достигать (стрелой)', 'бросать' и т. д. То, что начальное β- в этом глаголе восходит к *gⁿ-, показывает аркадская форма с вокализмом корня -e-: -δέλλω в ἐσδέλλω = ἐκβάλλω, а также глоссы Гезихия ζέλλειν. βάλλειν и ἔζελεν ἔβαλεν. Таким образом, в основе этого глагола лежит корень *gⁿel-, хотя надо сказать, что общепринятой этимологии этот глагол пока не имеет (Chantraine I, s. v.; Frisk I, s. v.). Βάλλω послужил базой для огромного числа дериватов, при образовании которых используются три вида корня: а) βολ-; б) βλη-; в) βελ-; некоторые из этих имен прочно вошли в рыболовную терминологию:

а) из имен с первым видом корня можно упомянуть следующие: βόλος м. (Aesch.) 'закидывание (сети)', а также сама 'сеть'. Это имя входит как второй элемент в сложное существительное ἰχθύ-βολος м. (Aesch.) 'прозающий рыб (острой), рыбак' и синонимичное ему ἰχθυο-βολεύς м.; ἀμφί-βολον п. 'сеть, невод'; наряду с βόλος имеется существительное жен. рода βολή (Hom.) 'метание, бросок; удар'. От предыдущих двух существительных образован деноминатив βολίς, -ίδις (поздн.) 'метательное копьё; игральная кость'; βολιστικός м. (Plut.) = τῶν δικάτων γένος 'закидная

сеть' — производное от глагола βολίζω; изолированно стоит βολετισμός 'рыболовная ловля на уде' (Oрас. in Ath. Mitt. 25.399), образованное от незасвидетельствованного *βολετίζω или *βόλετος;

b) от корня βλη- образованы: βλητι λίθω у Каллимаха; ἀ-βλής ιός (Hom.) 'не спущенная с тетивы стрела'; βλήμα п. (Hdt.) 'бросок'; ἀμφίβλητρον п. (Hes.) 'сеть, невод, тенета'; прилагательное -βλητος встречается только в композитах: ἀμφίβλητος (E.) 'накинутый, надетый';

с) Корень βελ- присутствует в: βέλος п. (Hom.) 'метательный снаряд, стрела'; βελόνη (Vatg., Emped., Aesch.) 'острие, игла'; Pl. ном. βέλεμνα (3 раза в «Илиаде») 'боевая секира' и др. Начальный согласный в βελ- исследователи объясняют аналогией с βάλλω (Chantraine I, s. v. βάλλω; Frisk I, s. v. βάλλω).

Зато вполне правомерно сюда вписывается ступень корня δελε-, которая с βολ-, βλη- (δέλε-ар ~ βόλος ~ βλήμα, βλήρ) соотносится так же, как τερε- : тор- : τρη- в τέρε-τρον п. (Hom.) 'бурав' ~ τρή-μα п. (Plato, Arist.) 'дыра, отверстие' ~ τήρ-μος м. (Hdt.) 'просверленное отверстие' или γενε- : γνη- : γον- в γενέτορ м. (Eur.) 'родитель' ~ κασί-γνητος м. (Hom.) 'брат' ~ γόν-ος м. (Hom.) 'рожденный; ребенок'.

Что же касается начальных δ- в δέλεар и β- в βλήр, то они являются закономерными рефлексамии индоевропейского лабиовелярного *g^h перед е и согласными, ср., например, др.-греч. δείρη (Hom.) 'горло', βορά (trag.) 'корм' и βι-βρώσκω 'пожирать, есть' (и.-е. корень *g^her-) ¹¹. Отсутствие контракции в δέλεар позволяет предполагать, что между гласными ea находилось *ц, препятствовавшее в аттическом диалекте слиянию этих звуков ¹². Таким образом, восстанавливается праформа *dele-цг. Форма δείλαρ < *δέλ-Γар < *dele-цг (Call., fr. 177, 17), как показал О. Семереньи ¹³, является поэтической. Для род. падежа δελέατος восстанавливается праформа *dele-цг-tos. Таким образом, *dele-цг/-цг-tos хорошо вписывается в словообразовательную модель с меной г-/п-основ в одной парадигме, ср.: εἶδαρ, -ατος п. (Hom., Hes.) 'пища' < *ed-цг, *ed-цг-tos от глагола ἔδω и т. д. ¹⁴ Если βλήр и δέлеар восходят к глаголу βάλλω, из двух альтернативных праформ, восстановленных Я. Фриском, — *βλέ(F)ар и *βλή(F)ар, оказывается возможной лишь последняя, соотносимая с аблаутом корня δελε-: βολ- : βλη-. Единственно «эолийской» (ср. EM) в этой форме является контракция: в отличие от аттического диа-

лекта в эолийском два гласных, разделенных дигаммой, могли подвергаться слиянию уже у лириков¹⁵.

Предложенное сопоставление δέλεαρ и βλήρ с глаголом βάλλω не противоречит выводу П. Шантрена о том, что большинство греческих имен на -αρ обозначает предмет или объект действия¹⁶. Более общим аргументом в пользу этого сопоставления служит тот факт, что в самом греческом языке большое число производных от глаголов со значением 'бросать' вошло в рыболовную терминологию. Кроме уже упомянутых можно назвать следующие: καθ-ετήρ, -τήρος m. (Artem.) в одном из значений — 'уда', καθ-ετος f. (Aep. Tact. 32,6) 'уда' и καθ-ετος m. (scil. ἀμνός, βοῦς) 'животное (баран или бык), бросаемое в море в качестве жертвы Посейдону' (Lys., fr. 2,27) образованы от καθ-ίημι. От глагола παρα-βάλλω 'подбрасывать' образовано имя παράβλημα n. (Eust. 1406, 25) со значением 'то, что подбрасывается, корм'. Особенно интересно, что греч. βόλος, заимствованное в латинский язык, сохранило исконные значения 'бросок игральной кости', 'забрасывание сети', 'улов', а также 'приманка' (ср. is primus bolu 'st у Плавта). Последнее позволяет предполагать, что и др.-греч. βόλος также имело значение 'приманка', текстами не засвидетельствованное. В том же самом изосемантическом ряду стоит и русский глагол *лукать* 'докинуть, подать броском' и производное *прилука* 'приманка, прикормка, привада'¹⁷. Литовское существительное metinỹs m., образованное от глагола mēsti < *mēt-ti 'бросать', также имеет сходные значения: 'снаряд', 'небольшая рыболовная сеть', 'донка, перемет'¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср., однако, Schol. ad Odys. XII, 252: ἰχθύσι τοῖς ὀλίγοισι δόλον κατὰ εἶδατα βάλλον, где по поводу слова εἶδατα сказано: οὕτως ὁ Ἀρίσταρχος ὁ δὲ Καλλίστρατος δεῖλατα. Правильным последнее чтение считал, например, Г. Шульце (*Schulze G. Quaestiones epicae. Guetersloh, 1892, S. 103*).
- ² Эта метафора настолько часта, что Ж. Тайярда считает ее банальной (*Taillardat J. Les images d'Aristophane. Etudes de langue et de style. P., 1962, p. 223*).
- ³ *Pott A. F. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd 2. Lemgo, 1869, S. 326*.
- ⁴ *Curtius G. Grundzüge der griechischen Etymologie. 4. Aufl. Leipzig, 1873, S. 236*.
- ⁵ *Ibid.*, S. 476.
- ⁶ *Schmidt J. Zwei arische a-Laute und die Palatalen. — KZ, 1881, Bd 25, S. 153*.
- ⁷ *Schulze G. Op. cit.*, p. 102—103.

- ⁸ Das Herkunftwörterbuch. Die Etymologie der deutschen Sprache von J. Duden. Mannheim—Wien—Zürig, 1967, S. 319.
- ⁹ Встречающееся в лингвистической литературе мнение о смешении и.-е. *g- и *g^h- в начале слова пока нельзя считать доказанным: привлекаемые слова часто имеют недостаточно надежную этимологию. Например, И. Тышлер (*Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar mit Beiträgen von. G. Neumann, Lieff. 1—3. Innsbruck, 1977—1979, S. 592—593), сближая хет. kišt- (и.-е. корень *ges-) с др.-греч. ἀβένυσι (и.-е. корень *g^hes-), подкрепляет его сопоставлением др.-греч. δέλεαρ и др.-в.-нем. kela.
- ¹⁰ *Gamilscheg E.* Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1928, S. 34.
- ¹¹ Другие примеры на двоякое отражение и.-е. *g^h в древнегреческом языке см.: *Lejeune M.* Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris, 1972, p. 48; *Schwyzler E.* Griechische Grammatik, Bd I. München, 1953, S. 295.
- ¹² *Schwyzler E.* Op. cit., S. 228.
- ¹³ *Szemerényi O.* Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964, p. 105.
- ¹⁴ Греческие имена на -ар см. также: *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. Пер. с франц. М., 1955, с. 140—142; *Chantraine P.* La formation des noms en grec ancien. P., 1933, p. 217—218.
- ¹⁵ *Bechtel F.* Die griechischen Dialecte, Bd I. B., 1921, S. 14.
- ¹⁶ *Chantraine P.* Op. cit., p. 217—218.
- ¹⁷ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, с. 423—424.
- ¹⁸ *Lietuviu kalbos žodynas*, t. VIII. Vilnius, 1970, p. 114.

НАЗВАНИЯ ХЛЕБА В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Н. Н. Казанский

Древние греки различали несколько видов хлеба. Во-первых, был известен хлеб из ячменной муки — $\mu\alpha\lambda\alpha$. Название этого хлеба выступает у Архилоха в составе словосочетания, очень напоминающего индоевропейские тавтологические формулы: $\mu\alpha\lambda\alpha$ $\mu\epsilon\mu\alpha\chi\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$. Это позволило сближить слово $\mu\alpha\lambda\alpha$ с глаголом $\mu\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ (Frisk, s. v.; Chantaine s. v.), хотя при этом и осталась необъясненной долгота корневого гласного, который должен был бы закономерно перейти в / \bar{e} /, так что нельзя исключить, что Архилох (фр. 2) на основе народной этимологии сам составил формулу, сходную с древними индоевропейскими. В таком случае, вероятно, пришлось бы снова в поисках

источника заимствования рассмотреть и сходные по звучанию названия хлеба в семитских языках.

Хлеб из ячменной муки противопоставлен хлебу из пшеничной муки — σίτος и ἄρτος. Эти понятия соотносятся между собой как родовое и видовое. Более определенное различие провести намного труднее. В классическую эпоху на базе этих слов возникают многочисленные композиты, как по форме, так и семантически равнозначные. В поэмах Гомера, по мнению традиционных толкователей, оба слова имеют одинаковое значение.

Слово ἄρτος засвидетельствовано всего дважды в «Одиссее» (XVII, 343; XVIII, 120), причем по крайней мере в первом случае его можно заменить словом σίτος, метрически равноценным. Таким образом, приходится думать, что употребление слова ἄρτος не вызвано метрическими соображениями, и мы вправе ожидать различия в семантике этих двух слов.

Обратимся к тексту. В описании пира у Гомера, как правило, упоминается σίτος. Его заботливо и доброхотно отпускает ключница (ср. Od. X, 371; XV, 138; XVII, 94; II. IX, 216; XXIV, 625). Слово ἄρτος оба раза встречается при описании пира женихов. Подготовка к этому пиру ничем не отличается от других: приносится σίτος (Od. XV, 138; XVII, 259; XVII, 335; XX, 254), куски хлеба (σίτος) уносят по окончании пира (Od. XIX, 61), т. е. угощение полностью совпадает с тем, какое описано в эпосе неоднократно. Но вот дважды появляется слово ἄρτος:

Τηλέμαχος δ' ἐπὶ οἱ καλέσας προσέειπε συβώτῃ
ἄρτον τ' οὖλον ἐλών περικάλλεος ἐκ κανέοιο
καὶ κρέας, ὡς οἱ χεῖρες ἐχάνθανον ἀμφιβαλόντι. (Od. XVII, 343)

Ἄμφινομος δὲ ἄρτους ἐκ κανέοιο δῶμα παρέθηκεν ἀείρας
καὶ δέπαϊ χρυσέωι δειδίσκετο φῶνε σὲν τε. . . (Od. XVIII, 120)

В этой же сцене дважды встречается слово σίτος, причем речь также идет о наделении Одиссея едой: οἱ δ' ἄλλοι πάντες δίδοσαν, πλήσαι δ' ἄρα πῆρην/σίτου καὶ κρεῖων (XVII, 412); в речи Одиссея к Антиною: οὐ τί μοι ἔτλης σίτου ἀποπροελὼν δομένα (XVII, 456).

В чем же может заключаться в данном случае различие? Рассмотрим общую ситуацию. Все присутствующие на пиру дают Одиссею σίτον, Антиной отказывает ему и в этом. Лишь два человека — Телемах и Анфином, выделяющийся из общей массы женихов своим разумным поведением, — дают Одиссею ἄρτον. Была ли у них возможность выбора

двух разных видов хлеба (из одной корзины, как явствует из контекста) или ее не было, более почтительное их отношение очевидно. Вполне правомерно поэтому предположение, что и Телемах и Анфином подали Одиссею какой-то особый хлеб, не такой, какой употреблялся обычно. Каким же он был и в чем его отличие от *σίτος*? Это отличие могло быть только наследием крито-микенской эпохи. В крито-микенских текстах засвидетельствовано слово *si-to*, при том, что *ἄρτος* обнаруживается только в композите *a-to-ro-ro* = *ἄρτοροπος* 'хлебопек', ср. греч. *ἄρτολόπος* (Hdt. I, 51)¹. Слово *si-to* с последующими идеограммами пшеницы или ячменя исследователи толкуют скорее как 'зерно', а не собственно 'хлеб'. Такая интерпретация опирается и на ряд гомеровских словоупотреблений. Речь идет о тех случаях, когда люди противопоставляются богам (ср. II. V, 341; Od. VIII, 222 и др., а также глагол *σιτοφαγεῖω* 'питаться человеческой пищей'). Следует отметить, что помимо написания *si-to* существуют достаточно веские аргументы, чтобы видеть это слово в идеограмме 120 линейного письма В, продолжающей соответствующий знак линейного письма А (L42), прототип которого в свою очередь обнаруживается в критской иероглифике. Первым на это указал В. Ф. Вайатт², предположивший, что в Пилосе сочетание знаков *si+to* превратилось в идеограмму. Более обстоятельно эти знаки обследовал К. Руэйг³, пришедший к выводу, что знак *si* представляет собой модификацию идеограммы GRANUM, которая в свою очередь восходит к стилизованному рисунку, зафиксированному критской иероглификой. Таким образом, интерпретация К. Руэйга добавляет еще один пример на использование акрофонического принципа при создании линейной письменности, что известно из сопоставления знака 30 линейного письма В *ni* — χ и идеограммы 'смоковница' — χ (*νικόλεα* Athen. III, 76), принадлежащего Г. Нойманну⁴. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что слово *si-to* существовало в языке линейного письма А, из которого было заимствовано в греческий.

Данные микенских текстов указывают по крайней мере на более сложную технологию изготовления хлеба *ἄρτος* и одновременно на меньшую его распространенность в хозяйственной жизни, что подтверждает выводы, сделанные на основании «Одиссеи». Естественно подозревать и различие в качестве получавшегося хлеба. Есть и еще одно соображение, подтверждающее этот вывод. В христианском

культе нашел отражение только термин **ΠΡΟΣΕΪ**, заимствованный в такой форме в церковнославянский из среднегреческого. Можно думать, что не случайно именно **ἄρτος** приобрел важное культовое значение.

Слово **ἄρτος** признанной индоевропейской этимологии не имеет. Предложенные объяснения: **ἄρτος** как производное от **ἀραρίσκω** 'скреплять, соединять'⁵ или возведенное к корню *аг- 'пахать'⁶, не учитывают ударения на первом слоге; первое из них, кроме того, неудовлетворительно с точки зрения семантики. Семантические параллели вообще обнаружить не просто, так как в большинстве индоевропейских языков названия хлеба лишены этимологии и представляют собой заимствования⁷. Исходя из предположения о заимствовании, В. Пизани⁸ предложил видеть источник в иран. *arta- 'мука', авест. aša, перс. arð-, восходящем к и.-е. *al- 'молоть'. Семантически переход 'мука' → 'хлеб' не подтвержден, и, кроме того, микенские факты, предшествующие появлению иранцев в Малой Азии, требуют как будто отказаться от иранского источника.

Иное развитие видит И. Губшмид⁹, сближающий **ἄρτος** с баск. arto 'кукуруза, хлеб из кукурузы', исп. (провинция Леон) artaguiton 'запеканка с яйцами', др.-исп. artal 'разновидность пирожного', ст.-каталон. artaltz 'коврижка' (?). Д. Короминас¹⁰ сюда же относит португ. artessa из *artissia 'прямоугольный ящик для замешивания хлеба'.

Одного греко-иберийского сближения недостаточно, чтобы показать субстратное происхождение слова **ἄρτος**. Нам представляется возможным предложить несколько новых сопоставлений, продолжающих идею Губшмида.

Кажется очевидной возможность сопоставить греческое **ἄρτος** с лувийским иероглифическим arsa- 'хлеб', встречающимся, например, в надписи из Каркемышы (Kargamis A 11 a 4): wa-tú-tá-, PAIN ar-sá-n METTRE- wa-há 'и я предложил ему хлеб arsa-'¹¹. При определении фонетического соответствия между греческим **ἄρτος** и лув. иер. arsa- следует иметь в виду целый ряд примеров на соответствие хеттского -t- лув. -s-, таких, как хет. **ḫett-**, **ḫitt-** 'год', лув. ušša-, лув. иер. usa- 'год', и.-е. корень ***ḡet-**. Как бы ни объяснять эти примеры — фонетически¹², морфологически¹³ или же влиянием хурритского языка, подобных примеров достаточно, чтобы говорить о регулярности соответствия¹⁴. Но само слово arsa- этимологии

также не имеет. Обращалось внимание на определенное сходство его с хет. NINDAḫarši-, что сомнительно из-за соответствия начального хет. ḫ- лув. a-. Хет. NINDAḫarši- также убедительной этимологии не имеет; считать его субстантивированной формой прилагательного ḫarši- 'объемистый, толстый' кажется не слишком удачным, если только не подозревать контаминацию лув. arsa- с прилагательным ḫarši-.

Возможно, что греч. ἄρτος находит соответствие и в Угарите. Речь идет об угарит. ʔrt, которому И. Айслейтнер придал значение «Gemüse?»¹⁵, опираясь на сравнение с др.-евр. ʾōrāh. Текст оракула, в котором это слово единожды засвидетельствовано, — «страна родит арт» (tlt/m[ʔ]t/ʔrt) — позволяет, как кажется, сопоставить угарит. ʔrt с лув. arsa- и греч. ἄρτος.

Лингвистическая сторона данного сопоставления только допускает, но никоим образом не доказывает родство лувийской иероглифической и греческой форм. Попробуем обратиться к внешнему виду хлеба. Зафиксирован он для нас самими знаками лувийской иероглифики № 181:

☉ и ☉. Несомненно, что оба знака передают именно внешний вид хлеба — вид сверху. Концентрические круги в таком случае могут передавать только одно — хлеб состоял из двух частей, причем верхний хлебец в виде лепешки помещался на более массивном нижнем. Этот тип хлеба был известен и в Греции, где он в этом виде дожил до наших дней в церковной просфоре. Любопытно, что число точек на лувийских знаках имеет только два варианта: их может быть четыре или семь. Первый вариант имеет соответствие в письменности линейного письма В —

☉ № 78, а второй — в письменности Фестского диска —

☉ № 12. У нас нет свидетельств об изготовлении такого типа хлеба в Древней Персии, однако на основании распространения гигантских караваев «двухъярусного» хлеба в отчетливо архаических по культуре ираноязычных ареалах (например, в Вахане хлеб-кумоч¹⁶) можно говорить о том, что граница распространения хлеба этого типа включала в древности и Малую Азию. «Двухъярусные» хлебы известны по раскопкам Помпеи и Геркулана в Италии. В римской литературе о таком хлебе упоминается в проществе об основании Рима, ср.:

107 Aeneas primique duces et pulcher Iulus
corpora sub ramis deponunt arboris altae,

instituuntque dapes, et adorea liba per herbam
sibiiciunt epulis (sic Iuppiter ipse monebat),
et Cereale solum pomis agrestibus augent.

116 «Neus, etiam mensas cosumimus» inquit Iulus.

(Virgil. Aen. VII)

Таким образом, «двухъярусный» хлеб был распростра-
нен почти по всей территории Средиземноморья, выделен-
ной акад. Н. И. Вавиловым в отдельный центр происхож-
дения культурных растений. Греческое ἄρτος также на-
ходит лингвистические параллели от баск. arto до лув.
arsa-. На основании гомеровских поэм можно заключить,
что ἄρτος отличался от повседневно употреблявшегося
хлеба (ἄπιτος), а лувийские иероглифы показывают возмож-
ность совпадения реалии «двухъярусного» хлеба и тер-
мина *art-.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Chadwick J., Baumbach L. A Mycenaean Greek vocabulary. — Glotta, 1963, Bd 41, S. 157—271 s. v.
- ² Wyatt W. F. The Mycenaean ideogram 120 GRANUM. — Kadmos, 1968, Bd 7, S. 100.
- ³ Ruijgh C. J. L'origine du signe *41 (si) de l'écriture linéaire B. — Kadmos, 1970, Bd 9, S. 172—173.
- ⁴ Neumann G. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A. — Glotta, 1958, Bd 34, S. 156—158.
- ⁵ Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. . . Göttingen, 1892 s. v.
- ⁶ Отхупициков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразова-
ния. Л., 1967, с. 222.
- ⁷ См., например: Оранский И. М. Об одной ирано-тюркской се-
мантической параллели. — В кн.: Turcologica. Л., 1976, с. 121—
126.
- ⁸ Pisani V. Sostrati anarii e indoeuropeo occidentale. — Paideia,
1954, v. 9, p. 3—17.
- ⁹ Hubschmid J. Sardische Studien. Des hispano-kaukasische Sub-
strat. — In: Romano-Helvetica, VI. Bern, 1953, S. 104.
- ¹⁰ Corominas D. Diccionario rítico etimológico Castellano e Hispánico,
v. I. Madrid, 1980, p. 362—363.
- ¹¹ Laroche E. Les hiéroglyphes hittites, v. I. L'écriture. P., 1960,
N 181.
- ¹² Bossert H. Th. Die phönizisch-hethitischen Bilinguen von Karatepe,
5. — Jahrbuch für Kleinasiatische Forschungen, 1952—1953, Bd 2,
S. 171 sq.
- ¹³ Van Brock N. Luvian S, Hittite -t-. — Glotta, 1968, Bd 46, S. 117—
121.
- ¹⁴ Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden,
1962, S. 55.

¹⁵ Aislettner J. Wörterbuch der ugaritischen Sprache. В., 1974 (1963), N. 429.

¹⁶ Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Ваханский язык. М., 1976, с. 173, 182.

КАРПАТСКАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛЕКСИКЕ ИНЫХ ЗОН СЛАВЯНСКОГО МИРА.

7. *palan(V)k-

Г. П. Клепикова

Многочисленные труды по карпато-украинской диалектологии свидетельствуют о том, что лексема *паланок* (pl. t. *паланки* и под.) с основным значением 'забор из досок, планок, штакетник' распространена в Закарпатье¹. Материалы ОЖДА в целом подтверждают границы ареала активного функционирования лексемы и вместе с тем указывают на наличие ее в некоторых соседних гуцульских говорах, с одной стороны (ср.: *ра'танок* 'секция в ограде из штакетника' — с. Яблунца Ивано-Франковской обл.; фиксируемое в буковинских говорах *ра'лапка* 'забор из досок' — с. Турятка, Глубокский р-н — оценивается информаторами как «молдавское»), и в лемковских говорах на территории Словакии — с другой: *ра'лапка* 'толстая жердь, прибитая в заборе горизонтально', *ра'ланка* 'забор из горизонтально прибитых досок', 'штакетник', 'поперечная доска в нижней части оконной рамы', 'неотесанное бревно'; также в языке бачванских украинцев (Югославия): *паланка* 'сруб колодца'². Иной круг значений отражен в словарях: *паланка* 'небольшое укрепление, обнесенное частоколом', '(у запорожцев) полковое укрепление, место пребывания полковника с другими должностными лицами полка, а также округ полковника' и 'печь в косарском таборе' (Гринченко III, 88; повторено в кн.: Словник української мови, т. VI. Київ, 1975, 20). Лексема зафиксирована и в качестве гидронимов: *Паланка* (название рек — Винницкая, Черкасская, Харьковская обл., название села — Черкасская обл.)³.

Из других восточнославянских языков ср.: русск. *паланка* 'городок, укрепление из кольев, свай, палисад' (иногда 'земляное укрепление без бастиона') (Даль III, 10) и 'укрепление с частоколом' (Фасмер III, 190).

В западнославянских языках наибольшее число фиксаций данной леммы приходится на словацкий язык (и его диалекты), ср. словац. диал. *palanga* 'поперечное бревно моста', *palange* (pl.) 'бревна пола в хлеве' (р-н Новоград) ⁴, *palanka* 'ограда' (обл. Земплин) ⁵, *palanki* (там же, р-н Михаловце) ⁶, ср. и отдельные примеры в материалах ОЖДА: '*pa:lanek* 'жерди на галерее, на которых сушат свясла' (Западная Словакия), '*pa:lanek* 'пол в хлеве' (Юго-Западная Словакия), '*palant* 'бревно (для строительства хлева, моста и под.)' (Северо-Западная Словакия), '*palank* 'загон для скота' (Северо-Восточная Словакия), *pa'lanek* 'забор из досок', 'каменная ограда вокруг церкви, кладбища' (Восточная Словакия), 'бревно между двумя столбами (в деревянной постройке)' (там же), *pa'lanka* 'поперечное бревно под полом в конюшне' (там же). Сведения о лексемах с данным корнем содержатся лишь в некоторых словарях, ср.: *palang*, *palánk*, *palanku* 'забор из досок, колотых жердей', *palánke* 'колышек для укрепления чего-л.', *palanka* 'бревно в срубе колодца' и под. (Kálal, с. 447; отсутствует в SSJ и др.).

В чешском слово *palanka*, по-видимому, исключительно книжное, ср. его значение 'поселение казаков' (PSJČ IV, 30; SSJČ, II, 488) с указанием, что ближайший источник — русский язык, куда оно заимствовано из турецкого, а в последнем — из греческого.

В словарях польского языка: *pałanka*, *palanka* 1) 'укрепление (в турецкие времена) чаще всего из дерева'; 2) '(у запорожцев) место, где находится полковник или старшина (также округ под его началом)'; 3) 'деревянный дом (с пристройками)' (Варшавский словарь IV, 24; там же дано *palanka* 'сумчатое животное' неясного происхождения). В SJP (VI, 50) — только *palanka* '(историч.) укрепление — земляной вал и частокол; место, окруженное валом и частоколом', и значения, упомянутые в Варшавском словаре (*ibid.*), 2-е и 3-е. Диалектные фиксации редки, ср. *pa'lanek* 'обрезок при обтесывании бревна (когда делают ограду)' (восточная часть южнопольской зоны — ОЖДА). Приведенное Я. Карловичем (Karłowicz IV, 12) *palantować* 'бить' и под. прямо не связано с интересующим нас словом (см. и *palant* 'палка' — Brückner, 391).

География и семантика различных фонетико-морфологических вариантов с корнем (основой) *palank-* в румынских диалектах описывается в DLR (VIII, 28). В качестве редко

ныне употребляемого указывается *palancă* 'частокол, ограда'; чаще всего фиксируется группа значений, связанных с различными видами оград. Так, в Трансильвании *palan(c)*, *palant*, *pălan(t)*, *pălând* 'забор из досок' (там же), ср. и *palánt* (р-н Бистрица — MCD I, 286), *palanc(ă)* 'то же' (Клопотива)⁷, *pălant(-c)* 'забор из планок' (р-н Салаж — ALR II, № 267), *pălanc* (р-н Хунедоара — там же), *pălant* (Добока, Нэсэуд, Турда — там же), *palancă* (Арад — JIRS IV, 330), *palán* (Мусчел — ALR II, № 26), *păláng* (Хунедоара — там же, № 267; также MCD I, 263), ср. и *palánt de drot* (Турда, Арджеш, Сату Маре — ALR II, № 267)⁸. Сходные значения отмечаются и в обл. Марамуреш: *palánt* 'забор из досок'⁹, ср.: *pa'lant* 'забор из вертикальных или горизонтальных досок' в румынских говорах Восточного Закарпатья (ОКДА), в ALRR Mar.

(№ 281) — ^a*pălant*, ^ă*palant* 'забор из досок (вокруг дома или огорода)', *palan* 'большой забор' (Вишеу — Arvinte, 52); известны однокоренные лексемы и в говорах Олтении: *pălăior*, *pălănuț* (dem. от *pălan*) — *un pălăior de stacheți* (Арджеш — Udrescu, 196), *pălan* 'забор из больших, широких досок' (р-н Вылча)¹⁰, ' ~ из досок' (Зап. Сибиу)¹¹; далее — в Банате: *pălan* 'забор из досок' и *pălancă* 'то же'¹².

Результатом семантического развития описанной выше группы значений можно считать семантику соответствующих лексем, связанную с некоторыми видами укрытий для скота: 'место около дома, огороженное толстыми досками, поставленными наклонно (чтобы зимой могли укрыться овцы, козы)' (Олтения — DLR VIII, 28), *pălânc* 'непокрытый загон из срубленных кустов' (р-н Жиу — Viciu, 64), в Олтении, Банате, Юго-Западной Трансильвании — 'примитивная постройка, где прячутся овцы, козы' (там же); близко к этому и отмеченное в Молдове и Мунтении ' ~ для скота в селе или в горах, на двух столбах, поддерживающих жердь, на которую кладут солому, листья' (там же); многозначным оказывается *pălancă*, *palancă* в р-не Бая-де-Арамэ: 'укрытие для скота', '(наклонная) ограда, где укрываются овцы, сделана вокруг хутора', 'укрытие для лесорубов'¹³; в Олтении — и 'навес, продолжающий крышу дома, для укрытия от непогоды' (например, в р-не Турну Северин — *palancă*¹⁴), *pălîng*, *pălâng* 'укрытие для овец' (Олтения — ALR sn, № 393), *palangă* 'навес над летней кухней' (Тыргу Жиу — DLR VIII, 28), а в Трансильвании — 'навес над забором, воротами'

(р-н Беюш)¹⁵. Указанные значения отражаются в словарях современного литературного языка следующим образом: *palancă* '(обл.) название примитивной постройки, служащей оградой, укрытием для животных' (DEXpl, 645; DLRLC III, 305). В некоторых районах Румынии известно и *palancă* 'один из толстых кольев, из которых делают ограду или вокруг которых плетут плетень' (Банат — DLR VIII, 28), далее — *pălanc* 'планка, доска' и *pălang* 'кол, на котором сушат глиняные горшки' (Себеш — там же).

Из единичных значений, приведенных в DLR, укажем: *palancă* 'лес, поваленный ветром', 'сушняк, пни, принесенные паводком' (р-н Ватра Дорней; 'то же' с пометой «устаревшее» — Tamás, 585), 'покос' (р-н Гура Хуморулуй), 'мостик, верхняя часть шлюза' (Лугож). В качестве специального (фортификационного) термина см. и диал. *palankă* 'Zaunbefestigung' (р-н Бакэу — JIRS VIII, 228), ср. его наличие в DEXpl (645 — *palancă* 'палисад') и DLRLC (III, 305 — *palancă*, *palangă* 'то же'); как термин лесного дела лексема известна в р-не Рэдэуць ('бревна, по которым загружают лес в вагон'), Карансебеш ('бревно, по которому поднимают стволы деревьев для распиливания на доски'). Помимо апеллятивов на территории Румынии отмечено и некоторое число топонимов, ср.: *Palanga* (ручей)¹⁶, также *Palanca* (село, гора)¹⁷.

В ДМР (п. 463) *palánkă* включено со значением 'палисад'. Данные ОЖДА показывают распространение лексемы на молдавоязычной территории, ср. апеллятив *pa'lanckă* 'мера длины, 3 м' (север МССР), однако большинство фиксаций — топонимы: *Pa'lancka* (хутор в СРР, Буковина), *Pa'lancka* (села в Дрокийском, Суворовском, Каларашском р-нах МССР)¹⁸.

На восточнороманской территории интересующие нас лексемы бытуют как будто лишь к северу от Дуная; так, в арумьинском см. фиксацию только *palangă*, *plangă* в значении 'пряжка и под.' (Prahagi, 860 — с указанием на неясное происхождение слова).

Наконец, в карпатской зоне лексема отмечена и в венгерском (по данным MNyTESz III, 68, с XV в.): *palánk*, *palank*, *palánkia*, *paláng*, *palánt*, *palláng*, *pallánk*. Значение 'частокол' определяется как наиболее старое (с XV в.), далее — 'укрепление с частоколом', 'планка, доска' (XVIII в.), 'Schiffsplanke' (XIX в.); представлена лексема и в диалектах на территории Венгрии, например: *palánk* 'ограда из досок и под.', *Palánkos* (топоним) (обл.

Орманьшаг — Kiss, 423); в северо-восточных говорах: *pa'lo:nk*, *'rola:nk* 'забор из вертикальных плотно сбитых досок', 'забор для снегозадержания', иногда 'боковая стена хлева' (ОКДА); лишь топоним *Palánk* (>*Palámb*) и прилагательное от последнего *palánki* — в р-не Сегеда (*Bálint*, 261, 262); ср. и в венгерских говорах Закарпатья: *palánk* 'забор из досок' (КДА, карта № 134) и *'rola:nk* 'то же', 'забор из кольев' (ОКДА). В словарях даны и варианты — *palánka* (с XVII в.) и *palanka* (XIX в.) 'небольшая крепость, окруженная частоколом' (МНУТЭСЗ).

Весьма скудными оказываются фиксации однокоренных лексем в южнославянских языках. Так, в болгарском их наличие отмечают преимущественно словари: *палánка* 'городок, местечко' (Геров IV, 7), *палánка*, *палánчица* 'то же' (Младенов, 409), *палánка* 'маленький город' (РСБКЕ II, 464) и под.; в диалектах встречается редко; нам известны следующие случаи: *палánка* 'парник' (Банат)¹⁹ и топонимы *Паланското* 'равнина' (р-н Лом), *Палánке* 'село'²⁰, у *Палánку* (р-н Лом), *Паланки* (р-н Клисура)²¹. Несколько шире представлена основа в болгарской антропонимике²²: *Паланкалийев* (<диал. *паланкалийа* 'житель г. Крива Паланка', 'кто жил в Крива Паланка') (Благоевград, Панагюрище), *Палánков*, *Палánковски* (<*Паланка* (город, село) (с пометой «такива има много») (Велинград, Ботевград), *Палáнов* (<*Палánков* (Велинград), *Палánски* (<*Палánката* — р-н Лом), *Палánчански* (<*палánчанин* 'житель г. Крива Паланка' — Ст. Димитрово), *Палánчев* 'от названия какого-то населенного пункта *Паланче(то)*' (р-н Тырново)²³.

В РМЈ (II, 125) — *паланка* 'гратче' с пометой «арх-[аическое]», также прилагательное *паланечки*.

В сербохорватском, по данным РЈА (IX, 582—583), *palánka* имеет обобщенное значение 'столб; укрепленный пункт'; в качестве семантических вариантов указываются 'рычаг, вага' и под. (<*palanga* < лат. *palanga*; родств. *palanka* в этом значении и *poluga* 'то же' < **polqga* < лат. *palanga*), далее — 'ограда из планок, досок, кольев вокруг города и др.' (дериваты *paláňak*, *palančica* и т. п.), 'городок, окруженный частоколом', 'караульное помещение' (Герцеговина); часть указанных значений повторена в РСХКНЈ (IV, 435): *паланка*, *паланга* — 'провинциальный городок', 'укрытие на дороге для кушцов', 'караульное помещение' (при *паланга* 'рычаг, вага и др.'). Сюда же относятся топонимы *Palanke* (Босния, Хорватия,

Сербия — RJA IX, 582—583), в материалах ОКДА — Palá:nka 'название города в Сербии'. Соответствующие лексемы, по-видимому, неизвестны словенскому языку (ср., например, отсутствие их в Pleteržnik).

Словари албанского языка включают лексему прежде всего в значении 'большое село с рынком': palang^s (Meuer EWA, 319), pallangë (Leotti, 922; Fjalor, 371), также pallangë 'город' (гегские, тосские говоры — Mann, 344); иногда приводятся и иные значения: pallangë (также pëllangë, pëllëmbë) 'ладонь, пядь' (Leotti; Mann), ср. и πελάγγε = πελάμβε 'то же' (Kristoph, s. v.).

Рассмотрение слов с основой palank(-t) в языках карпато-балканского ареала обнаруживает сложное взаимоотношение зон, противопоставленных по определенным фонетико-морфологическим признакам. Данное противопоставление содержит важную информацию, позволяющую интерпретировать имеющиеся факты в плане установления различных источников иррадиации лексем в отдельные языки (и диалекты), а также в плане хронологической стратификации этих проникновений. Последние в конечном счете через различное число опосредствованных стадий сводятся к греч. φάλαγξ (асс. φάλαγγα), для которого в словаре Я. Фриска отмечены значения: 'rundes u. längliches Stück Holz, Baumstamm, Walze, Balken', 'Waagenbalken', 'Gelenke am Fingern', 'reiche den Augenwimpern', 'Spinne', позднее '(dichte), gedrängte Schlachtordnung' и под.; корень φάλαγ- возводится к и.-е. *bhelæg-, ср. параллели в германских, балтийских, славянских и других языках (Frisk, 988; Pokorny, 122 и под.).

В качестве одного из центров иррадиации лексемы в зоне Карпат выступает венгерский язык. При этом заимствования из него характеризуются консонантным исходом соответствующих слов (повторяющим структуру венг. palánk и под.); это прежде всего рум. диал. palank(-t), palan т. д. (Cioranescu IV, 595; Tamás, 585); весьма редки фиксации в словацком типа диал. 'pala:nk, 'palank, 'palant и др. В укр. диал. паланок, польск. диал. pałanek, словац. диал. 'pala:nek следует, вероятно, видеть результат адаптации венг. palánk (при этом -k могло трактоваться как принадлежащее суф. -(ъ)k > укр. -ок, словац., польск. -ек в соответствии с моделью: *паланк ~ паланки: паланки ~ паланок и др.). Очевидно, что заимствования из венгерского являются достаточно поздними, особенно «неадаптированные» формы. Само венг. palánk возводится

к ср.-в.-нем. *planke*, *plank* 'балка, доска' (также в баварско-австрийских диалектах: *planke*, *plank*), нем. *Planke* (< нар.-лат. **palansa* < класс. лат. *palanga*, *phalanga* ²⁴ < греч. *φάλαγγς* — MNyTESz, III, 68; выведение венг. *palánk* непосредственно из латинской или итальянской форм (см. ниже) считается ошибочным). В некоторых немецких диалектах находим варианты, близкие к народно-латинской (также к [галло]романским) формам: швейц.-нем. *palangge*^h, ср. и нем. диал. (силезск.) *Palanke* ²⁵.

История однокоренных слов с исходом на гласный в языках карпато-балканской зоны (и в некоторых иных областях): слав. *palanka*, рум. *palansa* и др., которые причисляются к *Wanderungswörter*, значительно сложнее. При установлении происхождения указанных слов упоминается итальянский язык (ср.: слав. *паланка*, *palanka* < < итал. *palansa* < нар.-лат. **palansa* — Младенов, 409 и др.) или турецкий (ср.: рум. *palancă*, польск. *pałanka*, *palanka* < тур. *palanka* — DLR VIII, 28; Варшавский словарь IV, 24; см. также: Кniezsa II, 900—901 и др.). Для венг. *palánk* считаются в равной мере вероятными оба источника (MNyTESz III, 68); с.-хорв. *palanka* 'ограда' возводится к итал. *palansa*, а *palanka* 'рычаг' < < *palanga* < тур. *palanga* < лат. *palanga* (RJA IX, 582—583); рум. *palancă* сопоставляется непосредственно и с венг. *palánk* ²⁶.

Представляется, однако, что для многих микрзон Карпато-Балканского пространства предпочтение следует отдавать версии о непосредственном романоязычном источнике. Речь идет прежде всего об итальянском языке, поскольку, во-первых, континуанты нар.-лат. **palansa* (и дериваты): *palansa*, *-ato*, *-ola* и под. 'кол для ограды', 'военное укрепление', топонимы *Palansaia* < < *Palancăria* 'место окруженное деревянной оградой' (X в. — Тоскана) (Battisti IV, 2726) — квалифицируются как соответствующие регионализмы ²⁷ и, во-вторых, имеют достаточно широкое распространение, ср. их отражение в словарях ²⁸. Известны параллели и в ретороманском: *pala(u)nsa* 'Stall- oder Brückenboden aus Prügeln', топонимы *Pallauch*, *Palangga* и др. ²⁹ Во французском родственными являются: *palan* (сравнивается с итал. *palanco* 'система блоков'), *palanche* (XVIII в. < *palan*) 'укрепление из вертикально забитых в землю кольев' ³⁰, но и *palan* (XII в.) < итал. *palanco* (также *palanque* XVII в.)

‘военное укрепление’, *palanche* ‘жердь, палка для несения двух ведер’³¹.

Влияние итальянского языка следует учитывать при изучении истории албанских, сербохорватских форм, а также вариантов с исходом на гласный в венгерском (что не исключает, разумеется, самостоятельного развития семантики в каждом из этих языков, таковы в балканской зоне значения ‘небольшой город’, ‘[большое] село с базаром’ и под., вероятно, из ‘место, огороженное частоколом’ и под.). Болгарское и македонское слова можно расценивать как заимствование из сербохорватского.

Далее допустимо, на наш взгляд, предположение, что рум. *palanță* в ряде значений — не заимствование, а унаследованный из (народной) латыни элемент. В пользу этого могло бы говорить и сохранение таких «первичных» значений, как ‘(толстый) кол’, ‘ограда, забор’, и богатая семантическая филиация, обнаруживаемая в диалектах: ‘укрытие, примитивная постройка для скота’, ‘навес’ (сюда же, по-видимому, молд. диал. ‘мера длины’) и др. (термины лесного промысла толкуются таким же образом или как заимствования из итальянского, во всяком случае, они являются весьма поздними). Для объяснения фортификационного (военного) термина *palanță* (и молд. *palanță*), на наш взгляд, целесообразно иметь в виду возможность достаточно позднего влияния романских языков (итальянского или французского) как альтернативу предлагаемого некоторыми исследователями возведения к тур. *palanka*. Специальные разработки, в том числе анализ языка памятников письменности, позволят окончательно решить этот вопрос. Единичные фиксации в словацком (*palanka, palanga*) могут рассматриваться как заимствования из румынского (ср. соответствующие варианты в трансильванских и банатских говорах), при том, что семантика могла получить на словацкой почве самостоятельное развитие (или испытать влияние венг. *palánk*).

Влияние тур. *palanka* не должно, на наш взгляд, преувеличиваться. Прежде всего оно само, вероятно, не исконно тюркское (ср. определение тур. *palanka* как заимствования из лат. **palanca* — Battisti IV, 2726)³²; его семантика как будто ограничивается значением ‘маленькое укрепление из палисадов’ (Радлов, s. v.). О турецком влиянии, таким образом, можно говорить, когда, с одной стороны, оказываются весьма близкими семантические объемы тур. *palanka* и предполагаемых заимствований из

турецкого и, во-вторых, когда факты культурно-исторического характера служат дополнительным аргументом в пользу таких предположений. Турецкий источник, вероятно, может быть указан для укр. *паланка* (Гринченко III, 88), русск. *паланка* (Даль III, 10), также для польских форм (если, разумеется, не допускать украинского посредства); о чешском *palanka* говорилось выше.

Следовательно, ареальное изучение карпатской лексики в ее отношении к лексике иных зон, в том числе балканской, на примере лексемы **palan(V)k* и др.³³, позволяет подойти к решению проблемы возникновения языковых общностей вследствие конвергентного развития (близко)-родственных и неродственных языков. Очевидно, что отражение в лексических системах подобных общностей множественности источников заимствования, а также многократности акта заимствования является важной их особенностью. Более того, процесс многократных (и перекрещивающихся) заимствований должен рассматриваться как существенная сторона самого механизма формирования и функционирования таких языковых общностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исключение составляют лишь севернозакарпатские говоры, подробнее см.: *Lizanec P. Magyar-ukrán nyelv kapcsolatok. Uzshorod, 1970*, карты № 172, 69, 70; *Лизанец П. Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976*, с. 615; там же приведено значение 'перелаз'; КДА, карта № 134 и топоним *Паланок* — название хутора в районе Берегово.
- ² См.: Наукові записки Музею української культури у Свіднику, т. 4. Пряшів, 1961, с. 327.
- ³ Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 410.
- ⁴ *Matejčík J. Lexika Novohradu. Bratislava, 1975*, s. 124; *Idem. Slovník východonovohradského nárečia. Zvolen, 1972*, s. 365.
- ⁵ *Lipták S. Slovník zásoba zemplinských a užských nárečí. Bratislava, 1973* (рукопись).
- ⁶ *Studia slavica. Budapest, 1965*, t. XI, № 1—2, S. 99.
- ⁷ *Conea I. Clopotiva. Un sat din Hațeg. București, 1940* p. 182.
- ⁸ Ср. и palant 'grilaj' (р-н Силадь — Тамás. S. 585).
- ⁹ *Papahagi T. Graiul și folclorul Maramureșului. București, 1925*, p. 28.
- ¹⁰ *Vircol V. Graiul din Vilcea. București, 1910*, p. 97.
- ¹¹ *Grai și suflet, 1935*, v. VI, p. 242; см. также: *Păcală V. Monografia satului Rășinari. Sibiu, 1913*, p. 439.
- ¹² *Costin L. Graiul bănățean, t. II. Timișoară, 1926—1931*, p. 146; t. I, p. 36.
- ¹³ *Folclor din Oltenia și Muntenia, v. II. București, 1967*, p. 441, 442.
- ¹⁴ *Lexic Regional, v. I. București, 1960*, p. 49.

- ¹⁵ *Teaha T.* Graiul din Valea Crișul Negru. București, 1957, p. 249; см. также: *Cum vorbim*, 1951, V, N 3, p. 46.
- ¹⁶ *Dănescu G.* Dicționar geografic statistic și istoric al jud. Râmnicu Sărat. București, 1896, p. 209.
- ¹⁷ *Jordan I.* Toponimia românească. București, 1963, p. 211.
- ¹⁸ Отмеченные в ОКДА palanky 'густая кукурузная похлебка', pa'laŋky 'лепешка, испеченная в печи' (Буковина, юг МССР) — иного происхождения, см. в DLR VIII, p. 28: palanca 'лепешка из кукурузной муки, испеченная в золе' (< укр. палянка).
- ¹⁹ *Стойков Ст.* Лексиката на банатския говор. София, 1969, с. 168.
- ²⁰ *Дуриданов И.* Местните названия от Ломско. София, 1952, с. 13, 196.
- ²¹ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, 1936, т. ХLI, с. 100.
- ²² *Илчев С.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
- ²³ Неясно: диал. *паланга* 'охотничья собака' (Родопы — Българска диалектология, 1965, II, с. 230).
- ²⁴ *Bloch O., Wartburg W.* Dictionnaire de la langue française. P., 1950 (palan); *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots, t. II. P., 1951 (в последнем palagga 'rondin pour déplacer les vaisseaux; levier' считается устным заимствованием из греческого в народную латынь).
- ²⁵ Первую форму в значениях 'dickes Brett, Planke', 'meist unbehaener Balken, starkes Rundholz... neben einander gelegt die Decke des Stalles u. somit den Boden der Heubühne bilden' см. в кн.: *Staul F., Tobler L.* Schweizerisches Idiotikon. Wörterbuch der schweizer-deutschen Sprachen. Frauenfeld, 1901, S. 1146; вторую в значении 'durch Pfeiler geschützter Ort' см. в кн.: *Mitzke W.* Schlesisches Wörterbuch, Bd II, Lief. 7. B., 1964, S. 164.
- ²⁶ *Rosetti A.* Istoria limbii române, t. IV—VI. București, 1966, p. 115, против — *Tamás*, S. 585.
- ²⁷ Ср.: palanca 'pieu' (XIII. I t a l.), palancatum, pale-, -ngatum 'palissade' (XIII. I t a l.) (*Niermeyer J.* Mediae latinitatis Lexicon. Fasc. 8. Leiden, 1960, S. 753); также palancatum [v o x i t a l.] 'palissade', palanga, -ngarius 'fustes teretes qui navibus subjiciuntur quon attrahuntur ad pelagus' (*Du Cange D.* Glossarium mediae et infimae latinitatis, t. 6. P., 1938, p. 97). Зоной, где происходило заимствование указанного гречизма в народную латынь, был, вероятно, юг Италии, ср.: *Rohlf's G.* Etymologisches Wörterbuch der unteritalienischen Gräzität. Halle, 1930, N 2291.
- ²⁸ Ср., например: palanca 'широкая и толстая доска', 'военное укрепление (из частокола и земляного вала)' (*Devoto G., Oli G.* Dizionario della lingua italiana. Firenze, 1971), 'кол (для ограды)', 'военное укрепление...' (*Tommaso N., Bellini B.* Dizionario della lingua italiana, v. 13 [Milano, 1974]; 'доска (для настила моста)' (*Felice E. de, Duro A.* Dizionario della lingua civiltà italiana contemporanea. Firenze, 1975, p. 574; также palanca 'кол' (*Ponza M.* Vocabolario piemontese-italiano e italiano-piemontese. Torino, 1967, p. 585); palanch(-anc) 'жерди (в телеге)' (*Martini G.* Vocabolario della lingua italiana-gardenese-italiano. Firenze, 1953, p. 69); pawanghã

- ‘толстый кол (в ограде)’ (*Rohlf s G. Dizionario dialettale delle Tre Calabrie, v. 2. Halle—Milano, 1934, p. 115*); palañkona ‘подпорка для растений’ (*Bottiglioni G. Dizionario delle parlate Corse. Modena, 1952, p. 167*); ср. и palangona ‘жердь, на которую вешают котел над огнем’ (‘Turner’) (единично — центр Италии) (AIS, N 1211). В ряде словарей встречаются и иные значения: palanco (XVI в.) (морск.) ‘система блоков’ (> н.-греч. palánko — Battisti), palanco ‘то же’ (< лат. palanca) (*Pinguentini G. Dizionario storico etimologico fraseologico del dialetto triestino. Trieste, 1954, p. 156*), parañku ‘то же’ (*Bottiglioni G. Op. cit., p. 168*). Иного, по-видимому, происхождения palanca² ‘(мелкая) монета’ (XIV в. — Тоскана, Венеция), palanga (Калабрия) (Battisti; *Tommaso N. Op. cit.; Felice E. de. Op. cit.* — с пометой «центр и север Италии»; *Devoto G. Op. cit.* — «народное слово» [Лигурия, Тоскана, Венеция]); также: palanga ‘старая монета’ (*Rohlf s G. Op. cit., p. 116; Idem. Vocabolario supplementare dei dialetti delle Tre Calabrie, I. München, 1966, S. 226*) и под. Неясно: palangana ‘тазик’ (*Cavallaro G. Dizionario siciliano-italiano. Catania, 1964, p. 141*).
- ²⁹ *Schorta, A. Rätische Namenbuch, Bd 2. Bern, 1954, S. 229* (возводится к palus ‘Pfahl’).
- ³⁰ *Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de langue française. P., 1967.*
- ³¹ *Bloch O., Wartburg W. Op. cit.*
- ³² Напротив: ⁽²⁾ пала ‘короткий меч’, ‘продолговатая подушка’, ‘палисад, доска, планка’, ‘лопасть весла’, также палан ‘вьючное седло’ и др. (Радлов, s. v.). Ср., однако, и тунг. палан ‘пол; доска и др.’, маньчжурск. фала*, фалан ‘то же’, ‘двор’, ‘перегородка’ и др. (Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурского языка, т. II. Л., 1977, с. 32).
- ³³ Ср. этюды этой же серии, напечатанные в кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1975; 1982; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980; М., 1981. М., 1983.

МЕТОДИКА РАБОТЫ С МИНОЙСКИМИ ТЕКСТАМИ

(дешифровка и интерпретация)

А. А. Молчанов

Произведенная М. Вентрисом дешифровка линейного письма В не только позволила прочесть древнейшие греческие тексты второй половины II тыс. до н. э., но и создала основу для плодотворного исследования памятников письменности Эгеиды догреческого периода (сюда относятся следующие четыре вида письма так называемого эгейского типа: критская иероглифика, линейное письмо А, письменность Фестского диска, кипро-минойское письмо).

Прогресс был достигнут в первую очередь в изучении критского линейного письма А¹, многие знаки которого отождествляются с происходящими от них силлабограммами линейного В (правомерность подобных отождествлений подтвердили сначала результаты предварительного комбинаторного анализа, а затем и обнаружение важных лексических соответствий). Довести до конца дешифровку текстов линейного А, составленных на минойском, т. е. догреческом критском, языке не удастся прежде всего из-за того, что не доказано родство этого языка с каким-либо другим. До настоящего времени выдвинуты две основные, в определенной мере аргументированные, гипотезы по поводу принадлежности его к одной из известных языковых семей или групп. Первая из них предполагает индоевропейскую принадлежность минойского языка (ее придерживаются, в частности, Л. Палмер, Э. Перуцци, С. Давис, В. Георгиев). Странники второй гипотезы отстаивают его семитскую принадлежность (С. Гордон, М. Поуп, Дж. Бэст и др.). Но обе указанные точки зрения так и не получили надежного обоснования².

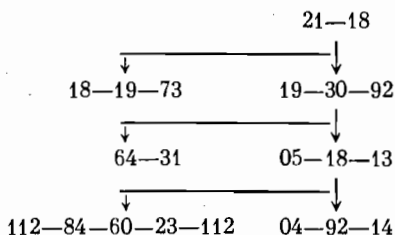
Суммирование тех фактов, которые выявлены при прочтении надписей линейного А и работе с греческой реликтовой лексикой, позволяет составить более ясное представление об особенностях минойского языка с его характерной фонетической структурой CVCVCV³. А это в свою очередь должно помочь успешному применению этимологического метода для полной дешифровки и интерпретации документов линейного А (пока распознается лишь содержание хозяйственных табличек с инвентарными списками и перечнями имен). При этом следует, видимо, уделить больше внимания вероятному сходству минойского языка с доиндоевропейскими субстратными языками Малой Азии и родственными им, поскольку именно из ближайшей к Криту, юго-западной, части этого полуострова, согласно некоторым археологическим свидетельствам, еще в неолите и, возможно, в начале эпохи бронзы двигались на остров волны переселений. Дешифровка других видов минойского письма находится еще на начальной стадии, когда достаточно надежные результаты можно получить только комбинаторным путем.

Общее количество дошедших до нас и введенных в научный обиход надписей, выполненных критской иероглификой (главным образом на печатях), довольно значительно, причем число их постепенно пополняется за счет новых на-

ходок и публикаций. Главную трудность в работе с данной группой эпитафических памятников представляет характерная для них краткость иероглифических текстов: в большинстве случаев они содержат максимум десяток знаков. Поэтому особый интерес представляют наиболее значительные по количеству заключенных в них знаков тексты, и в частности иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея в Оксфорде ⁴.

С помощью детального эпитафического и структурного анализа легенды восьмисторонней печати ⁵ удается установить значение отдельных групп иероглифов (04-92-14, 05-18-13, 19-30-92) как имен минойских династов. Эти имена составляют генеалогическое перечисление, которое строится с помощью повторяющегося блока знаков 72-13 со значением «сын». К сожалению, фонетические значения иероглифических знаков 72 и 13 остаются невыясненными (лишь иероглиф 13 — «однолезвийная секира» — может быть иконографически сближен со знаком 07 линейного А и знаком 12 линейного В, последний из которых передавал на письме слог SO), а иначе бы прочтение слова «сын» по-минойски могло оказать существенную помощь в определении родственных связей минойского языка.

Анализируя дополнительно надписи на других критских печатях (группирующихся вокруг известной «царской печати» из Кносса 1898 г., изданной А. Эвансом), удается реконструировать родословную кносских царей среднеминойского II В — среднеминойского III А периодов (приблизительно вторая половина XVIII — первая половина XVII в. до н. э.) на протяжении четырех поколений:

Правда, отдельные царские имена в реконструированной родословной в подавляющем большинстве своем пока не читаются, а лишь выявляются как группы иероглифов. Примечательно, что прослеживаемый в этой династии

порядок престолонаследия находит аналогии в данных критской мифолого-исторической традиции, сохраненной античными авторами.

Как выясняется, при передаче на письме по крайней мере некоторых из выявленных на печатях царских имен иероглифы (подобно знакам линейного письма А и В, которые последовательно произошли от них) употреблялись в качестве силлабограмм. Это подтверждает, в частности, прочтение имени 112-84-60-23-112=RO-WE-SAZE-RO (единственного полностью читаемого среди фигурирующих в реконструированной родословной). Составные части этого сложного имени можно сравнить с вероятно минойскими личными именами табличек линейного В из Кносса и Пилоса: Ro-wo (с греческим окончанием) и Sa-ze-ro. Таким образом, хотя никаких новых чтений иероглифических знаков не предлагается, смысл многих сфрагистических легенд в целом проясняется: их основное содержание составляют имена и титулы правителей.

Другой пример того, как благодаря комбинаторному анализу общая интерпретация текста способна опережать его дешифровку, дает рассмотрение одного из самых больших среди известных кипро-минойских текстов — текста на табличке из Энкоми 1953 г. Этот памятник, открытый и изданный впервые П. Дикайосом ⁶, своим появлением породил большие надежды на успех дешифровки на его основе кипро-минойского письма (в тексте насчитывалось около 400 знаков помимо словоразделителей). И уже в 1954 г. вышла статья Э. Зиттига ⁷, в которой автор старался прочесть текст таблички по-гречески. Тем же путем пошли затем и некоторые другие дешифровщики ⁸. Позднее С. Дэвис попытался дешифровать и интерпретировать его как хеттский ⁹. Но все эти «дешифровки» получили вполне справедливо отрицательную оценку специалистов. Причина неудач исследователей крылась в данном случае в непригодности применявшейся ими методики: не проведя необходимый предварительный формальный анализ текста, они чересчур увлеклись поисками внешнего сходства знаков кипро-минойского силлабария со знаками других, родственных систем письма.

Около 20 знаков кипро-минойского письма действительно могут быть сопоставлены со знаками линейного В и классического кипрского силлабария, фонетические значения которых известны. Но подстановка этих значений в текст таблички из Энкоми дает слишком мало слоговых

чтений и тем более полных чтений слов для того, чтобы судить о языковой принадлежности надписи и затем использовать тот или иной из древних языков Средиземноморья для ее дешифровки. Поэтому на первый план выступает необходимость формального анализа текста.

Его структура может быть выявлена, естественно, только там, где строки сохранились целиком. Длина таких строк неодинакова. Как видно, каждая строка имеет свое самостоятельное законченное содержание, ибо прерывается всякий раз на разном, иногда довольно значительном, расстоянии от правого края соответствующего поля таблички (т. е. ни одна строка не продолжает предыдущую). Расположение и внутренняя структура строк наводят на мысль о наличии в тексте таблички, скорее всего, некоего перечисления. В полностью сохранившихся строках обнаруживается любопытная закономерность: каждая из них содержит ровно пять слов. Этой же закономерности подчиняется как будто и весь текст: во всяком случае, в строках, частично пострадавших, нигде не обнаруживается хотя бы шесть слов, а только максимум пять. Какого же рода перечисление может содержать текст таблички из Энкоми?

Инвентарный список имущества здесь явно отпадает, потому что, с одной стороны, отдельные пункты-строки для такого списка слишком пространны, причем они строго однородны по внутренней структуре и одновременно исключительно разнообразны по номенклатуре предположительно учитываемых предметов (в различных строках изредка повторяются лишь отдельные слова), а с другой стороны, в реестре на табличке явно отсутствуют такие цифровые обозначения, которых следовало бы ожидать в документе хозяйственной отчетности. Правда, в самом конце 20-й от начала строки имеется знак в виде кружка, который может быть истолкован по аналогии с критоминойскими числовыми обозначениями как цифра 100. Однако в нем следует видеть, скорее всего, пометку писца, указывающую на итоговое количество объектов перечисления в первых 20 строках текста ($5 \times 20 = 100$).

Следовательно, остается ожидать здесь список иного рода. Выявляемая структура текста более всего подходит для списка имен ежегодно сменяемых магистратов, составляющих коллегию пяти, похожую на знаменитую коллегию эфоров в Спарте или космов на Крите (например, в Итаносе) ¹⁰.

Комбинаторный анализ оказывается единственно возможной методикой и для проникновения в смысл текста Фестского диска, открытого в 1908 г.¹¹ Как известно, имело место множество неудачных попыток дешифровать его с помощью методов, заведомо непригодных в данном конкретном случае: идеографического, акрофонического, сравнительно-иконографического, позиционно-статистического (причины методического характера этих неудач хорошо показал Г. Нойман¹²). Но десятилетия упорной работы ученых разных стран, более серьезно относившихся к «фестской проблеме» (Л. Пернье, А. делла Сета, А. Эванс, Г. Ипсен, В. Порциг, Э. Грумах, Г. Нойман, К. Даварас, В. Нам, А. Ф. Деянов, А. М. Кондратов, В. П. Назаров), не пропали даром. Их усилия позволили значительно продвинуться вперед в изучении этого уникального памятника. Местное, критское происхождение диска подтвердили находки двух образцов той же письменности в Аркалохори и Фесте¹³, а также тщательное изучение иконографии отдельных ее знаков (здесь следует особо отметить заслуги Э. Грумаха, обнаружившего критские прототипы и для тех знаков, которые прежде рассматривались как важные свидетельства иноземного происхождения данного памятника). Казавшаяся поначалу столь необычной техника последовательного оттискивания на мягкой сырой глине отдельных «стандартизованных» изображений с помощью специальных матриц, совершенно аналогичная использованной при изготовлении штампованной надписи на диске, применялась критскими мастерами-керамистами уже в среднеминойском II периоде.

Направление чтения (справа налево) безошибочно определяется по особенностям композиционного оформления и технического выполнения надписи (это важнейшее обстоятельство, отмеченное А. делла Сета еще в 1909 г., к сожалению, упускали из виду многие исследователи). Статистические данные говорят о том, что письменность Фестского диска представляет собой письменность по преимуществу слоговую (согласно производившимся подсчетам, в ней было немногим более 60 различных знаков-силлабограмм), причем этот силлабарий был «эгейского» типа, т. е. со знаками только для открытых слогов, подобный современному ему критскому линейному письму А.

«Смешанная» надпись на секире из Аркалохори (выполненная попеременно знаками обоих синхронных критских силлабариев¹⁴) служит доказательством применения

и линейного А, и письменности Фестского диска для фиксации речевых форм одного и того же языка — минойского. Формальный разбор текста диска (произведенный впервые Г. Ипсеном и В. Порцигом) приводит к определению знака 02 («голова с петушиным гребнем») как детерминатива личных имен. То, что прототипом для знака 02 послужил сакральный династический символ (такой вывод является следствием сопоставления иконографических изысканий Э. Грумаха с данными античной традиции — Paus. V, 259), заставляет считать его детерминативом имен минойских династов. В результате в тексте диска обнаруживается ряд таких имен. Последние же сопровождаются словами, которые можно отождествить только с топонимами Крита. В то же время многие из древних минойских топонимов острова, включая самые основные, встречаются в кносских табличках линейного письма В. Таким образом, появляется возможность построить искусственную билингву, что знаменует собой начало как дешифровки, так и интерпретации текста Фестского диска. Из критских топонимов, известных по документам линейного В, в соответствующей минойской транскрипции читаются на диске сначала имена Кносса, Амниса и Тилисса (правильность их прочтения устанавливается перекрестным способом через повторяющийся конечный слог), а затем и некоторых других известных городов. Подстановка полученных при этом значений отдельных силлабограмм позволяет прочесть другие слова текста, в том числе личные имена (например, SA-TU-RI — известное античной традиции критское царское имя, ср.: Сатурия, дочь Миноса — Prob. Verg. Geogr. II, 197) и некоторые титулы (MI-NI и его модификация KU-MI-NI, ср.: Минос, легендарный царь Крита).

Весь же текст Фестского диска, содержащий список критских династов конца среднеминойского III периода (ок. 1600 г. до н. э.), может быть интерпретирован как священный договор или другой коллективный акт религиозно-политического характера¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди исследований, посвященных данной проблематике, следует выделить прежде всего работы А. Фюрюмарка, Дж. Пульзе-Каррателли, П. Мериджи, Дж. Чедуика, Э. Перуцци, М. Поупа, Дж. Гулда, Г. Ноймана, А. Хойбека, Э. Грумаха, Д. Паккарда, Л. Годара, Ж.-П. Оливье, Т. В. Гамкрелидзе. Основные издания

- текстов линейного А: *Pugliese Carratelli G. Le iscrizioni preeleniche di Hagia Triada in Creta e della Graecia peninsulare.* Milano, 1945; *Evans A. J., Myres J. L. Inscriptions in the Minoan linear script of class A.* Ed. by W. Brice. Oxford, 1961; *Raison J., Pope M. Index du linéaire A.* — IG, Roma, 1971, v. XLI; *Godart L., Olivier J.-P. Recueil des inscriptions au linéaire A.* — Etudes Crétoises, Paris, 1976, v. XXI; *Raison J., Pope M. Index transnuméré du linéaire A.* Louvain, 1977.
- ² *Chadwick J. Introductions to the problems of «Minoan Linear A».* — JRAS, 1975, N 2, p. 146—147; *Поун М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности.* — В кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М.: Прогресс, 1976, с. 90—92, 96; *Гамкрелидзе Т. В. К вопросу о системе смычных и фрикативных «минойского» языка по показаниям греческой линейной письменности класса В.* — В кн.: Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Октябрь 1980 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1980, с. 54.
- ³ Сомнения, высказывавшиеся относительно соответствия структуры минойской речи структуре минойского письма — линейного А (*Дьяконов И. М. Кариийский алфавит и его место среди древнейших алфавитных письменностей.* — ВДИ, 1967, № 2, с. 240, примеч. 8; *Деянов А. Ф. Линейное письмо А.* — В кн.: Тайны древних письмен, с. 83, примеч. ред. 1) вряд ли могут быть признаны обоснованными (ср.: *Молчанов А. А. Рец. на кн.: Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма В).* М.: Наука, 1978. — ВДИ, 1979, № 3, с. 174; *Он же. Таинственные письма первых европейцев.* М.: Наука, 1980, с. 31).
- ⁴ См. ее публикации: *Myres J. L. An eight-sided Minoan sealstone in the Ashmolean museum.* — BSA, 1949, v. XLIV, p. 326—327; *Kenna V. E. G. Cretan seals.* Oxford, 1960, p. 111, N 165; *Gru-tach E. Das achtseitige Siegel des Ashmolean Museums 1936.* 1166. — Kadmos, 1963, Bd II, N. 2, S. 84—97.
- ⁵ Ниже мы ограничимся изложением полученных результатов. Подробно о самом ходе исследования см.: *Молчанов А. А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея.* — ВДИ, 1981, № 3.
- ⁶ *Dikaios P. A second inscribed clay tablet from Enkomi.* — Antiquity, 1953, v. XXVII, N 108, p. 233—237. Данный памятник (самая большая кипро-минойская надпись в момент ее находки) переиздан Э. Массон (ср.: *Masson E. Remarques sur le grand fragment de tablette chypro-minoenne trouvé à Enkomi en 1953.* — SMEA, fasc. XI, IG, 1970, v. XL, Roma, p. 73—95).
- ⁷ *Sittig E. Hellenische Urkunde des 2. vorchr. Jahrtausends von Cypern (Dikaios' minoisch-kyprische Tafel von Enkomi).* — NC, 1954, t. VI, N 7—10, S. 470—490; ср.: *Он же. Zur Entzifferung der minoisch-kyprische Tafel von Enkomi.* — Minos, 1956, v. IV, fasc. 1, S. 33—42.
- ⁸ Ср.: *Mann S. E. The decipherment of Cypro-Mycenaen.* — Man, 1960, vol. LX, March, p. 40—42; *Ephron H. D. The Jeson tablet of Enkomi.* — Harvard Studies in Classical Philology, 1961, v. LXV, p. 39—107.
- ⁹ *Davis S. The decipherment of the Minoan linear A and pictographic scripts.* Johannesburg, 1967, p. 312—327.

- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Молчанов А. А.* К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Энкоми 1953 г. — ВДИ, 1979, № 1.
- ¹¹ Ср.: *Молчанов А. А.* Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска. — ВМУ, сер. История, 1977, № 2, с. 67—83; *Он же.* К вопросу о репертуаре знаков минойского иератического силлабария. — В кн.: Проблемный семинар по истории культуры. Автореф. докл., вып. 1. Вспомогательные исторические дисциплины. Эпиграфика. М., 1977, с. 1—24; *Он же.* Таинственные письмена первых европейцев, с. 52—107.
- ¹² *Neumann G.* Zum Forschungsstand beim «Diskos von Phaistos». — *Kadmos*, 1968, Bd VII, H. 1, S. 27—44; *Нойман Г.* К современному состоянию исследования Фестского диска. — В кн.: Тайны древних письмен, с. 66—81.
- ¹³ *Marinatos S.* Ausgrabungen und Funde auf Kreta 1934—1935. — AA, 1935, H. 1—2, S. 252—254; *Pini I.* Zum Diskos von Phaistos. — *Kadmos*, 1970, Bd X, H. 1, S. 93.
- ¹⁴ Их параллельное употребление во второй половине XVII—XVI в. до н. э. имело место, как видно, в различных сферах: сакральной и хозяйственной. Полную аналогию этому положению мы находим на том же Крите в более раннее время: в XIX—первой половине XVII в. до н. э., когда там сосуществуют «монументальное» иероглифическое письмо и «бухгалтерское» линейное А.
- ¹⁵ В качестве возможной аналогии ему можно указать на упоминаемый Павсанием (*Paus.*, V, 20, 1) и Плутархом, ссылающимся на Аристотеля (*Plut.*, *Lyc.*, 1), диск из храма Геры в Олимпии, на котором был написан читавшийся по кругу текст священного договора о перемирии, объявлявшемся на время проведения Олимпийских состязаний (последние же имели, по мнению древних греков, критское происхождение).

Когда настоящая статья была уже написана, увидела свет работа Н. Н. Казанского (*Казанский Н. Н.* Некоторые соображения о письменности Фестского диска. — В кн.: Лингвистические исследования. 1980. Диахрония и типология языков. М., 1980, с. 107—113), в которой автор в принципе одобряет примененную нами методику дешифровки Фестского диска (правда, ошибочно называя искусственную билингву квазибилингвой). Но он по явному недоразумению считает, что в своей работе мы опирались на кипро-минойские материалы. Ему кажется странным несходство в композиционном оформлении текста диска (как содержащего перечисление имен минойских правителей) с другими списками лиц, происходящими из Эгеиды. Однако, согласно нашей трактовке, на диске зафиксирован не просто список, а литературный текст, в основе которого лежит перечисление. Поэтому требовать, чтобы он копировал списки лиц, содержащихся в документах хозяйственной отчетности, не приходится. Выделение же личных имен здесь произведено весьма четко: с помощью знака-детерминатива 02.

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *ОСЬТЬ

В. Э. Орел

Общеславянское название укуса *осьть отразилось в ст.-слав. оцѣтъ, оцѣтъ (SJS II, 632—633), болг. оцѣтъ с параллельной формой оцѣд (РСБКЕ II, 454; Геров III, 436), макед. оцет (PMJ II, 117), с.-хорв. ђцат, герср. ђcat (RJA VIII, 502), словен. ђcet (SSKJ III, 246), польск. ocet (SJP V, 601—602), чеш. ocet (PSJČ III, 786), словац. ocet (несколько сомнительная форма, отсутствующая в SSJ, но засвидетельствованная в Mičatek, 135), др.-русск. оцѣтъ, оцѣтъ (Срезневский II, 841), русск. ђцет (Даль II, 775), укр. ђцет (Гринченко III, 81), блр. вђцет, вђцат (БРС, 157). Южнославянские (судя по месту ударения, болгарские) формы этого слова явились источником рум. оцѣтъ также в значении 'укус'.

Трудно с определенностью сказать, действительно ли данная лексема изначально охватывала столь значительную часть славянской языковой территории. То обстоятельство, что русск. ђцет ограничивалось южными и западными говорами, а в литературном языке характеризуется как старославянизм (Даль II, 775), а также возможная вторичность укр. ђцет (ср.: Mashek, 408), заставляет с осторожностью подходить к восточнославянским данным. Впрочем, эта неясность не может оказать существенного влияния на принципиальную основу этимологии слав. *осьть, которое давно определено как старое заимствование в славянский из лат. acētum 'кислое вино, укусы' или, как иногда считают, непосредственно из гот. ake(i)t- 'укус' (последнее в свою очередь из того же латинского слова)¹.

Более ранняя попытка объяснить слав. *осьть непосредственно из лат. acētum была оставлена по причинам фонетического порядка, поскольку такое толкование делает необходимым обоснование неожиданного рефлекса долгого лат. ē в -ь-. Исходя из этой этимологии, следовало бы, строго говоря, ожидать слав. *осѣтъ или даже *оситъ, если принять во внимание закономерное развитие лат. i и ē, слившихся в IV—V вв. н. э. в единую фонему ē. Таким образом, прямое сопоставление славянского и ла-

тинского слов оказывается несостоятельным с фонетической точки зрения, что вынуждает обратиться к поискам каких-то промежуточных форм.

Именно этим объясняется привлечение гот. *akeit-*, с помощью которого была сделана попытка устранить указанное фонетическое затруднение. Однако и здесь возникает та же проблема передачи в славянском долгого корневого вокализма, которую в свое время попытался решить А. Стендер-Петерсен, предположив влияние незафиксированного гот. **akid-* из лат. *acidus* 'кислый'². Хотя такую возможность и нельзя полностью исключить (ср. хотя бы болг. *оцѣд*, испытывшее, возможно, сходное влияние), опора на реконструируемую готскую форму, конечно, не может считаться достаточно надежной. Недавно, оставаясь в рамках той же готской гипотезы, аргументацию Стендер-Петерсена критически пересмотрел О. Семерёньи, специально для этого случая сформулировавший целую фонологическую концепцию утраты противопоставления по долготе в позднем готском³. Принятие точки зрения Семерёньи поставило бы слав. **осьть* во всех отношениях в один ряд со ст.-слав. *цѣта*, *цѣкы*⁴.

Между тем нетрудно заметить, что в обоих случаях обоснование германской (готской) этимологии содержит порочный круг, так как в основу рассуждения кладутся факты, специально реконструируемые для того, чтобы каким-то образом мотивировать неожиданное развитие вокализма в слав. **осьть*. Возможно, действительное преимущество германской этимологии заключается в том, что она снимает вопрос о месте ударения, которое в готском, вероятнее всего, приходилось на первый слог (то же в слав. **осьть*).

Некоторые новые данные представляется возможным получить, введя в оборот материал албанского языка. В албанском имеется прилагательное *i áthët* 'кислый, кисло-сладкий' (*Fjalor*, 21), которое обычно рассматривается как прямое продолжение и.-е. **ak-* (см.: Meyer EWA, 2; Рокочу, 18). Фонетически и морфологически допустимая, эта этимология может вызывать определенные сомнения лишь по той причине, что *i áthët* в албанском стоит особняком (сближение его с алб. *úthull* 'уксус' фонетически неправомерно), особенно в сравнении с весьма продуктивным *thártë* 'кислый, терпкий'. Это немаловажное обстоятельство позволяет нам выдвинуть альтернативную

гипотезу, а именно сопоставить алб. *i áthët* с рассмотренной выше группой слов.

Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о том, как соотносится алб. *i áthët* со слав. *осъть. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что стадия, непосредственно предшествующая алб. (*i*) *áthët*, раннеалб. **aŕšət-* (с редукцией во втором слоге, вообще говоря, любого гласного), является точным коррелятом и может быть источником слав. *осъть: раннеалб. *a* = слав. *o*, раннеалб. *ŕš* = слав. *c*, раннеалб. *ə* = слав. *ь*, раннеалб. *t* = слав. *t*. Поскольку, кроме того, место ударения в обоих словах совпадает, значения достаточно близки, а заимствований такого консервативного облика из славянского в (ранне)-албанский мы не знаем⁵, предложенное тождество оказывается значимым, и мысль о заимствовании данного слова из раннеалбанского в славянский с дальнейшей его экспансией на значительной части славянской территории (как в ряде других сходных случаев) становится весьма вероятной⁶.

Теперь обратимся к вопросу о соотношении алб. *i áthët* и лат. *acētum*, гот. *akeit-*. Возможность заимствования *i áthët* из лат. *acētum* следует категорически исключить, поскольку перед гласной переднего ряда лат. *-c-* в старых заимствованиях регулярно предстает в виде алб. *-q-*, ср.: *qéndër* 'центр' < лат. *centrum*, *qer* 'лук' < лат. *саера*, *qytét* 'город' < лат. *civitatem* и т. п. Кроме того, албанский, как правило, сохранял место старого латинского ударения, и, будь это слово действительно латинским заимствованием, место ударения в нем и сохранение начального *a-* (обязательно редуцировавшегося в данной позиции без ударения до нуля звука) были бы необъяснимы.

Совершенно иным образом обстоит дело с гот. *akeit-*, где место ударения соответствует албанскому, а долгое *ei* (фонетически *i*) второго слога закономерно должно было преобразоваться (в отличие от славянского!) в раннеалб. *ë*. Остается под вопросом передача гот. *-k-* перед переднерядным гласным через раннеалбанскую аффрикату *ŕš*. Однако оснований для сомнения здесь нет, поскольку внешние данные указывают на палатальное вплоть до аффрикатизации произношение в позднем готском в этой позиции *k*; это явствует из славянских передач типа упомянутых выше ст.-слав. *цѣта*, *цѣкы*, где Ц- нельзя объяс-

нить как последствие второй палатализации (см. ЭССЯ 3, с. 199). Факт субституции гот. -k- через слав. -с- позволяет полностью отождествить гот. *akeit-* и раннеалб. **atšət-*.

Мы приходим, таким образом, к следующей картине развития: лат. *acētum* было заимствовано в гот. *akeit-*, откуда через посредство раннеалб. **atšət-* попало в славянский в регулярной форме **осеть*. Краткость данной этимологической заметки вынуждает нас аргументировать предложенную точку зрения почти исключительно фонетическими соображениями и оставить за пределами этимологического построения его неотъемлемую часть — групповую реконструкцию славянских лексем, имеющих сходную историю. Поэтому в заключение подчеркнем, что рассмотрение как единого целого лексического материала латинского и германского происхождения, проникшего в славянский через раннеалбанское посредство, существенным образом модифицирует принятые воззрения на характер и масштабы славяно-раннеалбанских этнолингвистических контактов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К тому же лат. *acētum* с метатезой **atēsum* восходит и др.-в.-нем. *ezzih*, нем. *Essig* 'уксус'. Наиболее важные соображения в поддержку того или иного варианта этимологии слав. **осеть* см.: Miklosich, s. 219; Младенов С. История на български език (Прев. на И. Дуриданов). София, 1979, с. 205; Фасмер III, с. 176—177; Popović I. Geschichte der serbokroatische Sprache. Wiesbaden, 1960, S. 592; Shevelov G. Y. A prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, p. 302.
- ² Stender-Petersen A. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, S. 369.
- ³ Szemerényi O. Germanica I (1—5). — KZ, 1979, Bd 93, Hft. 1, S. 103—125.
- ⁴ См.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 74.
- ⁵ Малоудачной представляется недавняя попытка обнаружить такие лексемы, см.: Duridanov I. Zur Bestimmung der ältesten slavischen Entlehnungen im Albanischen. — In: Akten des internationalen albanologischen Kolloquiums. Innsbruck, 1977, S. 688—696.
- ⁶ Проблема глубокого проникновения отдельных балканизмов (в том числе албанского происхождения) в славянскую языковую область в развернутой форме рассмотрена в исследовании: Десницкая А. В. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 159—171. Ряд этимологий славянских лексем, история которых сходна с судьбой исследуемого здесь слова, см.: Орел В. Э. Состав и характеристика субстратного апеллативного фонда балкано-

славянских языков. Автореф. канд. дис. М., 1981, а также серию статей: *Орел В. Э.* «Балканские этимологии» в книгах: Славянское и балканское языкознание. М., 1982; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1982.

*

ТЮРКСКИЕ JAR—ARYK—JARUGA—ÁROK НА КАРПАТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Т. Ф. Семенова

Тюркские элементы в языках карпатского ареала являются результатом длительных контактов населения этой зоны с тюркскими народами и межъязыковых связей внутри и вне ареала. Древнейший период карпато-тюркских контактов — это IV—IX вв. н. э. — время нашествия гуннов, существования Аварского каганата и Булгарского царства вплоть до прихода венгров в Восточную Европу, когда население карпатской зоны находилось в непосредственном контакте с аварами, булгарами, хазарами. Непосредственные контакты с тюрками в этот период имели и венгры, кочевавшие в степях Юго-Восточной Европы, т. е. на западе тюркской языковой территории. Изучение тюркского влияния на языки карпатской зоны, как правило, велось в направлении исследования тюркизмов в отдельных языках. В настоящее время актуальным является сравнительное изучение тюркизмов этой зоны, прежде всего выявление индекса тюркизмов и установление ареалов распространения лексем, выяснение путей их проникновения. Сказанное выше можно проиллюстрировать на примере лексем *jar—aryk—jaruga—árok*, имеющих распространение в языках карпатского ареала.

В венгерском языке существует слово *árok*, обладающее следующими значениями: 1) 'канава, окоп, яма' (MNTESz I, 179)¹; 2) 'водосточная канава' (Wichmann, 7); 3) 'ров' (MNTESz I, 179); 4) 'долина' (там же). Это слово явилось источником рум. *agac*, словац. *járok*, чеш. *járek*, с.-хорв. *jarak*, укр. диал. *йарок*.

В словацком *járok* — 1) 'ров, канава, водосточная канавка, яма' (SSJ I, 633)²; 2) 'овраг, ухаб' (Kálal, 217; SSJ I, 633); 3) 'ручей, ручеек' (там же); 4) 'борозда' (SSJ I, 633).

Из словацкого — чеш. *járek* 1) 'промоина, ручеек, канавка'; 2) диал. 'ручеек, вытекающий из родника' (SSJČ I, 763), дем. *jareček*. В сербохорватском — *járak* 1) 'ров, водосточная канава'; 2) 'ров' (как военный термин); 3) 'борозда' (Карадзић, 276, 277; RJA IV, 465). По мнению А. Шкалича, рассматриваемое сербохорватское слово заимствовано из турецкого *agık* 1) 'арык'; 2) диал. 'межа' (на волейбольной площадке); 3) 'речка, поток', что никак не подтверждается фонетически³. В украинском, в некоторых западных и юго-западных говорах — *йáрок, йарбк*, дем. *йарочбк* 1) 'овраг, канава, небольшая промоина'; 2) 'водосточная канава, дренажная канава, кювет'; 3) топонимическое название поля около села (имеет продолговатую форму); 4) 'группа кустов' (ОКДА). В румынском — *agás* 'канавка, ров, окоп' (Tamás). Ср. также русск. (южн.) *ярок* 'овраг' (Фасмер IV, 561).

В венгерском *árok* считается словом древнетюркского происхождения. По мнению авторов MNTEŠz, источником этого слова могли быть печенежский или куманский (MNTEŠz I, 179). З. Гомбоц возводит его к др.-чуваш. *aryk*⁴. Г. Е. Корнилов сопоставляет венг. *árok* и совр. чуваш. *вáрăк* 'промоина, овражек'; 'рытвина, русло'⁵. Говоря о венгерском источнике словац. *járok*, чеш. *járek*, с.-хорв. *járak*, З. Гомбоц ставил вопрос о происхождении начального *j* в славянских формах, не дав объяснения этому явлению⁶. Для решения этого вопроса, по нашему мнению, рассматриваемые формы необходимо сопоставить со старыми тюркскими заимствованиями в славянских языках типа *jar*, *jaruga*.

В украинском — *яр* 'овраг, балка, лощина' (Гринченко IV, 54; Макарушка, 4; Желеховский II, 15); диал. *йар* 'небольшой овраг, промоина' (ОКДА). В русском *яр* — 'крутой, обрывистый берег, большой глубокий овраг, отвесная скала, берег в расселинах' (Фасмер IV, 559). В польском — *jar* 1) 'овраг, вымоина' (Brückner, 199; Linde II, 236; SJP III, 325); 2) 'канавка, глубина' (Linde II, 236). В болгарском — *яр* 'овраг' (Геров V, 618). В чешском *jár*, *jar*, по данным SSJČ (I, 763), встречается редко, вместо него употребляется форма *járek* с теми же значениями: 1) 'промоина, ручеек, канавка'; 2) диал. 'ручеек, вытекающий из родника'. Источником данного слова в славянских языках обычно считается тюркское *jar* 'крутой берег, крутизна, пропасть' (тур., тат., башк., алт., лэу., тел.) (Фасмер IV, 559; Макарушка, 4; SJP III, 325). По мнению

А. Брюкнера, польск. *jaг* заимствовано из русского в XVI в. (Brückner, 199).

В украинском — *ярўга* 'овраг' (Макарушка, 4). В русском — *ярўга* 'овраг', *ярўг* (тульск.), *ярбк* (южн.), др.-русск. *ярўга* (Фасмер IV, 561). В польском — *jaгuga* 1) 'глубокий, болотистый овраг' (SJP III, 328), 'овраг' (Brückner, 199; Linde II, 236); 2) 'заболоченный труднопроходимый лес'; 'заросли, чаща' (SJP III, 328); 3) 'яма, канава, ров' (Linde II, 236, 258). В сербохорватском — *jaгuga* 'канава, ров', в Боснии — 'болото, озеро, пруд' (RJA IV, 473). Кроме того, рассматриваемое слово встречается и в румынском: *ieгuga*, (v)*iguga*, (v)*iguga* 1) 'канава, болото'; 2) 'обрыв, пропасть' (Cioganescu III, 415). Источником русского и украинского слов является тюрк. *jaгuk* 'щель' (тур., чагат, ктат., тат.) (Фасмер IV, 561). Авторы SJP считают, что польск. *jaгuga* заимствовано из русского (SJP III, 328). Того же мнения придерживался и А. Брюкнер (Brückner, 199). М. Линде сопоставлял польское слово с русским и сербохорватским (Linde II, 236). В румынском *ieгuga*, (v)*iguga* является заимствованием из славянских языков, очевидно украинского или русского (Cioganescu III, 415). Кроме того, в румынском существует параллельная форма *ieгeс* 'канал', являющаяся, по всей вероятности, заимствованием из тюркских языков и восходящая к тому же источнику, что и русск. юго-вост. *epuk* 'старица, высохшее речное русло со стоячей водой', 'узкий промыв между рекой и озером' (Фасмер II, 24). Ср. *epuk/epik* уйг. 'трещина, щель' (Севортян, 188). Как видно из изложенного выше, все три рассматриваемых слова в той или иной степени выражают идею «путь, проложенный водой». Поэтому необходимо сопоставить значения данных слов как в языках карпатского ареала, так и в тюркских языках.

ЯЗЫКИ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

agok, jagok 1) 'канава, ров, окоп, водосточная канава, яма' (венг., рум., словац., с.-хорв., укр.); 2) 'овраг, ухаб' (словац., укр.); 3) 'ручеек' (словац., чеш., укр.); 4) 'промоина' (чеш., укр.); 5) 'долина' (венг.); 6) 'борозда' (словац.).

jaгuga 1) 'канава, ров, яма, канал' (польск., рум.); 2) 'овраг' (польск., укр., русск.); 'глубокий, болотистый овраг' (польск.); 3) 'пропасть, обрыв' (рум.); 4) 'заболочен-

ный непроходимый лес, чаща' (польск.); 5) 'болото' (с.-х орв. босн.).

јаг 1) 'канава, яма' (польск.); 2) 'овраг, балка, лощина' (укр., польск., болг., русск.); 3) 'крутой, обрывистый берег, отвесная скала, берег в расселинах' (русск.); 4) 'глубина' (польск.).

іегес 'канал' (рум., русск.).

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

арык 1) 'арык' (тур., туркм., азерб., ктат., казах., караим., ног., ккал., тат., узб., уйг., алт., тув.); 'оросительный канал' (тур., тур. диал., узб., тув.); 'канал' (башк., уйг., лоб.); 'вешняк для спуска воды у мельницы' (тат.); 2) 'канава' (туркм., азерб., ккал., узб.); 'канавка, желоб' (тат.); 'желобок', 'сельскохозяйственная борозда' (узб.); 'межа' (на волейбольном поле) (тур. диал.); 'ров'; 3) 'река, речка' (тур. диал.); 'поток' (тур. диал.); 'протока' (лоб.); 'ручей', 'берег ручья'; 4) 'лес, еловый лес' (караг.); 'роща, чаща, заросли' (хак.); 'лесная роща' (якут.); 5) 'остров' (койб., якут.) (озерный, речной, морской); 'лесной остров' (якут.) (Севортян, 188).

По мнению Э. В. Севортяна, *а* : *рык* ~ *арык* ~ *арыг* можно связать с корнем *а* : *р*₁ ~ *ар*- с общим значением «протекать, впитываться (о воде)» и, кроме того, рассматриваемое слово, по-видимому, родственно с *ырмак/йырма*, основные значения которого полностью совпадают со значениями 3-й группы в *а* : *рык*. Ср.: *ырмак* 1) 'река' (во всех языках, кроме кум., узб., чуваш.); 'большая река, речка, небольшая река' (чуваш.); 'приток реки' (кум., узб. книжн.); 'ручей' (узб. поэт.); 'проток' (кум.); 'проточная вода', 'поток' (кум.); 'исток реки', 'речной' (чуваш.); 2) 'залив'; 3) 'место для стока воды из реки, канала' (кум.); 4) 'овраг' (чуваш.); 5) 'прачечная' (чуваш. диал.) (Севортян, 664). По мнению того же автора, *а* : *рык* сопоставляется также с *арал*, поскольку его значения 'лес, заросли' и др. также связаны с рекой: 1) 'остров' (кирг., казах., ног., узб., уйг., сар.-юг., алт.); 'скала', 'островок' (казах.); уст. 'небольшой остров' (башк.); 2) 'заросли кустарника главным образом по берегам рек и озер' (алт.); 'чаща', 'лес' (алт.); 'тальник на берегах рек', 'поток'; *аргы* 'рукав реки, остров' (шор.); *арыг* 'остров на реке' (сар.-юг., койб., лоб.) (Севортян, 167). Основное значение

арал 'остров' частично имеется и в *a : рык* (койб., якут.).

Обратимся теперь к материалам языков карпатского ареала, сохранивших древнейшие значения и формы рассматриваемых тюркских слов. Славянские *jar*, *jaruga*, по всей вероятности, являются древнейшими тюркскими заимствованиями и относятся к самому раннему периоду славяно-тюркских контактов. Причем здесь не приходится говорить, например, о русском посредстве в передаче слова *jaruga* в польский, как это делает А. Брюкнер, поскольку семантика польского заимствования соответствует значениям, присущим этому слову в якутском, хакасском и карагасском языках, наиболее удаленных в настоящее время от карпатской зоны, что свидетельствует о большой древности этого заимствования в славянских языках. Следует отметить также, что рум. *iégés* имеет семантику, совпадающую со значениями турецкого *agık*, и сохраняет при этом более ранний фонетический облик. Что касается древнечувашской формы *агук*, которую восстанавливает З. Гомбоц на основе данных венгерского языка, считая ее исходной, то подобная этимологизация представляется сомнительной. Совр. чуваш. *вӳрӳк* из тюрк. *арык* имеет значения 'промоина, овражек', 'рытвина, русло' ⁷, а венг. *árok* как фонетически, так и семантически ближе всего к тур. *aguk*. По нашему мнению, если считать одним из источников венгерского слова тур. диал. *aguk*, то вполне объяснимой становится венгерская форма *árok*, так как в венгерском имел место переход *u > o*, восходящий к IX в. и особенно распространившийся в XII—XIII вв., например булг. *хисак* > венг. *húszik* > *homok* 'песок'. Однако одно из значений венгерского слова, 'долина', турецкому не свойственно. Ближе всего оно стоит к койб., як. *арык*, *a : рык* 'остров (озерный, речной, морской)', 'лесной остров' и, вероятно, является отражением семантики первоначального древнего тюркского заимствования в венгерском, на которое наслоиилось более позднее заимствование из турецкого, чья форма вытеснила более раннюю. Из венгерского эта форма проникла в соседние языки: словацкий, чешский, сербохорватский, украинский, румынский. Поскольку в славянских языках существовали древние тюркские заимствования *jar*, *jaruga*, приближающиеся по значению к венгерскому слову, то в славянских языках произошла контаминация древней тюркской формы с более поздней, заимствованной из венгерского, чем и

объясняется начальный *j* в словацкой, чешской, сербохорватской и украинской формах, а также особенности их семантики, отражающей смешение обеих форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. также: *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. — In: *Suomolais-ugriaisen seuram (toimituksia)*, 30. Helsinki, 1912, s. 38.
- ² См. также: *Блашкович Й.* Топонимы старотюркского происхождения на территории Словакии. — ВЯ, 1972, № 6, с. 66.
- ³ *Škalić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966, s. 362; ср.: *RJA IV*, S. 465.
- ⁴ *Gombocz Z.* Op. cit., S. 38.
- ⁵ *Корнилов Г. Е.* Евразийские лексические параллели, I. Чебоксары, 1973, с. 39.
- ⁶ *Gombocz Z.* Op. cit., S. 38.
- ⁷ *Корнилов Г. Е.* Указ. соч.

ЭТНОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

М. Н. Славягинская

Для анализа различных аспектов проблемы этнонимов в поэтическом тексте, для выявления их поэтической значимости особый интерес представляют те случаи, когда у одного племени, этнического объединения оказывается несколько названий, обусловленных историческим развитием, пространственными миграциями, изменениями в мифологическом и религиозном сознании, а также требованиями поэтики памятника. Именно с таким фактом мы сталкиваемся в поэмах Гомера, где для обозначения греков употребляются три этнонима: ахейцы (I), аргивяне (II), данайцы (III). Количественное соотношение между ними отдельно в «Илиаде» и «Одиссее» следующее: I — 606 и 112, II — 176 и 30, III — 146 и 13. Эти этнонимы представляют собой один из синонимических рядов, которые, как известно, являются одной из важнейших составляющих поэтического кода.

Причиной сохранения указанных этнонимов считается только их метрическая неравноценность, в силу которой они вошли в греческий поэтический язык и удержались в гомеровском эпосе¹. Признавая релевантность метрических различий для употребления данных этнонимов, добавим, что все слова поэтического греческого языка

должны рассматриваться не только с метрической, но и — шире — с просодической точки зрения, т. е. с позиции не только количественного, но и тонового рисунка слова, всей стихотворной строки и примыкающих строк. Просодический рисунок слова являлся в поэтическом языке особой эстетической ценностью, поскольку он, позволяя разнообразить мелодику стиха, усиливал его эмоциональное воздействие. Именно тоновые различия могли быть одной из причин включения в этнонимы греков названия «аргивяне», так как два других этнонима отличаются друг от друга лишь долготой и краткостью второго слога (ср. Ἄργαιοί, Ἀργεῖοι, Δαναοί). Ср. также оппозицию этнонимов, обозначающих противников греков: Τρῶες — Δάρδανοι.

Общеизвестно, что в поэтическом тексте значимы все аспекты фонетической структуры слова, в том числе и его звуковой состав. Античные авторы оставили много высказываний, свидетельствующих о попытках даже семантизировать отдельные звуки и оценить их не только с акустической, но и с эстетической стороны, что, несомненно, явилось следствием пристального изучения соотношений звука и значения в греческой поэзии. Появление нескольких названий для обозначения главных воюющих племен диктовалось, видимо, и необходимостью акустического разнообразия. В противном случае повторение одного и того же названия сотни раз намного затруднило бы ту тонкую звуковую аранжировку, которая свойственна поэзии, особенно в архаические периоды ее существования, когда восприятие акустической стороны стиха было гораздо более обостренным, чем позднее. В частности, именно с акустической стороны должны, видимо, оцениваться некоторые гомеровские формулы, содержащие этнонимы греков. Так, формула Ἀργείων ἠγήτορες при обращении к вождям всех ахейцев помимо тех причин, о которых будет сказано ниже, возможно, вошла в гомеровский язык в силу своей акустической организации (повторение звуков *g-p-e*).

Однако сколь ни значима в поэтическом устно исполняемом произведении фонетическая структура слова, главным объектом исследования должна быть семантика слова, тем более что речь идет о мертвом языке, и о его фонетике, в том числе и поэтической, можно судить лишь приблизительно. Многочисленные исследователи гомеровского эпоса не отмечают каких-либо семантических различий у рассматриваемых этнонимов и указывают только на некоторые особенности употребления этнонима «ахейцы»:

он более частотен, и при нем употребляются те эпитеты, которые характеризуют внешность греков (пышнопоножные, густоволосые, блестящезорые, меднобронные)². Однако то, что при этом этнониме обнаруживается больше эпитетов с конкретным значением, неудивительно: более частотный этноним, естественно, употребляется с большим числом эпитетов, а следовательно, и с более разнообразными эпитетами, а именно: при названии «ахейцы» встречается 15 эпитетов, из них 5 вышеприведенных с конкретным значением и 10 эпитетов с абстрактным значением типа 'могучие', 'воинственные' и т. п.; при названии «аргивяне» отмечено только два конкретных эпитета «меднохитонные» и «копейщики», при названии «данайцы» — 7 эпитетов (3 с конкретным значением и 4 с абстрактным). Таким образом, имеет основание и утверждение, обратное приведенному выше: при этнониме «ахейцы» употребляется большее число эпитетов с абстрактным значением. Обращает на себя внимание и тот факт, что при втором этнониме употребляется минимальное количество эпитетов, хотя он гораздо частотнее названия «данайцы». Это может свидетельствовать либо о его позднейшем вхождении в эпический язык, либо о его более узком значении.

При анализе имени собственного, в том числе этнонима, в поэтическом тексте необходимо по возможности точно определить денотативный и ассоциативный слои в его значении. Относительно первого отметим следующее. Как известно, эпос есть отражение истории, но в своеобразном преломлении эпического историзма, который представляет собой стадию, следующую за мифологическим историзмом, и притом стадию, не преодолевшую предшествующую, а вобравшую ее в себя, в результате чего эпический историзм неизбежно объединяет и реальные и мифологические события и персонажи, не отделяя их друг от друга. Такой тип историзма является основой для появления в эпическом повествовании по крайней мере двух типов названий: реально-исторических и мифологических. Три этнонима греков действительно обнаруживают тесное переплетение реальной и мифологической истории. В последние десятилетия исследователей интересовала главным образом реальная историческая основа этих этнонимов, что было связано с важными открытиями (историческими, археологическими, лингвистическими) в районе Эгеиды. В настоящее время возникновение гомеровских этнонимов

(в самом общем виде) объясняется следующим образом. Этноним «аргивяне» произошел от названия догреческого пеласгического города Аргос. Этноним *данайцы*, по всей вероятности, связан с названием племени *дануна*, обитавшего в середине II тыс. до н. э. в Юго-Восточной Анатолии. Греческая мифология так объясняет сближение значений этих двух этнонимов. Данай, эпоним данайцев, потомок Зевса, правил в Ливии. Когда сыновья его брата Египта разрушили его царство из-за того, что он не отдал им в жены своих дочерей, Данаю с дочерьми пришлось бежать на Балканский полуостров, в Арголиду, родину его прабабки Ио. Названием же собственно греческих племен был только этноним «ахейцы», обозначавший первоначально жителей государства Аххиява, которое в середине II тыс. до н. э. существовало в Малой Азии, вероятно рядом с Хеттским царством. Таким образом, в значении трех этнонимов греков вскрываются и различные реально-исторические события и их мифологическая интерпретация.

Но исследователи эпоса, и греческого, и германского, и индийского, не раз говорили о том, что, какие бы исторические напластования ни обнаруживались в тексте, эпическое произведение в основном едино и именно таким и воспринималось аудиторией³. А следовательно, при всей диахронической несовместимости рассматриваемых этнонимов их употребление должно быть подчинено единой поэтической задаче.

Отметим, что как самостоятельные, а не эквивалентные этнониму «ахейцы» названия «аргивяне» и «данайцы» широко употреблялись на протяжении всей истории Эллады. Напомним хотя бы трагедию Эсхила «Просительницы», в которой как раз и рассказывается о прибытии Данаю с дочерьми в город пеласгов Аргос и о последующих событиях, в результате которых царь Аргоса был убит и правителем города стал Данай. Поэмы Гомера явились результатом длительного исторического развития греческой поэзии, а потому все три этнонима греков несомненно были отягощены самыми разнообразными ассоциациями (историческими, семантическими и чисто языковыми: фонетическими, морфологическими и синтаксическими), которые, видимо, и использовались поэтом. Ведь даже в самих поэмах название города Аргоса звучит 30 раз в «Илиаде» и 17 раз в «Одиссее», упоминается аргивянка Елена; Зевс, желая позлить свою супругу, тоже называет ее аргивянкой за помощь Агамемнону.

Исследование многочисленных контекстных ситуаций показало, что этноним «аргивяне» действительно имеет прежде всего самое прямое значение 'жители, воины Аргоса', а тем самым 'подданные Агамемнона'. Так, прорицатель Калхант, собираясь открыть причину гнева Аполлона, обращается к Ахиллу с просьбой защитить его от Агамемнона, потому что он, Калхант, своими словами разгневет мужа, который «полностью властвует над всеми аргивянами и которому повинуются ахейцы» (Ил. I, 78—79). Видимо, не случайна формула, которой Агамемнон в «Илиаде», Нестор в «Одиссее» удерживают воинов: «. . . сдержитесь, аргивяне, не стреляйте, юноши ахейские» (Ил. III, 82). Вполне естественно обращение сначала к племени, стоящему во главе войска, а затем уже к остальным воинам. Не случайно Парис, желая сразиться один на один с каким-либо врагом, вызывает на поединок аргивян (Ил. III, 19); не случайно для Гекубы и троянских женщин те, кто пришел разрушить их город из-за аргивянки Елены, именно аргивяне. Не случайно Агамемнон перед поединком Париса и Менелая говорит: «Если Менелай убьет Париса, пусть троянцы отдадут нам Елену, заплатят за оскорбление чести аргивян» (Ил. III, 287).

Таким образом, во многих стихах название «аргивяне» употребляется в прямом значении и является лишь относительным синонимом названий «ахейцы» и «данайцы». Но вполне естественно, что название главного племени может употребляться метонимически для обозначения всего войска. При этом контекст показывает, что такое метонимическое употребление часто сопровождается переакцентуацией в значении: аргивяне — зачинатели похода на Трою, а следовательно, они лучшая, храбрейшая часть войска, и именование всех ахейцев аргивянами есть именование торжественное, поднимающее все остальные племена до уровня главного и храбрейшего. Поэтому во многих случаях аргивяне — это лучшие из ахейцев либо ахейцы в минуты проявления их храбрости или мудрости. Именно поэтому формула торжественного обращения к самым почитаемым ахейцам включает в себя этот этноним: «предводители аргивян и старейшины» (Ил. II, 79 и др.).

Отметим также, что употребление этнонимов «ахейцы» и «аргивяне» диктовалось и синтаксическими особенностями архаического языка, не обладавшего развитой категорией личного местоимения 3-го лица, но избегав-

ишего по стилистическим соображениям повторения рядом одного и того же слова. Так, в «Одиссее» (X, 15) Эол слушает рассказы «об Илионе, кораблях аргивян и возвращении ахейцев». Но снова отметим, что стихи подобного рода часто строятся так, что этноним «ахейцы» употребляется в нейтральном смысле, а «аргивяне» — в контексте, говорящем о мужестве, стойкости, мудрости тех же самых ахейцев. Так, в «Илиаде» (V, 497—498) «троянцы издали боевой клич и встали напротив ахейцев, аргивяне же ждали, плотно сомкнувшись и бесстрашно».

Что касается этнонима «данайцы», то анализ всех контекстов, в которых употребляется этот этноним, показывает, что, как правило, здесь речь идет или об ахейцах в их отношении к богам, жрецам, прорицателям, или о самых героических ахейцах, или обо всех ахейцах в самые героические минуты. Афродита, например, жалуется матери, когда ее, пытавшуюся вынести из сражения сына Энея, ранил в руку Диомед: «Это уже не ахейцы с троянцами, а данайцы с богами сражаются» (Ил. V, 378—379). В «Одиссее» этноним «данайцы» употреблен 13 раз в весьма точном значении — только по отношению к героям, сражавшимся под Троей и либо павшим там, либо претерпевшим позднее злые беды (кроме IV, 278).

Показательно употребление этого этнонима в песни «Подвиги Агамемнона» (Ил., XI). В первых трехстах стихах этой песни этнонимы греков распределены следующим образом. Зевс посылает богиню вражды к кораблям ахейцев (I, 3). Вражда вдохновляет ахейцев на битву (I, 11). Пробуждается Агамемнон и обращается с призывом к аргивянам (I, 15). В его устах такое обращение весьма уместно, поскольку он басилевс аргивян. Агамемнон надевает доспехи, которые когда-то подарил ему правитель Кипра Кинир, когда услышал, что ахейцы собрались плыть в Трою (I, 21). Начинается битва ахейцев и троянцев (I, 70). Долго нет перевеса ни на той, ни на другой стороне, и наконец своей доблестью данайцы прорывают фаланги троянцев (I, 90). Только тут, в момент превращения ахейцев в героев, появляется этот этноним. Далее Агамемнон руководит битвой, называя воинов то аргивянами (I, 154), то данайцами (I, 165), но, заметим, не ахейцами. Покидая поле битвы из-за раны, он снова обращается к данайцам с призывом продолжать битву (I, 275), называя их «предводители аргивян и старейшины» (I, 276). Но Зевс помогает троянцам, и, поняв это, Гектор кричит: «Зевс

дарует мне славу, направим же коней на данайцев» (I, 290). Одного за другим поражает врагов Гектор, причем из перечисления видно, что это не простые ахейцы, а их вожди. Контекст здесь настолько ясно подсказывает, что под словом «данайцы» подразумеваются самые лучшие из ахейцев, что Гнедич, в переводе которого при передаче этнонимов чаще всего нет соответствия между русским и греческим текстом, переводит название «данайцы» так: «сих поразил он а х е й с к и х в о ж д е й и м е н и т ы х».

Примечательно и употребление этих этнонимов в «Илиаде» (IV, 257—264), когда Агамемнон, обращаясь к царю критян Идоменею, говорит ему: «Чту я тебя выше всех д а н а й ц е в и на войне, и в другом деле, и на пиру, когда лучшие из а р г и в я н смешивают вино в кратерах, и уж если и другие а х е й ц ы пьют на пиру, то твой полный кубок, как и мой, стоит для питья». Как мы видим, употребление этнонимов именно в таком порядке точно обосновано семантически, а не только метрически и ясно обнаруживает поэтическую значимость установленных значений, на основе которых поэт и строит приведенную градацию.

В качестве подтверждения своих наблюдений над значением трех этнонимов греков в поэмах Гомера (ахейцы — все греческое объединение под Троей, самый нейтральный из этнонимов; аргивяне — либо непосредственные подданные Агамемнона, либо «героические ахейцы»; данайцы — ахейцы, имеющие отношение к божествам либо по ситуации, либо по своим качествам) рассмотрим их употребление целиком в первой и последней песнях «Илиады», которые избраны для анализа в целях подтверждения объективности приведенных выше наблюдений.

В I песни 4 раза встречается этноним «аргивяне», 9 раз — «данайцы», 37 — «ахейцы». Таким образом, маркированными являются, как и можно было ожидать, первые два этнонима, но из них этноним «данайцы» вопреки ожиданию более частотен. Название «аргивяне» встречается в следующих контекстах: в упоминавшихся уже словах Калханта, боящегося рассердить мужа, который властвует над аргивянами (I, 79); в словах Агамемнона, который требует трофея взамен Хрисеиды, чтобы не остаться ему одному из аргивян без дара (I, 119); в рассказе о первой стреле Аполлона, летящей в аргивян (ст. 382); в речи Одиссея, который передает Хрису слова Агамемнона (I,

445). Таким образом, в I песни аргиевие — подданные Агамемнона, главные виновники войны (почему именно в них и летит прежде всего стрела Аполлона) или все ахейцы через восприятие Агамемнона.

Этноним «данайцы» употреблен в контекстах, где действуют жрец Хрис (I, 42, 456), прорицатель Калхонт (I, 97, 109), Аполлон (I, 444), Гера (I, 56), а также в торжественной клятве Ахилла Калхонту (I, 87, 90). Лишь один раз в словах Нестора нет прямых указаний на «божественный» или торжественный план, но мы можем легко предположить торжественность и экспрессию в словах мудрого старца (I, 258). Оговорим, впрочем, что, как в любом произведении, в поэмах Гомера несомненно существуют и нейтральные контексты, допускающие в принципе употребление любого этнонима.

Еще более четким оказывается употребление исследуемых этнонимов в последней песни, рассказывающей о выкупе тела Гектора и о его погребении. Здесь этноним «аргиевие» также встречается 4 раза, и притом только тогда, когда ахейцы изображаются с позиции троянцев. В стихе 168 троянские женщины оплакивают своих близких, павших от рук аргиевиев; в стихе 298 Гекуба говорит Приаму, что не пустит его к аргиевиам, если Зевс не даст ему провожатого; в стихе 779 Приам побуждает троянцев рубить лес для погребения Гектора и не бояться аргиевиев; в стихе 393 Гермес говорит Приаму, что он видел, как Гектор разил аргиевиев. Этноним же «данайцы» употреблен всего 3 раза в «божественном» контексте: в стихе 295 Гекуба призывает Приама молиться Крониду, чтобы тот послал птицу в знак того, что Приам может безопасно идти к кораблям данайцев; в стихе 313 супруги молят об этом Зевса; в стихе 338 Зевс приказывает Гермесу сопровождать Приама к данайцам.

Добавим, что и морфологические формы анализируемых этнонимов лишний раз подтверждают установленное различие в их значении. Наиболее четко маркированное по значению и употреблению название «данайцы» встречается лишь во мн. числе и в том единственном падеже, который позволяет различать поэтические и регулярные формы, а именно в дат. падеже мн. числа, употребляется только в форме, характерной для греческой поэзии — с окончанием *-οισι*. От этнонима «аргиевие» есть и форма жен. рода — «аргиевиевка», а в дат. падеже он 61 раз встречается в форме на *-οισι*, но 7 раз имеет форму на *-οις*. Этноним

«ахейцы» встречается по 2 раза в ед. числе в муж. и ж. роде, т. е. имеет наиболее разветвленную парадигму, а в дат. падеже мн. числа употребляется почти одинаково в обеих формах (13 раз в форме на *-οισι* и 10 раз в форме на *-οις*).

В заключение можно сказать, что проведенный анализ свидетельствует о том, что появление в гомеровском языке синонимического ряда для обозначения греков есть явление, обусловленное не только стремлением к созданию фonda метрических дублетов. В значении этнонимов гомеровских греков должно было непременно присутствовать своеобразное проникновение божественного и человеческого, что составляет основу гомеровского эпоса и выражается противопоставлением этнонимов «ахейцы», «аргивяне», с одной стороны, и «данайцы» — с другой. Напомним также о сходном противопоставлении этнонимов «троянцы» — «дардане», где второе название, также употребляемое метонимически для обозначения всех троянцев, и притом только в случаях торжественного обращения к ним, сразу вызывает представление о сыне Зевса Дардане, основателе одного из городов Трояды.

Три этнонима греков были также немаловажным средством в создании эпического пространства и времени, заставляя слушателей постоянно представлять себе объединение греков и как нечто единое, и как нечто дискретное, как действующее на земле и как некоторым образом причастное к миру небожителей, воплощающее эпическое время как совокупность времени и реального и мифологического. Данный синонимический ряд был не случайно создан в греческом поэтическом языке: его семантическая многомерность позволяла с различных сторон изображать одно и то же ахейское войско.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ebeling H. Lexicon Homericum, I. Lipsiae, 1885, S. 167; Chantaine, I, p. 103, 149, 251; Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 3.*
- ² *Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978, с. 173.*
- ³ *Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960, с. 172—174; Гуревич А. Я. Пространственно-временной континуум «Песни о Нибелунгах». — В кн.: Традиция в истории культуры. М., 1978, с. 122; Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. М., 1974, с. 173—174.*

ОИУМ ИОРДАНА (GETICA, 27—28) И ГОТСКО-СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В. Н. Топоров

Отрывок, в котором упоминается Ойум, занимает в «Getica» характерное место, дающее возможность хотя бы в самом общем виде определить положение этой страны. В четырех параграфах «Getica» (25—28) кратко и рельефно резюмируется история готов за два с половиной века на пространствах от Скандинавии до Черного моря. Упоминаются лишь самые значительные имена и события, и эта краткость не от незнания, а от того, что, во-первых, подробнее судьбы готов в этот период отражены в живом еще, видимо, предании и «в достовернейшей истории» (*verissima... historia. Get., 28*) Аблавия, «историчности» которых Иордан доверяет больше, чем «старушечьим рассказам» (*quam fabulis anilibus. Get., 38*)¹, и от того, что, во-вторых, Иордана больше интересуют дальнейшие события готской истории — от перехода Дуная до вторжения в Италию. Это обстоятельство (краткость сведений об Ойуме) следует постоянно иметь в виду: Иордан мог позволить себе в этом месте лаконичность, поскольку подробно об этом говорилось в других текстах, к которым в VI в. готы еще могли обращаться (пересказывать же готское «баснословие» для римлян или греков Иордан явно не намеревался).

Иордан начинает с прародин: «С этого самого острова Скандзы (*Scandza insula*), как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию, вышли готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Г о в о р я т, что до сего дня оно так и называется Готискандза (*Gothiscandza vocatur*). Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам Океана, там они расположились лагерем и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их из их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам. Когда

там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гада-рига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда» (Get., 26). После этой экспозиции вводится отрывок об Ойуме: «В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум (pervenit ad Scythiae terras lingua eorum Oium vocabantur). Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недостижимой, соединив вместе то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], хотя слышно это издали» (Get., 27). И далее: «Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов (ad gentem Spalorum adveniunt) и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях, как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; и о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории» (Get., 28—29)².

Из сочинения Иордана следует, что область Ойум лежала в Скифии и принадлежала к числу «удобнейших» и «подходящих»; что она отличалась «великим обилием» и была для готов «желанной землей»; что она была предельно изолирована (окружена болотами и омутами) и недоступна; наконец, как можно понимать соответствующее место в «Getica», что в Ойуме поселилась лишь одна часть готов, предводительствуемая Филимером³. Важная характеристика Ойума содержится в этимологии и этого, признаваемого подавляющим большинством ученых готским, слова (lingua eorum, т. е. Gothorum), данного в латинизированном облике (в этом случае, под-

тверждаемом, кстати, и более поздними примерами употребления того же корня в топонимии, этимология, видимо, оставалась актуальной для готом не только ввиду ее прозрачности, но и потому, что употребление соответствующего языкового элемента, по всей вероятности, было уже закреплено за определенными объектами ландшафта, т. е. институализировано в уже известном качестве). Впрочем, этимологические показания отчасти подтверждаются и реалиями (ср. выше о болотах и омурах, окружающих Ойум). Согласно весьма правдоподобной этимологии за словом *Oium* в «*Getica*» скрывается **Auĳōm*, понимаемое как обозначение страны, и з о б и л у ю щ е й в о д о й ⁴. В корневой части предполагается гот. **awi* (Gen. **aujos*), не засвидетельствованное самостоятельно в готских письменных памятниках, но входившее в состав сложных гидронимов в качестве второго члена ⁵ и, возможно, в готское слово *gawi* (Gen. *gaujis*, Dat. *gauja*) 'страна', 'окрестность' (*χώρα, περιχώρα*) ⁶, если его понимать как **ga-awja-* (Feist, 211). Эта готская лексема, восходящая к герм. **ahwo* 'вода' и имеющая надежные параллели в и.-е. языках, находит соответствия в др. герм. языках: др.-сев. *eu* (Gen. *eujar*; ср.-норв. *øy*, дат. *ø*, швед. *ö*), др.-англ. *īez*, *ēz*, *īz* 'остров', др.-н.-франк. *ō* (нидерл. *-ouw*), ср.-н.-нем. *ō(ge)*, *ōch*, *ou(we)* 'остров', 'мокрый луг', др.-в.-нем. *auwia*, *ouwa* 'земля у воды', 'мокрый луг', 'остров', ср.-в.-нем. *ouwe* (→ средневек.-лат. *augia*), нем. *Aue* (**agwĳō* > **awĳō*); эти элементы постоянно выступают в топонимии при обозначении островов, небольших местечек (в частности, у воды), рек (см.: Kluge, 36). В связи с гот. **Auĳōm* (= *Oium*) особенно показательна семантика нем. *Au(e)*, которое может обозначать местность, о к р у ж е н н у ю в о д о й или б о г а т у ю е ю.

Комментаторы Иордана много внимания уделяли локализации Ойума. Местоположение этой земли определялось по-разному. Мотив зыбких болот не раз вызывал в представлениях ученых полесскую ситуацию: река отождествлялась с Припятью, а болото — с Пинскими болотами. В других случаях иордановскую «реку» соотносили с Днестром, и тогда мнения расходились относительно того, в каком месте готы переправились через него (определение же места во многом зависело от направления, которое было избрано готами после перехода через Днестр ⁷). Согласно последнему комментарию, «представляется наиболее вероятным подразумевать под готским

Ойум, названным Иорданом (Get., 28) «optatum solum», древнюю греческую Гилею на левом берегу Нижнего Днепра и его лимана»⁸, т. е. днепровское Олешье. Гилея, упоминавшаяся еще Геродотом (IV, 18, 19, 21, 55, 76: Ὑλαίη) и помещавшаяся им к востоку от Дуная, представляла собой густой смешанный лес огромных размеров (140 км×40 км). Высказывалось предположение, что готы могли переправиться через Днепр напротив Гилеи, там, где на левом берегу Днепра находится река Конка, образующая болота и имеющая многочисленные протоки. Е. Ч. Скржинская допускает (в виде вопроса), что разделение готов на восточных и западных могло быть связано именно с приводимым Иорданом эпизодом лишь наполовину удачной переправы. Не отрицая локализации Ойума на Нижнем Днестре, в Олешье, можно все-таки думать и о других возможностях. Более того, похоже, что не только идея сказочной южной страны, богатой теплыми водами, существовала у готов еще задолго до их прихода на Юг России, но и само слово Oium (*Aw-; *Au-) в разное время готы могли употреблять в связи с разными областями, расценивавшимися как «желанные». В частности, не исключено, что Ойум мог находиться и в устье Дуная, в знаменитых плавнях⁹, гораздо более обширных, чем днепровские, и исключительно богатых рыбой и п т и ц а м и, которые остаются здесь на зимовку. Во всяком случае, если представление об Ойуме было знакомо и вестготам, то едва ли оно могло бы с большими основаниями быть увязано с каким-либо другим местом, нежели дунайские гирла. Тяга к Дунаю и нахождение в его нижнем течении, вплоть до самого моря, западной части готов¹⁰ могли актуализировать старую идею сказочной южной страны («заморской» или «приморской») Ойум и способствовать новой ее локализации.

Несомненное сходство наблюдается между Ойумом и помещаемым примерно в этих же краях (без точной локализации, но иногда с отнесением именно к берегам Черного моря) *Выреем* (*Ирием*, *Иреем*), сказочной страной русских мифопоэтических представлений, откуда прилетают п т и ц ы, принося весну (и куда они улетают на зиму). Восточнославянские данные о *Вырии* богаче, чем то, что можно извлечь об Ойуме у Иордана. Ср. русск. *вьрей* (*вьрай*, *йрей*, *йрий*, *йрица*), о котором у Даля (I, 760) сказано: «Какой-то сказочный, загадочный край; земной рай, теплые страны; волшебное царство; перелетная птица

летит в вырей; даже змеи, около Воздвиженья, уходят в вырей; туда спасается, временем, зверь, целыми косяками, от злого лешего, проигравшего, напр., всех зайцев своих в карты другому лешему и перегоняющего их без толку на новые места; посему зверь является и исчезает годом без видимой причины» (с любопытным, хотя и не вполне верным заключением: «По всему видно, однако, что *вырей* значит сад, вертоград; вероятно, это стар. *иръ-ир* [!] с греч. *весна, теплый край*», ср. *вырѣц* 'клумба', 'цветник' — Даль I, 760); ср. др.-русск. *ирии* 'южные края' (уже в «Поучении Владимира Мономаха»: И сему ся подивуемы, како птица небесныя из и р ь я идуть. . .). Вместе с тем *вырей* обозначает «всякую птицу, улетающую на зиму», жаворонка (см. СРНГ 5, 1970, 340—341; 12, 1977, 209); ср. блр. *вырый* 'перелетная птица' (едва ли сюда относятся связываемые Фасмером (I, 370) с этим словом обозначения: словен. *vîg*, чеш. *vûg*¹¹. Возможно, сюда же нужно относить и *ырей* 'сильный ветер' (СРНГ 12, 1977, 208), вероятно, первоначально 'южный ветер' или 'ветер из заморских стран' (?), и, может быть, некоторые другие слова¹². Ср. также укр. *вырей, вырий*, блр. *вырый*, польск. *вугај* (заимствование из белорусского?).

Наиболее вероятная этимология слова *Вырей* (из *Ūg-бъ > *Vугъ от ūg- 'вода', может быть, 'море', ср. балт. *jūga* 'море' и другие параллели) объясняет его семантику связью с водой¹³. В таком случае оказывается, что *Вырей* и *Oium* названы по одному и тому же признаку. Отношение этих слов друг к другу есть отношение переводящего и переводимого (именно такое направление (герм. → слав.) задается тем фактом, что германцы раньше славян познакомились с Причерноморьем, в частности и с низовьями Днепра и Дуная, и, следовательно, не исключена ситуация, при которой славяне узнали о южной стране от германцев и встали перед необходимостью готско-славянского перевода). И *Oium* и *Вырей*, т. е. и готское и славянское слово, обозначают одно и то же — изобилующую водой страну, образ желанной земли, своего рода рай. Наконец, можно высказать еще одно предположение: не видели ли готы в исходе названия Дуная — гот. *Dōn-awī* (Герм. *Dōn-awjos*) — тот же элемент, который самостоятельно выступает в **Aujōm* (= *Oium*)? Если это так, то открывается возможность видеть в названии Дуная своего рода гибридное иранско-германское тавтологическое образование: иран. *dān*- 'вода', 'река' & герм. **au(j)*-

‘то же’. Кстати, готский элемент -auj- в названии реки удачно объяснял бы обе славянские формы названия Дуная: *Dun-avъ и *Dun-ajъ — и позволял бы реконструировать гипотетическую «суммированную» праформу типа *Dun-auj-os[om].

То, что тема В ы р е я (как, видимо, и Ойума) соотносилась с Д у н а е м, подтверждается большим количеством данных, касающихся славянских представлений о Дунае, образцово проанализированных Д. А. Мачинским¹⁴. Дунай — рубеж, пограничная река, но он же «есть середина земли» (в Переяславле), земля заветных устремлений, нечто благодатное, идеальное и прекрасное, в более позднем толковании — земля социальной с п р а в е д л и в о с т и и покоя-мира, где искали и находили спасение русские люди¹⁵ (иногда действие локализуется как раз в у с т ь е Дуная, в его гирлах, ср. украинские думы). Дунай обладает многими атрибутами Вырея (ср., например, «Птицы», см.: Гильфердинг № 280); Дунай персонифицируется (ср. *Дунай-богатырь* при *Ирьи: ирий*; ср. также мотив девушки, гибнущей в Дунае и т. п.)¹⁶, выступает в ряде мотивов, которым могли бы быть поставлены в параллель некоторые мотивы, связываемые с фольклорно-мифологическим творчеством готов (ср. мотив помощи оленя в «Getica» (123—124) и мотив Дуная и оленя в восточнославянских песнях¹⁷; кстати, и мотив сломавшегося моста и людей, ушедших на дно (Get., 27), находит ряд восточнославянских (впрочем, и иных) параллелей в мотиве погружения на дно озера или засасывания в болото людей, скота, церкви, града и доносящихся со дна звуков (голоса, колокольный звон и т. д.)¹⁸.

Сопоставление более богатых по материалу восточнославянских представлений о Вырее с иордановским Ойумом дает возможность для предположения о том, какие атрибуты и мотивы могли связываться с Ойумом в мифопоэтической готской традиции. Вместе с тем это сопоставление снова возвращает нас (и, пужно надеяться, на более реальной основе) к теме готско-славянских связей в Северо-Западном Причерноморье в III—V вв. н. э., рассмотренных в непосредственной увязке с пространственными характеристиками, отраженными в языке. Не анализируя данные германской гидронимии на территории Украины¹⁹, здесь уместно остановиться только на одной категории языковых свидетельств о пребывании восточногерманских племен в Северо-Западном

Причерноморье. Речь идет о германских заимствованиях в славянском, связанных с указанной территорией. В этом отношении особенно важны те заимствования, которые в той или иной степени могут быть соотнесены с реальными славяно-германскими контактами в Причерноморье, именно в той его части, откуда началась готская экспансия в Подунавье, а потом и дальше к югу.

После того как готы и родственные им восточногерманские племена из Нижнего Повисленья двинулись к югу, они должны были встретиться с этноязыковым элементом, который позже был осмыслен как славянский. Последний же этап перед уходом готов из Причерноморья («Прикарпатья») к Дунаю и за него (IV—нач. V в.) был отмечен контактами уже с исторически известными группировками славян — с антами и склавенами (см.: Get., 34—35, 119, 247)²⁰. Непосредственными участниками этих контактов были восточногерманские языки (прежде всего остроготский и везиготский) и праславянский. Следы этих встреч, фиксированных во времени и в пространстве, в целом не вызывают сомнений, хотя до сих пор не обращалось должного внимания на примеры, выступающие как своего рода классификаторы готско-праславянских контактов, и они обычно не отделялись с нужной четкостью от тех лексических следов германско-славянского взаимодействия, которые отсылают к более северной или северо-западной территории и к несколько иному времени. Имея в виду контекст черняховской археологической культуры, понимаемой как восточногерманская по преимуществу²¹, удастся довольно четко восстановить ту пространственную схему, которая не только была хорошо известна готам (а позже и части славян), но и определяла их поведение, стимулируя их продвижение к югу. Ключевыми элементами этой схемы нужно считать Карпаты как место исхода (или главный объект соответствующей области), Дунай (Нижний) как некий предел и ближайший рубеж миграционных устремлений, власские (волошские) племена как ту этническую среду, которая заполняла пространство между Карпатами на севере и Дунаем на юге, наконец, Рим и Византию, империю греков, как две цели, выбор между которыми еще предстояло сделать. Из перечисленных пространственных указателей праславяне, соседившие в это время с готами и гепидами, реально были знакомы только с Карпатами, живя в непосредственной

близости от них (к северу и северо-востоку); об остальных элементах приведенной схемы в это время и на этом пространстве они могли узнать (или, точнее, не могли не узнать) как раз от восточных германцев.

И в самом деле, праславянская номенклатура перечисленных узлов схемы носит, кажется, довольно отчетливый отпечаток своего германского происхождения (или, во всяком случае, не противоречит этому предположению), если не считать названия Карпат. Учитывая отсутствие в этом названии в разных группах славянских языков преобразований группы *tart, можно думать о позднем усвоении его славянами, по крайней мере в его теперешнем виде. Фасмер (II, 202—203) объясняет славянское название Карпат поздним книжным заимствованием из немецкого (Karpaten), ср. известные примеры обозначения Карпат как «немецких» гор (например, тур. Alaman Dağı 'Карпаты'). Не только для славян, но и для других народов этого ареала Карпаты были Горам и раг excellence²², но те племена, которые не были основными (и тем более единственными) насельниками Карпат или даже вообще располагались не в Карпатах, а по соседству с ними, видимо, предпочитали обозначать Карпаты их определениями, классифицирующими Горы по этнолингвистическому признаку — «Угорские», «Немецкие» и т. п. Не исключено, что в определенные периоды Карпаты могли обозначаться как «Фракийские» (ср. само название «Карпаты» в соотношении с этнонимом Κάρπιος, т. е. «Карпийские» горы), «Иллирийские», «Готские» (или «Германские»). Но если эти соображения относятся к сфере возможного, то уже название волохов-влахов (праслав. *Volxi) с большой степенью правдоподобия относится к германизмам — из герм. *walh- (ср. др.-в.-нем. wal[a]h, ср.-в.-нем. walch), обозначавшего представителя кельтских, позже и романских, народностей и в свою очередь восходящего к кельтскому этнониму типа Volcae. Разумеется, для западных славян формы типа др.-в.-нем. wal[a]h могли быть источником заимствования, но для той части славян, которые сидели к востоку от Карпат, естественно было ориентироваться на форму типа реконструируемого гот. *Walhs (контакты готов и гепидов, как и позднее славян, с волохами-влахами в отличие от западных германцев, также, скорее, говорят в пользу заимствования праславянами этого названия из языка готов или гепидов²³).

Но наиболее убедительным праславянским «готизмом» следует, несомненно, считать название Дуная — *Dunavъ : *Dunajъ (характерно, что южнославянские формы, принадлежащие тем группам, которые некогда знали Нижний Дунай, опираются, как правило, на первый вариант с -v-, ср. болг., македон. *Дунав*; с.-хорв. *Дунав*, но и *Дунај*, словен *Dunaj*). Как и в предыдущем случае, непосредственный источник заимствования — гот. *Dō-pawī — сам опирается на более древнюю кельтскую форму названия, известного в латинизированном виде как Dānuvius (впрочем, и кельтский источник не является концом цепи, ср. иран. *dān- и т. п.). Посредническая роль готского в данном случае подтверждается двумя парами диагностически важных соответствий: кельт. ā — герм. ō и герм. ō — праслав. u. Как Карпаты были для славян Горами по преимуществу, так Дунай стал для них Рекой вообще (а нередко и Морем), и это относится практически ко всем исторически известным группам славян. В мифопоэтическом же творчестве (см. выше) образ Дуная стал одним из ключевых у славян, в частности в эпосе и обрядовых песнях. С VI в. Дунай стал актуальным южным рубежом славянского мира (хотя отдельные группы славян еще раньше, вероятно, вовлекались в миграционное движение к югу и доходили до Дуная, как это случалось с более северными славянами позже), но сама форма названия этой реки говорит о роли готов в знакомстве славян с Дунаем и (косвенно) о пространственном соотношении гото-гепидского и славянского элементов в III—V вв.

После того как в III в. римский император Аврелиан уступил готам Дакию, началось их первое непосредственное знакомство с Дунаем. После нашествия гунов везиготы устремляются к Дунаю (с 376 г.), а после ослабления гунов причерноморские остроготы тоже достигают Дуная, переправляются через него в своем движении на Балканы, позже мигрируя на запад, в район Среднего Дуная. Сидя на Нижнем Дунае (а позже и на Среднем), особенно в IV—V вв., готы не могли не думать о дальнейшей экспансии к югу. Сначала более близкой, реальной и желанной целью была восточная часть Римской империи с Константинополем, где преобладали греки, позже — западная часть империи, и прежде всего сам Рим, вызывавший не только вожделение, но уже и ненависть²⁴. Готы называли греков Krekos (Sg. Kreks; герм. *Krē²kaz).

Не исключено, что славяне, слышавшие от готов о греках, имели некогда форму типа *krĕkъ / *grĕkъ, позже полностью утраченную. Не вполне ясное праслав. *grĕkъ (см. ЭССЯ 7, 1980, 163), строго говоря, не выводимое из предполагаемого источника — лат. gaeus, возможно, объясняется так же, как и слав. *цѣсарь (при цѣсарь) > царь, заимствованное, видимо, из гот. kaisar 'император'. Само соотношение *сѣсагъ : *сѣсагъ могло бы быть частичным аргументом в пользу некогда существовавшей пары *grĕkъ : *grĕkъ. Рим готы называли *Rūma (засвидетельствован только Dat. Sg. Rūmai); ср. также *Rūmōneis 'римляне', засвидетельствован Dat. Pl. Rūmōnium. Очень вероятно, что именно эта форма была заимствована славянами (с субституцией герм. г через г'). Во всяком случае, лингвистически такое предположение ничуть не менее вероятно, чем мнение о непосредственном заимствовании лат. Rōma или о роли романской среды, а практически, т. е. с учетом реальных условий, в которых могло произойти заимствование в славянский, это предположение представляется несравненно более надежным, чем «романский» вариант (сказанное, разумеется, не исключает возможности разновременных и даже разноместных более поздних заимствований того же названия и из других источников).

Эта реальная пространственно-временная ситуация и открывает привлекательную возможность по существу е д и н о г о истолкования целого комплекса важнейших древнеславянских слов, описывающих в н е ш н и й (чужой) мир, т. е. то, что находилось тогда за пределами Славии, но уже приковывало к себе любопытные, а иногда и жадные взоры. В этой ситуации были сделаны многие другие важные заимствования из готского в праславянский (в одних случаях об этом можно говорить с несомненностью, в других — с известным правдоподобием). В связи с темой Ойума-Вырея как «райского» сада очень показательным нужно считать заимствование слав. *vinogradъ из гот. weina-gards ἀμπελών (ср. крым.-гот. wingart 'vitis'); следует напомнить, что с культурой виноградарства славяне могли познакомиться в тех районах, которые в это время реально были заняты готами (Южный Крым, Придунавье)²⁵. Показательно и другое заимствование из той же сферы: ст.-слав. КРЪТОГРІДЪ < гот. aurtigards. Очень важны и другие заимствования из готского в праславянский, относящиеся к сфере духовной и материаль-

ной культуры и приоткрывающие увлекательную страницу готско-славянских культурных связей. Ср., например: праслав. *buku при гот. bōka 'буква' (герм. *bōkō 'бук', ср. также слав. *bukъ); праслав. *lĕk- в связи с обозначением лекаря, лекарства, лечения при гот. lēkeis 'лекарь'; праслав. *xǫdog-, *xǫdožь- 'мастерский', 'сведущий', 'опытный', 'искусный' и т. п. при гот. *handags, ср. handags 'мудрый', handus 'рука'; праслав. *cьsarь / *cĕsarь при гот. kaisar; праслав. *kъneзь при гот. *kuniggs; праслав. *rъlkъ 'толпа', 'народ' и т. п. при гот. *fulk, отраженном в ст.-франц. и прованс. fous (ср. прованс. afousar 'сопровождать'), итал. диал. folco и т. п.; праслав. *selmъ при гот. hilms 'шлем' (из *helmaz), оставившем след и в балтийских языках; праслав. *kotъль при гот. *katils или *katilus (засвидетельствован Gen. Pl. katilē); праслав. *userēзь при гот. *ausihriggs 'серьга'; праслав. *xlĕbъ при гот. hlais 'хлеб'; праслав. *xlĕvъ при гот. hlaiw 'могила', 'пещера'; праслав. *velĕbqđъ при гот. ulbandus 'верблюд' и др.

Отмеченный характер этих «культурных» заимствований несомненен, а сама значительность готского культурного слоя в праславянском (несмотря на относительную краткость периода непосредственных контактов — два-три века) недвусмысленно указывает на особо важную роль готско-славянских языков и культурных взаимоотношений (даже при том, что некоторые из приведенных славянских слов могли бы объясняться и несколько иначе, точнее — не только из готского). Следует указать на существенную особенность в распределении готских заимствований по славянским языкам: хотя в принципе эти заимствования являются праславянскими, есть несомненные случаи, когда южно-восточнославянские языки лучше сохраняют готское наследие. Вероятно, это может быть объяснено тем, что именно предки южных и восточных славян находились в преимущественном (в частности, в наиболее длительном) общении с готами²⁶. Наличие мощного готского влияния на славян в III—V вв. в Причерноморье позволяет наметить и следующие возможные сферы, в которых оно могло осуществляться. Может быть, важнейшей темой этого цикла было бы соотношение между эпическими мотивами и эпической техникой готов и славян. Несмотря на недостаточность материала, некоторые возможности взаимных связей и готского влияния на восточно- и южнославянский эпос представляются неисключенными²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее ссылки на издание: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica*. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
- ² Из дальнейших локализаций существенны две: «Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота, второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии» (Get., 38); в плане о т д е л е н и я готов от расположенных далее к западу восточногерманских народностей: «В Скифии первым с запада живет племя г е п и д о в (in qua Scythia prima ab occidente gens residet Gepidarum), окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе [по его области] протекает Тизия (Tisia), с юга же [эту область] отсекает сам великий Дунай (magnus ipse Danubius), а с востока — Флутавий (Flutausis)... Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (ab ortu Vistulae fluminis), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов (Venetharum natio populosa consedit)» (Get., 33—34 и далее о славянах). О географии восточногерманских племен в Причерноморье в первой половине I тысячелетия н. э. см.: Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956, особенно S. 84 (Abb. 9: Die Goten) и S. 101 (Abb. 10: Gepiden und Heruler); ср. также: Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme. Die Ostgermanen. München, 1934. В связи со спалами обычно вспоминают Σπάρροι у Прокопия, который относил это имя к склавинам и антам, или Spalaei Плиния (NH VI, 22), помещавшего их по течению Танаиса.
- ³ Не исключено, что предание о провалившемся мосте представляло собой часть этимологической легенды о делении готов на две части (видимо, остроготов и везиготов).
- ⁴ Ср. уже моммсеновское издание «Getica» (Mon. Germ. hist. auct. antiq. V, 1, 163; K. Müllenhoff. Index), а также: Feist, 381. В последнее время О. Н. Трубачев в ряде своих работ (*Трубачев О. Н. О синдах и их языке.* — ВЯ, 1976, № 4, с. 58; *Он же. Лингвистическая периферия славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье.* — ВЯ, 1977, № 6, с. 20—21; ср. также: *Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье.* — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 394—395) выдвигает точку зрения, согласно которой Oium Иордана, как и название синдского острова Eon Плиния, восходит к индоарийскому *oion 'остров' (ср. гомер. Αἰαίη).
- ⁵ В частности, в гидронимах на Юге России, о которых см.: *Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины.* М., 1968, с. 50—51. Впрочем, германское происхождение некоторых из конкретных названий на -ava (*Пискава, Стынава[к]а*) было поставлено под сомнение, см.: Rocznik Sławistyczny, 1970, t. XXXI, cz. 1, с. 12—25.
- ⁶ Ср. др.-в.-нем. gawi, gewi, ср.-в.-нем. gou (Gen. gouwes), но и др.-в.-нем. gawa, gowa, gawia, gowia, нем. Gau; ср.-н.-нем.

gō, н.-нем. gohe. Ср. также др.-англ. -zē (например, в Æl-3ē), др.-фриз. gā, gē, др.-сакс. -gō (в Rafter-gō и др.).

⁷ Так, Г. В. Вернадский полагает, что готы переправились через Днепр в районе Киева и пошли к востоку в бассейн Днэца и Оскола («Оспола»), где и столкнулись с аланским племенем спалов. См.: *Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1942, p. 104—105, 114—115.* Это мнение иногда расценивается как «невозможное» (Е. Ч. Скржинская). Вероятно, осторожнее было бы назвать его пока не доказанным. Определенные аргументы (разумеется, чисто комбинаторно-логического порядка) в пользу этого мнения существуют. Во всяком случае, важные различия в судьбах восточных и западных готов предполагают, кажется, их пространственное разделение не в самом Причерноморье (т. е. в приморской полосе), а несколько севернее (и, следовательно, ранее). В этом контексте уход остготов в Приазовье, а вестготов — к западу и юго-западу, в бассейн Днестра, можно было бы объяснить, если в качестве исходного пункта принять район Киева. Видимо, лишь позже, перед тем как направить свой дальнейший путь к Дунаю и к югу от него (а именно так реализовались в этой области самые различные миграционные потоки), остготы и вестготы территориально сблизились уже в пределах Северо-Западного Причерноморья, где границей между ними скорее всего был Днестр. Решающие аргументы могли бы доставить только археологические находки. Впрочем, небезынтересны и некоторые лингвистические показания, ср. явный германизм *Танискава* к востоку от Ворсклы.

⁸ Комментарий Е. Ч. Скржинской в кн.: *Иордан. Указ. соч.*, с. 195.

⁹ Другой пример соединения ситуации плавней с тем же языковым элементом реально представлен в устье Вислы, о чем сообщает Иордан: «Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис (Spesis provincia), на острове, окруженном отмелями Вислы, который они на родном языке называли Гепедойос (in insulam Visclae annis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedoiios) (Get., 96). Таким образом, сложное название *Gepid- (*Geped-) & *Auj- (ср. *Aujōm=Oium) обозначает замкнутую область плавней в устье Вислы, теперь называемую Żuławy (из прусск. *sulōwō), ср. польск. żulawka 'луг, заливаемый водой'.

¹⁰ Ср.: *Mitrea B. Die Goten an der unteren Donau — einige Probleme im III—IV jhd.* — In: *Studia Gothica. Stockholm, 1972.*

¹¹ В условиях одинакового кодирования названия сказочной страны, где зимуют птицы, и обозначения самих перелетных птиц в русском (*вѣрей*) обращает на себя внимание близость гот. *aw-; *auj- (ср. *Ойум*) и н.-е. слова для птицы *auei (Pokoynu I, 86): лат. avis, др.-инд. viḥ, veḥ, др.-греч. αἰετός и др. (эта близость, разумеется, вторична).

¹² Явные признаки притяжения к *ирий* как обозначению вод, вскрывающихся весной, обнаруживают слова *Ирина*, *Иринья* в сочетаниях: *день Ирины-водолей* (16 апреля, когда начинается ледоход), *день Ирины-пролубницы*, *день Ирины-ледоложки*, *день Ирины — разрой берега*, *день Ирины-рассадницы* (время сева семян на рассадку); *Ирина — урви берега*, *разрой берега*, *заиграй овражки*; то же с *Ириньей* (СРНГ 12, 1977, 209). Видимо, к этому же кругу относится и *ирень* 'быстрина на реке' (там же,

с. 208), ср. также *ирень* 'питье — простокваша, разбавленная водой'. Обозначение быстрины на реке через *ирень*, естественно, отсылает к русск. *вырь* 'водоворот', 'водоверть', 'вир', 'вихорь' (ср. *ирей* как 'ветер'), 'суводь', 'пучина', 'омут' (СРНГ 6, 1970, 15), но и 'извертина', 'калуга', 'пожня', 'п о е м н ы й л у г' или 'покос' (см.: Даль I, 763). Последние значения очень точно отвечают семантике продолжений герм. *ahwō, рассмотренных выше.

- ¹³ Этимология слова *вйрей*, предлагаемая Фасмером (I, 137—138: из иран. aiṛuā-[dahuy-] 'арийская страна', ср. осет. *ir* 'осетины', *irōn* 'осетинский'), видимо, менее убедительна (кстати, в осетинском иран. *aiṛuā- дало бы *ir-*, а *allon*, см.: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, с. 545—546).
- ¹⁴ *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии. — В кн.: *Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора.* Л., 1981, с. 110—171. Ср. также: *Jagić V.* Dunav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie. — *AfslPh*, 1876, Bd 1, S. 289—333; *Балашов Д. М.* Дунай. — *Русский фольклор*, 1976, XVI, с. 95—114.
- ¹⁵ См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 308; *Мачинский Д. А.* Указ. соч., с. 159.
- ¹⁶ Характерны и некоторые значения апеллятива *дунай*. Ср. польск. *dunaj* 'далекая незнакомая река', 'море', 'глубокие воды с высокими берегами', но и 'стоячая глубокая вода', укр. *дунай* 'водный разлив', 'лужа'; ср. русское выражение *дунай-дунаем* о быстрорастущей буйной растительности; лтш. *dunavas* 'стоячая незамерзающая вода', 'болото' и т. п. (ср. *dunas* 'верба', 'ракита', 'камыш'). См.: *Мачинский Д. А.* Указ. соч., с. 121.
- ¹⁷ См.: *Мачинский Д. А.* Указ. соч., с. 138.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Топоров В. И.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. — В кн.: *Балто-славянские исследования.* 1982. М., 1983.
- ¹⁹ Отчасти это было сделано в кн.: *Трубачев О. И.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; см. также: *Топоров В. И.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. — В кн.: *Балто-славянские исследования.* 1982. М., 1983.
- ²⁰ См.: *Браун Ф.* Указ. соч.; *Vernadsky G.* Goten und Anten in Südrußland. — *Südost-Forschungen*, 1938, Bd 3, S. 265—279, а также другие работы Вернадского.
- ²¹ См., например: *Тиханова А. М.* Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — *КСИА*, 1970, вып. 121, с. 89—94; *Она же.* Следы рунической письменности в черняховской культуре. — В кн.: *Средневековая Русь.* М., 1976.
- ²² См.: *Трубачев О. И.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — *ВЯ*, 1974, № 6, с. 50; *Он же.* Ранние славянские этнонимы. I. Славяне и Карпаты. — В кн.: *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания.* Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, с. 56.
- ²³ Обстоятельства, способствовавшие усвоению этого названия славянами, рассмотрены в статье: *Иванов В. В., Топоров В. И.* К вопросу о происхождении этнонима «валахи». — В кн.: *Этническая история восточных романцев.* М., 1979, с. 61—85.
- ²⁴ Так, Атаульф «вначале горел желанием уничтожить само имя Римское (*oblitterato Romano nomine*), а всю землю Римскую

(Romanum omne solum) превратить в империю готов и назвать ее таковою, чтобы была, попросту говоря, Готия из того, что некогда было Романией (esetque, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset)» (Orosius VII, 43, 4—5).

²⁵ Характерен мотив Дуная в так называемом *винограды*, см.: *Бернштам Т. А., Лапин В. А.* *Винограды — песня и обряд.* — В кн.: *Русский Север.* Л., 1981, с. 63 и след.; ср. также: *Мачинский Д. А.* *Указ. соч.*, с. 139—140, 144 и след.

²⁶ Готы в свою очередь также могли воспринимать заимствования от славян. Таковы гот. *plinsjan* ὀρχήσασθαι (ср. позднее ср.-н.-нем. *plansen* 'танцевать') из праслав. **plęsati* (см.: *Feist*, 334 и др.), возможно, *straua* (*straba*) в описании похорон Атиллы (*Get.*, 49) и т. п.

²⁷ Ср. теорию влияния вестготских героических песен на создание и формирование испанского эпоса, см.: *Менендес Пидаль Р.* *Готы и происхождение испанского эпоса.* — В кн.: *Менендес Пидаль Р.* *Избранные произведения.* М., 1961. Несомненные следы германского влияния в старофранцузском эпосе, где этим влиянием объясняются некоторые важные его особенности.

«КИММЕРИЙСКАЯ ТОПОНИМИЯ», I

С. Р. Тохтасьев

Термин «киммерийская топонимия» обозначает географические названия, в которых содержится имя киммерийцев (например, Боспор Киммерийский). В этой работе мы ограничимся рассмотрением (в первую очередь локализацией) «киммерийских топонимов» Северного Причерноморья, хотя известны они и в ряде других областей древнего мира.

Уже Эсхил (*Prom.*, 729 sq.) говорит о некоем «Киммерийском перешейке у самых узких врат озера» (Меотиды), откуда Ио, перейдя «Меотийскую впадину», должна попасть в Азию:

Ἰσθμὸν δ' ἐπ' αὐταῖς στενοπόροις λίμνης πόλαις
Κιμμερικὸν ἤξεις, ὃν θρασυπλάγκτως σε κρή
λιποῦσαν, ἀλῶν' ἐκπερᾶν Μαιωτικόν.
ἔσται δὲ θνητοῖς εἰσαεὶ λόγος μέγας
τῆς σῆς πορείας, Βόσπορος δ' ἐπώνυμος
κεκλήσεται. λιποῦσα δ' Εὐρώπης πέδον,
ἤπειρον ἤξεις Ἀσιάδα.

«Киммерийский перешеек», очевидно, мыслится Эсхилом как часть Таврики, прилегающая к Боспору с запада¹.

Называя Боспор «Меотийской впадиной», Эсхил следует распространенному в древности взгляду на Боспор

как на непосредственное продолжение Меотиды, ее устье, образующее вместе с ней и Танаисом единый водный поток, отделяющий здесь Европу от Азии². Примечательно, как конкретизировано место прохождения границы на Боспоре — это северная, самая узкая его часть. Такое же представление находим у Страбона (VIII, 4.5; ср. также ниже, о Hdt. IV, 45): τὸ δὲ στόμα τῆς Μαιώτιδος καλεῖται μὲν Κιμμερικὸς Βόσπορος, ἄρχεται δὲ ἀπὸ μείζονος πλάτους. . . τελευτᾷ δ' εἰς πολὺ στενωτέρον πορθμὸν. διαιρεῖ δ' ὁ στενωπὸς οὗτος τὴν Ἀσίαν ἀπὸ τῆς Εὐρώπης. Перед нами научное определение, что видно по его некоторой искусственности: географам хотелось указать совершенно конкретный пункт, через который можно было бы провести границу. Этому требованию отвечала именно боспорская теснина — στενωπός, пролив целиком слишком широк и в те времена имел еще более сложные очертания, чем сейчас. Поэтому едва ли можно сомневаться, что Эсхил использовал в этом месте книжное сведение. Поэт, специально интересовавшийся географией, был хорошо знаком с ионийской географической и этнографической литературой³. Ниже мы еще вернемся к сообщению Эсхила.

Много интересующих нас названий упоминает Геродот (IV, 11—12): страна, ныне принадлежащая скифам, прежде была Κιμμερίη γῆ (11). Из рассказа о гибели киммерийских царей (там же) можно заключить, что где-то у реки Тиреса, видимо, даже в хоре города Тиры, стоял курган, носивший у тиритов название вроде Κιμμέριος τάφος. В нем киммерийцы похоронили своих царей и затем ушли от скифов в Азию, те же овладели безлюдной страной. «καὶ νῦν, — продолжает Геродот (12), — ἔστι μὲν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τεῖχεα, ἔστι δὲ πορθμῆια Κιμμέρια, ἔστι δὲ καὶ χώρα οὐνομα Κιμμερίη, ἔστι δὲ Βόσπορος Κιμμέριος καλεόμενος». В кн. IV. 45 Геродот говорит, что через πορθμῆια τὰ Κιμμέρια вместе с Танаисом и Меотидой, по мнению ряда писателей, проходит граница Азии и Европы. Поскольку ясно, что имеется в виду часть Боспора Киммерийского, единственно возможной кажется локализация переправ на севере пролива, там, где сейчас действует Керченская паромная переправа и где был боспорский городок Πορθμίον⁴ (т. е. граница материков опять же проводится через боспорскую теснину, так же как в педантических указаниях специалистов у Страбона (VII, 4.5) и в источнике Эсхила, Pgom., 729 sqq.). Через Боспор переправлялись и в других местах (см.: Strab. VII, 4.5; XI, 2.8), но, надо думать,

самая узкая его часть использовалась в этих целях чаще, что засвидетельствовано названием городка.

χώρη Κιμμερίη. Κιμμέρια τεῖχεα. Геродот говорит, что они находятся ἐν τῇ Σχυθικῇ. Отсюда следует, что и то и другое находилось не восточнее Танаиса с Меотидой и Боспора. Геродот последователен в своем ограничении Скифии с востока: за Танаисом уже земля савроматов (IV, 21, 57), за проливом живут синды (IV, 28) ⁵.

Ряд соображений позволяет предположить, что χώρα Κιμμερίη идентична с ἰσθμός Κιμμερικός Эсхила. Скорее всего, не случайно «местность именем Киммерия» стоит в перечне Геродота между двумя заведомо боспорскими названиями (Киммерийские переправы и Боспор). В пользу этой гипотезы располагает уже внешнее сходство названий. Как и во многих других географических экскурсах у Эсхила, боспорской географии придан элемент нереальности. Но за всем этим стоит сообщение логографа, и мы вправе считать, что за ἰσθμός Эсхила кроется реальная местность, называвшаяся «Киммерийской» (хотя остается неясным, почему Эсхил определяет ее как «перешеек»). К сожалению, невозможно конкретно назвать источники Эсхила и Геродота ⁶. Однако следует учитывать, что оба автора использовали одну и ту же ионийскую историческую литературу, совсем небогатую, и поэтому возможно, что у Эсхила и Геродота был здесь общий источник.

Эсхил недвусмысленно указывает на расположение «Киммерийского перешейка»: ἐπ'αὐταῖς στενοπόροις λίμνης πόλαις; стало быть, он не включает в себя весь Керченский полуостров ⁷, называвшийся, как мы знаем из Hdt. IV, 99, χερσόνησος Τρηχέη. Если вообще принять предположение, что ἰσθμός Κιμμερικός и χώρα Κιμμερίη обозначали одну и ту же местность, то, следовательно, как-то так называлась самая крайняя восточная оконечность Таврики, примыкавшая как раз к πορθμῖα Κιμμέρια ⁸.

Κιμμέρια τεῖχεα. Можно было бы подумать, что это название какого-то города или крепости, как, например, Μιλήσιων τεῖχος, Πελασγικόν τεῖχος ⁹, для plur. ср. τὰ Τεῖχη (Demosth. XIX, 156, 180). Позднейшие авторы упоминают город Κιμμέριον (Ptol. Geogr. III, 6.5) или Κιμμερικόν ([Agr.] Per. Ponti 76, 77 — FHG), который точно локализован на Черноморском побережье Керченского полуострова, примерно в 20 км от входа в пролив ¹⁰. Развалины его лежат на горе Опук и у ее подножья. Однако Киммерик, основанный лишь в самом конце VI в. до н. э. и бывший

сперва незначительным поселением, даже ко времени Геродота едва ли обладал какими-либо укреплениями¹¹ и, следовательно, никак не мог упоминаться в источнике Геродота под названием *Κιμμέρια τείχεα*. Ввиду отсутствия других кандидатур кажется несомненным, что Геродот говорит о неких *τείχεα* (очевидно, заброшенных), слывших у греков за киммерийские, или, возможно, это был один *τείχος*, название которого употреблялось в обычном греческом *pluralis toponymicus* (*sit venia verbo*).

На азиатском Боспоре, при выходе из пролива в Меотиду, находился *Κιμμερίς πόλις* ([Scymn.] 896), по Страбону (XI, 2.4) — *χώμη Κιμμερική*. Плиний (NH VI, 18), пользуясь сведениями греческого источника¹², сообщает о *Cimmerium, quod antea Chimerion*¹³ *vocabatur*. Несомненно, этот же городок фигурирует у Птолемея, Geogr. V, 8.5: *Κιμμέριον ἄκρον* (при устье реки Вардан, т. е. на Тамани), откуда видно, что он лежал на мысу¹⁴.

На сообщении Страбона (XI, 2.4—5) остановимся подробнее. В § 4 дается перечень пунктов по восточному берегу Меотиды с указанием расстояний между ними. Здесь упоминается *χώμη Κιμμερική* и в завершение описания этого побережья кратко сообщается о неких *οκοπαὶ Κλαζομενίων*¹⁵. Затем (§ 5) Страбон в связи с *χώμη Κιμμερική* говорит: *τὸ δὲ Κιμμερικόν (sic) πόλις ἦν πρότερον (i. e. οὐ χώμη), ἐπὶ χερρονήσου ἰδρυμένη τὸν ἰσθμὸν τάφρῳ καὶ χώματι κλειούσα*. Перипл § 4 органически связан с периплом § 6: *εἴτ' (i. e. μετὰ τὴν χώμην τ. Κιμμερικήν) ἐπὶ τὴν Ἀχίλλειον χώμην εἴχουσιν (σταδίων scilicet — чем еще раз подчеркивается связь § 6 с § 4, где содержится ближайший в тексте *σταδιασμός* и имеется слово *στάδιοι*).* Таким образом, интересующая нас историческая справка в § 5, разрывающая связанность текстов § 4 и 6, несомненно, добавлена Страбоном из другого источника. Следы компиляторской работы проявляются (как это часто бывает у Страбона¹⁶) и в различии форм топонимов — *Κιμμερική* и *Κιμμερικόν*. На это же указывает, наконец, само описание местоположения Киммерика. В. Ф. Гайдукевич первым заметил, что оно «как нельзя лучше подходит к Киммерику. . . у горы Опук. Именно этот Киммерик завершал на юге систему обороны перешейка (от Узунларского озера до Казантипского залива), который был укреплен рвом и валом»¹⁷, тогда как *χώμη Κιμμερική* располагалась на острове (каковым была прежде северная часть Тамани), и непосредственно близ нее не было ни вала, ни рва.

Таким образом, для § 5 in. Страбон использовал источник, в котором говорилось о городе Киммерик в европейской части Боспора. Сбитый с толку сходными наименованиями двух разных городков, Страбон контаминировал их, что и вызвало к жизни «исторический» комментарий о деградации города до уровня деревни.

Конечно, мы не можем с полной определенностью сказать, как получилась эта путаница. Во всяком случае, в основе ее лежит то, что часть сообщений своих источников для Таврики, Боспора и Меотиды Страбон использовал и в VII книге (европейской), и в XI (азиатской). Уже это обстоятельство создавало возможность того, что эксцерпт о Киммерике, предназначенный вообще-то для VII книги, ошибочно попал в число выписок для XI. С некоторой долей уверенности аналогичную путаницу можно предполагать в VII 4. 3 fin., там, где говорится о *Κιμμέριον ὄρος* в горной стране тавров. Подробный анализ этого свидетельства будет сделан во второй части работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. любопытную полемику по этому поводу в схолиях к Эсхилу в Cod. Neapol. II. F. 31/ed. H. W. Smyth. — Harvard Studies in Class. Philology, 1921, v. 32, p. 57 sq.). Составитель древних схолиев к Prom., 729 пояснил: τὸν ἰσθμὸν ἐνταῦθα ἀντὶ τοῦ πορθμῶνος. Этот домысел отверг Триклиний (p. 58, 17): τὴν μέσον Εὐξείνου πόντου καὶ τῆς Μαίωτικῆς λίμνης λέγει (sc. Διοσύσιος) γῆν. Эти схолии как будто еще не привлекали внимания историков Северного Причерноморья. Кроме исследования издателя (p. 82—98), см. еще: Scholia in Aeschylum, pars I./ed. O. L. Smith/ Lips., 1976, p. X, XI—XIV (с лит.). Ср. Schol. Dion. Perieg., 167 к словам *Κιμμέριον διὰ Βοσπόρου* (и далее — ᾧ ἐνὶ πολλοῖ | *Κιμμέριοι ναῖουσι* ὑπὸ ψυχρῷ ποδὶ Ταύρου): πλησίον γάρ εἰσιν οἱ Κιμμέριοι κείμενοι παρὰ τὸν ἰσθμὸν, οὗ ἐστὶν ὁ Ταύρος· ἰσθμὸν δὲ λέγει (sc. Διονύσιος — но он не говорит об ἰσθμῶς) τὸν κατ' ἐνίους σιαιροῦντα τῆς Εὐρώπης τὴν Ἀσίαν. Отметим между прочим (имея в виду необходимость специального исследования), что схолиаст, видимо, использовал здесь какое-то не дошедшее до нас схолии к тому же месту у Эсхила.
- ² См. к этому месту: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Aischylos-Interpretationen*. В., 1914, S. 152 ff. К *Μαιωτικὸς αὐλῶν* ср. ποταῖα αὐλῶνες, Soph. Trach. 100; διὰ στενοῦ | αὐλῶνος, Lycophr. Al. 378 и особенно Pollux, IX. 18 Bethe.
- ³ Этим вопросам посвящена диссертация: *Köster H. Die geographische Kenntnisse des Aischylos*, Kiel, 1928 (издан лишь тощий Auszug, 4 с.), микрофильм которой имеется в нашем распоряжении. См. также: *Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921, S. 118 f. (специально о Prom., 729 sqq., ср.: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Op. cit.*, S. 153 f.); *Gisinger F. Geographie*. — RE Suppl. IV (1924),

- Sp. 551, 553, 554f. Здесь необходимо специально отметить огласовку *Μαιωτικόν* у Эсхила (также *Μαι | ῶτιν*, 418; оба без разночтений), то же (*Μαιῶτιν*) у Eur. Her., 409 и во всей последующей литературе. У Геродота же находим: *Μαιῆται*, IV, 123; *Μαιῆτης ποταμὸς Τάναϊς*, IV, 45; *Μαιῆτις λίμνη.*, I, 104; IV, 3 и др. Очевидно, тут то же соотношение, как *Μασσαλιώτης*: *Μασσαλιῆτης*, *Ἰταλιώτης*: *Ἰταλιῆτης*. Это фонетическое колебание в адъективах такого типа обычно в греческих диалектах: в отличие от аттического ионийский имеет регулярные формы на *-ιῆτης* < **-iāt-* (см. об этом: *Dittenberger W. Ethnika und Verwandtes.* — *Hermes*, 1909, Bd 41, S. 182 ff.). То есть *Μαιωτικόν* Эсхила является аттической формой к ионийскому *Μαιητικόν*, ср.: *Schramm G. Nordpontische Ströme.* Göttingen, 1973, S. 185. *Μαιῆτις*: *Μαιῶτις* (и др.) воспринималось как адъектив от *μαῖα* (ср. Hdt. IV, 86: *Μαιῆτις μητήρ τοῦ Πόντου*) или просто ассоциировалось в сознании с адъективами на *-ιῆτης*: *-ιωτης* и вошло в один с ними ряд. Об оригинальном звучании названия можно судить по форме *ΜΑΙΤΩΝ* (очевидно, *Μαιῶων*), употребляемой в боспорских надписях со второй половины IV в. до н. э. до нач. I в. н. э. (см. соответственно КБН 10 и 40, другие места — в Указателе III, с. 838). Предполагая для Эсхила ионийский источник, мы, однако, не вправе требовать от поэта непременно ионийской формы названий. Ко времени Эсхила Меотида не была для афинян географической новостью; тесные торговые связи Афин и Северного Причерноморья несомненно существуют уже с середины VI в. до н. э., а первые контакты начались гораздо раньше, см.: *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье. М., 1963, с. 22, ср. 28 и след.
- ⁴ См. замечания Абихта (Herodotus, erkl. von K. Abicht, Bd II. Leipzig, 1872, S. 171) и Штайна (Herodotus, erkl. von H. Stein, Bd II, 2³. В., 1877, S. 14).
- ⁵ Ср.: Stein к IV. 12 (S. 14).
- ⁶ Весь третий *λόγος* о появлении скифов в северопонтийской области (IV, 11—12) Геродот получил из письменного источника, см.: *Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde*, III. В., 1892, S. 23; ср. еще: *Aly W. Volksmärchen*, S. 122, A. 2 (где он безуспешно пытается доказать, будто *λόγος* заимствован у Гекатея), 123.
- ⁷ Как думает Kiessling (Hyranis. — RE, IX, (1914), Sp. 210) и вслед за ним Köster (Geographische Kenntnisse, S. 49).
- ⁸ Другие источники не сообщают этого или подобного названия. В «Хронографии» Феофана (нач. IX в.) (изд. де Боора, р. 357) сказано, что Меотида впадает в Понт: *διὰ τῆς γῆς Βοσφόρου καὶ Κιμμερίου*, но это очевидная ошибка, возможно самого автора, как можно судить по единодушию рукописного предания (лишь одна поздняя рукопись вовсе опускает *καὶ Κιμμερίου*); то же дает и латинский перевод Анастасия Библиотекаря (см. в изд. «Хронографии» де Боора, ч. II, р. 225), ценный для истории текста «Хронографии», так как он выполнен уже вскоре после издания оригинала. Несомненно, в источнике Феофана стояло что-то вроде *διὰ τῆς γῆς Βοσφόρου Κιμμερίου* или даже *διὰ τοῦ Βοσφόρου Κιμμερίου*.
- ⁹ Примеры см.: *Fick Aug. Altgriechische Ortsnamen*, V. — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1897, Bd 23, S. 4 f.
- ¹⁰ См.: *Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich.* В., 1971, S. 194 ff.

- ¹¹ Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. — В кн.: Боспорские города II (МИА, № 85). М.—Л., 1958, с. 221. На основании подъемного материала И. Т. Кругликова предположила, что укрепления Киммерика (раскопками не изученные) появляются лишь в I в. н. э., однако, судя по Strab. XI, 2.4—5 (см. ниже), они были построены гораздо раньше. Автор, у которого в этом месте переписывал Страбон, несомненно, не древнее эллинистической эпохи: Страбон не пользовался непосредственно более древними сочинениями (за исключением Гомера и немногих других классических писателей).
- ¹² Ср. греческое окончание в Chimerion и в том же § 18 — Apaturos.
- ¹³ Следуем чтению К. Майхоффа (ed. Plin., v. 1. Lips. 1892 ad loc. et Append., p. 553). Другие издатели: Cerberion (например: D. Detlefsen, Die Geographische Bücher der Naturalis Historia des Plinius. B., 1904); Chimerium — также в Rav. Cosmogr. IV, 10.16, p. 92 Schnetz (et cett. II. sine var. lect.), Chimerion, IV, 3.6, p. 45. Chimerium, Tab. Peut., segm. IX, 2. Как и у Плиния, это или ученая реминисценция чтения Протея Зевгматита в Od. XI, 14 — Χειμερίων (Et. M., 513, 49), или уже собственная аналогичная находка какого-то писателя, которого занимала проблема гомеровского «народа и полиса мужей киммериян». Ср.: Rohde E. Studien zur Chronologie der griechischen Litteraturgeschichte, Kleine Schriften, Bd I. Tübingen—Leipzig, 1901, S. 92, Anm. 2.
- ¹⁴ Ср.: ВДИ, 1948, № 2, с. 244, примеч. 10. У того же Птолема (Geogr. III, 6.2) есть Μυρμήχιον ἄχρον, Παρθένιον ἄχρον, которые без ἄχρον упоминаются в других источниках как боспорские города.
- ¹⁵ См. о них: Тохташев С. Р. Ред. на кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период греческой колонизации. Тбилиси, 1981. — ВДИ, 1983, № 1, примеч. 2.
- ¹⁶ Ср.: Neumann K. J. Strabons Landeskunde von Kaukasien. — Jahrb. f. class. Philol., Suppl. XIII, 1883, S. 330.
- ¹⁷ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 186.

INDOARICA В СКИФИИ И ДАКИИ

О. Н. Трубачев

Проводимые мной исследования индоарики в Северном Причерноморье отражены к настоящему времени с разной степенью полноты (или, скорее, краткости) в десятке статей, вышедших или написанных за последние 5 лет. Отозвалась и критика, так что возобновился диалог по этому заглохшему было вопросу индоевропеистики. Что же пишут критики? В. П. Шмид в принципе одобряет мою попытку доказать наличие индоарийского северопонтийского субстрата — языка с сохранным этимологическим s, хотя он относится скептически ко многим моим индо-

арийским этимологиям, не уточняя при этом к каким именно ¹. Мое сближение топонимов Sita, Σιτάκη с др.-инд. setu- 'мост' Шмид, однако, принимает и даже использует его для хронологизации, предполагая эпоху около 500 г. до н. э., когда дифтонги уже монофтонгизировались. М. Майрхофер называет мою концепцию «überkühn» ², Х. Д. Поль — «sehr kühn» ³, хотя последний и находит в ней рациональное зерно и выражает мне признательность за проделанную работу по сбору фактов. Говоря обобщенно, оппоненты допускают, скорее, древнее наличие иранских диалектов с сохранением этимологического s. Что же касается вскрытых мной случаев, ярко отличных от собственно иранского в плане словообразования (суф. -in-, -p-, ср. Νίκαξιν, Teagin, Uspe) и лексикосемантического инвентаря (Asandī — др.-инд. āsandī, Δανδάκη — Daṇḍaka, МАΙΤΑΙ — индоарийское переднеаз. Maita-nni, Бравлинъ — др.-инд. pravīna. Βουτανάθος — Bhūtanātha, Μαγάδαβα — Mahādevā и др.; кстати, семема «великий бог», выраженная в последнем, реализовалась бы по-ирански иначе — как *mazabaga- или *sturbaga-), то критики избегают о них говорить или предполагают, что это все-таки не индоарийский, а только «очень похожий» на него архаический иранский диалект. Все это напомнило мне японскую сказку, которую я читал в детстве и откуда запомнил такой парадокс-концовку. Один человек рассказывает, что видел странную змею. Он настаивает на том, что это была змея, только она была толстая, как бочка, и короткая, как бочка, на что ему резонно отвечают: «Ну, а если она была и толстая, как бочка, и короткая, как бочка, значит, это и была б о ч к а!» Перевес одних или других дифференциальных признаков не остается без последствий для нашего определения всего явления в целом.

Исследование индоарийского субстрата (не говоря о трудно локализуемых вполне конкретных случаях, относимых вообще к «Скифии») охватило собственно Синдику на Таманском п-ове, меотское Приазовье и его таврское население и «Старую Скифию» (Геродот), она же Синдская Скифия (Плиний), примыкающую к Таврике с северо-запада. О таврском реликте ΣΑΣΤΗΡΑ в гражданской присяге Херсонеса (III в. до н. э.) в связи с др.-инд. śāstrá- 'священная книга' уже писалось ⁴. В другом месте сделана попытка объяснить имя почтенного херсонесца Диглица («Сказание об обретении мощей святого Климента»)

через греч. Διγίττῶ(ς) из формы, близкой др.-инд. *dvijá-* 'дважды рожденный'⁵. Еще два новых культурно-бытовых термина, видимо индоарийского происхождения из «Скифии» (resp. «Сарматии»), без дальнейшей географической приуроченности, можно видеть в плиниевских словах *prosedamum* и *rhesoma*: . . . *arietibus quoque et hircis segnioribus in potu dari, et a Sarmathia equis ob absiduum laborem pigrioribus in coitu, quod vitium p r o s e d a m u m* vocant (Plin. Nat. hist. XXVI, 98/ed. С. Mayhoff/) «(корень сатирикона) дается в питье ленивым баранам и козлам, а в Сарматии лошадям, неохотно идущим на случку из-за непрерывной работы, каковой порок называют *prosedam*». Кажется естественным сблизить это туземное слово в записи *prosedam-* (минус латинская флексия) с др.-инд. *pra-sā-da* м. р. 'спокойствие, отсутствие возбуждения' («Упанишады»); в Индии известно также в функции личного имени. Структура этого приставочного сложения ясна: иранское (скифское) соответствие должно было бы иметь вид **fra-hāda-*, что очень напоминает перс. ЛИ *Farhad*, для которого, правда, предполагают другое происхождение. Далее: *Rhesoma adfertur ex iis quae supra Pontum sunt regionibus, radix costo nigro similis, minor et rufior paulo, sine odore, calfaciens gustu et adstringens* (Plin. Nat. hist. XXXVII, 128) «рекома привозится из областей, находящихся далее Понта. Корень ее похож на черный кост, меньше и несколько более красный, без запаха, а на вкус обжигающий и вяжущий». Можно только гадать о том, что это было за растение, однако реконструкция индоар. **rek(h)omā* кажется допустимой, собственно **rek(h)aumā*, ср. др.-инд. *rekhá* 'полоса, царапина', *rikhāti* 'царапать' и *umā* 'лен' (высказываемые предположения о неиндоевропейском заимствовании в др.-инд. *umā* неубедительны ввиду связей с лит. *úmas*).

Более конкретно локализуется (в «Старой Скифии») имя скифского царя *Καδοβίδας* (Diog. Laërt.), брата Анахарсиса, которое мы этимологизируем как индоарийск. **kad-vida-*, ср. др.-инд. (эпич. санскр.) *kovida* 'опытный, знающий', где *ko-* — вариант к *ka-*, *ku-*, *kad-* — усилительное местоимение. Весьма симптоматичны связи имени *Ἰδάνθυρος*, Иданфирс, ЛИ царя скифов (времен похода Дария) из того же рода носителей иранских имен, что и Савлий, Гнур, Анахарсис. *Ἰδάνθυρος* наиболее правдоподобно реконструируется как др.-инд. **idam-trṣa* 'это (или: стоить) жаждущий'; вместе с тем очевидна связь

с названием более западного племени Ἀγάθυρσοι, которое поэтому едва ли может иметь чисто фракийскую этимологию. Ср. сюда же народ *Тоурси* кирилло-мефодиевской традиции (а может быть, все-таки и тиверцы?) в том же западном секторе Северного Причерноморья.

Вопрос об отношении агафирсов к населению «Скифии» недостаточно исследован. Агафирсы обитали в Трансильвании, в непосредственной близости к дакам. Остается предположить гибридное Ἀγάθυρσοι < *aga-tr̥sa-, где второй (индоарийский) компонент (см. выше) соединен с дак. *aga- < *augo- с палеобалканским развитием *au > a, ср. алб. agój. 'светать', agume 'рассвет'. Возможно, Ἀγάθυρσοι — это 'жаждущие яркого (металла), жадные до золота', ибо о них сказано у Геродота: Ἀγάθυρσοι δὲ ἄβρότατοι ἄνδρες εἰσὶ καὶ χρυσοφόροι τὰ μάλιστα «агафирсы весьма изнежены и очень любят носить золотые украшения» (Hdt. IV, 104). Для этого требуется, правда, предположить особое дакийское название золота, отличное от фрак. *salt, sald 'золото', реконструируемого В. Георгиевым⁶, но принимаемая номинация «золото» < «яркий металл» естественна. Полностью отождествлять агафирсов с даками нельзя, как, впрочем, и со скифами-иранцами. Отношения братьев Агафирса и Скифа в генеалогическом предании (Hdt. IV, 10) надо понимать как отношения двух особых народов.

Я уже писал о том, что одним из названий иранцевскифов было *пара- 'меньшие, потомки'. Отношениям скифов — «младших» и индоарийцев — «старых ариев» была, видимо, свойственна чересполосица, породившая раздел, глухо донесенный до нас генеалогическими легендами скифов. Но и раздел не изжил до конца чересполосицу. Не случайно всюду за индоарийской волной миграции шла иранская волна. Расселение в самом Северном Причерноморье говорит о том же. Корень *пар- 'меньшие, младшие' распространен от (А)напа (с наращением а- в абхазско-адыгской среде) на востоке до античного Νάποβκα, Нароса (совр. Cluj-Narosa) в Трансильвании, т. е. в стране агафирсов, — на западе. Нароса — это гибридное ирано-индоарийское сложение («жилище 'напов'»), где второй компонент к др.-инд. óka- (*auka-) 'жилище', ср. Satauci (Plin.), племя в Крыму, букв. (индоарийск.) 'семь уделов, жилищ'. Встает вопрос о древнем присутствии индоариев в Трансильвании (как отправной пункт движения? как цель одной из возвратных миграций? Ср.

реконструируемый путь с востока на запад античных сербов — индоарийцев, растворившихся позднее в славянах). Приобретают новую остроту вопросы конкретной этимологизации местной гидронимии и топонимии, ср. Nitra (бассейн Дуная) ~ Чиге-нитра в Восточном Крыму⁷, возможно, Hornád (бассейн Дуная) ~ др.-инд. padī 'река' (гидронимы Barnadī, Mahānadī в самой Индии); далее ср. ряд местных названий, известных только в Трансильвании и Банате и содержащих элемент -nad: Pānade, Tăşnad, Tuşnad, Cenad.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Schmid W. P. Zur Frage der Datierung iranischer Lehnwörter in den finnisch-ugrischen Sprachen. — In: Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd 12. Festschrift für W. Schlachter. Wiesbaden, 1979, S. 269.
- ² Mayrhofer M. Indogermanische Chronik 24b, N. 137. — Die Sprache, 1978, Bd 24, N 2, S. 205.
- ³ Pohl H. D. Onomastica Slavoiranica (5—11). — Österreichische Namenforschung, 1979, Bd 7, N 2, S. 24.
- ⁴ Трубачев О. Н. «Старая Скифия» ('Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1979, № 4.
- ⁵ Trubačev O. N. Indo-Arica dans la Scythie. — Ponto-baltica, 1981, 1, p. 125—126.
- ⁶ Георгиев В. Българска етимология и ономастика. София, 1960, с. 82—83.
- ⁷ Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 44.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕМАКЕДОНСКИХ ГЛОСС

В. Л. Цымбурский

Генезис языка Древней Македонии по сей день остается одной из спорных проблем античной балканистики. Разделенные почти полувеком обобщающие труды О. Гофмана¹ и Ж. Каллериса² подтвердили архаично-греческий характер основной части древнемакедонского глоссария. В то же время древнемакедонский не удалось включить в какую-то определенную греческую диалектную ветвь³. Этот язык выглядит родственным древнегреческому в целом. Поэтому, на наш взгляд, наибольшей объяснительной силой до сих пор обладает концепция

П. Кречмера ⁴, усмотревшего в древнемакедонской фонетике ряд черт, характерных для протогреческого языкового состояния. Близки к этой точке зрения и взгляды В. Георгиева, несколько категорично включающего ранних македонцев в число древнейших обитателей Балканского полуострова (наряду с протогреками и протофриггйцами) ⁵.

Известно, что в ряде случаев древнемакедонский сохранил звонкость индоевропейских придыхательных, оглушенных в древнегреческом (на письме они передаются как простые звонкие, так что встает вопрос об их деаспирации), например: ἀδῆ·οὐρανός. Μακεδῶνες (Hes.) 'небо', ср. греч. αἰθήρ 'небо, эфир' < и.-е. *aidh- 'пылать' (др.-инд. inddhe 'он пылает', лат. aestus 'кипение' и т. д.; см.: Chantraine I, 33), δάνος 'смерть' (Plut. De aud. poetis 22 с.: δάνον γὰρ Μακεδόνες θάνατον καλοῦσι; также глосса Гесихия δανῶν·κακοποιῶν, κτείνων 'злодей, убийца'), ср. др.-греч. θάνατος 'то же' (слово без ясной индоевропейской этимологии, см.: Chantraine II, 422 s.; Frisk I, 652 f.). В самом языке древних македонцев контрастную пару составляют формы κεφαλή (Callim. fr. CXLl) 'голова' и γαβαλάν·εγκέφαλον ἢ κεφαλῆν (Hes.) 'мозг или голова', говорящие о сосуществовании двух артикуляционных узусов, из которых второй более отличался от греческого. Именно этот узус П. Кречмер рассматривал как одну из характерных черт протогреческого языкового состояния, подтверждающего, что древнемакедонский выделился до оглушения, охватившего собственно греческие диалекты.

Яркий пример протогреческого лексического архаизма — ἰζέλα·ἀγαθὴ τύχη. Μακεδόνες (Hes.), где ἀγαθὴ τύχη, по-видимому, следует понимать в обычном греческом оптативном значении 'успеха! удачи!' Ср. гом. ἰληθι < *sisladhi 'будь милостив', ἰλαός 'благоприятный', ἰλαρός 'веселый'. Др.-макед. ἰζέλα восходит к *isela < *sisela. Переход s > z в интервокальной позиции — характерная инновация древнемакедонской фонетики, ср. ἄλιζα·ἢ λεύκη τῶν δένδρων (Hes.) 'белый тополь', соответствующее слав. *olixa / *elixa, др.-в.-нем. elira < *elisa, франц. alise < галльск. *alisia (Pokorny, 302 f.; ЭССЯ, 1, с. 24). Поскольку лишь в древнегреческом корень *sel- 'благой' представлен в форме с редупликацией (Pokorny, 900; Chantraine II, 462), а с другой стороны, в греческих диалектах интервокальное s переходило в h и выпадало, др.-макед. ἰζέλα соотносится прямо с протогреческой праформой *sislā.

В связи с проблемой раннего выделения древнемакедонского и его места в балкано-балтийской зоне, переходной от греческих диалектов к диалектам Центральной и Северной Европы и одновременно от западных индоевропейских диалектов к восточным, нам хотелось бы остановиться на некоторых глоссах, имеющих (исключительные или в числе прочих) славянские соответствия.

ἄβαρνα ρόδα. Μακεδόνες. (Hes.) 'розы'. Надежная этимология отсутствует (обзор литературы см.: К., 66 s.; там же сближение с греч. ἄρυνι 'обламывать'; А. Фик сближил с ἀάω 'дышать'⁶). На наш взгляд, правомерно выделить здесь характерное греческое α-protheticum и сопоставить древнемакедонское слово со слав. *bagъ 'ярко-красный'. Последнее в свою очередь давно сближалось с *bagno 'болото' и одновременно 'болотное растение с белыми цветами и одурманивающим запахом (багульник)'. Историю этой этимологии, выдвинутой С. Младеновым и сочувственно встреченной такими учеными, как Ю. Покорный, Э. Френкель, Ф. Славский, А. Брюкнер, см. в ЭССЯ (1, с. 127, 131, где в качестве альтернативы принимается сближение с герм. *bakki 'ручей' < и.-е. *bhagni, на наш взгляд отнюдь не обязательно противоречащее этимологии Младенова). Возражения против нее связаны с различием ареалов употребления основ *bagto и *bagno в пределах славянской диалектной зоны и с их сильной семантической дивергенцией (ЭССЯ, там же, однако с приведением пары — укр. багриня : чеш. bahňina 'болото, болотные испарения'). В древнемакедонском, как и в украинском, возможно, это — рефлекс семантически недифференцированного употребления гетероклитических форм. Следует обратить внимание на тот, отмечаемый ЭССЯ, факт, что *bagъ 'красный' распространено в основном в южнославянской диалектной ветви, в исторический период наиболее тесно связанной с районом Восточного Средиземноморья. Впрочем, исконный характер блр. багра 'пурпур' (ЭССЯ, 1, с. 130), заставляет видеть в данном слове лексический архаизм, распространившийся в южнославянских языках, возможно, под влиянием северобалканских контактов. Прямая связь значений 'болото' и 'красный цвет' (по цвету торфяных болот) могла осложниться связью славянского названия пахучего белого болотного растения багно, багул и северобалканского обозначения пахучих белых (или красных) цветов — др.-макед. ἄβαρνα (ср. известный перенос назва-

ния *багул* на даурский рододендрон в Восточной Сибири).

γάπαζ·κολοιούς. Μακεδόνες. (Hes.) «галок (так называют македонцы». Судя по ударению, конечное *a* — долгое, так что слово в ед. числе имеет вид γῶπᾶ. Семантически недостоверно сопоставление с греч. γόψ 'коршун', названием крупной хищной птицы (К., 141). Ср. польск. *gara* 'ворона, грач', русск. диал. *ганить* 'громко кричать'. Основа представляет собой расширение и.-е. *gō(i) 'кричать, петь' (др.-инд. *jigāti, gāyati*), изначально звукоподражательного (Sławski II, 255 и след.).

κάραβος·ἔδεσμα. ὡς φασι ὀπτημένον ἐπ'ἀνδράκων. ὑπὸ δε Μακεδόνων ἢ πόλη·καὶ τὰ ἐν ζηροῖς ζόλοις σκωλήκια·καὶ τὸ θαλάττιον ζῶον (Hes.) «пища, которую, как говорят, жарят на углях. А у македонцев — ворота. И дровоточцы в сухом дереве. И морское животное». К древнемакедонскому происхождению основы в целом, а не только значения, упомянутого у Гесихия, см. κηραῖς·κάραβος (Hes.) с обычным соответствием др.-греч. φ — др.-макед. β (Walde—Hofmann I, 164; Hofmann, 133). Фриск и Шантрен исходным значением считают название морского животного (краба или лангуста) и лишь вторичным, метафорическим полагают среднегреческое значение 'корабль' (Frisk I, 785; Chantraine II, 496 s.). Однако именно в последнем значении слово было исключительно рано воспринято славянскими языками. В этом же значении слово хорошо знает Гесихий, ср.: ἐφόλκια·μικρὰ κάραβια παρὰ τὸ ἔλκεσθαι ὑπὸ τῶν κωπηλατῶν ἢ τῶν μεγάλων πλοίων «маленькие кораблики так называются, потому что их тянут гребцы или большие суда». Ср. также у Исидора (первый случай употребления слова в латыни — нач. VII в. н. э.): *scabius* — *parva scapha ex vimine et corio* «маленькое судно из прутьев и кожи». На основании цитируемых свидетельств можно реконструировать значение «небольшое плетеное изделие для перевозок». Ср. лат. *corbis* 'корзина', ирл. *corb*, др.-исл. *hríp*, др.-в.-нем. *ref*, лит. *kārbas, ktr̃psas* 'то же', лтш. *karba* 'туесок', русск. *короб*, ст.-слав. КРѢБИИ. С другой стороны, с древнемакедонским значением 'ворота' соотносится ряд славянских обозначений частей дома — чеш. *krb* 'очаг', *krban* 'голубятня' и некоторых других деревянных сооружений (Фасмер II, 331). Учитывая долготу первого слога в *κάραβος*, мы считаем возможным восстановить для протогреческого (и протомакедонского) *kārbbh- 'плетеное и тесаное изделие (в том числе деревянная пост-

ройка и плетеное сооружение для перевозок)'. Особенности вокализма последнего позволяют возвести его к *kerəbh — диалектному варианту основы *kerbh, представленной в ряде отмеченных соответствий.

χέρνοι οἱ νόθοι. (Hes.) 'незаконнорожденные'. У Фотия: οἱ Μακεδόνες τοὺς σκότιους χέρνοους καλοῦσι «македонцы незаконнорожденных зовут χέρνοους». Слишком многих фонетических допущений требует объяснение Гофмана и Каллериса из *χоруναῖος 'девичий' (К., 230; Н., 63). Естественнее увидеть здесь то же семантическое развитие, что и в греческом эквиваленте Фотия σκότιος 'темный, скрытый, незаконный' и связать с и.-е. *krsnos 'темный, черный', санскр. kṛṣṇa, слав. *ъгнѣ, др.-прусс. kirsnaп также, может быть, дак.-миз. Tsierna⁷. Со стороны семантики интересная параллель — слав. ѣгнѣ в значении 'безродный, незнатный'. Фонетическое развитие г > иг характеризует ряд диалектов Западной Европы (италийские, германские), также фракийские, отчасти балто-славянские. Единичные примеры встречаются в греческом (μύλη 'мельница' из *mel- 'молоть').

В заключение хотелось бы напомнить слова П. Кремера о том, что македонец так же плохо должен был понимать грека, как иллириец македонца, и что, если бы македонцы продвинулись к югу, они стали бы такими же греками, как фессалийцы или беотийцы, однако они слишком далеко ушли на север⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Hoffmann O. Die Makedonen, ihre Sprache und Ihr Volkstum. Göttingen, 1906 (далее — Н.)
- ² Kalleris J. Les anciens Macedoniens. Etude linguistique et historique, t. 1. Athènes, 1954 (далее — К.).
- ³ О. Гофман сближал его с фессалийским. Однако последний включает ряд различающихся диалектов, при этом все смешанные являются эолийскими с различным количеством суперстратных доризмов (см.: Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte, II. Heidelberg, 1959, S. 51 f.). Сближение с фессалийским равняется отсутствию четкой диалектной отнесенности.
- ⁴ Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, S. 283 f.
- ⁵ Georgiev V. L'ethnogenèse de la peninsule balcanique d'après les données linguistiques. — L'ethnogenèse des peuples balcaniques. Sofia, 1971, p. 166 s.
- ⁶ Fick A. Zum makedonischen Dialekte. — KZ, 1874, Bd 22, S. 193.
- ⁷ Георгиев В. И. Траките и техният език. София, 1977, с. 211.
- ⁸ Kretschmer P. Op. cit., S. 286, 288.

ИСТОРИЯ

ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАЛОЙ АЗИИ

Е. С. Голубцова

Сельское население Малой Азии не было однородным. Различные политические, географические и экономические условия жизни сказались на социальных отношениях внутри сельской общины и на взаимоотношениях ее с центральной властью, городами, племенами. Полисы с их развитыми рабовладельческими отношениями оказывали существенное влияние на жизнь окружающих их сельских общин, на усиление социальной дифференциации и эксплуатации населения. Близость полиса обостряла социальные контрасты, товарно-денежные отношения проникали в экономику деревни. Несколько иначе, видимо, шло развитие общин, удаленных от крупных городских центров и расположенных в стороне от торговых путей. Они оставались более замкнутыми, социальные отношения носили там более устойчивый характер.

Взаимоотношения сельских общин с городами, на землях которых они находились, были различны. Это определялось, с одной стороны, характером того или иного полиса, системой управления им сельской территорией, организацией податного аппарата, а с другой стороны, уровнем развития самих общин, степенью их романизации и эллинизации. В ряде случаев город пытался осуществлять мелочный, повседневный контроль над всеми делами общины, вмешивался в ее самоуправление. Но иногда проводилась и более «терпимая» политика по отношению к общине, когда полис интересовали лишь фискальные вопросы, и чиновники, направляемые в деревни, выполняли в основном финансовые функции.

Обратимся к конкретным примерам. О взаимоотношениях города и комы, расположенной на принадлежавшей ему земле, свидетельствует одна из ликийских надписей¹: город Требендов установил самый мелочный контроль за

жизнью деревни Теймиуссы. Община не могла даже передать по завещанию участок для погребения от одного жителя деревни к другому. Чтобы решить такой незначительный вопрос, требовалось постановление пританов Требенда, записанное грамматевсом буле.

Определенную роль в жизни деревень играл и эпоним того города, на землях которого эта община была расположена. Известна надпись одной сельской общины, находившейся неподалеку от Византия, поставившей почетный декрет, датируемый временем эпонима города Византия². Вероятно, эта сельская община придерживалась той же датировки своих декретов, что и город. Интересно, что в декрете есть посвящение *χωράταις*, т. е. жителям комы. Подобное сочетание сельских и полисных тенденций было характерно для общины, находившейся на городской земле.

Все виды сельскохозяйственных работ в общине, равно как и ремесла, государство и город облагали бесчисленным количеством налогов. Это были, помимо основного налога с урожая — форося и декаты, установленной затем римлянами, обязательный постои для чужестранцев, налоги на освещение, на скот (если имелось больше одной упряжки быков), на торговлю лесом, ткачество, на постройку и ремонт дорог, на владение садами и ульями и т. д. Кроме того, существовали еще подати натурой и отработки, *φόρος λητουργικός*, о котором говорится в надписи Мпесимаха³. Взимался даже специальный налог на содержание врачей (*ιατρικόν*). Как сформулировано в одной из надписей, найденной в окрестностях Сард⁴, *τοῦ φόρου τοῦ ἀρχαίου καὶ τοῦ λητουργικοῦ καὶ τῶν ἄλλων τῶν γενομένων ἐκ τῶν χωρῶν*. Чрезвычайно выразительны последние слова: «и все другое, поступающее из деревень», — здесь видимо, подразумевались те многочисленные налоги, которые уплачивала община царю и полису. Взимание налогов с деревень казалось в повседневной жизни полиса уже привычным и регулярным делом. Поэтому не случайно, что совет и народ города Эзаны говорят о всегда поступающих с деревни Палока в казну налогах (*τὸ ἀπὸ τῆς προσόδου αὐτῆς ἀεὶ γινόμενον*)⁵.

Особым налогом облагались и те излишки продуктов, которые община вывозила на рынок для продажи. Размеры их не ограничивались, но уплата форося была обязательна. Вывозились главным образом продукты, полученные с сельскохозяйственной территории (*ἀπὸ τῆς ἀγρο-*

κίαις), как сказано в одной из ранних надписей эпохи эллинизма (303 г. до н. э.), посвященной синойкисму Теоса и Лебедоса (RC, № 3—4). Надпись эта чрезвычайно интересна и раскрывает одну из сторон экономической жизни сельской общины. Это два письма Антигона, регулирующие условия синойкисма Теоса и Лебедоса. В них, в частности, речь идет о статусе сельских земель после синойкисма, причем специально оговаривается, что деревни (κῆμαι) и усадьбы (ἐπαύλια), находящиеся вне города, могут вывозить в город на продажу неограниченное количество плодов своего урожая (καρπούς).

О налогах, уплачиваемых сельскими общинами, говорится и во многих других надписях Малой Азии эпохи эллинизма. Например, в надписи Антиоха I, адресованной жителям Коммагены, упоминаются *προσόδους τε λαμβάνων ἀπὸ κῆμῶν*. Таким образом, как правило, все сельские общины платили налоги. Нужны были какие-то чрезвычайные события, чтобы царь их освободил от этих обязанностей. Случаев таких известно немного. Так царь Селевк II Каллиник дал освобождение от налогов хоре Смирны⁶, хотя мы не знаем, что послужило поводом для издания этого декрета.

На экономической жизни общины тяжело отражалось то обстоятельство, что размеры регулярного налога, установленного как Селевкидами, так и Атталидами, оставались постоянными. Как отмечает Е. Бикерман, «они не зависели ни от урожая, ни от неурожая»⁷.

Лишь впоследствии, с приходом римлян, неизменный фторос был заменен декатой, которая определялась в зависимости от урожая. Этот *portorium*, как отмечает Вавржинек⁸, «не мог соперничать с усложненной и многоступенчатой налоговой системой царей Пергама. *Portorium* был значительно меньше и не приносил столько, сколько налоги Атталидов».

Влияние города и его товарно-денежных отношений сильно сказывалось на социальных отношениях в деревне. Об этом свидетельствуют эпиграфические памятники из многих местностей Малой Азии.

Во Фракиокоме, например, находившейся в окрестностях Кизика, население делилось на две большие группы — полноправных кометов и некометов⁹. Обе в свою очередь также подразделялись на более мелкие подгруппы. Определенную часть населения составляли рабы. В надписи катойкии Кардаков из общего числа общинников выде-

ляются «маломощные», обремененные своим хозяйством (*ἀσθενεῦντες δὲ τοῖς ἰδίοις βαρύνονται*). Эти люди имели долги и не могли в срок уплачивать подати¹⁰. Наличие подобных *ἀσθενεῦντες* указывает на социальное расслоение в общине, что служило питательной средой для возникновения долгового рабства. На дифференциацию в деревне указывает также интересная надпись катойкии Тадзенов в Лидии¹¹. Там говорится о лицах, которые уничтожили хранившиеся у деревенского старосты «списки пахарей» (*ἀρόντων ἔντυραφα*), где были записаны недоимки беднейших членов общины; деревенский сход сурово преступников наказал: они были убиты за самоуправство. Это свидетельство также позволяет сделать вывод о наличии малоимущих общинников, имевших долги, о долговой кабале в деревне.

Некоторые сведения о социальном устройстве общины дает и надпись с острова Теоса конца IV в. до н. э.¹² Основной состав этой общины — свободные крестьяне, которые в надписи называются *ἀρόντων*. Кроме этих крестьян, имеются еще работающие за плату работники — *μισθαρνεύτων* и рабы — *ἀνδράποδα*. Социальное положение первой из этих категорий неясно: в надписи не говорится входят ли они в число общинников. Возможно, что это свободные обнищавшие крестьяне, не имевшие возможности платить подати, подобные тем *ἀσθενεῦντες*, о которых говорит надпись из деревни Кардаков.

Положение сельских рабов в теосской общине (*ἀνδράποδα*) отличается от того, что мы привыкли видеть в других сельских местностях. Здесь рабы самостоятельно занимаются торговлей лесом, изготовлением одежды, ткачеством и даже имеют право торговать. Однако *ἀνδρόποδα* Теоса четко отграничиваются в надписи от свободных, даже занимавшихся самыми «низкими», как считалось, профессиями, такими, например, как уход за скотом и разведение свиней.

Эпиграфический материал позволяет говорить о верхушке местной знати, выделявшейся в процессе социального разложения деревни. Разбогатевшие должностные лица, комархи и жрецы, а также местные вольноотпущенники начинали в этих общинах играть все большую роль. В деревни, расположенные на городских землях, беспрепятственно проникают и представители городской знати, стремившиеся сделаться эвергетами, «благодетелями» тех или иных окрестных деревень. Источники свидетельст-

вуют, что подобных «чужаков» в сельских общинах, находящихся на городской земле, было значительно больше, чем в общинах на государственных землях. Видимо, в последних процесс разложения шел медленнее, имелись силы, которые боролись за целостность общинного устройства и противодействовали проникновению богатых чужеземцев.

Одним из наиболее активных элементов, старавшихся проникнуть в жизнь общины, находившейся на городской земле, были несомненно вольноотпущенники. Как правило, они получали свободу в городе, будучи рабами богатых горожан, и, накопив определенные средства, пытались обрести самостоятельность, открыв собственное «дело» — или ремесленную мастерскую, или торговое предприятие, либо даже скупив у общины какую-то часть земель и занявшись земледелием. Эти приезжавшие в деревню лица являлись одной из причин расслоения и даже распада общинного коллектива в деревнях, расположенных на городских землях.

Неполноправное население сельских общин, находившееся на противоположном полюсе жизни деревни, было многочисленно и многообразно по своему социальному и имущественному положению. Сюда надо отнести некоторое число рабов, называвшихся в надписях *δοῦλοι*. В сельских местностях имелось большое количество *φρέπτοι*, домашних рабов, которые играли важную роль в экономике сельской общины, вольноотпущенников, мистотов — наемных работников. Существовала также значительная категория лиц, упоминавшихся в надписях без патронимикона и являвшихся неполноправными жителями общины. Следует оговорить, что соотношение этих категорий внутри зависимого неполноправного населения, с одной стороны, и соотношение неполноправного и полноправного населения в рамках сельской общины — с другой, не было постоянным и изменялось в зависимости от конкретных условий жизни каждой деревни.

Согласно эпиграфическим источникам, некоторые из *φρέπτοι* (особенно женщины) безусловно выполняли различные домашние работы. Другие были, очевидно, заняты в сельском хозяйстве: обрабатывали участок своего владельца, трудились на пашне и виноградниках. Может быть, даже как-то разграничивались функции домашних рабов, хотя раб, занятый в доме, мог использоваться и на полевых работах. Вероятно, рабами, выполнявшими

домашнюю работу, распоряжалась жена хозяина-общинника, а он сам — рабами, помогавшими ему в сельском хозяйстве. Однако из этого не следует, что в одной и той же семье было раздельное владение домашними рабами.

Отношения господина со своим домашним рабом на первый взгляд выглядели весьма патриархально. Когда умирал кто-либо из членов семьи, *φρεπτοί* вместе с родственниками покойного принимали участие в постановке надгробных надписей, где они перечисляются наряду с членами семьи.

Бывали случаи, когда домашние рабы вместе с хозяевами почитали другого умершего раба, своего товарища. Можно к тому же добавить, что умерших рабов наряду с родственниками, хозяевами и домашними рабами часто почитали их ближайшие друзья.

Приведенные факты свидетельствуют о будто бы вполне идиллических и патриархальных отношениях рабов со своими хозяевами в независимых деревнях. Однако следует учитывать односторонность наших источников. Естественно, что в надгробных и почетных надписях предстает лишь «лицевая» сторона взаимоотношений господина и раба, те же конфликты, наказания и побои, которые имели место, как правило, не находили отражения в дошедших до нас эпиграфических памятниках.

Формы эксплуатации сельского населения, отмеченные для эпохи эллинизма, устойчиво сохраняются и в последующие века. Мы располагаем несколькими интересными эпиграфическими памятниками III в. н. э.

Один из них¹³ относится ко времени М. Юлия Филиппа и поставлен в императорском имении во Фригии. Жители «Объединения двух деревень, тоттеанов и соенцев», страдают от поборов со стороны воинов (*στρατιῶται*), власть имущих из живущих в городе (*προυκόντων κατὰ τὴν πόλιν*) и «цезарианцев» (*καίσαριανοί*). Они отбирают волов, на которых эти жители пашут (*ἀροτῆρας βόας*), и все другое, что им принадлежит.

Жители дважды обращались к императору с жалобой на несправедливые поборы. В первый раз наместнику провинции было предписано расследовать это дело и принять соответствующие меры. Однако, как говорится во вторичном обращении к императору, от этого распоряжения общинникам не было никакой пользы. В результате создалось такое впечатление, что «деревне приходится

платить то, что с нее не причитается. . . урожай погибает и земля пустует (*καὶ τοὺς καρποὺς ἀναλίσκεσθαι καὶ τὰ χωρία ἐρημοῦσθαι*).

Не менее выразительна надпись, в которой описывается положение сельских жителей в императорском имении в Лидии (около Филадельфии). Там говорится: «Мы просим тебя, о божественный из всех императоров, обратить внимание на страдания крестьянства из-за трудностей, которые нам чинят сборщики налогов. . . Из-за них мы не можем обрабатывать свои участки земли, выплачивать налоги, отрабатывать повинности».

Доведенные до отчаяния общинники, живущие в этом имении, угрожают крайней, с их точки зрения, мерой: они собираются покинуть очаги и могилы предков и переселиться на земли частных владельцев, которых сборщики налогов больше щадят, чем жителей императорских поместий.

М. И. Ростовцев считает, что положение жителей императорских имений было лучше, чем общинников на городской земле, поскольку они имели право непосредственного обращения к императору¹⁴, однако для подобного утверждения, как кажется, оснований нет, поскольку эпиграфические памятники рисуют картину безрадостной жизни общинников на императорских землях. Их грабят все кому не лень, помимо регулярных налогов и литургий с них собирают неограниченное количество денег без всяких узаконенных правил.

Выше говорилось об эксплуатации как отдельных деревень, находившихся на землях городов и государства, которые собирали с них налоги и различные поборы, так и о формах эксплуатации внутри деревни.

Но этому региону свойственна была еще одна форма эксплуатации сельского населения. Ей подвергались местные племена, которые работали на своих завоевателей — греков. Примеры тому многочисленны — это мариандины в Геракле Понтийской, педиеи в Приене, фригийцы в Зелее и многие другие. Аналогии этому можно найти в Спарте (илоты) и на Крите (войкеи). Согласно Страбону (XII, 3, 4) «первые основатели Гераклеи — милетяне — заставили мариандинов, прежних властителей страны, служить себе в качестве илотов, так что последних они даже продавали, однако не за пределы страны».

Источники свидетельствуют, что мариандины были некогда процветающим народом, занимали обширные

земли и даже совершали набеги на владения Гераклеи. Однако затем они были подчинены и превращены в рабов по образцу спартанских илотов и фессалийских пенестов. Большинство античных авторов (например, Гесихий, Посидоний) считает, что мариандины обрабатывали земли Гераклеи и платили ей форо́с. Однако из сообщения Страбона ясно, что этим дело не ограничивалось, поскольку их могли продавать. Имели место, следовательно, формы личной зависимости мариандинов от Гераклеи.

Интересна специфика форм эксплуатации сельского населения на Крите. Там, согласно свидетельству Афиней, жило порабощенное греками племя афамиотов, которое обрабатывало принадлежавшие им земли. Согласно Гортинским законам, эта же группа жителей называлась войкеями, что соответствовало греческому термину *οἰκέος* — «патриархальный раб», который употреблялся аналогично термину «илот». Аристотель, говоря о зависимых жителях Крита, называет их перийками. Он проводит параллель со спартанскими илотами, но отмечает, что перийки остаются всегда верны критянам, илоты же часто отпадают от спартанцев¹⁵. Рабы на Крите не обладали средствами производства и пользовались скотом и орудиями труда своего господина. Земля являлась собственностью хозяина, так же как и рабы, которые ее обрабатывали. Эксплуатация их носила самые жестокие формы; господин, согласно Гортинским законам, имел широкие права на жизнь своего раба. Большое распространение имело там долговое рабство.

Аналогичные социальные отношения можно отметить в Фессалии, где греки эксплуатировали местное сельское население — пенестов. Там рабство имело форму илоти — в широком смысле этого слова.

Таким образом, формы эксплуатации сельского населения Малой Азии на протяжении ряда столетий, начиная с эпохи эллинизма и вплоть до III в. н. э., сохраняют свою стабильность. Во-первых, это эксплуатация сельского населения, которое облагало различными налогами государство; во-вторых, это такие специфические формы эксплуатации, как коллективное рабство деревень и племен: педиеи в Приене, фригийцы в Зелее и т. д. Социальное расслоение в общинах также способствовало усилению эксплуатации, появлению долгового рабства, различных форм отработок, домашнего рабства, наемных

неполноправных работников и др. Конечно, в зависимости от конкретных условий имели место различные модификации, однако формы эксплуатации отличались в целом большой стабильностью, как стабильна была на протяжении многих веков сама социальная организация сельского населения Малой Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Syll.³, 234.
- ² Hellenica. Recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités grecques. P., 1955, t. X, p. 17.
- ³ American Journal of Archeology, 1912, t. XVI, p. 11 sq.
- ⁴ Inscriptiones Sardiniae, I, N 12—13.
- ⁵ Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, t. IV, N 582.
- ⁶ Orientis Graeci Inscriptiones Selectae, 228
- ⁷ Birkman E. Institutions des Seleucides. P., 1938, p. 107.
- ⁸ Vavřínek V. Povstání Aristonikovo — Rozpravy Československé Akademie věd, 1957, Roč. 67, Seš. 2, p. 62.
- ⁹ Hasluck F. Inscription from Cizycus neighbourhood. — JHS, 1904, XXIV, p. 21—23, № 4.
- ¹⁰ Clara Rhodos, 1938, IX, S. 190.
Robert L. Etudes Anatoliennes. P., 1937, p. 375, N 1.
- ¹¹ Buresch K. Aus Lydien. Leipzig, 1898, S. 113.
- ¹² Supplementum Epigraphicum Graecum, II, 2, 579.
- ¹³ Orientis Graeci Inscriptiones Selectae, 519.
- ¹⁴ Rostowzew M. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates. Berlin; Leipzig, 1910, S. 308.
- ¹⁵ Aristot. Politica, II, 7, 3, 8.

*

ПУТИ СОХРАНЕНИЯ ДРЕВНЕБАЛКАНСКОЙ ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ

Г. Д. Златковская

Изучение фракийского культурного наследия является одним из существенных звеньев исследований этногенетических процессов у народов Юго-Восточной Европы; оно, в частности, объясняет многие общие черты в этнокультурном облике южнославянских и восточно-романских народов. В конечном итоге оно ведет к решению некоторых важных общеполитических проблем. Эти вопросы находятся в поле зрения фракологов еще с середины XIX в. Однако среди них есть вопрос, пожалуй,

меньше других обращавший на себя внимание ученых, занимавшихся изучением фракийского вклада в культуру народов Европы. Это проблема обрядового наследия фракийцев. Между тем обрядность — один из наиболее традиционных элементов духовной культуры; в ней из поколения в поколение передается четкий обрядовый код. Существенная трансформация этого кода не может быть вызвана кратковременными факторами: он может подвергнуться значительным изменениям лишь под влиянием глубоких и длительных этнокультурных процессов, отражая их основные этапы.

Об этом явлении — отражении этногенеза народа в обрядности — можно, как кажется, судить по двум показателям. Во-первых, по показателям количественным, т. е. определяться количеством древних (в данном случае фракийских) элементов в современной обрядности, интенсивностью вкрапления древнефракийского ритуала в современный обряд. Во-вторых, по качественным показателям этого процесса, т. е. определяться тем, что именно воспринял от древней обрядности современный обряд, каковы были пути этого восприятия. Полная систематизация всех показателей еще предстоит. Однако уже теперь имеются данные для понимания второго из отмеченных аспектов, позволяющие наметить некоторые линии континуитета, определить каналы, по которым фракийское обрядовое наследие вливалось в широкую реку формирующейся обрядности современных народов юго-восточной части Европейского континента.

Кукерский обряд у болгар дает один из ярких примеров переживания древнефракийских ритуалов. Этот обряд давно привлек внимание ученых. Хотя его дохристианская основа ни у кого не вызвала сомнения, тем не менее о его происхождении высказывались различные мнения. Одни (Д. Маринов) полагали, что кукерские игры болгары переняли у фракийцев, другие (Г. Кацаров и Р. Дэвкинс) вели происхождение этого праздника от древнегреческих Дионисий. М. Арнаулов был первым, кто не только детально описал обряд, но и привел аргументацию в пользу заимствования кукерского обряда от древнегреческих анфестерий.

Дальнейшие исследования (П. Петров, В. Тышкова-Займова, Т. Златковская, Е. Теодоров, М. Черкезова) придали больший вес мнению о роли фракийского вклада в генезис кукерского обряда.

Аргументация М. Арнаудова основывалась на совпадениях самого общего плана между анфестериями и кукерским обрядом (изображение сцены брака, обрядовой пахоты, народных праздничных процессий, имитация убийства и воскрешения главного персонажа обряда). Между тем при решении вопроса о генезисе обряда нельзя считать решающими обрядовые черты такого крупного плана — они могут объясняться сходством хозяйственной деятельности, совпадением социально-экономических укладов, общечеловеческими чертами в мышлении и другими глобальными причинами. Гораздо важнее в поисках этнокультурного наследия обнаружить в изучаемом обряде особые детали, специфические элементы, которые отличают его от аналогичных обрядов других народов; они же при совпадении с деталями древнего ритуала могут указать верный путь к решению вопроса о происхождении изучаемой обрядности.

С этой точки зрения интересен обряд ритуальной пахоты, который совершается во второй части кукерского действия. Обряд ритуальной запашки поля, связанный с магией плодородия, характерен для весенних обрядов многих земледельческих народов. Однако ритуальная запашка и посев, совершаемые при кукерском обряде, имеют определенную специфику, неповторимое своеобразие. Сцена пахоты и засева включает торжественную доставку «царя»; он держит в руках кнут, его везут обязательно на двуколенной повозке, влекомой быками, которых изображают участники обряда, называемые волами («воловете»).

Весьма сходные детали в обряде ритуальной пахоты до недавнего времени можно было отметить у румын Трансильвании и Баната, а также у румын Закарпатья. У них был распространен обычай «плугар», «край ноу», для совершения которого в поле привозили «короля» на двуколенной повозке, в нее впрягали двоих парней или пару волов. Король проводил первую борозду в поле, затем его возили через всю деревню и трижды вокруг засеянных участков. По времени совершения этот обряд совпадал с кукерским (Ю. Попович).

Объяснение таких сцен ритуальной пахоты, как представляется, можно найти во фракийских нумизматических материалах — монетах VI—V вв. до н. э., чеканенных южнофракийским племенем дерронов и отражающих сцены из культа Диониса. На лицевой стороне одной

из серий этих монет изображен человек с кнутом, сидящий на двуколке, влекомой двумя быками. Название руководителя этой церемонии — βασιλεύς — известно нам из описания этого обряда в «Житии мученика Дазия» III—IV вв. н. э.

Следует отметить и другие особенности в деталях кукерских игр (пантомима, изображающая не только похороны главного персонажа обряда, но и его воскрешение, фаллические сцены), указывающие на аналогии с культом фракийского Диониса и отличающие их от современных весенних обрядов других народов, хотя эти обряды и сходны по общей направленности. Отмеченные аналогии не дают все же оснований для однозначного решения проблемы генезиса кукерского обряда.

С одной стороны, не исключено, что кукерский обряд в целом воспринят славянами на Балканском полуострове от фракийцев. На это указывают, во-первых, ареал кукерского обряда, наиболее полно и ярко выраженного в тех районах Болгарии, где в древности у фракийских племен более всего был распространен культ Диониса. Об этом же, во-вторых, как будто свидетельствуют отмеченные детали и особенности этого обряда, совпадающие с фракийским ритуалом и не имеющие аналогий в обрядах других славянских народов. Если принять эту версию, то перед нами проявление наиболее полного влияния фракийского культа на современную обрядность, а именно — восприятие праздника в целом.

Возможен, однако, и другой, более осторожный подход к вопросу о генезисе кукерских игр, кажущийся мне более близким к истине. Ритуальная запашка и посев — магические действия, широко распространенные как в весенней, масленичной обрядности у славян (например, чехов и словаков, хорват и словенцев), так и в славянских зимних рождественских, новогодних обрядах (по позднесредневековым данным — у русских, а также у украинцев). При непосредственном контакте древних славян с фракийцами на Балканском полуострове включение деталей фракийского ритуала в аналогичный древнеславянский обряд могло придать ему то своеобразие, о котором шла речь. При такой трактовке отмеченного явления перед нами вариант восприятия фракийского ритуала, при котором современной обрядностью усваиваются отдельные элементы древнего обрядового кода.

Другой путь восприятия древнефракийских культовых действий можно отметить в обряде русалий у болгар, румын и молдаван.

Ученые XIX в. много занимались вопросом происхождения названия обряда русалий, широко отмечавшегося разными народами Европы. Происхождение термина вели от славянских корней (*русло, русый, Рось* и т. п.), но в 60-е годы возобладало мнение Ф. Миклошича, обосновавшего тезис о происхождении слова «русалии» от названия римско-италийского праздника роз — *Rosalia, Rosaria*.

Занявшись главным образом терминологическим аспектом, исследователи оставили в тени то обстоятельство, что под одинаковым названием разные народы Европы справляли различные по своей направленности и отдельным элементам празднества. Только В. Томашек нащупал ту особенность в обряде балканских народов, которая дала ключ к более обоснованному решению проблемы происхождения обряда русалий у народов, сформировавшихся на землях древнего обитания фракийцев. Я имею в виду мысль Томашека о связи именно фракийских розалий с культом бога Диониса. Эта особенность древних фракийских *Rosalia* должна была обратить на себя внимание исследователей современных обрядов русалий у народов балкано-карпатских земель — обрядов, которые также имели свою региональную специфику.

М. Арнаутов, используя богатый этнографический материал, подчеркнул особенность балканских русалий — она заключается в преобладании в этом обряде врачующей магии. Действительно, ритуальные действия и запреты, направленные на излечение болезней, проходят красной нитью через множество обрядовых действий у болгар во время русалий. Аналогичны особенности обряда *rusalii, rusale* у румын и *русалии* у молдаван. Очень четко эта целительно-магическая направленность обряда проявлялась в действиях на русальной неделе дружин игроков (*calusarii, caluszeni* в Румынии, *калушарии* в Молдавии, *калушари, русали* в северо-восточной Болгарии).

М. Арнаутов высказал, но лишь в виде предположения, мысль о том, что эти особенности балкано-карпатских русалий восходят к культу Диониса, т. е. объясняются особенностью древних розалий во Фракии. Расширение этнографического материала о розалиях во Фракии (П. Пердризе, М. Нильсон) дало повод современным этнографам с большей определенностью говорить о влиянии древних

фракийских розалий на формирование обряда русалий (П. Петров, Т. Колева, И. Георгиева). При этом подчеркивалось (Т. Златковская), что розалии на фракийских землях были посвящены божествам, имеющим в балкано-дунайском регионе ярко выраженную функцию врачевания. Это прежде всего Дионис (*Liber Pater*), имя которого сопровождается здесь эпитетами *Ἰατρός Παίωνιος*, *Ἰγιάτης*, *Σωτήρ*, а образ, иконография зачастую совпадают с образом Асклепия. Это, кроме того, Диана и Сильван — божества, имевшие во Фракии, Мёзии и Дакии характер «врачующих», «внемлющих» божеств (*ἐπιήκοοι*), сближаемых с Асклепием, Делоптом, Фракийским всадником (О. Weinreich, Я. Тодоров). Весьма вероятно, что круг здравеносных божеств, которым именно здесь (в отличие от итальянских областей) был посвящен этот обряд, предопределил дальнейшее развитие фракийских розалий.

Под влиянием фракийской традиции в обряде русалий у этнических и культурных наследников фракийцев приобрела полное звучание врачующая магия, ставшая основным стержнем этого обряда. Поминание же усопших, предков, составлявшее основное содержание римских *Rosalia*, под влиянием фракийской традиции потеряло свою превалирующую роль и слилось с магико-целительными действиями. В этом отношении важно отметить совпадение в ритуале исцеления больного дружиной калушар (перепрыгивание через тело, скрещивание мечей, выкрики «Встань, умерший») с аналогичными действиями этих дружин при встрече с погребальной процессией. Однако даже в этой части ритуала превалирующим остается обряд «исцеления больного», совершаемый постоянно, тогда как обряд над покойником зависит от весьма редкой ситуации (встреча калушарами погребальной процессии).

Таким образом, влияние фракийского ритуала в данном случае проявилось в особой расстановке акцентов в обрядовых действиях: в выдвигении на первый план одних и в отходе на задний план других компонентов обряда.

В этнографических работах о празднествах Георгиева дня, Тодоровой субботы, Ильина дня неоднократно поднимался вопрос об отражении культа Фракийского всадника, Героса, Дунайского всадника в празднествах в честь христианских святых в образе всадника на коне. Эта проблема, поднятая в 30-е годы Г. Кацаровым, стала предметом специальных исследований в трудах В. Чайкано-

вича, М. Филипповича, Я. Цермановича-Кузмановича, И. Георгиевой, В. В. Иванова и В. Н. Топорова и др. Суммируя данные этих исследований, можно прийти к следующим выводам: культ фракийского всадника имеет много общих черт с культом верховного индоевропейского божества. Индоевропейский миф о верховном божестве (по Чайкановичу) или Боге грозы (по Иванову-Топорову) во многих деталях корреспондирует с данными о культе Фракийского всадника. В нем присутствует бог-всадник, стоящий на горе или каменной скале, копьё в руках бога, змей у мирового дерева, противник бога, — внизу. Имя фракийского божества — 'Hρως — имеет параллели с индоевропейским *Egъ — Regu, что отражено также в одном из эпитетов фракийского всадника Περκω, Περκωνει. Эти данные позволяют считать Фракийского, Дунайского всадника балкано-дунайской разновидностью индоевропейского божества.

Параллели в имени и мифологической сюжетной схеме могут быть продолжены и далее, затрагивая представления о христианских святых-всадниках. Так, общая характеристика Героса как хтонического божества, покровителя плодородия и полей, водных сил природы, защитника земледелия и земледельцев, скота и пастухов, совпадает с аналогичной общей характеристикой святых-всадников. Совпадения четко выступают при сравнении облика, атрибутов и культа древнего фракийского божества и соответствующих христианских святых. Бесспорны совпадения и иконографии. Конный всадник, одетый в развевающийся плащ, замахивающийся копьём на своего противника, — образ, присущий и древнефракийскому божеству, и святым-всадникам. Собака (волк), змея, скала (каменный жертвенник), копьё — неизменные спутники и атрибуты того и других.

Можно отметить также совпадения и в отправлении древнего ритуала и празднований дней святых-всадников, прежде всего Тодоровой недели и дня святого Георгия. Тодорова неделя вообще балкано-дунайское празднество, характерное для тех областей, где в древнее время было распространено влияние фракийской культуры. В этой связи интересно отметить, что в Югославии празднование Тодоровой субботы ограничено Восточной Сербией и Южной Македонией — теми же областями страны, где в наибольших количествах найдены рельефы с изображением Фракийского всадника (М. Филиппович, Я. Церманович-

Кузманович). Представления о хтонической природе всадников на Тодоровой неделе, олицетворяющих покойников, имеют аналогии с древними представлениями, по которым на могилах у фракийцев следовало совершать конные состязания (М. Филиппович, И. Георгиева). Верования о хтонической природе коня, его связь с погребальным ритуалом заметны у румын в погребальном спектакле «Gogiù» (R. Vulcănescu). В обычае Тодорова дня угощаться обрядовыми калачами в виде конского копыта можно увидеть реминисценцию жертвоприношений древнему конному божеству. В обрядах Георгиева дня нашли отражение и древние представления о целительных силах Фракийского всадника. В данном случае преемственность в традиции заметна в паломничествах на Георгиев день страждущих излечения к святилищам Фракийского всадника в Болгарии, совершавшихся еще в XX в. (Г. Кацаров).

Перед нами, таким образом, один из вариантов восприятия древней традиции современными народами, заключающийся в отражении всеобъемлющего фракийского культа в почитании христианских святых. При отсутствии полного набора сведений о культе Героса следует подойти с осторожностью к этой проблеме. Видимо, можно говорить о восприятии современной обрядностью и религиозными представлениями целой цепи взаимосвязанных древних культовых персонажей и аксессуаров, а также и самого образа божества или героя. Они восходят к глубоким слоям индоевропейских мифологических и религиозных представлений и были переданы народам балкано-карпатского региона посредством культа Фракийского всадника.

Однако отдельные звенья этой цепи находятся в довольно подвижном состоянии, могут соединиться в отличную от древней смысловую схему, возникшую под влиянием более поздних, в частности христианских, представлений. Так во фракийских верованиях змея — положительный образ, покровительница плодородия и плодовитости, водных стихий, семьи и народа, не противопоставляемый богу-всаднику; напротив, змей в христианских представлениях — олицетворение зла, противник святых конных героев — змеборцев.

Исследуя пути проникновения древней фракийской обрядности в духовную культуру современных народов, следует отметить еще один вид заимствования древней традиции. Мы можем наблюдать его в обряде сурвакания

у болгар. Это целый комплекс ритуальных действий с ветвью (прутиком — «сурвачкой»), совершаемых на Новый год. Главное из них — хлестание людей, скота, садовых деревьев с целью передать им живительную силу свежесрезанной ветви. Но обряд включает и множество других магических действий с ветвью: ее втыкают в новогодний пирог, она (или целое дерево — «сурвак») играет очень важную роль во время «ладувания» на Новый год, когда ветви приписывают особое свойство при гаданиях и исцелении больных. Особую роль отводили сурвачкам в действиях, связанных с идеей плодородия: их втыкали в стены хлева, разбрасывали по нивам и т. п.

Хотя новогодние действия с ветвью распространены во многих европейских странах, они включают только один элемент обряда, а именно — хлестание. По всей полноте и разнообразию действий с магической ветвью и, главное, по отдельным деталям, обряд сурвакания обнаруживает большое сходство (если не совпадение) со славянскими обрядами, совершаемыми, однако, весной — в вербное воскресенье. В этот день, как и при обряде сурвакания, хлещут людей и скот вербой, разбрасывают ее по нивам, используют вербу как лечащее и оберегающее средство. Вербка играла большую роль и в других весенних обрядах славян. Все они уходят своими корнями в древнеславянские празднества, отмечавшиеся весной, с которой у древних славян начинали новый год.

Специфику сурвакания у болгар, таким образом, составляет не набор магических действий с ветвью, а его приурочение к зимнему, а не весеннему времени. Такое положение сурвакания на шкале обрядовой хронологии следует, как кажется, объяснять связью и взаимовлиянием древнеславянской и фракийской культур.

Отправление новогоднего праздника зимой обычно объясняют распространением Юлианского календаря с его новым годом на январские календы. Однако отсутствие новогодних обрядов с магической ветвью, подобных сурваканию, в других европейских странах (в том числе и подвергшихся сильной романизации в древности) ставит под сомнение исключительную роль в этом римского влияния. С другой стороны, сходство болгарского сурвакания с новогодним зимним же обрядом *sórcsovă* у румын и *соркова* у молдаван наталкивает на мысль о влиянии фракийского обрядового календаря на приурочение этих празднеств.

Сам факт существования обрядового хлестания у фракийцев засвидетельствован пластиной из Летницы. Сцена хлестания, изображенная на ней, относится к новогодному циклу празднеств (И. Маразов). Идея хлестания на Новый год, которое должно способствовать стимуляции плодородия и всяческого блага в предстоящем году, видимо, была обща славянским и фракийским племенам. Однако временем, на которое падал новый год по фракийской шкале праздников, был не весенний период, а, как представляется, зимний, точнее — день зимнего солнцестояния. Указание на это можно уловить по ориентировке календаря-святилища близ Сармицегетузы, указывающей на отсчет дней в году у даков именно с этого дня (H. Daicoviciu).

Сурвакание, таким образом, дает нам пример усвоения фракийской традиции, проявившейся в особом календарном приурочении древнеславянского обряда, объясняемом ритуальным календарем фракийских племен.

Перед нами, таким образом, данные, характеризующие лишь некоторые из примеров восприятия фракийского обрядового наследия. Но и они дают представление о многообразии и извилистости тех путей, по которым фракийская традиция воспринималась более поздними народами.

ФРАКИЙСКИЕ СЮЖЕТЫ У ИСОКРАТА И ДЕМОСФЕНА

В. И. Исаева

Длительное соседство эллинов и фракийцев, давние контакты между ними довольно слабо отражены в греческих источниках. Исключение составляет середина IV в. до н. э., когда Фракия начинает фигурировать в напряженных дебатах в афинском народном собрании и о ней часто упоминают два наиболее известных политических оратора Греции — Исократ и Демосфен. На примере их речей нам хотелось бы обратить внимание на причины, способствующие пробуждению этого интереса, и на занимаемое Фракией место в греческой идеологии.

В сферу внимания полисов Фракия довольно прочно вошла еще в V в., в основном как территория, подходящая для колоний. При ее освоении грекам пришлось столк-

нуться с определенными трудностями: местные племена, очевидно, оказывали упорное сопротивление. Фукидид, например, упоминает о столкновении, в результате которого были истреблены 10 тыс. афинских колонистов в Амфиполе (Thuc., I, 100, 3; ср. Isocr., V, 5). Тем не менее эллинам удалось овладеть стратегически важными пунктами, и в податные списки Афинской архэ уже был включен фракийский округ.

Пелопоннесская война втянула Фракию в греческие междоусобные распри. Из Фукидида известно, что она была ареной интенсивных военных действий и серьезных столкновений, оказавших существенное влияние на ход войны. Фракийские племена принимали участие в соперничестве полисов, оказывая помощь то одной, то другой стороне. «Hellenica» Ксенофонта показывает, что подобная практика продолжалась и впоследствии.

В IV в. появился новый важный фактор — обострение греко-македонских отношений. Филипп вел наступление на Элладу по двум основным направлениям — греческому и фракийскому. Планомерное подчинение Фракии обеспечило ему укрепление границ, выход к морю и благодаря захвату пангейских золотых рудников значительно упрочило экономическое положение Македонии. Именно на фракийской территории произошло особенно острое столкновение интересов македонского царя и Афин, которым пришлось уступить почти все свои колонии и союзников во Фракии.

Эти события, несомненно, оказали прямое влияние на усиление интереса греков к их соседям, что и нашло отражение в речах ораторов. Реакция Исократы была своеобразной — он мало пишет о настоящем, почти все сведения о фракийцах относятся к прошлому. Оратор упоминает о военных столкновениях, причем нападающей стороной делает фракийцев, которые постоянно злоумышляли против эллинов, стремились поработить их (IV, 67—68; XII, 193). Однако им так и не удалось добиться успеха — греки неизменно одерживали победы; в конце концов фракийцы получили столь сокрушительный отпор, что были вынуждены изменить свои границы (V, 69—70; XII, 196).

Возникают вопросы: в чем причина такого взгляда, можно ли считать его типичным для греческого общества IV в.; почему Исократ предпочитает обращаться к прошлому?

Начнем с того, что нет никаких оснований объяснять подобную недоброжелательность какими-либо конкретными причинами, так как стычки с фракийцами носили, как правило, локальный характер и никогда не оказывали заметного влияния на ход греческой истории. Следовательно, истоки враждебности лежат в иной сфере, не имеющей прямого отношения к Фракии. Вместе с тем обращает на себя внимание, что характеристика, данная фракийцам, совпадает с собирательным образом варваров, широко распространенным в греческой литературе IV в. Это позволяет предположить, что отношение Исократ к фракийцам было продиктовано не реальными контактами двух этносов, а общей установкой идеологии его времени.

Посмотрим, насколько такая гипотеза согласуется с восприятием греками негреков и как в нее вписывается «фракийский вопрос». Очевидно, что длительное соседство Эллады и Фракии не могло пройти бесследно ни для одной из сторон, так как чем ближе границы, тем определеннее отношение одного этноса к другому¹. К сожалению, греческие источники дают здесь чрезвычайно скудный материал. Больше всего сведений у Геродота, который отмечает многочисленность фракийцев и добавляет, что при единовластии они смогли бы стать самыми могущественными (*κράτιστον πάντων*) из племен, однако из-за глуповатости они ведут жалкую жизнь и эллинские нравы представляются им слишком утонченными (IV, 94; V, 1, 3).

Подобная характеристика хорошо укладывается и по содержанию, и по времени в общую схему восприятия эллинами неэллинов. Оппозиция «мы — они» у греков по отношению к своим соседям должна была существовать всегда, поскольку непереносимое свойство каждой общности — осознание ее отличия от других², но, скорее всего, она не носила враждебного характера. Для такого этапа этнического самосознания характерно попарное противопоставление этносов (греки — фракийцы, греки — ликийцы, греки — египтяне и т. п.), что позволяет выявить некоторые черты, наиболее характерные для одной общности в глазах другой³. К таким чертам можно отнести многочисленность фракийцев, отмеченную Геродотом, или их мужество, о котором говорит Платон (*De Rep.*, IV, 435e).

Греко-персидские войны резко изменили ситуацию. Они способствовали изменению содержания понятия «варвар», которое приобрело отрицательный смысл и стало

враждебно противостоять понятию «эллин»⁴. Сформировался негативный стереотип негрека, закрепленный переводом штампа их обыденного сознания в идеологию. Для Геродота, написавшего свой труд после греко-персидских войн, характерен частичный переход на эту ступень этнического самосознания, что и проявилось в характеристике фракийцев как существ неполноценных по сравнению с греками.

На данной стадии развития противопоставление «мы — они» стало применяться уже на абстрактном уровне (грек — негрек, 'Ἑλλην — βάρβαρος), к конкретным этносам все чаще прилагалась общая собирательная характеристика варваров. Очевидно, этой участи не избежали и фракийцы, но здесь мы уже вступаем в область догадок, так как в источниках нет никаких данных об отношении греков к фракийцам как этносу. Объясняется это, скорее всего, тем, что фракийские племена не принимали участия в общегреческих событиях. Лишь позднее Пелопоннесская война и македонская экспансия послужили своего рода реактивами для проявления восприятия фракийцев греческой идеологией.

Представляет интерес контекст, в который Исократ включает фракийские сюжеты. Анализ показывает, что они появляются в основном в пассажах, связанных с прошлым Афин. Акцент ставится на том, что основной удар фракийцы обрушили на Афины, как на воплощение ненавистного им греческого духа. Причем варвары полагали, что, завоевав один этот полис, они тем самым одержат победу над всей Элладой. Исократ с гордостью констатирует, что замысел успеха не имел: сразившись только с одними его предками, варвары потерпели такое поражение, будто воевали с целым миром (IV, 68). Таким образом, видно, что упоминания о фракийских племенах обусловлены желанием прославить Афины, что в свою очередь связано с концепцией Исократа о праве Афин на гегемонию в Элладе, которое они приобрели своими заслугами перед эллинами в прошлом и настоящем⁵. Фракия для оратора — лишь пример, нужный для подтверждения его тезиса.

На первый взгляд, Исократ возвращается к определениям, свойственным раннему этапу восприятия варваров эллинами, и включает фракийцев в число наиболее властолюбивых и могущественных племен (ἀρχικώτατα μὲν τῶν γενοῶν καὶ μεγίστας δυναστείας ἔχοντα... Θράκες) (IV, 67).

Но из контекста видно, что подобная характеристика, относящаяся к нижнему слою этнического самосознания, нетипична для IV в. Многочисленность и властолюбие фракийцев упомянуты лишь для того, что подчеркнуть трудность и соответственно почетность победы над ними. На этой стадии развития общества уже сформировался определенный стереотип варваров, который обезличивал в глазах греков конкретные этносы.

В концепции оратора нашел также отражение тот этап взаимоотношений эллинов и фракийцев, когда греки стали основывать колонии во Фракии. Оказалось, что и здесь полисы всем обязаны Афинам: предки Исократы дали фракийцам такой отпор, что они, бывшие прежде соседями эллинов, вынуждены были отойти от прежних границ так далеко, что на освободившейся земле поселилось много разных племен и были основаны большие города (*πόλεις μεγάλας κατοικισθήναι*) (IV, 70).

Фракии нашлось место и в проектах оратора относительно будущего Эллады. По его убеждению, при правильной политике афиняне смогли бы получить там столько земли, что не только сами бы благоденствовали, но и сумели бы обеспечить нуждающихся и скитающихся из-за нужды эллинов (VIII, 24).

Такое благоустройство эллинов за счет фракийских соседей тесно связано с широко распространенным среди греков убеждением в необходимости покорения варваров для повышения собственного благосостояния. Из представления о неполноценности негреков делался вывод о закономерности их подчинения эллинам, о привычности для них рабского статуса. Исократ развил данный тезис в целое учение о необходимости похода в Азию и решения таким путем всех насущных проблем Эллады, ибо причины полисных междоусобиц кроются, по его мнению, в недостатке земли, нужда служит истоком всех неурядиц. Оратор предлагает простой, эффективный и устраивающий все полисы выход из создавшегося положения — чем воевать между собой, лучше объединиться и покорить Азию, где их ждут обширные земли и несметные богатства⁶.

Данная концепция, ориентированная на обострившиеся в связи с войнами антиперсидские настроения, была направлена в первую очередь против персов. Однако когда в поле зрения греческих идеологов попала еще одна варварская территория — Фракия, Исократ воспринял

ее как подходящий объект для приложения своей идеи. Это показывает, что данная теория имела уже абстрактный уровень, позволивший распространить ее на остальных негреков, не только азиатских.

По-иному реагирует на фракийскую проблему Демосфен. Фракия интересует его прежде всего в настоящем, как место, в котором сложилась опасная для Афин и всей Греции ситуация. Поэтому Демосфен вспоминает о Фракии чаще, чем Исократ, и даже посвящает ей целиком несколько речей⁷. Оратор стремится убедить аудиторию в том, что местные племена совершенно не интересуют Филиппа, их покорение следует рассматривать как шаг на пути подчинения эллинов. Упор делается на стратегическом значении фракийской территории, ее роли в решении важнейшей проблемы независимости полисов, борьба городов с Филиппом во Фракии рассматривается им как война за спасение отечества от уничтожения и рабства (*ἀναστάσεως καὶ ἀνδραποδισμοῦ*) (I, 5).

Сама Фракия в глазах Демосфена выглядит слишком ничтожной для того, чтобы служить объектом завоевания. Он пишет, что трудно вообразить, будто Филипп только ради фракийских трущоб «терпеливо переносит и труды, и непогоды, и крайние опасности, но что не гонится за обладанием афинскими гаванями, верфями, триерами, серебряными рудниками и за такими большими доходами, и что всем этим он предоставит владеть вам, а ради проса да полбы, спрятанных во фракийских погребках, проводит зиму в этой яме» (пер. С. И. Радцига) (VIII, 44—45; ср. X, 16—17).

Невысокого мнения о Фракии и политический противник Демосфена Эсхин. Полемизируя с ним по вопросам внешней политики и желая дискредитировать соперника, Эсхин насмешливо замечает, что Демосфен был первым, кто сообщил афинянам о существовании таких мест, даже названия которых они раньше не знали. Далее следует перечисление мелких фракийских поселений, название которых явно непривычно для греческого слуха, причем одно из них ради рифмы сознательно искажено (III, 82)⁸.

Подобный подход показывает, что конфликт между фракийцами и македонянами и связанное с ним повышенное внимание афинян к своим соседям никак не повлияли на установившийся стереотип отношения к фракийцам. Значение имели только афинские интересы, все остальное воспринималось как борьба одних варваров (македонян)

с другими варварами (фракийцами). О Фракии упоминали лишь для того, чтобы оттенить опасность, нависшую над Грецией.

Реакция на фракийские события в греческом обществе IV в. до н. э., четко обозначенная в речах политических ораторов, позволяет, на наш взгляд, высказать следующие предположения.

Восприятие греками фракийцев в общем отражает основные этапы развития этнического самосознания эллинов и дает интересный материал, свидетельствующий об использовании его стереотипов в конфликтных ситуациях. Этот материал, на наш взгляд, говорит о том, что аналогичные ситуации способствуют переводу представлений обыденного сознания на уровень идеологии и их «проявлению» в источниках.

Фракия сама по себе, скорее всего, никогда не привлекала внимания греков, она интересовала их постольку, поскольку была связана с их собственными делами, поэтому рассматривалась через призму эллинской политики и эллинских интересов. Ракурс восприятия фракийцев был определен общим отрицательным отношением греческой идеологии к негреческим этносам. Отсюда следует, что описанием фракийцев в источниках IV в. следует пользоваться с большой осторожностью — оно очень далеко от действительности, так как к конкретному этносу прилагается абстрактная характеристика варваров вообще.

Фракийские проблемы выявили высокую степень абстрактности некоторых положений греческой идеологии, позволившую тезисы, выработанные по отношению к определенным этносам, распространить и на другие. Так, на Фракию была перенесена уже сложившаяся концепция о враждебном противостоянии эллинов и варваров и о возможности решать греческие проблемы за счет негреков.

Примеры использования Фракии в аргументации политических ораторов подтверждают наличие в греческой идеологии тенденции переносить проблемы Эллады на негреческие территории и проживающие там этносы. В данном случае Демосфен использовал политику Филиппа во Фракии как модель тех отношений, которые должны были сложиться между Элладой и Македонией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 110.
- ² Арутюнов С. А., Чебоксаров И. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы, 1972, 2, с. 10; Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза. — Расы и народы, 1976, 6, с. 60 сл.; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 78 сл.
- ³ Крюков М. В. Указ. соч., с. 61; Васон Н. Н. Barbarians in Greek Tragedy. New Haven, 1961, p. 61—62.
- ⁴ Васон Н. Н. Op. cit., p. 151 sq.; Perlman S. Panhellenism, the polis and imperialism. — Historia, 1976, XXV, p. 3.
- ⁵ Isocr., IV, V, 40, 104, 129, 146—147; VII, 17, 65, 75, 80; VIII, 42—43.
- ⁶ Исаева В. И. Политическая программа Исократ в речи «Филипп». — ВДИ, 1974, № 2, с. 172 сл.
- ⁷ Det., I, 7, 12—13; II, 6—7; 28; III, 4, 7; IV, 4—5; VIII, 44—45; 19—20, 26, 56; XVIII, 27.
- ⁸ Перечисляя укрепления Серрия, Дориска, Эргиска, Миртиска, Эсхин сознательно превращает Миртен в Миртиску (III, 82).

К ВОПРОСУ ОБ АГАФИРСАХ

Ю. К. Колосовская

В настоящих заметках я не предполагаю касаться ни этнической принадлежности агафирсов, ни области их расселения, ни этимологии самого названия племени: всему этому посвящена специальная литература. К вопросу об агафирсах мне представляется возможным вернуться потому, что свидетельства об этом племени нередко замыкаются на одном Геродоте. Между тем в свете источников римского времени агафирсы обретают несколько большую конкретность и могут быть вписаны в общеисторический контекст истории племен Карпато-Днестровского бассейна.

Из Геродота известно, что из областей агафирсов вытекает река Марис (нынешняя р. Муреш в Трансильвании) — свидетельство, которое дает основание считать, что на восток области агафирсов могли простираться и далее истоков реки Муреш. А поскольку Геродот не назвал в связи с рекой Марис никакого другого племени, можно думать, что во власти агафирсов находилось все течение этой реки.

Области вдоль реки Марис были заняты агафирсами и в римский период, в I в. до н. э.—I в. н. э., когда господство в Карпатском бассейне принадлежало уже дакам, В «Слове утешения к Ливии» (*Consolatio ad Liviam*), произведении, написанном поэтом, близким к Овидию, а возможно, и самим Овидием¹, по случаю преждевременной смерти в 9 г. до н. э. сына Ливии Друза, брата будущего императора Тиберия, назван «стремительный Дунай и дакийский Апул, на краю вселенной» (*Danuvius-que garax et Dacius orbe remoto Appulus* — v. 387—388). Этим дакийским Апулом, которого достигла римская армия в 10—9 гг. до н. э., является, по единодушному мнению исследователей, нынешний город Альба Юлия в Трансильвании, лежащий на реке Муреш.

В правление Августа последовало несколько военных кампаний римлян против даков². Страбон упоминает реку Марис (*Μάριτος*) в связи с отправкой по Дунаю римского военного снаряжения для войны с даками (VII, 3, 13). Из Светония известно, что при Августе было разбито трое вождей даков (Aug., 21). В плен к римлянам тогда могли попасть не только даки, но и агафирсы. Эпиграфические свидетельства из Италии, самого города Рима, а также из провинций упоминают лиц рабского статуса и отпущеннического, а также свободных, у которых прозвищем (*cognomen*), а у рабов именем одиночным (*nomen simplex*) был этноним *Agathysus*.

К. Пач, который считал агафирсов племенем скифским, подвергшимся сильному фракийскому влиянию³, относил все эти свидетельства ко времени после Дакийской войны (101—106 гг.) Траяна⁴, когда в плен к римлянам попало множество даков и их союзников. Мнение К. Пача представляется наиболее вероятным объяснением присутствия в пределах Римской империи лиц с *cognomen* *Agathysus* и родовыми императорскими *nomina* Ульпиев, Элиев и Аврелиев.

Одним из таких агафирсов, фигурой наиболее известной в надписях из окрестностей Рима, был отпущенник Траяна или его жены, императрицы Плотины — *Agathysus augusti libertus*⁵. Этот Агафирс поставил статую императрицы Плотины (CIL, XIV, 2161a, b) и приобрел после отпуска на свободу императорские земельные владения под Римом, где были керамические мастерские, снабжавшие Рим и его окрестности черепицей по крайней мере в период 123—152 гг. н. э. (*ex praediis Quintanensi-*

bus Agathyrsi augusti liberti или Ex figlinis Agathyrsi augusti liberti — CIL, XIV, 461—470). Самая поздняя из точно датированных надписей с упоминанием лиц с *cognomen* Agathyrsus (Публий Цецилий Агафирс) датируется 165 г. н. э. и происходит из города Рима (CIL, VI, 164)⁶.

Но известны несколько лиц с императорским *nomen* Юлиев и *cognomen* Agathyrsus (императорское *nomen* Юлиев носил, как известно, Юлий Цезарь, затем Август вследствие усыновления его Цезарем и Тиберий после усыновления его Августом). Эти лица с *nomen* Юлиев были, скорее всего, теми агафирсами (или их потомками), которые попали в плен к римлянам в результате военных экспедиций против даков при Августе. Это — чета отпущенников из Остии (CIL, XIV, 4983) — Юлий Агафирс и Юлия Репоста; Гай Юлий Агафирс, умерший в возрасте трех лет в Афинах (IG, XIV, 1669), и Публий Юлий Тиберий Агафирс, оставивший свое клеймо на светильнике из Апамеи во Фригии⁷. Поскольку все они сохранили в качестве *cognomen* свой этноним, можно думать, что мы имеем здесь дело с рабами-агафирсами, отпущенными на свободу уже в правление Августа — Тиберия и получившими после отпуска на свободу, согласно римским законам, родовое имя своего господина, в данном случае — самого императора.

Эти эпиграфические свидетельства, в согласии с Геродотом, твердо фиксируют агафирсов в Трансильвании. Агафирсы не только не растворились к I в. н. э. среди дакийских племен, но сохранили собственное этническое наименование вплоть до завоевания Дакии и продолжали его удерживать среди разноплеменного населения Римской империи по крайней мере еще во II в. н. э.

Области агафирсов, как уже неоднократно отмечалось в литературе, не ограничивались долиной реки Муреш. А. И. Мелюкова писала, что помимо долины реки Муреш агафирсы занимали, вероятно, территорию вплоть до лесостепных областей Молдавии, где молдавская группа памятников принадлежала, скорее всего, агафирсам⁸. Б. А. Рыбаков также полагает, что агафирсы могли занимать пространство от реки Мариса до Тире включительно. Б. А. Рыбаков связывал с агафирсами археологические памятники молдавской группы, идущие от Днестра далее на запад⁹. Сравнительно недавно Х. Коте, посвятивший исследованию Геродотовой Скифии несколько статей, пришел к выводу, что агафирсы могли занимать

области от верховьев Прута до среднего течения Днестра ¹⁰.

Мне представляется, что при определении восточной границы занятых агафирсами областей можно исходить также из свидетельств римского времени. А из них следует, что агафирсы граничили с гелонами, причем оба племени всегда упоминаются вместе — обстоятельство, заслуживающее, по-видимому, большего внимания при локализации племен Геродотовой Скифии, чем это делалось до сих пор. Солин, римский историк III в. н. э., в основе сведений которого лежали свидетельства Плиния, Помпония Мелы и какого-то другого, утраченного и остающегося неизвестным источника ¹¹, писал, что *Gelonis Agathyrsi conlimitantur* (XV, 3). Дословно Солина повторяет Аммиан Марцеллин: *Gelonis Agathyrsi conlimitant* (*Amm. Marc.*, XXXI, 2, 14).

Что агафирсы могли соседствовать с гелонами на северо-востоке, следует из того, что позднее, в римский период, когда в I в. до н. э.—I в. н. э. главенствующее положение среди племен Карпато-Дунайского бассейна заняли даки, последние стали упоминаться вместе с гелонами. У Горация гелоны — далекий народ (*ultimi Geloni*), носящий колчаны (*pharetrati*), соседний с даками. В Оде Меценату Гораций писал, что «меня узнают колх и тщетно скрывающий свой страх перед когортой марсийской дак, и далекие гелоны — *me Colchus et qui dissimulat metum Marsae cohortis Dacus et ultimi noscent Geloni* (*Car.*, II, 20, 20—21). Гелоны взяты Горацием не только в качестве примера далекого племени, где могла стать известной его поэзия, или вследствие требований стихотворного размера, как это иногда считают ¹², но в качестве племени, реально знакомого римлянам.

В другой своей оде, где Гораций воспел новые победы Августа (*nova cantemus Augusti tropaea*), он отнес к этим победам дипломатический успех Рима в Парфии в 20 г. до н. э. и действия, предпринятые Римом в отношении гелонов: «Споем мы лучше про новые победы Цезаря Августа. . . и про реку парфян, средь побежденных племен тише вздымающую свои волны, и про гелонов, которые, согласно нашим приказаниям, теперь кочуют в малых просторах» (*Car.*, II, 9, 21—24). Образ смирившегося Евфрата был связан с возвращением при Августе в 20 г. до н. э. римских военных знамен, захваченных парфянами при поражении трех римских армий: Красса в 53 г. до н. э.,

Деция Саксы в 40 г. до н. э. и Марка Антония в 36 г. до н. э. Дипломатический успех, достигнутый Римом в Парфии, был приравнен к военному успеху, так как Август получил за это триумф. В честь возвращения знамен были установлены ежегодные празднества, был построен специальный храм Марса Мстителя на форуме, где были водружены знамена, сооружена арка и выпущена серия монет с изображением сцены передачи знамен¹³. И если такое событие Гораций сопоставил с предписаниями, предпринятыми в отношении гелонов, то, очевидно, и этим акциям Рима, и действиям самих гелонов на Нижнем Дунае придавалось большое значение. Фраза Горация о гелонах, которые, «согласно нашим предписаниям, кочуют в малых просторах» (*intraque praescriptum Gelo- nos exiguis equitare campis*), означала, по-видимому, то, что отныне гелонам предписывалось воздерживаться от передвижений и вторжений в области других племен [как это известно для времени Геродота (*Herod.*, IV, 108—109), когда гелоны поселились среди буданов] и, как свидетельствует Вергилий, воздерживаться также от вторжений в правобережные области Дуная, когда набеги гелонов достигали Фракии: «быстрые гелоны, в бегстве к Родопе несясь или в пустыни гетские (*Georg.*, III, 461—462). Теперь, согласно римским предписаниям, гелоны должны были оставаться в пределах территории своего племени.

О том, что в Риме придавалось немалое значение установлению каких-то отношений с гелонами, говорит и тот факт, что Вергилий счел возможным упомянуть гелонов среди народов, изображенных на известном щите Энея, который ему подарила якобы сама Венера, легендарная прародительница рода Юлиев. На этом щите, как известно, были представлены подвластные Риму народы и запечатлены наиболее значительные события римской истории до Августа (*Aen.*, VIII, 720—726). Длинной вереницей идут побежденные, и среди них — носящие стрелы (*sagittiferi*) гелоны.

В связи с этими свидетельствами римских авторов о гелонах и агафирсах следует обратиться к тому тексту Геродота, где он говорит о границах земель скифов, простирающихся, как пишет Геродот, к северу от Дуная, внутрь материка. Вначале Скифия граничит с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами (IV, 100). Эти самые племена, а также

тавры, как известно, отказали скифам в помощи против персов (IV, 119), в то время как цари гелонов, будинов и савроматов такую помощь скифам обещали.

Но агафирсы не только не пришли скифам на помощь, но и не пустили их в свою страну. При чем сделали они это не вооруженным путем: оказалось достаточно послать глашатая к скифам и выставить войско на границе своих земель, и скифы, как пишет Геродот, не пошли в страну агафирсов (IV, 125). Эти свидетельства Геродота дают основание считать, что племена, отказавшие скифам в помощи против персов, входили в союз племен под главенством агафирсов. Очевидно, самыми многочисленными из этих племен были невры, а занятая ими область — большой, так как Геродот назвал ее Невридой, т. е. страной невров (IV, 125). Согласно Солину (15, 1), из областей невров вытекает река Борисфен (*apud Neuros nascitur Borysthenes flumen*) и с неврами соседствуют гелоны (*Gelonis ad hos proxinant*). Следовательно, власть агафирсов на восток или северо-восток могла фактически простирается до областей гелонов, что и отразили историки римского времени.

Господствующее положение агафирсов среди племен Юго-Восточной Европы задолго до времени Геродота явствует и из греческой версии легенды о происхождении скифов. Согласно этой легенде, от связи Геракла с полу-девой-полузмеей родились сыновья Геракла — Агафирс, Гелон и младший Скиф (Herod., IV, 8—10). Тот факт, что Скиф назван младшим (IV, 10) и что «по рассказам скифов, народ их моложе всех» (IV, 5), свидетельствует о том, что в этом сказании отразилось позднее, по сравнению с влиянием агафирсов, установление господства скифов в «исконной Скифии» и в областях Северного Причерноморья вообще¹⁴. Очевидно, когда скифы здесь обосновались, они застали главенствующими в какой-то части страны агафирсов, а в какой-то — гелонов, так как Гелон и Агафирс, как и Скиф, были эпонимами племен, а Гелон — и города Гелона.

Давность обитания агафирсов и гелонов в Скифии явствует из того, что страна, которой завладел их младший брат Скиф, была для Агафирса и Гелона страной родной, так как здесь они родились, но, как не натянувшие лук своего отца, Геракла, были изгнаны на чужбину (Herod., IV, 9—10). Скифам же эта страна ранее не принадлежала, и называлась она иначе, так как Геракл

прибыл в страну, «называемую теперь Скифией» (ἐς τὴν νῦν Σκυθίην χώραν καλεομένην — Herodot., IV, 8).

Обычай агафирсов также указывают на их давнее и длительное соседство с племенами иной группы, чем скифы. Согласно Геродоту, обычаи агафирсов были схожи с обычаями фракийцев (IV, 104). В. Томашек, который считал агафирсов фракийским племенем травсов, выслившимся из Родопских гор (на границе Фракии и Македонии), а агафирсами они были названы скифами и в римский период выступили под названием даков, относил к типично фракийским обычаям упоминаемую Геродотом общность жен у агафирсов, татуировку тела и окраску агафирсами в синий цвет своих волос, что было возможно в том случае, если агафирсы были светловолосыми¹⁵. О татуировке агафирсов и окраске ими в темно-синий цвет своих волос сообщают историки римского времени — Плиний (HN, IV, 12), Помпоний Мела (II, 10), Солин (15, 3) и Аммиан Марцелин (XXXI, 2, 14). Как пишет Помпоний Мела (II, 10), агафирсы покрывают татуировкой уста и тело так, как кому предписано старейшинами (*Agathyrsi ora artusque pingunt, ut quique maioribus praestat*). Так что татуировка была признаком социального статуса, и прежде всего отличием знати: чем более высоким был статус агафирса, тем более плотной, темной и густой была его татуировка.

Но татуировка не являлась безусловным признаком принадлежности к фракийцам. Плиний, упоминая раскрашенных и синеволосых агафирсов, отмечает, что у некоторых варваров татуировались и женщины, у даков же и сарматов — мужчины (HN, XXII, 2). Вергилию известен обычай татуировки у гелонов (*Georg.*, II, 114—115). Таким образом, обычай татуировки является скорее признаком общности культурной и некоторым показателем сходного стадияльного развития племен, в данном случае агафирсов и гелонов.

«Раскрашенные агафирсы» (*picti Agathyrsi*) вошли в «Энеиду» Вергилия — свидетельство, заслуживающее, на мой взгляд, особого внимания. Агафирсы названы поэтом в IV песни «Энеиды», в описании сцены охоты Дидоны и Энея. Вместе с дриопами и критянами агафирсы кружатся в свите Аполлона на Делосе: *mixtique altaria circum Cretesque Dryopesque fremunt pictique Agathyrsi* (*Aen.*, IV, 145—146). Эней уподоблен здесь Вергилием Аполлону. В переводе С. Ошерева текст этот звучит так:

«Сам Эней. . . шествует словно бог Аполлон, когда он, холодный покинув край Ликийский и Ксанф, на родной возвращается Делос, вновь хороводы ведет, и с шумом алтарь окружают толпы дриопов, критян и раскрашенных агафирсов».

Как и почему агафирсы могли оказаться привлеченными к культу Аполлона на Делосе, где Аполлон, как известно, почитался особенно (здесь, согласно мифам, он родился и этот остров был для него материнским, как и назвал его Вергилий — *Delum maternam*)? Ведь и обитали агафирсы далеко от Делоса, и были варварами в глазах греков — считать ли агафирсов фракийцами, скифами, или потомками сколотов, как полагает Х. Коте.

Можно было бы думать, что Вергилий, введя раскрашенных агафирсов в свиту Аполлона на Делосе, поэтически выразил ту мысль, что Аполлона чтут и такие далекие от Делоса народы, как агафирсы. Но поскольку вся сцена связана с Энеем, легендарным родоначальником рода Юлиев, к которому принадлежал, как уже упоминалось Август, и «Энеида» вся пронизана политико-дидактическими мотивами, это исключает возможность привнесения Вергилием произвольных деталей. Напротив, вся сцена введена в поэму отнюдь не случайно. Известно, что Август особенно чтил Аполлона. При Августе Аполлон приобрел такое значение, какого он не имел ни ранее, ни потом: он был объявлен покровителем рода Юлиев и самого Августа¹⁶. В честь знаменитого морского сражения при Акци (2 сентября 31 г. до н. э.), когда были разбиты войска Антония и Клеопатры, в Риме на Палатине рядом с императорским дворцом в 28 г. до н. э. был построен храм Аполлона и Аполлону был посвящен специальный день — 23 сентября (месяц, в котором Август родился)¹⁷. В Риме была распространена версия, получившая, очевидно, официальное признание, о том, что мать Августа, Атия, якобы зачала его от самого Аполлона, проведя ночь в храме бога (*Suet. Aug.*, 94, 4). Столетние игры (*Ludi Saeculares*), которые Август торжественно справил в 17 г. до н. э., были посвящены Аполлону и Диане (Артемиде), в то время как ранее Столетние игры обычно связывались с божествами плодородия и земли. Для этих игр, как хорошо известно, Гораций написал специальный гимн — *Carmen saeculare*, в котором торжественно воспевались Аполлон и Диана.

Очевидно, ответ на вопрос о том, почему агафирсы оказались у алтаря Аполлона на Делосе, связан с самим культом Аполлона. Как известно, вопрос о культе Аполлона является одним из наиболее сложных в греческой мифологии и религии вследствие множества и разнообразия функций Аполлона, противоречивости, а нередко и несовместимости этих функций и из-за обилия дошедших до нас источников об Аполлоне¹⁸. Современными исследованиями установлено, что Аполлон пришел со стороны, он не был эллином, и его имя не объясняется из греческого языка. В раннегреческой истории Аполлон выступает как враг микенских греков и великий губитель. В Греции Аполлон появился в додорийское время, по мнению одних исследователей, — с севера, по мнению других, — из Малой Азии, от хеттов и даже из Вавилона. Происхождение Аполлона выводят также из Крита. Сравнительно недавно Х. Коте подчеркнул северное происхождение Аполлона, из страны гипербореев, заметив при этом, что в этническом смысле слова Аполлон не был гипербореем. Упоминаемые в связи с Аполлоном гипербореи показывают, по его мнению, только направление вторжения северных племен в Грецию. Как область происхождения Аполлона Х. Коте принимает во внимание Средний Дунай, откуда в период позднебронзового века последовало вторжение в Грецию, на Балканы и в Малую Азию воинственных племен Восточной культуры Курганных погребений. С этими племенами соединились племена скотов, выступившие из припонтских степей в XIV в. до н. э.¹⁹

Присутствие агафирсов на Делосе у алтаря Аполлона, очевидно, может быть объяснено в том случае, если мы будем считать агафирсов одним из племен гипербореев²⁰ (название, которое указывает на крайний север)²¹ старой античной традиции. Из Геродота известно о дарах гипербореев на Делос и пути следования этих даров (IV, 33—35). Новейшие исследования подтверждают историчность даров гипербореев, которые продолжали поступать на Делос по крайней мере вплоть до раннеимператорской эпохи, что подтверждает также историчность самого пути следования даров²². О священных дарах гиперборейцев на Делос сообщают и римские авторы (Pomp. Mel. III, 5; Paus., I, 31, 2; Solin., XV, 5), а Плиний поясняет: дары представляли собой первинки растений — *frugum primitias* (HN, IV, 26). Упоминаемые Геродотом (IV, 34—35) могилы гиперборейских дев на Делосе также были от-

крыты в результате археологических исследований и именно там, где указал их Геродот²³. Самая ранняя из них, могила Арги и Опис (σῆμα), была почитаема уже с конца III тыс. до н. э.²⁴.

Очевидно, помимо даров гипербореи исполняли на Делосе также танец γέρανος — «журавль», входивший здесь в церемонию культа Аполлона. Этот танец, о котором свидетельства древних многочисленных²⁵, исполнялся вокруг знаменитого делосского алтаря (κεράτινος βωμός), сделанного, по преданию, самим Аполлоном, в один день из левых рогов коз, убитых Артемидой. Танец γέρανος, происхождение которого пытались объяснить по-разному²⁶, был несомненно танцем ритуальным и танцем «птицы». Его танцевали все вместе (κατὰ πλήθος) вокруг алтаря из рогов (περὶ τὸν Δήλιον βωμόν) — главного из всех алтарей Аполлона на Делосе. В отправлении культа входил также бег юношей вокруг этого алтаря, которые бичевали самих себя и алтарь и, держа за спиной руки, кусали священную маслину, ту, которая росла у могилы Гиперохи и Лаодики и которую видел Геродот (IV, 34). Этот обряд уходит в глубокую древность и для греческой религии считается чужеземным²⁷.

Агафирсы, которые также все вместе (mixti) шумно кружились вокруг алтаря на Делосе (altaria circum fremunt), исполняли, очевидно, и танец γέρανος, и обряд бичевания алтаря и кусания масличного дерева, скорее всего — его листья. Но если агафирсы причастны к культу Аполлона и в такой его архаической форме, то они должны быть отнесены к тому древнейшему слою населения Юго-Восточной Европы, которое в античной традиции получило название гипербореев (северных народов) и которых эта традиция прочно связала с Аполлоном. С гиперборейями у греков уже в глубокой древности существовали культурно-религиозные и, очевидно, иные связи, отражением которых являются «священные дары» гипербореев на Делос и «священные пути» их следования, начинавшиеся, согласно Геродоту (IV, 52; 81), в Скифии, там, где обитали агафирсы и другие нескифские племена.

Эта особенность культуры агафирсов, а также обычай, отмеченный для них Аристотелем как существовавший еще в его время, указывают на то, что по своей этнокультурной характеристике агафирсы должны быть отнесены, по-видимому, к таким народам и культурам, которые считаются бесписьменными. Аристотель пишет об ага-

фирсах как о народе, который еще в его время слагает свои законы в виде песен. Он спрашивает: «почему знают законы те, у которых они поются? Потому что прежде, чем стала известна письменность, законы пели, чтобы их не забывать, как это еще до сих пор в обычае у агафирсов»²⁸. Но если агафирсы пели свои законы, то, следовательно, законы были составлены в метрической форме и представляли собой часть эпоса агафирсов.

Господство агафирсов в карпатских землях сохранялось, по-видимому, до прихода на Дунай бастарнов и до возвышения даков. Но до того как бастарны стали частыми союзниками даков в их борьбе с Римом, вначале они находились во враждебных отношениях с даками, что могло способствовать сохранению влияния агафирсов в Карпатах. Из свидетельства Юстина (XXXII, 3, 16) известно, что в конце II в. до н. э. в битве с бастарнами пал царь даков Орол. Отсутствие упоминаний об агафирсах у Страбона и в то же время его интерес к дакам свидетельствуют о том, что к I в. н. э. агафирсы утратили господствующее положение в Трансильвании. Возможно, они входили в союз племен гетов под главенством Биребисты, а затем даков в правление Децебала. Не исключено, однако, что после смерти Биребисты (около 44 г. до н. э.), когда его держава распалась (Strabo, VII, 3, 11) и в правление Августа делилась на пять отдельных частей, одна из таких частей могла находиться во власти агафирсов. Недавние раскопки в Окнице (Ocnița), в долине реки Олт, обнаружили фрагмент большого керамического сосуда, долии, принадлежавшего, очевидно, царскому хозяйству. На сосуде сохранились прочерченные до обжига прописные греческие буквы АМАР, восстанавливаемые как [Thi]amar[kos] или [Thi]amar[kou] и читаемые как имя царя²⁹. Если имя Thiamarcus действительно было именем царя, и, как полагает издатель, царя одной из тех пяти частей, на которые распалась держава Биребисты, то нельзя не заметить, что это имя очень отличается от известных имен царей гетов и даков (Βιρεβίστας, Διήγης, Δεχεβάλος, Ῥώλης Δάπων, Scorylo, Cotiso)³⁰. Возможно, это имя носил царь агафирсов. Само имя Thiamarcus является скорее всего, теофорным и образовано, очевидно, из слов θεός и ἀρχή. Если это так, то оно символизирует собой наличие у царя жреческих функций — черта, характерная для раннеклассовых обществ, к которым должно быть отнесено и общество агафирсов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Poetae Latini Minores*. Ed. A. Baehrens. Lipsiae, 1879, p. 98—99.
- ² *Strabo*, VII, 3, 13; *Suet. Aug.*, 21; *Flor.*, 11, 18—19.
- ³ *Patsch C.* Der Völkerschaft der Agathyrsen. — AAWW, Philos.-hist. Kl., 1925, 62, S. 69—77.
- ⁴ *Patsch C.* Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa. V. 2. Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Trajan. — SBAWW, Philos.-hist. Kl., 1937, 217, 1, S. 125—126.
- ⁵ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, XV, 461—470; *Chantratne H.* Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser. Wiesbaden, 1967, S. 45—100.
- ⁶ Подробнее об агафирсах — рабах и отпущенниках в Риме см.: *Колосовская Ю. К.* Рабство в дунайских провинциях. В кн.: *Штаерман Е. М., Сжирич В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977, с. 171—173.
- ⁷ *JHS*, 1898, XVIII, p. 95, № 34.
- ⁸ *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья. — МИА, 1958, 64, с. 102.
- ⁹ *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979, с. 93, 125—126.
- ¹⁰ *Kothe H.* Scythenbegriff bei Herodot — *Klio*, 1969, 51, S. 15—81; *Idem.* Pseudoscythen — *Klio*, 1967, 48, S. 61—79.
- ¹¹ *Solinus C. Julius.* Collectanea rerum memorabilium. Ed. Th. Mommsen. B., 1895; Praefatio, VI; *Walter H.* Die Collectanea rerum memorabilium des C. Julius Solinus. Wiesbaden, 1969, S. 6, 20.
- ¹² *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971 с. 9, 132.
- ¹³ *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949, с. 523—524.
- ¹⁴ X. Коте, исследование которого я уже упоминала, пришел к выводу о том, что сообщаемые Геродотом обе версии легенды (греческая и скифская) о происхождении скифов должны рассматриваться как взаимосвязанные. Коте подчеркнул, что скифская версия легенды (*Herod.*, IV, 5—7) принадлежит бронзовому веку, она связана со скелотами и не имеет никакого отношения к скифам. Греческая версия легенды (*Herod.*, IV, 8—10) принадлежит железному веку, времени прихода скифов в Северное Причерноморье в IV в. до н. э. Агафирсы и гелоны должны считаться или потомками или преемниками скелотов скифской версии (*Kothe H.* Pseudoscythen. — *Klio*, 1967, 48, S. 61—79; *Idem.* Scythenbegriff bei Herodot. — *Klio*, 1969, 51, S. 15—81). В рамках настоящей заметки я не имею возможности остановиться на этих интересных наблюдениях Коте. Подробнее об этом см.: ВДИ, 1982, № 4, с. 47—69.
- ¹⁵ *Thomaschek W.* Die alten Thraker. Wien, 1980, S. 99—100; 115—117; *Idem.* Agathyrsi. — In: I, Sp. 764—765.
- ¹⁶ *Машкин Н. А.* Указ. соч., с. 559—562, 569, 576.
- ¹⁷ *Dio Cass.*, LIII, 1, 3; *Suet. Aug.*, 18; 29—30; *Vell. Pat.*, II, 81.
- ¹⁸ В нашей литературе подробно писал о культуре Аполлона А. Ф. Лосев, хотя именно этот текст Вергилия непонятно каким образом остался неучтенным в его работе: *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
- ¹⁹ *Kothe H.* Apollons ethnokulturelle Herkunft. — *Klio*, 1970, 52, S. 206, 216, 218, 225.

- ²⁰ X. Коте также считает агафирсов на Делосе посланцами с севера, но без связи с гиперборейями. См.: *Kothe H. Apollons ethnokulturelle Herkunft*, S. 217.
- ²¹ *Gallet de Santerre H. Délos primitive et archaïque*. P., 1958, p. 158.
- ²² *Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale*. P., 1970, p. 39—44.
- ²³ *Gallet de Santerre H. Op. cit.*, p. 32—34, 161.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 111, 271.
- ²⁵ *Plut. Thes.*, 21; *Ovid. Heroid.*, XXI, v. 101—102; *Mart.*, I, 1, 4; *Anonym. De incredib.*, II, 85; *Gallet de Santerre H. Op. cit.*, 180, 189; *Bruneau Ph. Op. cit.*, p. 175—176.
- ²⁶ *Bruneau Ph. Op. cit.*, p. 30—32—; *Gallet de Santerre H. Op. cit.*, p. 181—182; *Lawler Brady L. The Geranos Dance*. — ТРАПА, 1946, 777, p. 112 sqq.
- ²⁷ *Bruneau Ph. Op. cit.*, p. 34, 47, 176; *Gallet de Santerre H. Op. cit.*, p. 186.
- ²⁸ *Aristot. Problem.*, 19, 28; *Patsch C. Der Völkerschaft der Agathyrren*, S. 76.
- ²⁹ *Berciu D. Regele Thiamarcus și tradiția statală geto-dacică*. — SCIVA, 30, 1979, p. 347—358.
- ³⁰ *Strabo*, VII, 3, 11; *Dio Cass.*, LI, 26; LXVIII, 9, 1—3; *Suet. Aug.*, 63; *Frontin. Strategem.*, I, X, 4.

*

СЛАВИНИИ VII—IX ВВ. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СЛАВЯН

Г. Г. Литаврин

Конкретные формы трансформации строя военной демократии у славян в устойчивую систему государственной власти по-прежнему представляют одну из наиболее сложных исторических проблем. О зарождении (либо дальнейшем развитии) военно-демократических порядков у славян позволяет говорить уже свидетельство Тацита (I в н. э.) о грабежах венетов¹. Естественно полагать, что за семь-восемь столетий этот общественный строй испытал существенные перемены, пережив периоды расцвета и упадка.

Судя по сообщению Иордана о событиях 70-х годов IV в., общественная система антов соответствовала зрелым формам строя военной демократии: антский вождь Бож, власть которого обретала, видимо, наследственный характер, сначала успешно противостоял предводителю готов Винитару, но затем был побежден; чтобы обеспе-

чить покорность антов, Винитар приказал распять Божа с его сыновьями и 70 старейшинами ².

Ни этот удар, ни поражение антов от аваров около 560 г. не привели к ликвидации антского военно-территориального союза: авторы VI в. согласно пишут о могуществе этого славянского объединения ³. Распад же союза датируют в литературе обычно началом VII в., ссылаясь на известие Феофана об «уничтожении» антов в результате предпринятого из Паннонии похода против них Апсиха, полководца аварского кагана, и на факт исчезновения из источников после 602 г. самого этника «анты» ⁴.

Согласно Иордану, в середине VI в. анты жили между Днестром и Днепром ⁵, а по данным Прокопия Кесарийского, они располагались «за Истром, недалеко от его берега», по соседству со «склавинами» ⁶. Ссылаясь на наличие пражско-пеньковской керамики на левобережье Среднего Дуная, В. В. Седов считает более свежими сведения Прокопия, который мог отразить частичное перемещение в 50—60-х годах VI в. антов в юго-западном направлении ⁷. С середины этого столетия, во всяком случае, анты (вплоть до 602 г.) были союзниками империи. Частная экспедиция Апсиха вряд ли коснулась их глубинных территорий — она могла привести к отходу антов от Нижнего Подунавья и Нижнего Поднестровья и к разрыву их связей с Константинополем, а не к распаду военно-территориальных объединений у славян восточноевропейского региона. Исчезновение из источников после 602 г. этника «анты» могло быть следствием не похода Апсиха, а внутренних перемен в самом объединении. Внимание византийских хронистов к тому же было приковано в это время к перипетиям борьбы империи со «склавинами» ⁸.

Так или иначе, к VIII в. восходит оформление на землях будущего Древнерусского государства так называемых «племенных княжений» — наиболее развитой формы военно-территориальных союзов племен ⁹. Частично сохраняясь еще в X в. под эгидой киевского князя, они обозначаются у Константина Багрянородного как «Славинии» ¹⁰. Нет никаких сомнений в том, что царственный автор имеет в виду под этим термином не просто области расселения древлян, кривичей, северян, дреговичей и т. д., а «архонтии» этих племен (или союзов племен), обладавшие собственной военно-политической и социальной структурой и способные существовать совершенно независимо,

сами обеспечивая «собственный ритм» жизни (ιδιόρρυθμοι)¹¹.

Понятие «Славиния» следует рассматривать, таким образом, в тесной связи с проблемой становления раннефеодальной государственности у славян. И такая постановка вопроса в историографии не нова¹². В данной статье, признавая названный аспект изучения термина «Славиния» наиболее плодотворным, я хотел бы акцентировать внимание на четырех вопросах: 1) время возникновения термина, 2) локализация первых Славиний, 3) первоначальное содержание этого понятия и 4) его дальнейшая эволюция.

1. Термин «Склавиния» (Славиния) имеет, безусловно, византийское «ученое» происхождение: он образован от этнонима по типу понятий «Скифия», «Сарматия», «Аравия» и т. д. Хронологически первым дошедшим до нас упоминанием термина считаю возможным признать сообщение составленной в начале VII в. архиепископом Фессалоники Иоанном¹³ первой книги «Чудес св. Димитрия» об осаде города славянами и аварами в конце VI в.¹⁴ Для этого похода, сказано там, хаган собрал «все нечестие Славиний» (τὴν ἅπασαν τῶν Σκλαβινιῶν θρησκείαν)¹⁵. Данный пассаж был воспроизведен в издании К. Бийеуса по рукописи X в. Vatic. gr. 797¹⁶. П. Лемерль, основывающийся и в этой части на рукописи XII в. Paris. gr. 1517, исправил в своем критическом издании Σκλαβινιῶν на Σκλαβηῶν¹⁷, не оговорив, однако, вопреки обещанию¹⁸, разночтений в этом месте по другим рукописям (мы исключаем возможность вымысла или произвола упомянутого первого издателя).

В середине VI в. термин, видимо, еще не существовал или не был широко распространен: он отсутствует у Иордана, Прокопия, Агафия, Менандра. Не встречается он и у их младшего современника Маврикия, хорошо знавшего славян. Впрочем, этот автор был далек от традиций повествовательного жанра, опираясь в своем творчестве главным образом на традиции стратегиконов и собственный воинский опыт. Зато писавший во второй четверти VII в. Феофилакт Симокатта употребляет понятие «Славиния» как ординарное, не вдаваясь ни в какие объяснения. В 602 г., пишет он, полководец Петр, исполняя волю василевса, готовился к походу за Дунай «против народā Славинии» (κατὰ τῆς Σκλαωνίας πληθύος)¹⁹. Не исключено при этом, что термин заимствован Феофилактом из слу-

жившего ему в качестве первоисточника и не сохранившегося сочинения автора конца VI в. Иоанна Эпифанийского²⁰.

Итак, если судить по этим двум наиболее ранним упоминаниям рассматриваемого термина, следует, вероятно, заключить, что он появился во второй половине, а скорее всего — в последней четверти VI в., т. е. в эпоху, когда столкновения славян с империей стали особенно интенсивными.

2. Нельзя счесть случайным и то обстоятельство, что два древнейших упоминания о Славиниях имеют в виду территории, лежащие за пределами империи, земли славян к северу от Дуная, в первом случае подвластных аварскому хагану, во втором — независимых от него и действующих против империи самостоятельно. Земли эти, как видно из данных известий, находились поблизости от Аварского хаганата или даже в его пределах; в то же время они были доступны для вторжения византийских войск. Иначе говоря, вряд ли можно сомневаться в том, что в последней четверти VI—самом начале VII в. постоянные поселения славян находились поблизости от дунайской границы Византии, составляя плацдарм для их вторжений в пределы империи.

3. С первых упоминаний о Славиниях содержание этого термина неоднозначно. Различиям в его содержании соответствует, на мой взгляд, разница в его грамматических формах: смысл понятия в единственном и множественном числе не совпадает.

Первый случай употребления термина «Славиния» в единств. числе (у Феофилакта Симокатты) был уже приведен выше. Историк имеет при этом в виду славян левобережья Нижнего Дуная, которые сохраняли во второй половине VI в. независимость от аваров и в отличие от антов, с которыми то воевали, то жили в мире, были враждебны Византии. Такая позиция «склавинов» предполагает определенные формы их военно-политической организации, однако нет достаточно надежных данных в пользу утверждения, что и «склавины» были объединены в постоянный союз, подобный антскому. От конца VI в. известны имена вождей «склавинов» Ардагаста и Мусокия, которые, хотя и находились в союзных отношениях, возглавляли два различных соседних объединения славян²¹.

О недостаточной степени единства славян левобережья

Дуная свидетельствует и ход их вторжений в империю в рассматриваемый период. Их крупномасштабные объединения были, по-видимому, эпизодическими. Поэтому под «Склавинией» Симокатты я склонен понимать указание не на военно-территориальный союз «склавинов» в целом, а на территорию их расселения в конце VI—начале VII в.²²

Второй случай подобного употребления термина «Славиния» содержится в сообщении Феофана о походе Константа II в 658 г. «против Славинии» (*κατὰ Σκλαυινίας*)²³. Понятие «Славиния» означает и здесь совокупную территорию размещения объединений славян²⁴.

С третьим случаем мы встречаемся в рассказе Феофана об экспедиции Юстиниана II в 688/89 г. «против Славинии и Болгарии» (*κατὰ Σκλαυινίας καὶ Βουλγαρίας*)²⁵.

Мне удалось найти еще только один случай употребления термина «Славиния» в единств. числе — это известие диакона Игнатия в «Житии Григория Декаполита» о восстании близ Фессалоники в 836/37 г. «эксарха той Славинии» (*τοῦ τῆς ἐκείνης Σκλαβηνίας ἐξάρχοντος*)²⁶.

В данном месте, однако, содержание термина, по моему мнению, более сложно: это не только территория расселения некоей части славян, но также социально-политическая организация, объединение во главе со своим эксархом-вождем, решившимся порвать зависимость от империи. Это лишь одна из подобных Славиний того времени, на что и указывает местоимение *ἐκείνης*.

Рассматриваемый термин имеет именно этот смысл применительно к концу VI—X столетию; употребляется он исключительно во множественном числе: неизменно имеются в виду не просто заселенные славянами территории, а обладающие вполне определенными границами объединения, в пределах каждого из которых господствовало одно племя, вождь которого возглавлял племенной союз (велегезитов, ваюнитов, хорватов, тервунитов и т. п.).

Конечно, и употребление термина в единств. числе не исключает того факта, что в пределах «Славинии» имелись подобные военно-политические союзы славян («Славинии» — во втором значении этого понятия). Таковы были, например, объединения Ардагаста и Мусокия в «Славинии» левобережья Дуная. Однако в источниках о событиях VI—IX вв. термин «Славиния» в единств. числе в значении политического объединения славян не встре-

чается. Мне, во всяком случае, обнаружить этого не удалось. Представляется вполне закономерным допущение, что первичным было значение исследуемого термина в качестве ареала расселения славян, вторичным — как указание на их особую политическую организацию. При этом хронологический период, отделяющий появление второго значения от первого, был, по всей вероятности, весьма непродолжительным. Так, о Славиниях — зависимых от аварского кагана славянских объединениях — говорится уже в цитированном выше сообщении «Чудес св. Димитрия».

В таком же смысле понятие «Славинии» использовано Феофаном в другом месте его рассказа о походе 688/89 г. Император, сообщает историк, ставил цель «поработить как болгар, так и Славинии» (τοὺς τε Βουλγάρους καὶ τὰς Σκλαυινίας αἰχμαλωτίσαι)²⁷. Характерно, что вопреки параллельной конструкции фразы писатель употребил здесь не этноним «славяне» (что, казалось бы, следовало ожидать, ибо впереди названы «болгары»), а термин «Славинии», который был избран Феофаном как более точный. Заселенные славянами регионы имелись в то время и во Фракии, но они тогда уже не составляли Славиний. Юстиниан действовал в тот период против полузависимых и независимых Славиний в Македонии (в числе плененных византийцами, а затем переселенных в Малую Азию находились сагудаты²⁸). Говоря ниже о походе Константина V во второй половине 50-х годов VIII в., Феофан пишет, что император «покорил Славинии в Македонии» (τὰς κατὰ τὴν Μακεδονίαν Σκλαυινίας)²⁹.

Таким образом, у этого автора в рассказе об одном и том же походе 688/89 г. исследуемый термин употреблен и в единств. числе (в географическом смысле — см. выше), и во множ. числе (как указание на племенные объединения славян) — применительно к одной и той же территории (Македонии): сплошь заселенная славянами территория (Славиния) была раздроблена между их разными политическими союзами (Славиниями), отчетливо обособленными друг от друга. Примечательно, что в византийских источниках VI—X вв. аналогии подобному употреблению во множ. числе терминов, образованных от этнонимов, почти не встречается. Три Галлии, три Испании, две Британии, две Паннонии, две Мезии (Мисии) и т. д. здесь не в счет, так как при этом имеются в виду административные округа империи, провинции (или

впоследствии территории, соответствовавшие этим некогда существовавшим провинциям). В сходном смысле говорит о «всех Сириях» и Константин Багрянородный³⁰. Любопытно, однако, что царственный автор, неоднократно упоминающий о Славиниях (на Руси, в Хорватии и в сербских землях), единожды прямо приравнивает Славинии к Франкиям, имея в виду пользующиеся внутренней автономией княжества, признающие сюзеренитет короля Италии Пипина. Вместе с Пипином, пишет Константин, его три брата «управляли всеми Франкиями и Славиниями» (ἤρχον πασῶν τῶν Φραγγιῶν καὶ Σκλαβηγιῶν)³¹, т. е. Итальянским королевством, Папией и Славиниями хоругат (словенцев)³².

4. И наконец, последний вопрос: об эволюции Славиний на Балканах в VII—IX вв. В качестве репрезентативных можно избрать для сопоставления две Славинии, разделенные столетним промежутком: союз «Семь родов»³³ (70-е годы VII в.) и Берзития (конец VIII в.).

Правда, союз «Семь родов» не назван в источниках Славинией, но я считаю это обстоятельство чисто формальным: в силу всего сказанного выше в качестве Славинии следует рассматривать уже антский союз IV в., как и объединения мелингов и эзеритов на Пелопоннесе³⁴.

До прихода протоболгар Аспаруха Славиния «Семь родов» играла главенствующую роль среди прочих славянских союзов в Мисии и Малой Скифии. В состав «Семи родов» входило несколько племен, сохранявших внутреннюю автономию и имевших свою территорию и собственного вождя. Одним из этих племен были северы. Даже отделенные Аспарухом в 680 г. от союза «Семь родов», северы еще в течение столетия (а возможно, и далее) оставались в пределах Болгарского государства сплоченным этносоциальным организмом и во главе со своим вождем отваживались на самостоятельные военные действия против империи. Иначе говоря, внутри Славинии «Семь родов» до 680 г., т. е. в эпоху ее самостоятельного развития, еще не были преодолены племенные перегородки; знать отдельных племен объединения еще сохраняла значительную самостоятельность; главный центр союза Плиска еще не стал укрепленной административной и военной столицей. И эта Славиния еще не может, разумеется, трактоваться как государственное образование.

Однако в том, что Славинии были зародышевой формой раннефеодальных государств, убеждают данные о Славинии

берзитов (верзитов или велзитов). Ее локализуют или в Северной Греции, или в Средней Македонии, в районе городов Охрид, Прилеп, Велеш и Битоля³⁵. В интересующем нас аспекте этот вопрос не имеет принципиального значения.

Впервые племя берзитов (или ряда племен под этим наименованием) упомянуто в «Чудесах св. Димитрия» в числе других славян как один из «этпосов», вступивших в первой четверти VII в. с целью осады Фессалоники во временный союз, возглавляемый Хацоном³⁶. Признавшие, видимо, еще в конце VII в. свою зависимость от империи, берзиты сохраняли внутреннюю автономию. Знаменательно при этом, что с конца VIII в. их Славиния получила в византийских источниках наименование «Берзития» («Верзития» или «Велзития»). В 774 г. болгарский хан Телериг намеревался в борьбе с империей переселить жителей Берзитии (τὴν Βερζιτίαν) в Болгарию³⁷. В 799 г. князь Берзитии Акамир (Ἀκάμηρος, ὁ τῶν Σκλαυινῶν τῆς Βελζητίας) принял предложение византийской знати фемы Эллада участвовать в заговоре с целью свержения с престола императрицы Ирины и возведения на трон томившихся в заточении в Греции сыновей Константина V. Заговор был раскрыт, и его участники подверглись репрессиям³⁸.

Мне представляются здесь особенно важными два обстоятельства. Во-первых, это появление у Славинии берзитов собственного наименования, образованного от этнонима тем же способом, каким византийцы образовывали названия возникавших в то время государств (Болгария, Хорватия, Сербия, Россия и т. п.). Во-вторых, это оценка самой оппозиционной правительству византийской знатью возможностей Берзитии: участники заговора считали князя Берзитии столь могущественным, что надеялись с его помощью совершить государственный переворот в империи. Правитель этой Славинии был, несомненно, полновластным повелителем своих подданных (хотя и признавал номинально суверенитет империи) и обладал значительными материальными средствами и военной силой. Славиния Берзития к концу VII в. по своей общественно-политической структуре находилась на пороге превращения в государственную политическую систему. Процесс этой закономерной эволюции оказался незавершенным скорее не в силу недостаточной зрелости ее социальной организации, а в результате внешнеполитической обстановки.

Сходным, по всей вероятности, было также развитие Славиний драгувитов и сагудатов (?) — «субделитов»: известны названия «Драгувития» и «Субделития»³⁹. Отнюдь не случайно территории бывших Славиний, утративших перспективы дальнейшего независимого развития, становились имперским административными и церковными округами (архонтия и епархия Драгувития, фема смоленов)⁴⁰. Знаменательно, что автор XII в. Иоанн Зонара в своем «толковом словаре» (Лексиконе) определил Болгарское государство как «Славинию Болгарию» (Σκλαβηνία ἢ Βουλγαρία)⁴¹. Подобный путь эволюции был, по видимому, присущ и всем прочим Славиниям, пользующимся в пределах Болгарии и Византии в VIII—IX вв. внутренней автономией, особенно если они занимали пограничные территории этих государств, были как говорится в источниках, «окольными» (τὰς πέριξ Σκλαβινίας)⁴². Правители Славиний тимочап и аборритов (преденецентов), а затем и браничевцев, решив в 818/19 г. отделиться от государственной системы Болгарии, испрашивали через послов покровительство сначала Людовика Благочестивого, а затем хорватского князя Людевита⁴³. Именно после этих событий хан Омуртаг приступил к ликвидации автономии Славиний, превращая их в непосредственно подчиненные своим наместникам провинции (комитаты)⁴⁴. Почти одновременно (в 821—823 гг.) и византийскому императору Михаилу II пришлось подавлять движение «окольных Славиний» (circumiacentibus Sclavinis)⁴⁵, оказавших военную помощь Фоме Славянину, поднявшему восстание в Малой Азии и в 821 г. осадившему Константинополь.

Таковы соображения, позволившие мне рассматривать проблему Славиний в контексте становления раннефеодальной славянской государственности⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Л., 1970, т. 1, с. 372.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступит. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 170.

³ Там же, с. 136; *Procopii Caesariensis Opera omnia*. Ed. G. Wirth. Lipsiae, 1963, v. II, p. 501.25.

⁴ Извори за българската история (далее: ИБИ), т. VI. Гръцки извори за българската история (далее: ГИБИ), т. III, София, 1960, с. 256 (известие Феофана). См.: *Королюк В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (Славяне и волохи в VI—сердине VII в.). — Советское славяноведение, 1976, № 6.

- ⁶ *Иордан*. Указ. соч., с. 136.
- ⁶ Там же, с. 130, 13—15; 476. 18—19.
- ⁷ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 124, 127.
- ⁸ *Королюк В. Д.* Указ. соч., с. 53 сл.
- ⁹ *Новосельцев А. П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 83.
- ¹⁰ *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, transl. R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 56.10; 62.107.
- ¹¹ *Ibid.*, p. 124.63—68.
- ¹² См.: *Коледаров П.* Политическа география на средновековната българска държава. София, 1979, ч. 1. с. 7—31 и указ. там библиогр.; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: *Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus*. В.; 1978, S. 84 f.
- ¹³ *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur. Munchen, 1959, S. 458.
- ¹⁴ *Иванова О. В.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» (Постановка вопроса) — В кн.: Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
- ¹⁵ Цит. по: ИБИ, т. VI, ГИБИ, т. III, с. 114.
- ¹⁶ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. P., 1979, I. Le Texte, p. 12—13.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 134.14.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 38.
- ¹⁹ ИБИ, т. III, ГИБИ, т. II. София, 1959, с. 353.
- ²⁰ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. В., 1958, Bd I, S. 544.
- ²¹ ГИБИ, т. II, с. 322, 323, 326.
- ²² См. также: Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. 1, с. 222, 250—251; *Browning R.* Byzantium and Bulgaria. A comparative study across the early medieval frontier. L., 1975, p. 41, 127.
- ²³ ГИБИ, т. III, с. 260 (предлог *κατά* — «против» — здесь следует переводить не с вин. множ., а с род. ед. числа).
- ²⁴ Там же, с. 129 сл. («Чудеса св. Димитрия»).
- ²⁵ Там же, с. 265.
- ²⁶ ИБИ, т. VIII, ГИБИ, т. IV. София, 1961, с. 39.
- ²⁷ ГИБИ, т. III, с. 265.
- ²⁸ *Ditten H.* Op. cit., S. 83—84.
- ²⁹ ГИБИ, т. III, с. 270.
- ³⁰ *Constantine Porphyrogenitus*. Op. cit., p. 224.21.
- ³¹ *Ibid.*, p. 120.19.
- ³² *Ibid.*, vol. II. Commentary. L., 1962, p. 92.
- ³³ См.: *Литаевин Г. Г.* К проблеме становления Болгарского государства. — Советское славяноведение, 1981, № 4, с. 35 и след.
- ³⁴ О дискуссии по этому вопросу см.: *Коледаров П.* Указ. соч., с. 13.
- ³⁵ См.: *Папов Б.* Охрид и Охридска област во првите векови по словенската колонизација (VI—VIII век). — В кн.: Годишен зборник на филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Скопје, 1978, кн. 4 (30), с. 123 и след.
- ³⁶ ГИБИ, т. III, с. 129
- ³⁷ Там же, с. 274 (Феофан).
- ³⁸ Там же, с. 27 (Феофан).

- ³⁹ *Наследова Р. А.* Македонские славяне конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — Византийский временник, 1956, т. XI, с. 86—87.
- ⁴⁰ *Коледаров П.* Указ. соч., с. 41—44—47.
- ⁴¹ *Johannis Zonarae Lexicon.* Ed. J. A. Tittman. Lipsiae, 1808, v. I—II, col. 1653.
- ⁴² ГИВИ, т. IV, с. 13. См. об этом: *Коледаров П.* Указ. соч., с. 11 сл.
- ⁴³ История на Българска държава. София, 1981, т. 2. Първа Българска държава, с. 152.
- ⁴⁴ Там же, с. 153
- ⁴⁵ ИБИ, т. VII, Латински извори за българската история, т. II, с. 26.
- ⁴⁶ К сожалению, в статье не удалось использовать совсем недавно вышедшие в свет работы: *Петров П.* Образуване на Българската държава. София, 1981; *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius. P., 1981, II. Commentaire.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ЭТНОНИМИИ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(на материалах хроники Малалы)

Е. П. Наумов

Как известно, хроника Иоанна Малалы является одним из наиболее важных ранневизантийских парративных памятников; ее охотно читали в Византии и в разных славянских странах (в славянском переводе), ее обильно использовали хронисты последующей эпохи (в частности, Феофан); наконец сообщения Малалы очень часто используются в историографии (например, сведения его о протоболгарах, о полководце Мунде и т. д.)¹. В то же время нельзя не отметить недостаточной изученности текста данной хроники в источниковедческом плане, особенно в смысле исследования применяемых Малалой этнонимов; в имеющейся литературе обычно речь идет о древнеславянском переводе хроники, античных сюжетах ее, соотношении с другими источниками (прежде всего — с хронографией Феофана), но не о терминологии хроники².

Между тем именно этнонимы и другие этносоциальные термины Малалы (а именно ἔθνος и γένος), по нашему мнению, заслуживают пристального внимания; это объясняется возросшим в науке интересом к проблемам византийской этнонимии³, к вопросам раннесредневековой

этнической истории Балкан (в связи с анализом сообщений о протоболгарах⁴, так называемом королевстве Мунда⁵ и т. п.), наличием разных толкований названия славянского союза в Мисии («Семь племен» или «Семь родов»)⁶. Заметим также, что этнонимия Малалы интересна для нас не только потому, что он был современником громадных вторжений «варваров» на территорию балканских провинций Византии (в конце V—VI в.), но и из-за гораздо меньшего влияния на текст его хроники многовековой античной традиции (как это, к примеру, заметно в сочинениях Прокопия). Иными словами, тот факт, что Малала писал простым и доступным широким слоям народа языком, мог определить и особенности его этнонимии и этносоциальной терминологии (употребление терминов «этнос» и «генос», важных и для сопоставления с языком Прокопия)⁷.

Остановимся вначале на тех этнонимах, которые встречаются и притом достаточно часто, в хронике Малалы. В данном случае, на наш взгляд, заслуживает внимания то обстоятельство, что у Малалы обычно названия «варварских», вторгающихся в Византию или соседствующих с ней народов и племен (гунны, персы, лазы, герулы, готы и т. д.) употребляются на одном уровне с теми «этнонимами» (точнее сказать, «генонимами» или «хоронимами» вроде «иллирианов», «фригийцев», «итальянцев», «испанцев»), которые обозначали представителей *местного* населения Византийской (или Римской империи, происходивших из тех или иных ее областей)⁸. В то же время позволительно поставить вопрос, не подразумевало ли особое внимание Малалы к этим локальным «этнономам» (типа «фракийцы», «фригийцы», «иллирианцы», как и исавры) какого-то представления о действительной (или основанной на его познаниях византийского Востока) локальной окраске, даже местной общности и самосознания в каких-то областях империи?⁹ Далее, по нашему мнению, нельзя не отметить и другой примечательной особенности, которая, естественно, связана с общей характеристикой языка хроники — малочисленности античных этнонимов (типа «скифы» — в рассказе о событиях конца V и первой половины VI в.)¹⁰.

Весьма любопытно также, что отмеченная нами выше черта в употреблении этнонимов хронистом (т. е. то, что Малала обычно никак не выделяет называемых им «варварских» народов, ставя их фактически на одну доску с жителями империи — «фракийцами», «фригийцами» и пр.)

может быть прослежена и на примере употребления им термина ἔθνος «народ, племя». В этом смысле представляет особый интерес его рассказ о видном варварском полководце (гунне или гепиде) Мунде, который поступил на службу к императору Юстиниану¹¹. По словам Малалы, император «принял его вместе с его людьми (на службу — *Е. Н.*), назначив его стратилатом *народа Иллиров*, и отпустил его в его стратилатию», т. е. в Иллирик, куда он был послан командующим (магистром) византийской армии. Когда же Мунд прибыл «в землю Иллирика» (примечательно, что Малала приравнивает, таким образом, «этнос Иллиров» и «хору Иллирика»), на него напали «*гунны с великим множеством разных варваров*», однако Мунд всех их истребил, а часть пленил, «и наступил мир во Фракии, и поэтому страх овладел варварскими народами (ἔθνη)¹²».

Правда, в некоторых других случаях (мы использовали прежде всего текст XVIII книги хроники, прибегая иногда и к тексту XVI книги, повествующей о событиях 491—518 гг.) у Малалы этот термин «этнос» скорее следует понимать, видимо, как «народ» (т. е. именно варварский) или даже «племя», т. е. часть какой-то обширной группы варварских народов. Например, Малала так описывает прибытие в Константинополь посольства аваров в 558 в. (ср. аналогичное сообщение и у Феофана): «вступило необычайное *племя гуннов, называемых аварами*»¹³ [Ср. XVI книге о царствовании Апастасия, где сказано, между прочим, что вторглись тогда через Каспийские ворота «*гунны-сабиры*», «племя (ἔθνος) весьма воинственное»]¹⁴. Показательно, что в этом случае термин «этнос» соотносится с общей массой так называемых «гуннских» народов, что и позволяет нам, вероятно, рассматривать это племя (т. е. аваров или сабиров) как часть широкой этнической (реальной или же воображаемой) общности того времени соответственно представлениям современников и разных писателей.

Применение термина «этнос» полезно сравнить с тем, как употребляет Малала близкий к нему этносоциальный термин γένος — «род, племя, народ». Заметим, что «генос», как и «этнос», встречается в интересующей нас части хроники (т. е. в рассказе о событиях V—VI вв.), тоже не столь часто, однако он опять-таки выступает в соединении с этнонимами, обозначающими «варваров». В частности, в этой связи мы должны вновь вернуться к повествованию Ма-

лалы о военачальнике Мунде. Сообщая, что в 529 г. Мунд перешел на сторону империи, хронист считает необходимым сказать вкратце о его происхождении, т. е. о том, что Мунд был родом гепид («... происходя из *рода* гепидов, будучи сыном короля» и т. д.)¹⁵. Иными словами, по нашему мнению, термин «генос» здесь обозначал не племя, а целый народ гепидов, а в русском переводе можно сказать и «родом гепид», хотя, естественно, русское слово «род» обозначает в данном случае также народ, народность.

Любопытно, что такой же оборот «родом гепид» появляется у Малалы и в рассказе о грозном Аттиле, повелителе гуннов, который, по мнению хрониста, также принадлежал к «народу (γένος) гепидов»¹⁶. Эта гепидская версия происхождения Аттилы, как известно, связана с употреблением в некоторых византийских источниках названия «гепиды» в переносном смысле — уже для гуннов¹⁷. В свою очередь это обстоятельство, т. е. замена этнонима гуннов гепидским (в данном разделе хроники Малалы), и, напротив, весьма широкое употребление термина «гунны» (притом в разных значениях)¹⁸ во всем тексте данного памятника, относящемся к V—VI вв., заставляет нас обратиться к тем выводам и наблюдениям, которые были сделаны недавно болгарским ученым В. Бешевлиевым применительно к терминам «гунны» и «болгары» в отдельных, сопоставляемых им пассажах из хроники Малалы и хронографии Феофана¹⁹.

В. Бешевлиев, основываясь на общеизвестном факте заимствования Феофаном сведений из хроники Малалы и указывая, что в сравниваемых им пяти отрывках этих двух сочинений «гуннам» Малалы соответствуют «булгары» Феофана, утверждает, что этноним протоболгар не был поставлен Феофаном взамен «гуннов» его первоисточника, а уже «находился в оригинале Малалы, из которого Феофан перенес его без изменений»²⁰. С этим тезисом связано утверждение Бешевлиева, что «единственная рукопись Малалы в Оксфорде воспроизводит не оригинал, а сокращенный текст» (так полагал, кстати, и Д. Моравчик)²¹. В соответствии с этим Бешевлиев считает, что неизвестный византийский автор, переписывая и сокращая оригинальный текст Малалы, вместе с тем и заменял в этих пассажах этноним болгар «гуннами».²²

Вполне понятно, что этот сложный вопрос о соотношении этнонимов в сочинениях Малалы и Феофана (особенно в связи с предполагаемой промежуточной ступенью, т. е.

наличием особой обработки текста Малалы) представляет большой интерес для изучения рассматриваемых здесь проблем византийской этнонимии. Однако нельзя не заметить в данной связи, что здесь возможны и иные решения этого спорного вопроса, тем более что аргументация Бешевлиева все еще требует подкрепления.

Напомним, что уже ранее в болгарской историографии было намечено совсем иное решение этой проблемы, а именно, что сам Феофан заменил этноним «гунны» (т. е. обозначение целой семьи народов) «булгарами» (т. е. названием лишь одного народа)²³. Это решение, по нашему мнению, не смог опровергнуть Бешевлиев, поскольку он совсем не коснулся того, *почему* и *когда* неизвестный переписчик заменял «болгар» гуннами. Напротив, если говорить о мотивах такой замены у Феофана, то они вполне понятны и действительно обоснованны; Феофана, современника жестокой борьбы Византии с Болгарским государством и сокрушительных поражений, нанесенных ромеям булгарами, уже одно это могло заставить заменить уже устаревшее и неопределенное наименование «гунны» достаточно ясным и устрашающим этнонимом «булгары»²⁴.

Укажем также и на другую немаловажную сторону этой источниковедческой проблемы. В самом деле, по нашему мнению, для решения ее (тем более — на столь многослойном материале этнонимии) следовало привлечь не только использованные Бешевлиевым четыре-пять отрывков из этих двух произведений, но и все другие пассажи данных памятников, где упоминаются только гунны (например, у Малалы) или только болгары (как у Феофана, так и у Малалы). Например, внимательный анализ текста Малалы сразу позволяет заметить, что очень частое применение им этнонима «гунны» (в разных значениях — широком или узком) вызывает серьезные сомнения в обоснованности тезиса Бешевлиева. В то же время, касаясь другого этнонима («булгары») и его связи с гуннами в тексте Малалы, дошедшем до нас (т. е. в сокращенном или обработанном виде?), хочется обратить внимание на известное сообщение о вторжении во Фракию в 559 г. славян и «гуннов» (по словам Агафия — кутригуров)²⁵. Тот факт, что Феофан говорит здесь о «гуннах», а не о «булгарах» (точно также он делает и в других сообщениях, заимствованных или близких тексту Малалы)²⁶, т. е. повторяет определения «сокращенного» Малалы, позволяет сделать разные предположения. В самом деле,

возможно допустить, что неизвестный переписчик хроники Малалы был непоследователен в своей замене этнонимов, либо что Феофан использовал и «полного», и «сокращенного» антиохийского хрониста, выбирая по своему усмотрению те или иные сведения, а это опять-таки приводит нас к выводу об определенной редакторской работе Феофана, делая шатким приведенный выше тезис Бешевлиева.

Таким образом, изучение хроники Малалы, имеющей немалое значение для анализа ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии, свидетельствует о важности дальнейших исследований в данной области. Весьма показательно также что изучение в этом плане одного источника требует постоянных сопоставлений и с другими памятниками византийской историографии, тщательного учета терминов и этнонимов каждого автора, а в то же время и надлежащей их проверки путем «горизонтальных» сравнений (т. е. в описании одного и того же события). Отметим также, что анализ терминов «этнос» и «генос» у Малалы способствует пониманию этнических процессов на Балканах в раннем средневековье и истории образования Болгарского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Бурмов А.* Избрани произведения. София, 1968, кн. 1, с. 57, 60—62, 65; *Сиротенко В. Т.* Письменные свидетельства о булгарах IV—VII вв. в свете современных им исторических событий. — В кн.: Славяно-балканские исследования. М., 1972, с. 205. *Он же.* История международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI в. Пермь, 1975, с. 263, 246—247, 250; *Ditten H.* Protobulgaren und Germanen im 5—7. Jahrhundert. — *Bulgarian Historical Review*, 1980, N 3, p. 55, 56, 58.
- ² См., например, *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. B., 1958, Bd. I; *Beševliev V.* Die Nachrichten des Malalas über die Bulgaren bei Theophanes. — *Byzantina*, 1980, t. 10. Ср.: *Черноусов Е. А.* Из этюдов по Малале (эпоха Анастасия Дикора). — В кн.: Сб. статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926, с. 18—28; *Он же.* До питання про джерела хроніки Теофана Сповідника з доби Анастаса Дикора. — В кн.: Юбилейний збірник на пошану ак. Д. Й. Багалія. Київ, 1927, с. 341—345.
- ³ Ср., например: *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 198, сл.; *Бибииков М. В.* Византийская этнонимия. Архаизация как система. — В кн.: Симпозиум Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980, с. 70—72; *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980, с. 15.

- ⁴ См., например: *Литаврин Г. Г.* К проблеме становления болгарского государства. — Советское славяноведение, 1981, № 4.
- ⁵ Ср.: *Рафалович И. А.* К вопросу о времени появления первых политических образований романизованного населения на землях к северу от Дуная — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 35—41; *Он же.* Романизованное население Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации. — В кн.: Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980, с. 24—25; см. также: *Сиротенко В. Т.* История. . . , с. 236.
- ⁶ См., например: *Литаврин Г. Г.* К проблеме. . . , с. 35; ср. также: *Наумов Е. П.* Советская историография о возникновении и развитии Первого Болгарского царства. — В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981.
- ⁷ Ср., например: *Иванов С. А.* Обозначение славян как этнической общности в «Истории войн» Прокония Кесарийского. — В кн.: Симпозиум Античная Балканистика. . . , с. 23—25.
- ⁸ См.: *Joannis Malalae Chronographia*. Vopnae, 1831 (далее: *Joann. Malal.*), р. 427, 429, 430—432, 437—438, 450—451, 489, 490 и др. (о лазах, персах, герулах, иберах, гуннах, гепидах, булгарах и пр.); ср. там же, р. 359, 410 и 425 (о фракийцах, к которым Малала относит и Юстиниана, и Приска) 399 и 402 (иллириане — ср. стр. 451 — «этнос иллиров»), 464 (фригийцы), 393 и 464 (исавры), 432 (италийцы и испанцы), 442 (иллириане, скифы, исавры, фракийцы).
- ⁹ Ср., например: *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971, с. 96—97.
- ¹⁰ *Joann. Malal.*, р. 405 и 442.
- ¹¹ См. выше, примеч. 5; ср. также: *Бурмов А.* Избрани. . . , кн. 1, с. 61.
- ¹² *Joann. Malal.*, р. 451; ср.: Гръцки извори за българската история. София, 1982, т. 2, с. 216, о датировке этих событий 530 годом см.: *Бурмов А.* Избрани. . . , кн. 1, с. 62.
- ¹³ *Joann. Malal.*, р. 489; ср.: Гръцки извори. . . , т. 2, с. 216; *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 28, 52; *Ковачевич Ј.* Аварски каганат. Београд, 1977, с. 23.
- ¹⁴ *Joann. Malal.*, р. 406, ср. у Феофана: *Чичуров С. И.* Указ. соч., с. 26 и 49.
- ¹⁵ *Joann. Malal.*, р. 450; ср.: *Рафалович И. А.* К вопросу. . . , с. 39—40.
- ¹⁶ *Joann. Malal.*, р. 358.
- ¹⁷ *Moravcsik Gy.* Op. cit., Bd II, S. 112.
- ¹⁸ Ср. о применении этнонима «гунны» у Феофана: *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 74—75, примеч. 38.
- ¹⁹ См. выше, примеч. 2; ср. также: *Бурмов А.* Избрани. . . , кн. 1, с. 60 сл.
- ²⁰ *Beševliev V.* Op. cit., с. 346.
- ²¹ *Ibid.*; ср.: *Moravcsik Gy.* Op. cit., Bd I, с. 330.
- ²² *Beševliev V.* Op. cit. с. 345—346.
- ²³ *Бурмов А.* Избрани. . . , кн. I, с. 66; *Златарски В. Н.* История на българската държава през средните векове. София, 1938, т. I, ч. 1, с. 53.
- ²⁴ Ср.: *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 13.
- ²⁵ *Joann. Malal.*, р. 490. Ср.: Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. I, с. 84; ср. 77—79.

²⁶ См. Чичуров И. С. Указ. соч., с. 49 (о вторжении гуннов через Каспийские ворота), 50 (о гуннском царе Зилгивине и царице Боа), 51 (о гуннах близ Боспора); ср. с. 52 (о посольстве аваров и вторжении в 559 г. гуннов и славян) и др.

К ПРОКСЕНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОЛЬВИИ И БОСПОРА

В. П. Яйленко

Круг ольвийских проксенических документов довольно широк: к надписям, которые в сборнике «Надписи Ольвии» определяются как проксении, относятся еще несколько фрагментов, не атрибутированных издателями сборника. Кроме того, ряд опубликованных в нем проксений нуждается в серьезном уточнении текста. В работе над этим существенную помощь оказывает формульный характер языка документов: проксениям как жанру эпиграфических актов свойствен свой репертуар оборотов, слов и их чередования. Эти формульные блоки в свою очередь группируются в определенной последовательности. В частности, именно формульность языка ольвийских проксений позволяет ввести в этот класс надписей несколько фрагментов, не атрибутированных издателями НО. Сюда относятся НО, 174, 175.

Фрагмент НО, 174 издатель (А. А. Белецкий) читал так: — AI | — — P X E I N | — — A I E I S | — — N E I | — — [A S] Y A E I | — — A S | — — I K A I | — — N A | — | E I S | — — H. Осмотр камня позволяет уточнить чтение сохранившегося текста: перед *ро* стк. 4 имеются остатки *альфы*; перед *ню* стк. 6 сохранились кончики верхней и нижней перекадин *эпсилона*; перед *альфой* стк. 8 почти полностью видно *пи*; перед первой *иотой* стк. 9 сохранилась часть верхней горизонтальной перекадины от *эпсилона*, *тау* или *гаммы*. Бесспорное чтение слова [ἀσλεί в стк. 7 предполагает восстановление в данном контексте трех обязательных формул проксенических декретов, следующих в финале одна за другой (1. εἶσπλον καὶ ἔκπλον. 2. καὶ ἐν εἰρήνῃ καὶ ἐν πολέμῳ. 3. ἀσλεί καὶ ἀσπονδεῖ), которые вполне соответствуют сохранившимся буквам конца строк 5—7. Кроме того, обязательная последовательность формул указывает на длину стк. 7 в 23 буквы, чем оп-

ределяется примерная длина строк декрета в целом. На основании этих данных декрет восстанавливается следующим образом¹:

- [— — ἔδοξαν προξενίαν
καὶ πολιτείαν, καὶ ὅσα τοῖς
ἄλλοις προξένοις δέδοται,
5 [τὰ μὲν λοιπὰ πάντα ὑπάρχειν
[αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις, καὶ εἰς —
[πλοῦν καὶ ἔκπλοῦν καὶ] ἐν εἰ —
[ρήνηι καὶ ἐν πολέμωι, ἀστυλεί
[καὶ ἀσπονδεί· καὶ τὰς λοιπὰς
10 [τιμὰς δοῦναι πομπῆι], καὶ
{ἀναγράψαι μὲν εἰς τελαμῶνα
[τὸ ψήφισμα, τὸ δὲ ἀνάλωμα] αἰς
[αὐτὸν τοὺς ἄρχοντας ὑπηρετῆ]η —
[σαι] .

«... дали проксению и политию, и что другим проксенам предоставляется, быть у него и потомков всему прочему, и вливать и выплывать, и в мирное время и в военное, без ущерба и заключения договора. И остальные почести предоставить *такому-то*, и записать это постановление на стеле, о расходах же на нее позаботиться архонтам».

Структура данного почетно-проксенического декрета аналогична декретам того же типа IPE, I², 27; HO, 45: преамбула, хвала в адрес чествуемого проксена, предоставляющая ему привилегии санкция (стк. 1—8), финальное постановление (стк. 8—13). Предоставление проксении и политики (стк. 1—2) — обычный элемент проксенических декретов, в том числе и ольвийских. Напротив, оборот с ὑπάρχειν (стк. 2—5), свойственный проксениям других центров [например, КБН, с. 937, Горгиппия], в Ольвии встречен впервые. Этот оборот содержит глагол как в личной форме — ὑπάρχει (ср. καὶ τὰ λοιπὰ πάντα, ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις τὰς πόλιος ὑπάρχει — «и все прочее, что и другим проксенам полиса надлежит») (Котиора в Лаконии, II в. до н. э.)², так и в инфинитивной форме, например, πρόξενον εἶμεν καὶ εὐεργέταν. . ., ὑπάρχειν δὲ αὐτῶι, καθάπερ καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις «быть проксеном и благодетелем. . ., располагать ему всем тем, что и прочим проксенам» (декрет эгостенитов конца III в. до н. э.)³ или ὑπάρχειν δὲ αὐτοῖς καὶ τὰλλα πάντα, ὅσα δέδοται τοῖς ἄλλοις προξένοις «располагать им и всем прочим, что предоставляется остальным проксенам» (декрет Делоса в честь ольвиополита Посидония, сына Дионисия, начало II в.

до н. э.)⁴ Как видно по приведенным примерам, формула с *ὑπάρχειν* в ольвийском декрете НО, 174 могла содержать различные нюансы, не уточняемые скудным сохранившимся текстом, но основная идея — наличие здесь инфинитивного оборота проксенических декретов с *ὑπάρχειν* — бесспорна. Аналогичный оборот, кстати, следует восстанавливать и во фрагменте проксении НО, 13, изданной Е. И. Леви следующим образом: — — N(?) Δ | — — Δ(?) ΟΙΣΠΡΟ | — — ΗΚΟΝ | [καὶ ἐξαγωγῆν καὶ] εἰσαγ | [ωγῆν αὐτῶι καὶ] ἐ[κγ]όνοις — — —]. Содержание стк. 2 достаточно прозрачно — здесь содержатся стандартные формулы проксенических декретов:

[— — ὑπάρχειν αὐτῶι κ]α—	«...быть у него, как и у
[θάπερ καὶ τοῖς ἄλλ]οις προ—	прочих проксенов, всему
[ξένοις τὰ πάντα προσ]ήκον—	надлежащему — и бес-
[τα καὶ ἀτέλειαν ὄν ἄ]ν εἰσαγ—	пошлинности всего, что
[ηῖ ἢ ἐξάγηι κτλ.]	ни ввезет или вывезет...»

Если восстановление структуры стк. 1—8 декрета НО, 174 в целом определено, то финальная его часть (стк. 8—13) реконструирована более предположительно. Обычно финальная часть почетно-проксенических декретов (а декреты этого типа и отличаются от собственно проксенических актов наличием лаудационной части и финального дополнения) включает следующие формулы (с некоторыми вариациями в лексике): 1. τὸ δὲ ψήφισμα τόδε ἀναγράφαι εἰς τελαμῶνα λευκοῦ λίθου — «написать это постановление на беломраморной стеле». 2. στῆσαι εἰς τὸ ἱερόν...» — «поставить ее в святилище» поименованного божества. 3. τὰ ἀνάλωμα δοῦναι...» — «деньги на расходы пусть выдадут» соответствующие магистраты.⁵ Первая формула обязательна, остальные факультативны. Сохранившимся остаткам текста исследуемого декрета НО, 174 соответствует восстановление первой и третьей формул (вторая, как факультативная, опущена; напомним, что в соответствии с остатками букв длину строк в 22—23 буквы дают твердо восстанавливаемые стк. 6—7 надписи). Может быть предложен и другой вариант формулы о записи постановления на стекле: καὶ ἀναγράφαι τόδ' εἰς τελαμῶνα [λευκοῦ λίθου, τὸ δ' ἀνάλωμα] α εἰς [αὐτόν...].

Скудный остаток текста последней сохранившейся стк. 12 — буква Η — не позволяет дать точное восстановление формулы о выдаче денег. Поскольку нам известно, что в Ольвии соответствующими расходами ведали архонты (НО, 35) и, может быть, эконоμῶνες (НО, 36), предположи-

тельно восстанавливаю формулу о выдаче денег по соответствующему предписанию ряда греческих декретов со словом *ὑπηρετῆσαι*, как, например, в постановлении приеппцев о Мегабиксе (Syll.³, 282, 333 г. до н. э.): *ἀναγράφαντας τὸδ[ε τὸ ψ]ήφισμα, τὸ δ[ε ἀνά]λωμα εἰς τὸν ἀυδριάντα καὶ τ[ήν] στήλην ὑπηρετῆσαι] τοὺς νεωποίας.*

Большое затруднение сопряжено и с реконструкцией стк. 8—9. Ни одна из трех приведенных выше формул финальной части почетно-проксенических декретов не согласуется с сохранившимися здесь буквами, прежде всего [— —] *πας*. Следовательно, финальная часть этого декрета помимо трех обычных формул включала еще одну, нестандартную, точнее — необязательную. В связи с этим привлекает внимание фрагмент НО, 175, изданный А. А. Белецким так: — — | — — ΝΚΑΙ — — | — — ΜΩΙΑ — — | — — ΤΑΣΑ — — | ΣΚΑΘ — — | — — Ο — —. (Издатель указал, что камень предположительно происходит из Ольвии. Заведующая фондами Исторического музея УССР, где хранится этот фрагмент, Л. Н. Романюк с сотрудниками установила, что он найден в Ольвии в 1938 г.) Остатки букв в стк. 3 показывают, что это фрагмент почетно-проксенического декрета, который следует читать так:

[— — καὶ εἶσπλον καὶ	«. . . и вплывать, и вы-
ἔκπλον] καὶ [ἐν εἰρήνῃ	плывать,
καὶ ἐν πολέ]μῳ, ἀσ[υλεῖ καὶ	как в мирное время, так и
ἀσπονδεί· καὶ] τὰς λοιπὰς	военное, без ущерба и без
— — — τῆ]ς καθ[ηκούσης τιμῆς	заклучения договора.
— —]Ο — —	И прочие. . . (знаки?)
	надлежащей почести. . .»

Почетно-проксенические декреты НО, 174 и 175 не только синхронны, но и исполнены одним резчиком: шрифт их идентичен (исключая некоторые детали), как и общая манера письма, только в первой надписи буквы расположены убористей. Как и в декрете НО, 174, в надписи НО, 175 присутствует финальная часть, точнее — ее начало. Буквы стк. 4 *τὰς λ* [— —] хорошо согласуются с окончанием *πας* стк. 8 декрета НО, 174, что в целом дает *τὰς λοιπὰς* (напомню, что речь идет о первых двух-трех словах финальной части обеих надписей, следующих непосредственно за словом *ἀσπονδεί*). Стк. 4 декрета НО, 175: — — *σκαθ* — — достаточно уверенно реконструируется в [τῆ]ς καθ[ηκούσης τιμῆς] — «надлежащей почести» по декрету НО, 42. 23: [τῆ]ς καθ[ηκούσης τιμῆς]. Следовательно,

в обоих почетно-проксенических декретах НО, 174 и 175 перед двумя-тремя формулами финальной части стояло факультативное предписание об оказании прочих почестей чествуемым проксенам, стало быть, особым образом отличившимся перед Ольвией сравнительно с прочими проксенами, которые удостоивались «типовых» проксенических и почетных декретов. Если в стк. 8—9 надписи НО, 174 речь шла лишь об оказании «прочих почестей» проксену, от имени которого, стоявшего в дательном падеже, сохранилась только *iota*, то в стк. 4—5 надписи НО, 175 содержалась более развернутая формулировка об оказании «прочих знаков надлежащей почести» такому проксену.

Отмечу еще несколько проксений. Фрагменты НО, 3 и 12 даны издателем (Е. И. Леви) отдельно, хотя она и высказывала предположение, что обломки принадлежат одному декрету. В ее чтении декрет НО, 3 (три фрагмента) выглядит так: А + В Ὀλβιοπολι[ται] | Πυρραλίῳ [τοῦ δεῖνος Χερσο] | νησίτηι ἔ[δωκαν προ] | ξενίῃγ κ[αὶ ἀτελείην | πά]γτων [χρημάτων — — | — — — — — | В [— — εἰσπλείγ | καὶ ἐκ-πλ]εῖγ καὶ ἐν πολέμοι κ[αὶ ἐν εἰρήνῃ | ἀσυλεί κ[αὶ ἀσπ[ονδεί]. Текст НО, 12 дан следующим образом (два обломка): — — А — — | | — — αὐτῶι καὶ ἐκχ[όνοις, καὶ ἐξαγωγὴν καὶ εἰσα]γωγὴν | — — АΝ | — — | .

Сходство надписей по всем параметрам (материал, толщина плит, их обработка, высота букв, их формы, расстояние между строками и т. д.) указывает, что это пять обломков одной стелы, причем фрагменты НО, 12 составляют среднюю часть проксении⁶:

А + В Ὀλβιοπολι[ται τῶι δεῖνι τοῦ] — «Ольвиополиты	такому-
Πυρραλίῳ[νος Χερσο]-	сыну Пирралиона, херсо-
νησίτηι ἔ[δωκαν προ]-	дали проксению и бес-
ξενίῃγ κ[αὶ ἀτελείην	пошлин-
5 πά]γτων [χρημ]ά[των	ность всего имущества,
καὶ αὐτῶι καὶ ἐκχ[όνοις	как
οῖς καὶ εἰσα]γωγὴν	самому, так и потомкам,
	а также
	право ввоза и вывоза
	всего,
	что ни пожелает он сам
	или

Г+Д [καὶ ἐξαγωγὴν ὦν]ἄν

дети, и право вплывать
И ВЫ-

[αὐτὸς βούληται ἢ πα]ἰ-

10 [δες καὶ εἰ]σ[πλεῖγ

В καὶ ἐκπλ]εῖγ κα[ὶ ἐν πο-
λέμῳι καὶ ἐν εἰ[ρήνῃι,

плывать в военное время и в
мирное без ущерба и
заключе-
ния мирного договора».

ἀσυλεῖ καὶ ἀσ[πονδεῖ]

Среднее количество букв в строке — 15—17 (стр. 5 и 6 включают соответственно 14 и 13 букв). Это показывает, что в стр. 1 после этникаона ольвиополитов остается свободное место еще для нескольких букв, так что здесь следует помещать имя проксена, в 4—5 букв, поскольку в проксениях имена сопровождаются патронимиком, представленным у нас в начале стр. 2. Фрагменты Г—Д (=НО, 12) текстуально составляют строки 5—9 декрета, причем в стр. 5 — вместе с фрагментом В. Надпись в целом типовая, включая формулы в стр. 7—9; вместо обычного глагольного оборота (в единственном или множественном числе) ὦν ἄν αὐτὸς εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι здесь употреблен обычный же субстантивный оборот — глаголы заменены соответствующими существительными. Подобные обороты встречаются в проксениях других центров (КБН, с. 937, Syll.³, 278 и др.), а в Ольвии — в проксении НО, 8, которую издатель (А. А. Белецкий) читал так: — — ΕΙΣ — — | — — ἦν ὦν ἄ[ν — —] | ἢ αὐτὸς[ἢ παῖδες, ἢ θερά] | πων, καὶ [εἰσπλουον κτλ]. Последние 5 строк этой надписи безусловно восстанавливаются по типовому образцу, что издатель и сделал, а в первых двух строках, конечно, следует читать: [καὶ] εἰσα[γωγὴν καὶ ἐξαγωγ]ῆν ὦν ἄ[ν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι ἢ αὐτὸς κτλ. К восстановлению оборота ὦν ἄν βούληται (и т. п.) в НО, 3 + 12, ср. аналогичное ὅτου ἄν θέλωσι илионской проксении III в. до н. э.⁷

К числу проксений относится и фрагмент НО, 11, который был прочтен издателем (Е. И. Леви) так: [— — πόλ] εος | [— — αὐτ]ὸς καὶ ἔχγο|[—νοι — —] εἰς πάν[τα τὸν χρόνον]. Предложенные издателем восстановления: πόλεος рядом с αὐτὸς καὶ ἔχγονοι, πάντα τὸν χρόνον свойственны почетно-проксеническому декретам III и последующего столетий, между тем как фрагмент НО, 11 относится к IV в., что аттестует его в качестве обычной проксении:

[— τοὺς δεῖνα τοῦ]έος [ethnicon εἶναι αὐτ]ὸς καὶ ἔχγό|[—νοὺς προξένους καὶ ἀτελ]εῖς πάν[των χρημάτων]. Здесь εος стр. 1 —

окончание патронимика чествуемых проксенов, например братьев, или одного из проксенов. Что их было два или более, свидетельствует аккузативная конструкция множественного числа — [ἀτελ]εῖς, откуда явствует, что и [αὐτ]ῶς = αὐτούς⁸. Такая же конструкция присутствует в проксении НО, 2 А и Б. Издатель (И. Б. Брашинский) читал их так: А — [.] δωρῶ Ἦρα|[κλεώτῃ αὐτῶι κ|καὶ χρέμ[ασι] — «*Такому-то, сыну. . . дора, гераклеоту, самому и его имуществу*». Б — [— —] ἐσπλεῖν|καὶ ἐκπλεῖ[ῖν|καὶ αὐτὸς|καὶ χρέμ|α|τα — «. . . *право* входить и выходить *из гавани* и ему самому и *его* имуществу». Текст А написан на боковой поверхности плиты, текст Б — на лицевой. Поскольку обе надписи расположены на одной плите и одинаково датируются по *омеге* с прямыми уголками рубежом V—IV в., можно полагать вместе с Брашинским⁸, что они относятся к одному и тому же проксену-гераклеоту.

По-видимому, надпись А не заголовок, как полагал издатель, а краткая первоначальная редакция постановления об ателии проксена, в котором даже не упоминалось слово проксен», а только «ателия, как например, в кизикском декрете последней четверти VI в. об ателии Ману (Syll.³, 4). Вероятно, несколько позднее, в самом конце V или в начале IV в., была принята пространная редакция постановления, основанная на выработанной уже к этому времени формульной структуре греческих проксений, одним из ранних образцов чего является декрет родосцев в честь эгинета, сына Пифея, относящийся ко времени около 410 г., в котором содержатся известные нам формулы о праве беспрепятственно вливать и выплывать в мирное и военное время без заключения специального соглашения (Syll.³, 110, в комментарии приведена и линдийская надпись примерно того же времени, содержащая пункты об ателии, проксении, праве ввоза и вывоза и т. д.). К записи обеих надписей на одном камне ср. упоминавшуюся ателию Ману, древний текст которой был переписан на том же камне запово в I в. до н. э.

В надписи А Брашинский допускал номинативную или дативную конструкции (с αὐτὸς или αὐτῶι), Ю. Г. Виноградов — дативную¹⁰: [τῶι δεῖνι-]δῶρο Ἦρα|[κλεώτῃ (?) ἀτελέη κ|καὶ χρέμ[ασι]. Последнее слово надписи А оба читают как χρέμ[ασι]. Между тем на камне есть место только для 5 букв — χρέμ[α]. Конечно, окончание σι могло быть перенесено на боковую грань справа от текста А, но его там

нет. В связи с этим отмечу, что у ионийцев слово $\chi\rho\tilde{\eta}\mu\alpha$ употреблялось в единственном числе в том же значении «цена, деньги, достояние», что и множественное $\chi\rho\tilde{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$ ¹¹. Так, у Феогида в ст. 197 $\chi\rho\tilde{\eta}\mu\alpha$ имеет значение «достояние» (в таком же контексте других элегий Феогида обычно стоит множественное число $\chi\rho\tilde{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$ — ст. 145 сл.). Таким образом, учитывая значение слова $\chi\rho\tilde{\eta}\mu\alpha$ в единственном числе в ионийском словарном узусе и принимая во внимание неустоявшийся характер лексики проксий V в., в надписи А следует читать: [$\text{Ἀτελῆ τὸν δεῖνα-} \text{-} \text{]δῶρο$ 'Hpa|[$\chi\lambda\epsilon\acute{\omega}\tau\eta\eta \text{ ἔναι αὐτὸν } \kappa\alpha\iota \chi\rho\tilde{\eta}\mu\alpha$] — «Такому-то, сыну-дора, гераклеоту, быть свободным от пошплинного обложения, самому и достоянию». Таким образом, здесь присутствует конструкция винительного падежа с инфинитивом. По аналогии аккузативный оборот следует читать и в надписи Б, где при инфинитивах $\alphaὐτὸς = \alphaὐτοῦς$ (впрочем, инфинитивы надписи Б и без аналогий требуют винительного падежа). Против восстановления дативной конструкции в надписи А свидетельствует также то, что она зависит от прескрипта (как в Syll.³, 55, около 450 г.), которого в столь кратком тексте быть не могло.

Стк. 2 надписи А в моей реконструкции состоит из 24 букв стойхедона. Сохранившимся на боковой стороне 7 буквам надписи А на лицевой поверхности соответствует 5 строк надписи Б. Отсюда нетрудно подсчитать, что 24 буквам боковой стороны соответствовало примерно 16 строк надписи на лицевой поверхности камня. Таким образом, в надписи Б утрачено около 10 строк предшествующего текста, а сохранившиеся 5 строк составляют примерно треть декрета.

К числу почетных декретов, предоставляющих проксенические привилегии чествуемым лицам, принадлежит еще один, опубликованный Е. И. Леви в виде нескольких надписей — НО, 17, 21, 30, 120. Издатель отметила при этом, что обломки НО, 21, 30 и 120, возможно, составляют один декрет. Обозначим все сохранившиеся части декрета: фрагмент А — это НО, 30, правая верхняя часть стелы с акротерием. Фрагмент Б — НО, 120, с частью текста справа, имеет текстуальное соответствие со следующим обломком В — НО, 17, который принадлежит к данной стеле по всем параметрам, включая очень характерное для этой надписи большое расстояние между строками; он представляет собой левую часть надписи с боковой гранью. Фрагмент Г — НО, 21 — составляет среднюю

Рис. 1. Схема примерного расположения фрагментов декрета в честь сына Зобия

часть декрета, текстуально контактирующую с фрагментом В (общую схему расположения фрагментов см. на рис. 1). Текст декрета ¹²:

[Ἱερωμένου τοῦ δεῖνος (?) Ἀνα]ξιμένου,
 [μηνός — — — — — ἐ]δοξε βου(λ)ῆι
 [καὶ δῆμωι· e. g. οἱ ἄρχοντες εἶπαν· ἐπειδὴ
 — — — — — τοσ Ζωβίου ethnicum — —

5 — — — — —] ΠΡΟ [..]

·Γ vel Π [— — — — — δ]εδ[ό]—
 χθ[αι μὲν βουλῆι καὶ δ] ἡμ[ω]ι e. g. ἄνδρα γενό]—
 με[νον ἀγαθόν — —]ιον Ζωβί[ο]υ e. g. στεφανωθῆ]—
 ν[α]ι, δε[δ]όσθαι δὲ] αὐτῶι τε [καὶ τοῖς ἐκγό]—

10 νοῖς π[ρ]οξενίαν, π[ο]λιτε[ί]αν, εἰσπλοῦν καὶ|
 ἔκπ[λο]ν κτλ.] —

«При икреце —, сыне Анаксимена, в месяц *τακοῦ-μο*, совет и народ постановили, архонты сообщили: поскольку —,

сын Зобия. . . Постановлено советом и народом увенчать доброго мужа - -, сына Зобия, предоставить ему и потомкам проксению, право гражданства, влиывать и выплывать. . .».

Стк. 9—10 дают примерную длину строки в 31—33 буквы. Прескрипт надписи восстанавливается по декретам НО, 26: Ἱερωμένου Προγείτονος, ἔδοξε βουλῆι καὶ δήμῳ εἰκάδι и IPE, I², 33 (после сверки с камнем даю свой текст): [Ἱερωμένου] Ἀθηναίου Τ[— — | — — μῆ]νος Ἀνθεστηρ [ιῶνος— — | — — ἔδοξε βουλῆ]ι καὶ δήμῳ, εἰκ[ά]δι· | — — οἱ ἄρχοντ]εσ εἶπαν· [ἐπειδὴ - - | - -] ἌΝ[- -]. В стк. 1 декрета в честь сына Зобия, таким образом, была эпонимная датировка по жрецу, имя которого, возможно, сопровождалось патронимиком, как в надписи IPE, I², 33 (?) В соответствии с количеством букв в строке (около 31—33) в стк. 2 перед ἔδοξε βουλῆι следует помещать не краткое хронологическое указание типа εἰκάδι НО, 26, а более пространное, с названием месяца, как в декрете IPE, I², 33 (может быть, и с εἰκάδι и тому подобным). После прамбулы (стк. 1—3) следовала лаудационная часть, в которой излагались заслуги сына Зобия. Сколько в ней было строк, неясно. Затем со стк. 6—7 следовала санкция о награждении сына Зобия и предоставлении ему и потомкам проксенических привилегий, как в аналогичных почетно-проксенических декретах НО, 24, 27, 45, в которых также упоминаются проксения, предоставление гражданских прав и прочие проксенические привилегии.

Завершу свой обзор публикацией повонайденной фанаторийской проксении (любезно предоставлена в мое распоряжение В. С. Долгоруковым). Это фрагмент беломраморной плиты, обломанный сверху, снизу и слева, правый край сохранился. Обратная сторона слегка заглажена. Высота 12,5 см, ширина 23,7, толщина 4,4 см. Случайная находка 1976 г. на городище. Сохранились 4 средние строки проксенического декрета. Высота букв 1,6 см (омикрон — 1 см). Текст (см. рис. 2):

- [Παιρισάδης καὶ παῖδες τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος
ethnicum καὶ παῖσιν ἔδοσαν ἀτέλειαν
1 πάντων χρημάτων ἐν παντί Βοσπόρ[φ]ι
ὧν ἂν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι, καὶ προξένους
3 [αὐτόν καὶ παῖδ]ας ἐποίησαντο,
[καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἔ]γκτησιγ ἔδοσαν —

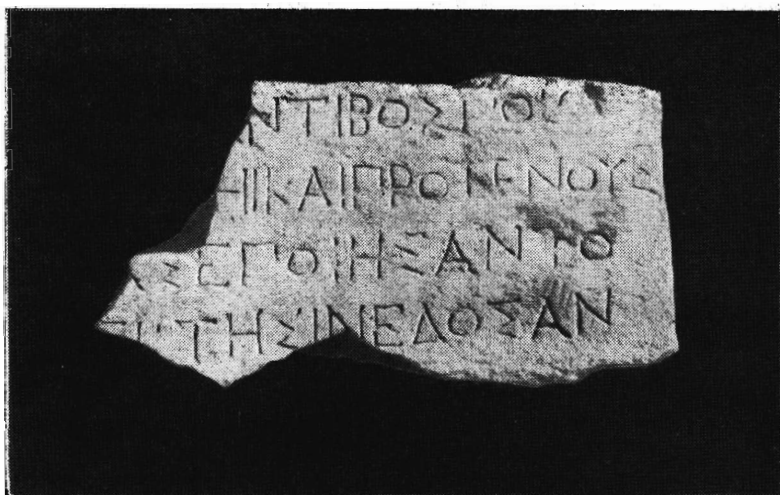

Рис. 2. Фанагорийская проксения

«Перисад и сыновья такому-то, сыну такого-то, уроженцу такого-то города, и сыновьям предоставили беспощинность всех товаров на всем Боспоре, какие ни ввезет или вывезет, и сделали его и сыновей проксенами, а также предоставили право приобретения земли и жилища. . .».

По характеру письма данная проксения абсолютно идентична декрету Перисада I и сыновей о предоставлении проксенических привилегий некоему пирейцу¹³. Оба декрета содержат одинаковые формы *пи*, *сигмы*, *эпсилона*, *каппы*, *ню*, *ро*, *ипсилона* и других букв, *омикрон* и *омега* — меньших размеров. Множественное число глаголов *ἐποίησαντο* и *ἔδωσαν* (стк. 3, 4) также соответствует множественному числу глагола *ἔδωσαν* декрета КБН, 1, изданному от имени Перисада и его сыновей. Эти обстоятельства, во-первых, датируют фанагорийскую проксению временем Перисада I (344—311 гг.), во-вторых, позволяют реконструировать начальные и заключительные строки надписи по аналогии с декретом КБН, 1, в-третьих, безусловное восстановление стк. 2 показывает, что каждая строка текста содержала около 28 букв.

Начальные строки декрета КБН, 1 гласят: Παιρισάδης καὶ παῖδες [τῶι δεῖνι] | Διονυσίου Πειραεῖ καὶ [παισίν] | ἔδωσαν προξενίαν κ[αὶ ἀτέλει] | ἀν πάντων χρημάτων [ἐν παν] | τῷ Βοσπόρῳ.

В фанагорийской надписи указание на предоставление проксенического статуса выделено в отдельную статью, остальной текст повторяет преамбулу декрета КБН, 1 с добавлением обычной для документов этого рода формулы ὄν ἂν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι, частой, как мы видели, в Ольвии. В заключительной части фанагорийской надписи, как и в остальных проксенических декретах Боспора (КБН, 1, 3, а также с. 937), в соответствии с общегреческим протоколом содержались статьи о предоставлении проксену права влиять и выплывать из боспорских гаваней в мирное и военное время без ущерба и составления договора.

Всего нам известно 5 фрагментированных пантикапейских проксений и одна горгиппийская (КБН, 1—5 и с. 937). Все они, кроме КБН, 3, 4, не сохранивших начальные строки, изданы от имени Спартокидов. Поэтому нет оснований думать, что публикуемая надпись издана от имени полиса фанагорийцев, чему могло бы соответствовать множественное число содержащихся в ней глаголов.

Рассмотрим теперь сохранившийся текст проксении. Если начальные части фанагорийского и пантикапейского декрета КБН, 1 в целом, как можно думать, были схожи, то средние их части разнятся по формульным оборотам. Фанагорийская надпись содержит редкий для греческих проксений оборот πρόξενον ποιεῖν (ср. πρόξενον ἐποίησαν декрета IV в. до н. э. из Олимпии⁴⁴ и πρόξενον ἐποίησαν αὐτὸν καὶ γενεάν из декрета молоссян III в. до н. э.). Как и декрет молоссян, фанагорийская проксения предоставляет проксенический статус некоему лицу и его детям: в формуле πρόξενους[— —]ας ἐποίησαντο по множественному числу слова πρόξενους, при безусловности дополнения слова αὐτὸν, буквы [— —]ας дополняются в слово [παῖδ]ας, ср. πρόξενον εἶναι. . . αὐτὸν καὶ παῖδας эретрийского декрета рубежа V—IV вв. (Syll.³, 105, также 132). Единственное число оборота ὄν ἂν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι стк. 2 при предоставлении проксенического статуса не только чувствуемому Перисадам лицу, но и его детям указывает, что последние не только помогали своему отцу в торговых операциях, но и самостоятельно вели дела. По-видимому, именно этим объясняется множественное число слова πρόξενους, хотя в других надписях оборот πρόξενον ποιεῖν содержит его в единственном числе.

Тот же оборот πρόξενον ποιεῖν αὐτὸν καὶ ἐχόνους содержится в керкирском постановлении IV в. до н. э. об афиняине Дионисии и его сыновьях, причем им предостав-

ляется, как и в фанагорийском декрете, право приобретения земли и дома — γᾶς καὶ οἰκίας ἔμπασιν (=ἐγκτησιν)¹⁵.

В боспорских проксениях статья о праве приобретения земли и сооружений до сих пор фигурировала только в горгиппийском декрете: ἔδωκαν γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτησιν] (КБН, с. 937). Как указывалось, восстанавливаемая в стк. 2 формула [ὄν ἂν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι] свидетельствует о предоставлении проксенических привилегий лицу, занимавшемуся торговлей. Нечастое в проксенических декретах предоставление проксену права приобретения земли и дома обычно обуславливалось его неординарными заслугами перед чествуемыми правителями или полисом, что проявляется, например, на афинском материале¹⁶. Это указывает, что чествуемый данным декретом Перисада проксен оказал важные услуги боспорскому царскому дому, за что и был пожалован правом приобретения земли и строений в Фанагории. Место находки декрета свидетельствует, что основной ареной торговой деятельности этого проксена был азиатский Боспор. В Фанагории найдено уже две проксении (еще одна находится у меня, ожидая обработки), что отражает ее важную роль в торговых связях Боспора с Грецией.

Уже после сдачи данной работы в печать вышла в свет основательная работа Е. Б. Новикова¹⁷, в которой дана реконструкция нескольких рассмотренных здесь декретов. По этому поводу кратко отмечу следующее. НО, 8: Новиков правильно определил наличие здесь оборота εἰσαγωγῆν καὶ ἐξαγωγῆν и его дополнение ἐπὶ κτήρει привлекательно, но дает, кажется, слишком большое число букв, а вариант в ἀ[ν] ἔχων ἐξάγηι] предполагает обязательно присутствие и слова εἰσάγηι, для которого места в строке нет. НО, 11: надеюсь, что, ознакомившись с моей реконструкцией, Новиков откажется от гипотезы о некоей симмахии, основанной на превратном толковании фрагмента. НО, 12: Новиков правильно восстановил оборот εἰσαγωγῆν καὶ ἐξαγωγῆν, но, к сожалению, этот фрагмент рассмотрен им сам по себе, а не в текстуальном единстве с НО, 3, что в остальном снимает его реконструкцию. НО, 13: здесь правильно уловлена формула τοῖς ἄλλοις προξένοις, но без ὑπάρχειν, что не позволило Новикову дать восстановление в общем типового контекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Яйленко В. П. Материалы к истории проксенической и сакральной деятельности Ольвийского государства — В кн.: VIII Все-союзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. Тезисы докладов. М., 1981, с. 125.
- ² Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900, t. 1, № 184.
- ³ Там же, № 174; см. также № 184.
- ⁴ Inscriptiones Graecae (далее: IG), XI, 4, № 813.
- ⁵ IRE, I², 27; HO, 35+36, 45.
- ⁶ На это указывал П. О. Карышковский в рец. на кн.: Надписи Ольвии. — ВДИ, 1969, № 2, с. 114. Ю. Г. Виноградов добавляет сюда и фрагмент HO, 107, содержащий буквы AI (*Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э.* — ВДИ, 1981, № 2) П. О. Карышковский отметил, что имя проксена следует восстанавливать в стк. 1, а в стк. 5 правильно читал [πά]τω[ν χρημ]ά[των], соединяя обломки. Вместе с тем предложенная им реконструкция стк. 6—10: [ὦν ἂν αὐτός κα]ι | ἐχ[ό] | —νοι καὶ εἰσα[γ]ωγή[ν] | [καὶ ἐξαγωγήν π]άν | [τη καὶ εἰσπλεῖν κα]ι | [ἐκπλ]εῖν κτλ.] (текст набран с опечатками) невозможна по той причине, что выражение χρημάτων ὦν ἂν αὐτός καὶ ἐχόνοι требует к себе глагольного оборота εἰσαγωγῶσιν καὶ ἐξαγωγῶσιν, как в HO, 5, 6 и др. Наличие в тексте не глагольного, а именного оборота: [εἰσα]γωγή[ν] [καὶ ἐξαγωγήν] предопределяет постановку аппеллятивов в дательном, а не именительном падеже: [αὐτῶι κα]ι ἐχ[ό]νοις.
- ⁷ Michel Ch. Op. cit., № 527.
- ⁸ Карышковский П. О. Указ. соч., с. 108.
- ⁹ Брашинский И. Б. Древнейшая ольвийская проксения. — СА, 1963, № 3, с. 191.
- ¹⁰ Виноградов Ю. Г. Указ. соч., с. 84.
- ¹¹ Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968, s. v. χρῆμα со ссылкой на: Poll., 9.87 и другие источники.
- ¹² Предварительную его публикацию см.: Яйленко В. П. Указ. соч.
- ¹³ КБН, 1; см. фото: Нумизматика и эпиграфика, М., 1962, т. 3, с. 14.
- ¹⁴ Gschnitzer F. Proxenoí. — In: RE, Supplbd. XIII. Stuttgart, 1974, Sp. 700.
- ¹⁵ Schwyzer E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Hildesheim, 1960, № 136.
- ¹⁶ Pečirca J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Pr., 1966, p. 148.
- ¹⁷ Новиков Е. В. Varia epigraphica. (К вопросу о пересмотре и дополнении некоторых ольвийских проксенических декретов). — ВДИ, 1981, № 4.

АРХЕОЛОГИЯ

*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ФРАКИЙЦАХ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

А. И. Мелюкова

В научной литературе разных профилей, исторической, лингвистической и археологической, до недавнего времени высказывались противоположные точки зрения относительно роли фракийцев в истории, создании и развитии культуры народов Северного Причерноморья в I тысячелетии до н. э. По мнению одних исследователей, киммерийцы и более или менее значительная часть племен Скифии были родственны или близки фракийцам¹. Другие исследователи отрицают сколько-нибудь заметное участие фракийцев в этнических процессах и исторических судьбах населения Северного Причерноморья в указанную эпоху². Что сейчас дает археология для разработки и решения дискуссионной проблемы?

Интенсивные археологические исследования, особенно в течение двух последних десятилетий, в Румынии и Болгарии, т. е. там, где по данным античной письменной традиции располагался основной массив фракийских племен, позволяют получить достаточно полное представление о материальной культуре фракийцев, процессе ее формирования и развития³. С другой стороны, в настоящее время в СССР накоплен большой материал, на основании которого даны развернутые характеристики археологических культур киммерийцев, скифов и их ближайших соседей⁴.

Сопоставление фракийских памятников Карпато-Балканского района с киммерийскими и скифскими в Северном Причерноморье показывает существование коренных различий между ними. Особенно важно, что отличия присущи тем слагающим элементам культур, которые по общему признанию археологов несут в себе определяющие этнические и этнографические признаки — в погребальном ри-

туале и керамике. Совершенно очевидным стало и то, что киммерийская и скифская культура, с одной стороны, и фракийская — с другой, слагались на разных основах. Кроме отличий наблюдаются некоторые сходные элементы, которые, однако, не могут служить помехой при определении культурной принадлежности памятников и границ между фракийскими и соседними с ними культурами.

В настоящее время уже стало достаточно ясно, что на территории нашей страны как в киммерийскую, так и в скифскую эпоху культуры, во всем сходные с фракийскими, занимали весьма ограниченную территорию, находясь за пределами основных земель исторических киммерийцев и сменивших их скифов.

В киммерийскую эпоху, в X—первой половине VII в. до н. э., памятники фракийского круга были распространены в Закарпатье и Прикарпатье, в Западной Подолии и в лесостепных областях Молдавии. Они неоднородны, составляют четыре территориальные и хронологические группы, каждая из которых находит соответствие среди синхронных групп Карпато-Балканского региона. Все они не местного происхождения и, очевидно, связаны с появлением в Карпато-Днестровском районе нескольких волн фракийского населения из разных мест его первоначального обитания.

Лучше других изучена Голиградская группа памятников, расположенных на территории Западной Подолии и Прикарпатья в пределах Подольской части Тернопольской, Ивано-Франковской и Черновицкой областей. Появление ее Г. И. Смирнова убедительно связала с передвижением в указанный район фракийских племен культуры Гава из Верхнего Потисья⁵. Наиболее ранние следы этой культурной группы датируются XI в. до н. э., а поздние — серединой VII в. до н. э. Соседняя с ней Кишиневская группа, находящаяся в Днестро-Прутском междуречье, и сходная с ней Корлэтенская на территории Румынии близки по ряду признаков Голиградской, но не тождественны ей⁶. Особенно существенные отличия наблюдаются в формах и мотивах орнаментации лощеной столовой посуды. Это обстоятельство не позволяет мне присоединиться к мнению Г. Тончевой, которая связывает появление Кишиневской и Корлэтенской групп памятников с движением на юго-восток тех же носителей культуры Гава⁷. Археологические материалы пока недостаточны, чтобы ответить на вопрос, откуда именно могли появиться

на территории нынешней Молдавии носители культуры, представленные памятниками кишиневского типа. Можно лишь предполагать, что исходными были западные районы фракийского мира, где распространены культуры гальштатского облика. Находки керамики предшествующей культуры Ноа на поселениях как Голиградской, так и Кишиневской групп позволили исследователям предположить, что пришлое в указанные районы фракийское население не вытеснило более ранних обитателей этих мест, а скорее всего ассимилировало их ⁸.

Третья группа фракийских памятников, получившая название Сахарнянско-Солонченской, занимает лишь небольшую территорию Среднего Поднестровья в пределах Молдавской ССР ⁹. Поселения, сходные с молдавскими по набору керамики, известны в нескольких местах Прутско-Сиретского междуречья в Румынии ¹⁰. Сахарнянско-Солонченская группа памятников по керамике и погребальному обряду существенно отличается от описанных. Если для Голиградской и Кишиневской групп характерен обряд трупосожжения с захоронением праха в урнах в бескурганых могильниках, то в Сахарнянско-Солонченской группе погребения совершались под невысокими курганами из земли и камней, прямо на древней поверхности или в неглубоких ямах, иногда в каменных ящиках. Известны трупоположения и трупосожжения, чаще всего безурновые, прах ссыпали прямо на место погребения вместе с сопровождавшими покойника вещами. Резкие различия наблюдаются в керамике, особенно в столовой посуде. Если в обеих отмеченных группах лощеные сосуды были украшены различными комбинациями из каннелюр, то на сахарнянско-солонченской керамике каннелированный орнамент встречается крайне редко. Здесь обычны узоры, выполненные различными штампами и резьбой. Сейчас довольно уверенно можно связывать появление этой группы памятников с продвижением на север и северо-восток части южнофракийского населения из Нижнего Подунавья, где поселения с керамикой, украшенной различными штампами и резьбой, выявлены в районе Железных Ворот (Инсула Банулуй) и в Северной Добрудже (Бабадаг) ¹¹.

В прямую связь с нижнедунайскими румынские археологи ставят и поселения Прутско-Сиретского междуречья, близкие по керамике к сахарнянско-солонченским. По-разному мы решаем, однако, вопрос о появлении и времени

жизни на двух соседних территориях южнофракийского населения. Румынские археологи датируют памятники Прутско-Сиретского междуречья X—IX вв. до н. э., опираясь на хронологию исходных для них поселений на нижнем Дунае¹². Б. Хензель, разделяя это мнение, допускает возможность существования их вплоть до VIII в. до н. э.¹³ На поселениях и в погребениях Сахарнянско-Солонченской группы преобладают материалы, которые по принятой у нас хронологии датируются в пределах конца IX—начала VII в. до н. э.¹⁴ Если верны предложенные датировки, то приходится думать, что на территории Прутско-Сиретского междуречья памятники, о которых идет речь, появились на столетие раньше, чем на среднем Днестре. Однако румынские памятники требуют более углубленного изучения, а молдавские — более детального сопоставления с румынскими.

Около середины VIII в. до н. э., а возможно, несколько позднее, на той же территории Прутско-Днестровского междуречья, где известны поселения и могильники Кишиневской и Сахарнянско-Солонченской групп, появляются памятники Шолданештской группы¹⁵. Ее можно рассматривать как следующую ступень развития культуры, известной по поселениям и могильникам Кишиневской группы, но осложненную сильным влиянием культуры Басараби, распространенной в VIII—VI вв. до н. э. на территории Румынии, в юго-восточной Венгрии и Северо-Восточной Югославии и на севере Болгарии¹⁶. Вероятно, появление памятников Шолданештской группы на территории Молдавской ССР следует объяснять продвижением сюда новой волны фракийского населения из Карпато-Подунавья. Видимо, пришлое население слилось с родственным ему населением Кишиневской группы, и образовавшийся в VIII—VII вв. до н. э. союз вытеснил носителей культуры, представленной памятниками Сахарнянско-Солонченской группы.

За пределами лесостепных областей Прутско-Днестровского междуречья на территории нашей страны известно только одно поселение фракийской культуры, находящееся на левобережье нижнего Дуная в районе г. Измаил. Керамика, найденная при раскопках, позволяет отнести памятник к культуре Басараби и датировать его в пределах второй половины VIII—начала VI в. до н. э.¹⁷

В степях Северного Причерноморья, в том числе в Днестро-Дунайском междуречье, в X—VIII вв. до н. э.

безраздельно господствовали потомки носителей срубной культуры, продвинувшихся из-за Волги и Дона еще в середине II тысячелетия до н. э.¹⁸ Здесь нет ни одного памятника, сходного с фракийскими. Наблюдается лишь проникновение некоторых элементов раннефракийской материальной культуры из Нижнего Подунавья и Карпато-Днестровского района. Так, под воздействием фракийской керамики в X—IX вв. до н. э. происходит формирование отдельных форм лощеной посуды степных племен. Через фракийских посредников в степи Северного Причерноморья проникают металлические изделия центральноевропейского происхождения¹⁹. Существенно отметить, что фракийское влияние совсем не коснулось таких важных сторон материальной и духовной культуры степных племен, как домостроительство и погребальный ритуал. Это говорит против присутствия в степи сколько-нибудь заметного фракийского этнического компонента.

В позднейший предскифский, или киммерийский, период, в VIII—первой половине VII в. до н. э., фракийское влияние на население Северного Причерноморья еще менее заметно. К кочевникам Днестро-Дунайского междуречья проникают отдельные сосуды, характерные для Сахарнянско-Солонченской и Шолданештской групп памятников лесостепного Среднего Поднестровья²⁰. Но все они найдены в погребениях, которые резко отличаются от фракийских по погребальному ритуалу и инвентарю. Это скорченные и вытянутые труположения, чаще всего впускные в более ранние курганы эпохи бронзы, продолжающие традиции срубной культуры. В археологической литературе их называют памятниками типа Черногоровки и Новочеркасского клада. Одни ученые считают эти памятники только киммерийскими, другие — как киммерийскими, так и раннескифскими²¹.

Иная картина наблюдается на правом берегу украинской лесостепи, где с фракийскими культурами Западной Подолии и Молдавии в X—VIII вв. до н. э. соседствовала чернолесская культура²². Формирование этой культуры и первая ступень ее развития (X—IX вв. до н. э.) происходили без заметного участия соседних фракийских племен. Но на второй ступени, в VIII—начале VII в. до н. э., чернолесская культура находилась под сильным влиянием Сахарнянско-Солонченской группы Молдавии²³. Явная зависимость от сахарнянско-солонченских сосудов всего комплекса позднечернолесской лощеной керамики, ук-

рашенной различными штампами и резьбой, отдельные черты сходства в погребальном ритуале и способах домостроительства позволяют предполагать проникновение на северо-восток и восток от Среднего Поднестровья какой-то части южнофракийского населения. Однако генетическая связь многих элементов чернолесской культуры с местной белогрудовской, которую невозможно признать фракийской или родственной ей, опровергает мысль о фракийской принадлежности всех носителей чернолесской культуры. Скорее можно думать, что пришлое фракийское население растворилось в местной среде, дав фракийскую окраску местной культуре.

В самом начале скифского периода (вторая половина VII—VI в. до н. э.) территории, занятые культурами фракийского круга, несколько сокращаются. В Западную Подолию и Прикарпатье уже в начале VII в. до н. э. начинают проникать элементы позднечернолесской культуры, а в конце VII—начале VI в. до н. э. здесь складывается культура, близкая к синхронной на правобережье Среднего Приднепровья, развивающаяся из чернолесской, но сильно осложненная скифским влиянием²⁴. От Правобережной Западноподольская группа отличается тем, что в ней сохраняются некоторые особенности, свойственные предшествующим памятникам Голиградской группы. Основываясь на материалах из курганов и поселений, археологи полагают, что в Западную Подолию и Прикарпатье в конце VII—VI в. до н. э. происходит приток населения из Среднего Поднепровья, но часть прежнего фракийского населения сохранилась. Другая часть ушла в Закарпатье, где прослеживается дальнейшее развитие фракийской культуры Голиградской группы.

На территории лесостепной Молдавии до раннескифского периода существовала лишь культура, представленная памятниками Шолданештской группы. На ее основе здесь формировалась гето-фракийская культура, известная по двум памятникам конца VI—начала V в. до н. э. и по многочисленным поселениям, городищам и могильникам IV—III вв. до н. э.²⁵ Таким образом, в отличие от Западной Подолии и Прикарпатья, лесостепные области Прутско-Днестровского междуречья и в скифский период входили в ареал носителей фракийских культур. Сходство молдавских памятников с синхронными на территории Карпато-Балканского района, где по данным античных письменных источников обитали геты, заставляет

считать родственным гетам и население молдавской лесостепи IV—III вв. до н. э.

В степях Северного Причерноморья, в том числе и в пограничных с фракийскими землями Днестро-Дунайского междуречья, в течение всей скифской эпохи преобладали памятники скифской культуры. Вопрос о происхождении скифов и их культуры до сих пор остается дискуссионным. Однако сейчас уже можно уверенно сказать, что соседние со скифами фракийцы не принимали участия в этом процессе. Стало очевидным, что фракийские элементы, которые наблюдаются в степных памятниках предскифского периода, не получили дальнейшего развития в раннескифскую эпоху.

Археологические материалы, которыми в настоящее время располагает наука, подтверждают и уточняют данные античных письменных источников об этнической границе между скифами и фракийцами. В VI—V вв. до н. э. она проходила по нижнему Дунаю и Пруту, а на севере — по границе степи с лесостепью. Изменения наступили около середины IV в. до н. э., когда в ряде мест Днестро-Дунайского междуречья, удобных для оседлой жизни и земледелия (на правом берегу нижнего Днестра и Днестровского лимана, по берегам некоторых степных рек), появились гетские поселения, хотя в открытой степи этого района вплоть до начала III в. до н. э. продолжали кочевать скифские орды²⁶.

На левобережье Нижнего Поднестровья курганные погребения, типичные для кочевых скифов, известны вплоть до конца II—начала I в. до н. э.²⁷ Значительным преобладанием элементов скифской материальной культуры отличается и большинство памятников оседлого населения, появившегося на левобережье Днестровского лимана и нижнего Днестра в начале IV в. до н. э. скорее всего в результате оседания на землю части скифских кочевников²⁸. Памятники оседлого населения левобережного Нижнего Поднестровья отличаются от кочевнических лишь присутствием небольшого количества некоторых форм типичных фракийских горшков и отдельных вещей, привезенных из Фракии или сделанных по фракийским образцам. Эти особенности можно рассматривать скорее всего как результат контактов осевших на землю скифов с соседним фракийским населением.

Лишь в самом конце IV в. до н. э. на левобережье Нижнего Поднестровья, на берегу Кучурганского лимана,

появилось два поселения, на которых фракийская лепная керамика преобладала над скифской. Возможно, эти памятники следует рассматривать как свидетельство просачивания на левый берег нижнего Днестра небольшой группы гетов²⁹. Однако, если это и произошло, то в целом этническая картина на левобережье Нижнего Поднестровья оставалась неизменной. Скифские поселения продолжали существовать до первой половины III в. до н. э., а кочевники жили в открытой степи до начала I в. до н. э.

Что касается археологических памятников в других районах Скифии, то в них элементы фракийской культуры, с которыми можно было бы связывать присутствие фракийского этноса, отсутствуют. Особенно показательна керамика из Каменского городища на нижнем Днепре — предполагаемой столицы скифского царства IV—III вв. до н. э. — и из ближайших к нему поселений, а также из курганов Нижнего Приднепровья и Побужья. В этих памятниках совсем нет типичной фракийской лепной посуды³⁰. Не наблюдается проникновения фракийских черт и в погребальный обряд населения Скифии. Вместе с тем по материалам аристократических погребений, особенно IV в. до н. э., хорошо прослеживается взаимовлияние скифской культуры на фракийскую и фракийской на скифскую. В Скифии фракийское воздействие более всего сказалось на ряде изделий из золота и серебра, применявшихся в быту знатных скифов и положенных в их могилы³¹. Однако это явление легко объясняется общими закономерностями, свойственными обществам, связанным между собой торговыми, экономическими и другими контактами. О существовании таких контактов, не только мирных, но и военных, хорошо известно по данным античных письменных источников.

Картина в степях Северного Причерноморья начинает существенно изменяться с конца III в. до н. э., когда сюда с востока нахлынули сарматы, а с запада — различные племена, в том числе и фракийской принадлежности. Территория Скифского царства значительно сокращается и включает лишь степной Крым и земли по нижнему Днепру и Бугу. Какая-то часть скифских кочевников остается и на левобережье Нижнего Поднестровья. Культура поздних скифов II—I вв. до н. э. существенно отличается от более ранней. В ней значительное место занимают не только сарматские, но и фракийские черты. Так, в керамике с позднескифских городищ немало типичных фракийских сосудов и подражаний им. С фракийцами связано появле-

ние на городищах своеобразных «коньков» из глины и глиняных жертвенников типа найденного на городище Золотая Балка³². Эти факты говорят о глубоком проникновении фракийских элементов в материальную и духовную культуру обитателей нижнеднепровских городищ в последние века до нашей эры. Видимо, здесь не обошлось без присутствия фракийцев, скорее всего гетов, среди местного скифского населения.

Таким образом, археологические материалы, которыми сегодня располагает наука, вполне согласуются с выводами лингвистов, которые отрицают фракийскую принадлежность киммерийцев и сколько-нибудь значительной части населения Скифии в VII—III в. до н. э. Присутствие фракийских этнических элементов среди населения степных областей Северного Причерноморья можно допускать лишь для самого позднего периода истории скифов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 63; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 22, 23; *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, 4, с. 40, 41; *Фол А.* Фракийцы в Северном Причерноморье. — В кн.: Античная балканистика. Тезисы докладов. М., 1980, с. 63.
- ² *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- ³ Румынская и болгарская литература о материальной культуре фракийцев приведена в кн.: *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. Новые сведения см. в кн.: Actes du IIe Congres International de Thracologie. I. Histoire et archéologie. București, 1980.
- ⁴ *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971; Археологія Української РСР. Київ, 1971, 2, с. 8—168; *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — ПСА, с. 75—91; *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ, 1979; *Бунятян Е. П.* Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Киев, 1981.
- ⁵ *Смирнова Г. И.* Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. — АСГЭ, 1976, 17, с. 18—32.
- ⁶ *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. — МИА, 1961, 96, с. 35—45; *Лапушняк В. Л.* Ранние фракийцы X—начала VI в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1970.
- ⁷ *Тончева Г. О.* О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в XI—VI вв. до н. э. — In: Studia Thracica. София, 1975, I, с. 49.
- ⁸ *Смирнова Г. И.* Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. — ДФСР, с. 26—32; *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода. . . , с. 45.
- ⁹ *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. — МИА, 1958, 64, с. 76 след.; *Она же.*

- О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1972, 1, с. 66 след.
- 10 Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, с. 28 сл., см. литературу; Смирнова Г. И. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время. — In: Thracia. Serdicae, 1980, V, с. 121—143.
 - 11 Там же, с. 30—33.
 - 12 Lázló A. Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau. — In: Thraco-Dacica. Bucuresti, 1976, S. 93.
 - 13 Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976, S. 142, 143.
 - 14 Смирнова Г. И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна—Солончены и Жаботин. — СА, 1977, 4, с. 101—105.
 - 15 Мелюкова А. И. Памятники скифского времени. . . , с. 57—75; Лапушнян В. Л. Ранние фракийцы. . .
 - 16 Vulpe A. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien. — Dacia, NS, 1965, IX, S. 105 u. a.; Idem. Archaeologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. im Donau-Karpatenraum: — MA, 1970, II, S. 115 u. a.
 - 17 Головкин И. Д., Бондарь Р. Д., Загинайло А. Г. Археологические исследования у с. Орловка Белградского р-на Одесской обл. — КСОГАМ за 1963 г., 1965, с. 75 след.
 - 18 Лесков А. М. Предскифский период. . . , см. литературу.
 - 19 Мелюкова А. И. Скифы и фракийский мир, с. 37 след., рис. 24.
 - 20 Там же, с. 62.
 - 21 Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 207 след.; Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 130; Лесков А. М. Предскифский период. . . , с. 87.
 - 22 Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961.
 - 23 Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, с. 72 след.; см. литературу; Смирнова Г. И. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье. . .
 - 24 Мелюкова А. И. Памятники скифского времени. . . , с. 49—51; Смирнова Г. И. Население Среднего Поднестровья в VI—V вв. до н. э. — In: Actes du IIe Congrès international de Thracologie, I, с. 235 след.
 - 25 Лапушнян В. Л. Ранние фракийцы. . . , с. 18—23, рис. 3—7; Никулицэ И. Т. Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.
 - 26 Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами. — ДФСР, с. 61—80; Она же. Скифия и фракийский мир, с. 144 след.
 - 27 Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, 1962, 115, с. 114, 151, 152.
 - 28 Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975.
 - 29 Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, с. 162, 163; Она же. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. — КСИА, 1963, 94, с. 70 след.
 - 30 Гаврилюк Н. А. Керамика степной Скифии. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Киев, 1981.

- ³¹ Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 106—126.
- ³² Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. — МИА, 1958, 64, с. 235, 236; Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. — ДФСП, с. 121.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА БАЛКАНАХ НА РУБЕЖЕ ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Н. Я. Мерперт

Балкано-Дунайский район в силу своего географического положения, природных условий, системы связей, всей суммы условий исторического развития его населения играл роль ключевой территории на ряде этапов древнейшей истории нашего континента. С глубочайшей древности он являлся важнейшим «мостом», соединявшим его с Азией и имевшим особое значение уже в самом процессе заселения Европы человеком. В дальнейшем этот же район стал основным связующим звеном между Европой и передовыми культурными очагами Ближнего Востока. Здесь с максимальной оперативностью воспринимались позитивные воздействия последних, что определялось высоким уровнем собственного развития, опережавшего по темпу прочие области континента. Это обусловило очень раннее формирование в Балкано-Дунайском районе самостоятельного мощного культурного очага, оказавшего решающее влияние на весь ход развития обширных территорий Центральной и Восточной Европы.

Прежде всего это касается становления и распространения производящих форм экономики, которые складываются в Балкано-Дунайском районе раньше, чем на всем остальном континенте. Хронологически этот процесс лишь очень немного отстает от начала земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке¹.

Природный потенциал этого района, обусловивший распространение на Балканы «неолитической революции» и связанных с ней важнейших экономических и культурных инноваций, был справедливо, а в значительной мере и провидчески определен еще классическими трудами

Н. И. Вавилова. Он включил Балканы и Эгейю в состав средиземноморского центра — одного из семи первичных «вавилонских центров» зарождения земледелия². Палеоботанические материалы свидетельствуют о наличии здесь диких предков пшеницы-однозернянки, разновидностей двузернянки, ячменя, крупноплодного гороха и ряда других растений, domestцированных в ходе «неолитической революции»³. Уже в период докерамического неолита — не позднее VII тысячелетия до н. э. — появляются на Балканах первые земледельческие поселки⁴. Именно здесь было положено начало раннеземледельческим культурным общностям Европы, определившим все ее дальнейшее развитие⁵. Здесь с наибольшей четкостью фиксируется как последовательность развития этих общностей, так и определенные разрывы, нарушения последовательности, обусловленные внутренними экономическими, технологическими и культурными сдвигами, перегруппировками населения, а в отдельных случаях и появлением значительных новых его групп, позволяющих предполагать заметные этнические изменения.

Один из наиболее глубоких этнокультурных сдвигов в развитии Балкано-Дунайского района произошел во второй половине IV тысячелетия до н. э. Он неразрывно связан с чрезвычайно сложными и значительными событиями, охватившими в этот период ряд областей Центральной и Восточной Европы и заметно изменившими культурную характеристику континента в целом. Археологически для Юго-Восточной Европы этот период ознаменован переходом от энеолита к раннему бронзовому веку. Но сдвиг отнюдь не ограничивается этим технологическим моментом. Он носит гораздо более глубокий и многосторонний характер, охватывая фактически все стороны человеческой жизни, о которых можно судить по археологическим источникам. Культурные изменения чрезвычайно рельефны и фиксируются по всем доступным показателям (топография памятников, облик и структура поселков, домостроительство, каменная индустрия, металлургия и металлообработка, формы и орнаментация керамики, культовые изделия, искусство, погребальный обряд, формы хозяйства и их соотношение, антропологические и остеологические данные и пр.). Есть все основания говорить о комплексном характере изменений при минимальном числе черт преемственности со всеми соответствующими показателями предшествующих культурных

общностей. А это в свою очередь позволяет предполагать не только внутреннюю трансформацию или перегруппировку культурно близкого населения, но и определенные этнические сдвиги.

Между тем два предшествующих периода — неолит и энеолит — ознаменованы в Балкано-Дунайском районе безусловной преемственностью в ходе почти трехтысячелетнего развития раннеземледельческих культур. Конечно, преемственность эту нельзя абсолютизировать, нельзя говорить лишь о последовательных ступенях вертикального развития единообразных по этническому и культурному содержанию групп. И здесь имели место определенные культурные изменения, появлялись новые элементы и новые традиции, происходило достаточно заметное культурное «переоформление». Ограничусь указанием на весьма рельефную смену традиции расписной керамики северобалканского среднего неолита (культура Караново I в Болгарии) традицией чернолощеной керамики (культура Караново III) с дальнейшим не менее рельефным изменением при переходе к украшенной графитным орнаментом керамике конца неолита и начала энеолита (культура Караново V). Более того, ни один хронологический пласт не может быть признан культурно единообразным не только для всей рассматриваемой территории, но и для конкретных ее регионов. В. С. Титов справедливо подчеркивает, что неолит Греции — не единое целое: в нем, как и в бронзовом веке, взаимодействуют различные культурно-исторические общности, что обуславливает необходимость изучения этих периодов не только по вертикали, с выделением хронологических ступеней, но и по горизонтали — с определением экономического, культурного, а возможно, и этнического многообразия внутри каждой ступени⁶. Подобное многообразие все более четко выявляется и в северобалканских неолитических и энеолитических культурах⁷.

И все же связующие элементы, позволяющие говорить об определенной культурной преемственности, оставались доминирующими в Балкано-Дунайском районе на протяжении обоих указанных периодов. Выше уже отмечалось, что земледелие появляется на Балканах уже в VII тысячелетии до н. э. (докерамический неолит Фессалии), на рубеже VII и VI тысячелетий до н. э. земледельческие поселки возникают на Крите, в течение первой половины VI тысячелетия до н. э. они распространяются как на юге

Греции (пещера Франтчи), так и на севере, в середине и второй половине VI тысячелетия до н. э. — в прилегающих районах Югославии, во Фракии и в более северных районах полуострова. Для самых ранних звеньев этого процесса предполагаются воздействия из различных районов Анатолии, что документируется не столько собственно археологическими, сколько палеобиологическими данными: отсутствием на Балканах местных предков некоторых видов domesticiрованных впоследствии животных и растений⁸. Но уже к началу V тысячелетия до н. э. полностью складывается самобытный Балканский центр производящего хозяйства. Культуры его, как позднее и их центральноевропейские производные, отличаются безусловной оригинальностью и самостоятельностью развития. Если и существуют отдельные свидетельства связей с Анатолией⁹, то они немногочисленны и ни в коей мере не могут считаться определяющими. Развитие Балкано-Дунайского района имело свои истоки и шло своими путями. Оно протекало относительно стабильно и достигло апогея в энеолите, когда целая система взаимосвязанных, а в ряде случаев и родственных культур охватила значительную территорию Балкан, Среднего и Нижнего Подунавья, Северо-Западного Причерноморья (Караново VI — Гумельница, Салькуца, Винча—Плочник, Бубани-Хум I, Петрешти, Лендьел, Бодрогкерестур, Кукутени — Триполье и др.). Чрезвычайно высокий уровень многостороннего развития этих культур выражен серией весьма четких показателей — и большими сложными поселками, которые можно уже именовать протогородами, и весьма совершенными ремеслами, прежде всего горным делом и металлургией¹⁰, и замечательными художественными изделиями, и сложностью культов, и далеко зашедшей социальной дифференциацией, столь четко представленной в знаменитом Варнепском некрополе. Все это позволило Х. Тодоровой писать, что «в эпоху энеолита формула „Ex Oriente Lux“ в значительной мере потеряла для Европы свой блеск из-за того обстоятельства, что на пути этих отдаленных культурных влияний вырос компактный этнокультурный комплекс с самостоятельным экономическим и культурным потенциалом, который сам сделался источником культурных импульсов. Поэтому для рассматриваемого периода скорее подходит формула „Ex Balcanis Lux“»¹¹.

И действительно, в процессе формирования раннеземледельческой ойкумены Центральной и Восточной Европы Балканскому полуострову безусловно принадлежит роль исходной территории. Основными направлениями расширения ойкумены, расселения раннеземледельческих групп и диффузии их экономических и культурных достижений были на этом этапе север, северо-запад, северо-восток. Обратные воздействия в периоды неолита и энеолита минимальны: слишком резок был контраст между южной зоной, где господствовали уже производящие формы экономики, обусловившие общие прогрессивные сдвиги во всех областях жизни общества, и северной зоной, куда эти формы лишь начинали проникать при сохраняющейся доминанте присваивающего хозяйства (достигшие этой зоны крупные земледельческие общности неолитического периода, подобные культурам линейно-ленточной и альфельдской линейной керамики, сами были связаны прежде всего с балканским импульсом). Подчеркну, что такой же характер соотношения двух зон фиксируется и для прочих областей активных контактов древнейших центров производящего хозяйства со смежными степными и лесостепными территориями (достаточно показательны здесь раннеземледельческие культуры неолита и энеолита Кавказа и Средней Азии в соотношении с северной степной периферией этих регионов).

Я не буду касаться вопроса об этническом содержании балканских раннеземледельческих культур указанных периодов. Вопрос этот чрезвычайно дискуссионен. Прямых показателей для его разработки археология не имеет и иметь не может. Что же касается показателей косвенных (характера и соотношения культур), то их учет позволяет считать наиболее вероятной гипотезу о наличии на Балканах доиндоевропейского-неиндоевропейского неолитического субстрата (или субстратов), определившего развитие и ряда энеолитических культур (прежде всего с расписной керамикой). Это не исключает возможности весьма раннего появления в регионе и других групп, гипотетически связанных с индоевропейской линией этнолингвистического развития (культурная общность серо-черной лощеной керамики, распространявшаяся с запада на восток и в Анатолии)¹². Но эти группы не были здесь доминирующими. Гипотеза извечного (во всяком случае с периода мезолита) господства и непрерывного последовательного развития индоевропейцев (или протоиндо-

европейцев) на Балканах («континуитета») вплоть до появления исторически известных этнических групп¹³ с археологическими данными согласована быть не может. Один из наиболее значительных противоречащих ей факторов — уже упоминавшийся этнокультурный сдвиг второй половины IV тысячелетия до н. э.

В этот период стабильность развития Балкано-Дунайской раннеземледельческой ойкумены и преемственность ее последовательных культур были резко нарушены. Это коснулось всей энеолитической системы, которая фактически прекратила существование. Ее сменила новая система, отмеченная минимальными показателями преемственности с предшествующей и связанная с совершенно иными культурными традициями. Территориально она еще значительнее предшествующей. Ее составляют баденская культура, культуры Болераз, Костолац, Вучедол в Среднем Подунавье, культуры Чернавода III, Челей, Коцофени, Фолтешти и группы «скорченных и окрашенных» погребений в Нижнем Подунавье, Бубани-Хум II в Сербии, памятники типа Критсаны II, Ситагроу IV—V, Дикили Таш (ЕВІ—II) в Северной Греции и прилегающих районах Югославии, памятники раннего бронзового века Болгарии (Главчовска могила на северо-западе, Юнаците, Кирилло-Мефодиево, Караново VII, Эзеро, Веселиново II на юге, Эзерово на северо-востоке и др.), Эгейского бассейна (Полиохни, Терми), Северо-Западной Анатолии (Кумтепе, Троя I—II).

Механика сложения этой огромной системы и последовательность составивших ее культур представляют особую и весьма значительную проблему¹⁴. Но для рассматриваемой темы важны прежде всего сам факт распространения системы на Балкано-Дунайский район и резкое отличие ее от предшествующего энеолитического культурного массива. Весьма близок ей и ряд других культур Центральной Европы (Рживнац, культура радиальной керамики и др.). На юге ей соответствует и определенным образом связана с ней раннеэлладская культура. Особо следует подчеркнуть сложные, но несомненные исторические, а в конкретных случаях и генетические связи системы с такими значительными центрально- и восточноевропейскими этнокультурными общностями, как культура шаровидных амфор, культуры шнуровой керамики, ранние скотоводческие культуры каспийско-черноморских степей и прежде всего древнеямная культурно-историче-

ская область. Все эти феномены находились в постоянном взаимодействии, без учета которого не могут быть поняты ни их собственные судьбы, ни этнокультурный сдвиг IV тысячелетия до н. э.

Неоднократно делались попытки связать отмеченные изменения с единой инвазией нового населения, сыгравшей решающую роль в культурном и этническом переформлении Балкано-Дунайского района. Истоки такой инвазии искали в Центральной и Северной Европе, в Анатолии, в каспийско-черноморских степях. Однако все попытки однозначного решения проблемы сталкиваются с неразрешимыми противоречиями.

В этой связи необходимо отметить, что резкие культурные изменения и процесс формирования новой гигантской системы культурных общностей связаны с целым рядом факторов, таких как техническая ограниченность развития раннеземледельческих коллективов, приведшая в конце энеолита к внутреннему их кризису, взаимодействие и определенное сближение исторически связанных групп населения, первоначальные импульсы, определившие культурную трансформацию и направленность распространения ее на Балкано-Дунайский район. Подобные импульсы не единичны, а воздействия их связаны не с тотальной инвазией, а с длительным процессом и различными формами (культурные контакты, диффузии, инфильтрация отдельных групп, крупные вторжения и т. п.).

Поиски основных импульсов рассматриваемого процесса в Троаде¹⁵ не соответствуют данным новейших исследований. Решающие контакты с Анатолией, обусловившие появление на Балканах земледелия, постулируются для значительно более раннего времени (VII—VI тысячелетия до н. э.). Раннеземледельческие культуры Балкано-Дунайского района, как уже отмечалось, глубоко своеобразны и аналогий в Малой Азии не имеют. Свидетельства контактов для V—IV тысячелетий до н. э. минимальны. Они возрастают лишь к концу этого периода в связи с формированием новой системы культур¹⁶. Однако в этой системе Троада является территориально ограниченным восточным форпостом (хотя ныне влияния его прослеживаются до Восточной Анатолии¹⁷), не имеет местных корней и занимает отнюдь не наиболее раннюю хронологическую позицию¹⁸.

Основные и наиболее значительные культурные общности новой системы локализуются на Европейском контин-

ненте, где фиксируются наиболее ранние звенья их, а следовательно, и первоначальные импульсы¹⁹. Последние связаны с заметным усилением активности и возрастанием общей исторической роли центрально- и восточноевропейских групп населения, воспринявших производящую экономику и выработавших новые ее формы. К этим группам перешла теперь доминанта во взаимодействии с раннеземледельческими племенами южной зоны, переживавшими в конце энеолита определенный внутренний кризис. Соотношение между зонами резко изменилось. И именно центрально- и восточноевропейские элементы характерны для новой системы, прежде всего для ранних ее звеньев.

Процесс формирования новой системы включал ряд различных компонентов и носил весьма динамичный характер. Наряду с земледельческими коллективами значительную роль играли в нем подвижные скотоводческие племена. С ними связаны динамика процесса и территориальный его размах, а также определенная «контактная непрерывность» внутри новой системы культурных общностей. Кочевые скотоводческие группы были не столько творцами культурных явлений, сколько «передаточной средой», обусловившей реальные контакты отдаленных областей, культурную интеграцию на гигантских территориях, дифференциацию внутри последних и специфику развития конкретных районов. Особо подчеркнем, что нигде вклинения таких групп не означали полной смены населения, везде фиксируются взаимные влияния и проникновения степных и местных элементов, причем в Центральной Европе и Среднем Подунавье последние безусловно преобладали²⁰. В каждом конкретном случае роль взаимодействующих сторон должна рассматриваться особо. Но вместе с тем не подлежит сомнению особая роль степных скотоводов в создании отмеченной «контактной непрерывности», лежащей в основе формирования всего рассматриваемого этнокультурного пласта.

К северу от Черного моря «контактная непрерывность» и культурная интеграция прослеживаются от Подунавья и Центральной Европы по степной полосе вплоть до Кавказа и Прикаспия (древнейшая культурно-историческая область)²¹. Южное Причерноморье исследовано в данном аспекте еще далеко не достаточно. Но и здесь фиксируется распространение элементов новой системы с запада — с Балкан — через Эгейю и Северо-Западную Анатолию вплоть до Кавказа и Прикаспия. Выявляется огромная

«циркумпонтийская зона», отмеченная во второй половине IV—III тысячелетия до н. э. особо активными и многосторонними контактами, определенной культурной интеграцией (что убедительно обосновано Е. Н. Черных для конкретных культурных проявлений, прежде всего для металлургии)²², многочисленными переселениями различных масштабов и в различных направлениях. Эта зона включала и исконные земледельческие области, и степь с ее ранним и специфичным развитием скотоводства (в том числе и коневодства) и транспортных средств, и ряд горных массивов (прежде всего Карпаты и Балканы, восточнее — горы Анатолии и Кавказа). По всей зоне прослеживается цепь самостоятельных, но взаимосвязанных культурных звеньев, охваченных в рассматриваемый период весьма близкими и предельно динамичными событиями. Одним из свидетельств этих событий явилось широкое распространение по очерченной территории каменного фортификационного строительства, зафиксированного именно для конца IV—II тысячелетия до н. э. в Подунавье, на Балканах, в Эгейе, по всей Причерноморской Анатолии, на Южном и Северном Кавказе, в причерноморских степях²³. Это — прямой показатель многочисленных передвижений и заметного обострения военной ситуации внутри «циркумпонтийской зоны». Вместе с тем на значительных участках «зоны», а иногда и в весьма отдаленных друг от друга ее регионах распространяются единые культурные и идеологические феномены. Достаточно привести лишь несколько хорошо известных примеров. Курганный обряд с индивидуальными скорченными погребениями распространен по всей полосе каспийско-черноморских степей вплоть до Центральной Европы и Балкан на западе и Закавказья на юго-востоке, т. е. на большей части «циркумпонтийской зоны» (в западной части «зоны» наряду с этим распространен близкий, но бескурганный обряд, охватывающий и Западную Анатолию). Почти по всей этой территории — от Северного Кавказа до Балкан и Анатолии (Троя I) — встречены характерные антропоморфные стелы. Определенное сходство керамики рассматриваемого периода в Центральной Европе, на Балканах, в Эгейе и на Кавказе, как и распространение шнуровой орнаментации, боевых топоров, специфических украшений, повозок и пр. по всей Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, а частично и Анатолии, не объяснимы без учета «контактной непрерывности» и активных перемещений внутри «цир-

кумпонтийской зоны», включая и южную ее половину.

Археологически это наиболее вероятная и реально выявляемая контактная зона центральноевропейских, степных, балкано-дунайских, анатолийских культурных общностей, которые могут быть связаны с процессом становления конкретных групп индоевропейцев. Процесс этот весьма сложен и многообразен. Он включал как разделение групп, первоначально единых, так и сближение групп, первоначально различных, но втянутых в контактную зону и охваченных характерными для нее интегрирующими явлениями. Распространение близких элементов внутри зоны было обусловлено наряду с наличием изначальных общих импульсов отмеченными «контактной непрерывностью», тесным общением между группами, наличием «передаточной сферы» в виде подвижных скотоводческих коллективов, быстрые и далекие передвижения которых охватывали значительные участки зоны и придавали особую динамику происходившим внутри нее событиям экономического, культурного и этнического характера. Вместе с тем в различных районах зона непосредственно соприкасалась с территориями древнейших культурных очагов Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, с областями формирования кавказских, семитских, угро-финских языков, свидетельства взаимодействия которых с индоевропейскими языками отмеченной зоны совершенно закономерны ²⁴.

Именно в пределах «циркумпонтийской зоны», начиная с рассматриваемого периода, ряд культурных общностей отмечен последовательностью и преемственностью развития вплоть до конкретных, исторически засвидетельствованных групп индоевропейской языковой семьи. При всех дискуссиях, касавшихся этнической принадлежности создателей культур шнуровой керамики, связь их с развитием индоевропейского этноса — конкретно славян и балтов — не вызывает сомнений. До раннего железного века и формирования исторических фракийцев и иллирийцев прослеживается цепь культурных звеньев, начиная с культур раннего бронзового века Среднего и Нижнего Подунавья и севера Балканского полуострова. С раннеэлладской культурой связывается один из догреческих индоевропейских этнолингвистических пластов Греции ²⁵. Связь степных культур Северного Причерноморья и Прикаспия с индоиранским этносом безусловна ²⁶.

Вопросы развития анатолийских групп индоевропейцев (лувийской, палайской, хеттской) должны рассматриваться прежде всего с учетом культур раннего бронзового века этой части «циркумпонтийской зоны»: и здесь преемственность начинается с того же периода (Кумтепе, Троя, Бейджесулан и др.).

В целом рассмотренная территория и происходившие на ней со времени раннего бронзового века этнокультурные события полностью соответствуют лингвистической теории контактных зон, языковых союзов и скрещивания языков²⁷. А. А. Формозов справедливо отметил, что идеи, развиваемые этой теорией, «лучше всего соответствуют археологическим материалам. Все поиски праиндоевропейской археологической культуры окончились ничем. Гораздо убедительнее выглядят попытки наметить зоны с группой близких по облику археологических культур, где могли складываться индоевропейские или финно-угорские языки»²⁸.

Одна из таких попыток и представлена выше. В заключение должен подчеркнуть, что она касается индоевропейской проблемы лишь на определенном хронологическом срезе последней, отнюдь не исключая возможности иных построений для более ранних этапов этнической истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Dakaris S. I., Higgs E. S., Hey R. W.* The Klimat, Environment and Industries of Stone Age Greece, pt 1. — PPS, 1964, v. XXX; *Higgs E. S., Vita-Finzi C.* The Klimat, Environment and Industries of Stone Age Greece, pt 2. — PPS, 1966, v. XXXII.
- ² *Вавилов Н. И.* Учение о происхождении растений после Дарвина. — В кн.: *Вавилов Н. И.* Избранные произведения. Л., 1967, т. 1, с. 314—317.
- ³ *Milojčić V., Boessneck J., Hopf M.* Die deutsche Ausgrabungen auf der Argissa Magula in Thessalien. — In: *Das Präkeramische Neolithikum sowie der Tier- und Pflanzenreste.* Bonn, 1962, I; *Renfrew J.* Agriculture. — In: *Teocharis D. R.* Neolithic Greece. Athens, 1973, p. 149 sqq.
- ⁴ *Milojčić V.* Präkeramisches Neolithikum auf der Balkanhalbinsel. — *Germanica*, 1960, v. 38, N 3/4, S. 321—335; *Титов В. С.* Неолит Греции. М., 1969, с. 99—103; *Teocharis D. R.* Neolithic Greece, p. 33—38.
- ⁵ *Титов В. С.* Древнейшие земледельцы в Европе. — В кн.: *Археология Старого и Нового Света.* М., 1966, с. 29 след.
- ⁶ *Титов В. С.* К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского п-ова. — *КСИА*, 1970, 123, с. 32—42.

- ⁷ *Vajsova (Todorova) H.* Stand der Jungsteinzeitforschung in Bulgarien. — *Slovenska Archeologia*, 1966, v. XIV, S. 15—48; *Georgiev G.* Verbreitung und Entwicklung der neolithischen Kulturgruppen in Bulgarien. — In: *Actes de Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est Européennes*. Sofia, 1970, v. I.
- ⁸ *Титов В. С.* Период неолита в Греции. — В кн.: *Новое в советской археологии*. М., 1965, с. 72—76; *Он же.* Древнейшие земледельцы в Европе; *Mellaart J.* Prehistory of Anatolia and its Relations with the Balkans. — In: *L'ethnogenèse des peuples balkaniques*. Sofia, 1971.
- ⁹ *Титов В. С.* Неолит Греции, с. 169 сл.; *Он же.* Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы. — *СА*, 1974, 4, с. 23—48.
- ¹⁰ *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- ¹¹ *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София, 1979, с. 5.
- ¹² *Титов В. С.* К вопросу о соотношении. . . , с. 40.
- ¹³ *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; *Georgiev V.* L'ethnogenèse de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques. — In: *L'ethnogenèse des peuples balkaniques*. Sofia, 1971.
- ¹⁴ *Roman P. I., Némethi I.* Cultura Baden în România. București, 1978; *Езеро.* Раннобронзовото селище. София, 1979.
- ¹⁵ *Kalicz N.* Die Peceler (Badener) Kultur und Anatolien. Budapest, 1963.
- ¹⁶ *Mellaart J.* Prehistory of Anatolia. . .
- ¹⁷ *Yakar J.* Troy and Anatolian Early Bronze Chronology. — In: *Anatolian Studies*, 1979, v. XXIX, p. 53—67.
- ¹⁸ *Езеро*, с. 498—502.
- ¹⁹ *Roman P. I., Némethi I.* Cultura Baden. . . , p. 63—75.
- ²⁰ *Jovanović B.* Indoevropljani i eneolitski period Jugoslavije. — In: *Praistorija jugoslavskih zemalja*. V. III. Eneolitsko doba. Sarajevo, 1979, s. 403 sq.
- ²¹ *Мерперт Н. Я.* История населения степной полосы Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. М., 1968; *Он же.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974; *Он же.* Из истории древнейших племен. — В кн.: *Проблемы археологии Евразии и Северной Америки*. М., 1977.
- ²² *Черных Е. Н.* Об европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции. — In: *Acta Archaeologica Carpathica*, 1977, XVII, p. 29—53; *Он же.* Горное дело и металлургия. . . ; *Он же.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — *СА*, 1978, 4; *Chernykh E. N.* Metallurgical Provinces of 5th — 2nd Millennia in Eastern Europe in Relation to the Process of Indo-Europeanization. — *Journal of Indo-European Studies*, 1980, v. VII, N 3/4.
- ²³ *Мерперт Н. Я.* Древнейшие каменные крепости Болгарии. — В кн.: *Новое в археологии*. М., 1972, с. 46—56.
- ²⁴ *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме. — *ВЯ*, 1958, 1, с. 65—77; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейские миграции. — VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1979, с. 33—36; *Они же.* Миграции племен — носителей индоевропей-

ских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания. — ВДИ, 1981, 2; *Кнабе Г. С.* Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о «балтийских» заимствованиях в восточных угро-финских языках). — ВЯ, 1962, 1; *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973.

- ²⁵ *Титов В. С.* К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев. . . , с. 39.
- ²⁶ *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. — В кн.: Этнические проблемы Центральной Азии в древности. М., 1981.
- ²⁷ *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме; *Толстов С. П.* Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика. — КСИЭ, 1946, 1, с. 3—13; *Церетели Г. Н.* О языковом родстве и языковых союзах. — ВЯ, 1968, 3, с. 3—18 и др.
- ²⁸ *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977, с. 135.

ОБЩНОСТЬ КУЛЬТУР ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ ЕВРАЗИИ

(к постановке проблемы)

Е. Н. Черных

Необходимость в формулировке проблемы общности так называемых культур валиковой керамики (КВК) назрела уже давно. В той или иной степени ряда аспектов этой проблемы касались различные исследователи эпохи бронзы евразийских степей (О. А. Кривцова-Гракова, Е. Е. Кузьмина, М. П. Грязнов, А. М. Лесков, М. А. Итина, С. Я. Зданович, Т. М. Потемкина и другие)¹, когда им приходилось рассматривать конкретные памятники или же культуры с валиковой керамикой. Ныне публикациям этих памятников, анализу различных материалов и их обобщению посвящено множество исследований. Естественно, что в данной работе я смогу опираться лишь на те, которые казались мне наиболее существенными для формулировки самой проблемы.

В настоящей работе, носящей по существу тезисный характер, мне хотелось бы коснуться ряда вопросов, составляющих упомянутую проблему, а именно: территория общности, период бытования КВК, определение самих культур и их родственные черты, основные зоны

общности, истоки валиковой керамики. Само собой разумеется, что практически все решения, которые будут изложены здесь в самой сжатой форме, должны считаться предварительными, требующими более развернутых доказательств и зачастую существенных уточнений. В большей степени я хотел бы коснуться деталей, роднящих КВК. Тема различий самих культур, входивших в данную общность, во многом остается за рамками настоящей статьи.

Финальный период позднего бронзового века, приближенно соответствующий времени с XIII—XII (может быть, несколько более раннего) по IX—VIII вв. до н. э., характеризовался весьма примечательным феноменом. В евразийских степях, лесостепях, а также в пустынных и полупустынных областях (рис.) сформировался целый ряд культур, керамика которых в качестве обязательного компонента включала в себя горшки. Они отличались сравнительно простыми формами и были украшены по горлу, под венчиком или же по плечикам одним валиком. Валик мог быть гладким, либо рассеченным рисками или же ногтевыми защипами. Нередко его концы свисали на тулово сосуда наподобие «усиков». Валик мог быть чаще всего налешным — из глиняного жгута, либо формовался путем утолщения стенки сосуда. Доля подобной керамики в бытовых памятниках всех культур колебалась в среднем приблизительно в пределах 15—40% от общего количества сосудов, хотя наблюдались и значительные отклонения в ту и другую сторону. Валиками преимущественно украшались горшки, намного реже — относительно слабо профилированные банки, а также сравнительно узкогорлые большие сосуды.

Культуры валиковой керамики занимали чрезвычайно обширную территорию: от Алтая на востоке до Балкано-Карпатья на западе, от восточноевропейской и западносибирской лесостепи на севере вплоть до Крыма, низовьев Дона, Северного Ирана и Афганистана на юге (рис.). Можно полагать, что общность КВК охватывала эти гигантские пространства по существу без перерывов, хотя тезис и остается пока что гипотетичным. На археологической карте культур и памятников того времени все еще много белых пятен (рис.), обусловленных недостаточностью полевых и камеральных исследований. Кроме того, в большинстве восточных областей слои КВК, как правило, залегают совместно с более ранними. Смешанный характер этих памятников затрудняет процесс понимания самих культур.

Предварительно в общности КВК можно наметить четыре зоны: две основные и две контактные. Восточная гигантская зона охватывала степи и лесостепи от Алтая до среднего Дона и, может быть, Южное Приаралье (рис., 6, 8—11). Западная, или фракийская, зона занимала несравненно меньшие пространства и размещалась на северо-востоке Балкан, в низовьях Дуная, Восточных Карпатах и Прикарпатье вплоть до Днестра (рис., 1—3). Северопричерноморская контактная зона располагалась преимущественно от Днестра до Северского Донца и низовьев Дона (рис., 4, 5, 7). И наконец, южная, пока что проблематичная, зона локализовалась на юге Средней Азии, в северных областях Афганистана и Ирана (рис., 12).

В плане выделения археологических культур гораздо более разработанными представляются западная и контактная северопричерноморская зоны. На западе намечены культуры типа Пшеничево—Бабадаг на северо-востоке Балканского полуострова и в Добрудже², культура типа Кослодженъ в низовьях Дуная³, культура Ноа, локализованная в основном в Прикарпатье, Молдове и Молдавии, а также хронологически последующие за ней памятники так называемого фракийского гальштата⁴. Северопричерноморская контактная зона представлена степными культурами — сабастиновской⁵ и следующей за ней белозерской⁶. В низовьях Дона к последним примыкают немногочисленные памятники кобяковской культуры⁷. Лесостепную Украину занимали культуры белогрудовская и более поздняя чернолесская, чьи керамические коллекции также в немалом количестве содержали сосуды с валиком⁸. Генетические корни белогрудовской культуры, как полагают⁹, восходят к предшествующим по возрасту тцинецко-комаровским древностям, чьи основные центры локализовались западнее и в керамике которых также имелись сосуды с валиком¹⁰.

Для восточной зоны процесс выделения КВК начался сравнительно недавно. Если основываться на ранее намеченных, но сейчас подвергаемых справедливой ревизии археологических подразделениях, восточную зону будут представлять памятники срубно-хвалынского типа или же материалы второго этапа срубной культуры Волго-Донского бассейна по О. А. Кривцовой-Граковой¹¹, а также замараевские памятники в системе андроновской культуры по К. В. Сальникову¹².

Мне кажется безусловным, что и в восточной зоне будет

выявлен целый ряд культур намечаемой общности КВК. Первыми из них стали саргаринская культура, исследованная С. Я. Зданович¹³ и во многом соответствующая алексеевской культуре по Т. М. Потемкиной¹⁴. Видимо, к той же общности будут относиться и памятники трушниковского типа на Западном Алтае и в Восточном Казахстане¹⁵, а также ряд поселений бегазы-дандыбаевской культуры в Центральном Казахстане¹⁶. Памятники последней, на мой взгляд, требуют дополнительного исследования с целью более четкого выявления комплексов валиковой керамики и отчленения от них прочих, связанных с валиковыми сравнительно слабо или же вовсе чуждых им.

В цепи среднеазиатских культур лучше всего нам известна амирабадская, исследованная М. А. Итиной¹⁷ и примыкающая по ряду важнейших деталей к казахстанским культурам.

Валиковая керамика в немалых количествах встречается и в гораздо более южных среднеазиатских памятниках Маргианы и Бактрии, а также в Северо-Западном Иране и Северном Афганистане¹⁸. Эту южную — контактную (?) — зону составляют еще неотчетливо выделенные культуры типа ЯзI на орошаемых землях Маргианы; культурные слои, лежащие выше комплексов Намазга VI; поселения типа Тиллятепе в Афганистане и др. Валиковая керамика здесь сочетается нередко с металлическими орудиями степных типов и их литейными формами. Вместе с тем своеобразие этих памятников и их отличие от более северных культур столь велики, что южная зона в общности КВК будет занимать особое положение.

Практически для всей общности, кроме керамики, весьма характерен и морфологически сходный набор бронзовых орудий. Следует, однако, иметь в виду, что общность КВК входила в системы преимущественно двух крупных металлургических провинций — Европейской и Евразийской¹⁹. Граница между провинциями проходила в областях Поднепровья и левобережной Украины. Сама граница отличалась наибольшей четкостью лишь в период XIII—XII вв. до н. э. или же в несколько более раннее время, когда металлургическое производство в очагах Европейской провинции достигло апогея. Однако даже на этой, ранней фазе наблюдались очень глубокие взаимопроникновения типов изделий в пределы обеих провинций, примером чего может служить известный клад бронзовых

кинжалов и секачей из Сосновой Мазы на нижней Волге ²⁰ и др. На следующей фазе в балкано-карпатских очагах происходит резкий упадок металлургического производства. Именно тогда границы между обеими провинциями оказываются сильно размытыми. В самом общем виде можно полагать, что восточная зона общности КВК входила целиком в Евразийскую металлургическую провинцию; западная и контактная северопричерноморская — в Европейскую. Не вполне отчетливым ныне рисуется соотношение южной, или ирано-среднеазиатской, зоны с Евразийской и Ирано-Афганской металлургическими провинциями.

Тезис о соотношении основных и северопричерноморской контактной зон общности КВК с системами Евразийской и Европейской металлургических провинций, изложенный здесь, кажется справедливым по крайней мере для ранней даты — XIII—XII вв. до н. э. В более позднее время соотношение между культурами отдельных зон и металлургическими провинциями, особенно для культурных объединений обеих контактных зон, уже не столь определено ²¹.

К общим видам металлических орудий КВК можно отнести кинжалы сосновомазинского типа с цельнолитыми рукоятями, характерные для восточной зоны; в западной и северопричерноморской зонах известны так называемые кинжалы ингуло-красномайцкого очага металлообработки, рукояти которых часто приливались к клинку. Входят в широкое и повсеместное употребление ножи-кинжалы с кольцевым упором-утолщением у основания черенка. Много отливалось и широких массивных серпов-косарей сосновомазинского типа, а также крюкастых широких, слабо изогнутых серпов дербеденевского или кабаково-лобойковского типов. По всей территории известны втульчатые литые желобчатые долота. Весьма примечательной, хотя и немногочисленной категорией, были «ножи-бритвы» с фигурными очертаниями клинка: их находки и литейные формы встречаются от Северного Тянь-Шаня (Шамшинский клад) вплоть до Болгарии. Достаточно много производилось однолезвийных ножей с относительно слабо выделенной рукоятью, а также некоторых других видов инвентаря.

Характерны для культур восточной и северопричерноморской зон большие и малые грунтовые могильники и в какой-то мере начавшийся отказ от подкурганного

обряда захоронения²². Процесс этот, хотя бы в пределах северопричерноморской контактной зоны, бесспорно усиливался с течением времени. Подкурганый обряд погребения был практически обязательным для населения предшествующего периода от правобережной Украины до Зауралья. Появляется большое количество вытянутых захоронений²³ вместо скорченных, господствующих в предшествующие эпохи. Все это также сближает между собой КВК.

Общие черты наблюдаются также и в домостроительстве. Наземные дома здесь, как правило, соседствуют с полужемлянками, хотя в культурах западной и северопричерноморской зоны встречается множество зольников, в которых ряд исследователей видит остатки жилищ неясной конструкции²⁴.

Весьма сходные черты отмечают и в составе стада, которое в своей основе было обычно трехкомпонентным: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь. Однако в лесостепной зоне большую роль играло и свиноводство. Пропорция между всеми упомянутыми компонентами менялась, вероятно, в зависимости от экологического окружения, но в целом подчинялись определенной хозяйственной традиции²⁵.

Вопрос о различиях между отдельными КВК я хотел бы затронуть лишь на уровне намеченных в работе основных и контактных зон. Отличительные, равно как и сходные черты полнее всего прослеживаются здесь опять-таки на керамике и в металле. Разница в формах металлических изделий явилась прежде всего результатом вхождения культур западной и северопричерноморской зон в систему чрезвычайно мощных металлургических и металлообрабатывающих очагов Европейской металлургической провинции позднего бронзового века. С культурами же восточной обширной зоны были связаны очаги, являвшиеся центральными и основными в системе постсейминского горизонта Евразийской провинции. Отличия в металлургическом производстве в очагах этих крупнейших систем уже неоднократно обсуждались в литературе²⁶.

Различия в керамике наиболее четко ощущаются прежде всего на ее так называемом втором компоненте. В культурах западной и северопричерноморской контактной зон обязательно присутствует комплекс западной керамики, иногда именуемой фракийской и достаточно резко отличной от валиковых горшков по многим признакам. Это,

как правило, относительно низкие сосуды с широким горлом, снабженные чаще всего одной и реже двумя ручками. Подобные одноручные «черпаки» и двуручные «кубки» выделывались из хорошо отмученной глины. Поверхность сосудов хорошо заглаживалась или (чаще) заполировывалась. Нередки здесь резной орнамент и каннелюры. В тот же комплекс посуды входят и большие сосуды-«кубки», также лощеные и украшенные шпичками-налепами. Как общее правило отмечается увеличение подобной посуды и ее качественного разнообразия по мере продвижения на запад.

Так называемый второй компонент керамики в культурах восточной зоны ни технологически, ни по формам принципиально не отличается от первого — «валикового». Горшки сходных форм, но без валиковой орнаментации известны также в культурах северопричерноморской и западной зон, однако в гораздо меньшем количестве. В качестве закономерности можно отметить уменьшение такого рода керамики по мере продвижения в западном направлении (например, в контактной северопричерноморской зоне).

Чрезвычайно сложно решить вопрос о сочетании степных форм валиковой керамики и бронзовых орудий в среднеазиатских и афганских памятниках типа ЯзI и Тиллятепе с иными материалами. Кроме валиковой керамики, вычленяются еще два важнейших компонента. Первый из них — серая гончарная керамика — безусловно, восходит корнями к предшествующей глиняной посуде культур типа Намазга V и VI — Сапалли — Джаркутан²⁷. Происхождение следующего компонента — лепных сосудов с росписью — остается предметом бурных дискуссий²⁸. Попытки связать расписные сосуды со степной керамикой вряд ли могут считаться убедительными, эти два вида посуды производят впечатление чуждых друг другу как по морфологии, так и по технологическим признакам.

Для некоторых исследователей зачастую именно памятники с расписной керамикой являются олицетворением «эпохи варварской оккупации» на юге Средней Азии, на севере Афганистана и Ирана — эпохи, связанной с нашествием северных скотоводов. С моей точки зрения, если и можно говорить о подобной «варварской оккупации», то лишь в связи с появлением здесь комплекса валиковой керамики в сочетании со степными формами металлических

орудий. Может быть, именно эта посуда служит наиболее ярким археологическим свидетельством тесных контактов степных народов с оседлыми земледельцами Юга и началом расселения с севера индоиранских племен в конце II—начале I тысячелетия до н. э. по Иранскому плато.

Вся общность КВК, если признать ее за реальность, сложилась в весьма короткий отрезок времени — преимущественно в XIII—XII вв. до н. э. Это следует из набора весьма выразительных типов бронзовых орудий и литейных форм, соответствующих в основном продукции ингуло-красноярского и лобойковского металлообрабатывающих очагов в Северном Причерноморье²⁹. Они же известны далеко на востоке, практически по всей общности КВК. Все датировки упомянутых очагов базируются на хронологической шкале множества кладов балкано-карпатской зоны Европейской металлургической провинции. Иногда встречающиеся в литературе³⁰ более поздние даты тех же типов орудий в памятниках восточной зоны КВК вряд ли могут быть приняты.

Постсейминский хронологический горизонт Евразийской провинции, который можно именовать и горизонтом КВК, расчленяется, видимо, на две хронологические фазы: ранняя или же фаза сложения общности — не позднее XIII—XII вв. до н. э.³¹; поздняя — XI—IX/VIII вв. до н. э. Как и в любых других общностях, ранняя фаза сложения КВК характеризовалась наибольшей степенью сходства самих культур и уровня их взаимосвязанности. Последнее всегда проявляется намного контрастнее при сравнении с позднейшими фазами развития тех же культур. Правда, процессы эти наиболее отчетливо выражены в общности КВК на металле.

Намеченным хронологическим фазам четко соответствует смена культур в контактной северопричерноморской зоне: Ноа и сабатиновская культура — для ранней фазы, памятники фракийского гальштата и белозерской культуры — для поздней³². Установить аналогичные процессы в восточной зоне гораздо сложнее. На мой взгляд, на востоке существенно легче выделить ранние комплексы КВК по присутствию в них характерных бронз, сходных с продукцией лобойковского и ингуло-красноярского очагов (например, многие комплексы саргаринской культуры в Северном и Центральном Казахстане). Поздние комплексы следует, вероятно, вычленять из тех, что не содер-

жат орудий упомянутых типов. Однако работа эта по существу еще не начиналась.

Не исключено, что для позднейших комплексов восточной зоны КВК окажутся весьма характерными достаточно четкие черты карасукской культуры, отмечаемые, к примеру, на ряде материалов бегазы-дандыбаевской культуры³³, в комплексе Тагискена³⁴ и др. Они проявляются в ряде керамических форм, а также выгнутообушковых однолезвийных ножей с рукоятками. Однако предложенная гипотеза требует тщательной проверки.

В поисках истоков самой валиковой керамики я хотел бы привлечь внимание к культурам западной, фракийской зоны. Именно здесь горшки с валиками по горлу употреблялись с периода раннего бронзового века, или же — в абсолютных датах — со второй половины IV тысячелетия до н. э.³⁵ Без каких-либо заметных хронологических перерывов они изготавливались вплоть до рубежа нашей эры, когда они представлены в памятниках гето-дакийской и иных культур. В эпоху ранней бронзы область КВК была достаточно обширной и охватывала многие районы Центральной Европы, север Балкан, Карпатский бассейн и др.³⁶

Предварительные наблюдения позволяют говорить, что в периоды средней и поздней бронзы эта зона, кажется, сокращается. Однако со времени раннего бронзового века горшки с валиками всегда сочетались с иной посудой — кувшинами, мисками, а зачастую и с пифосами³⁷. Весь этот комплекс керамической посуды, варьируя от периода к периоду, от культуры к культуре в своих формах и типах, тем не менее сохранял принципиальный характер в пропорциональном соотношении между названными категориями керамики.

В контактной северопричерноморской зоне КВК в качестве предшествующего и довольно кратковременного объединения известна культура многоваликовой керамики³⁸. Она или ее позднейшие комплексы синхронны восточным — новокумакским, абашевским, синташтинским, петровским. Некоторые формы ее посуды морфологически сравнительно близки тем, что употреблялись здесь в последующей сабашиновской культуре, входившей уже в общность КВК. Сабатиновская культура, видимо, немало заимствовала от культуры многоваликовой керамики.

Для культур сейминского хронологического горизонта восточной зоны КВК валик на керамике не характерен.

Валиковая посуда здесь появляется внезапно и сравнительно ненадолго. Сказанное подтверждает реальность гипотезы о западных корнях валиковой орнаментации на керамике.

Указание на истоки валиковой орнаментации отнюдь не определяет решения проблемы истоков всех культур изучаемой общности. У меня, например, как и у многих других исследователей, не вызывает сомнения местный фундамент сложения КВК срубно-андроновского круга, если пользоваться традиционными определениями. Здесь западные влияния сказались сильнее всего на орнаментации горшков и формах металлических орудий. Намного более существенным было западное влияние на КВК контактной зоны Северного Причерноморья. Об этом свидетельствует едва ли не весь комплекс металлообработки и большая доля посуды, имеющей явные западные параллели («второй» керамический компонент).

Заметным, хотя и уступающим по интенсивности, было и восточное влияние на КВК западной зоны. Известны отдельные проникновения металлических форм и даже комплексов вплоть до Болгарии³⁹ и Румынии⁴⁰. Некоторые румынские исследователи (А. Флореску и особенно С. Моринтц)⁴¹ склонны, на мой взгляд, преувеличивать значение восточных влияний, сказавшихся на керамическом материале, и выводить едва ли не весь валиковый комплекс посуды из северопричерноморских степей. Последнее вряд ли может найти подтверждение при анализе материала.

Исторический смысл выявления общности КВК самого конца бронзового века видится мне прежде всего в том, что за этим стоит весьма обширная и интенсивная система культурных, экономических и идеологических связей среди степных и лесостепных народов огромного региона Евразии. Кажется, именно эти связи и привели к сходству культур исследуемой здесь общности. Вполне вероятно, что намеченная здесь система в немалой степени обуславливалась этнолингвистической близостью евразийских степных народов.

Многие предполагают, что скифо-сарматский степной мир, говоривший на языках североиранской ветви, сложился прежде всего на базе культур восточной зоны КВК. Тесный же контакт между степняками раннего железного века и народами Восточного Балкано-Карпатья, говорившими на фракийской группе языков, — контакт, ярко освещенный А. И. Мелюковой⁴², — без сомнения, уходит

в предшествующий 500-летний период конца бронзового века.

Важна дискуссия и по другому аспекту проблемы. Широкое распространение комплексов с валиковой керамикой на севере Афганистана⁴³ и, видимо, в Северо-Восточном Иране, по крайней мере в конце интересующего нас периода, не может не рассматриваться в связи с гипотезами о появлении в этих районах с севера древнейших здесь ираноязычных народов⁴⁴. Предварительно сама валиковая керамика рисуется мне сейчас наиболее весомым археологическим фундаментом для подтверждения подобных контактов и расселений индоиранцев на юг через среднеазиатские пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, 1948, XVII, с. 157—163; *Она же.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, 46, с. 38, 49, 161; *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 142—158; *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. — КСИА, 1970, 122, с. 43; *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. М., 1975, с. 56, 57; *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977, с. 140—143, 165—166; *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1979, с. 14; *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье. — СА, 1979, 2, с. 28, 29.
- ² *Čiđikova M.* Nouvelles données sur la culture thrace de l'époque de Hallstatt en Bulgarie du sud. — In: Thracia. Serdicae, 1972, I, p. 82—97, fig. 4, 19, 20.
- ³ *Morintz S.* Erosa bronzului in spațiul carpato-balcanic. — In: Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii. București, 1978, I, p. 121—152.
- ⁴ *Morintz S.* Erosa bronzului. . . , p. 152—160; *Балагури Е. А.* Культура Ноа. — В кн.: Археология УРСР. Київ, 1971, т. I, с. 385—393; *Florescu A.* Contribuții cunoașterea culturii Noua. — In: Arheologia Moldovei, 1964, II—III, p. 143—203; *Мелькова А. И.* Культуры предскифского периода лесостепной Молдавии. — МИА, 1961, 96, с. 6—52, рис. 4, 16, 15—26.
- ⁵ *Лесков А. М.* Заключительный этап. . . , с. 12, 25—29 сл.; *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатинской культуре. — СА, 1968, 3 с. 16—34, рис. 2, 20, 26—28, 33, 39; *Лесков О. М.* Зрубна культура. — В кн.: Археология УРСР. Київ, 1971, т. I, с. 413—418; *Она же.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — МИА, 1971, 177.

- ⁶ Лесков О. М. Зрубна культура, с. 13—25, 29—44 след.; *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 199, 204.
- ⁷ Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). — САИ, 1980, вып. В1-11, с. 45—53, табл. I—XV.
- ⁸ Тереножкин А. И. Предскифский период на правом берегу Днепра. Киев, 1961, с. 47—82.
- ⁹ Там же, с. 198; Березанська С. С. Білогрудівська культура. — В кн.: Археологія УРСР. Київ, 1971, т. I, с. 404.
- ¹⁰ Березанская С. С. Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине. — СА, 1967, 2, с. 134, рис. 11; *Praehistoria ziem Polskich.* Warszawa, 1978, t. III, tab. LIV, LVI.
- ¹¹ Кривоцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение. . . , с. 157—163; *Итаина М. А.* Степное Поволжье и Причерноморье. . . , с. 38 сл.
- ¹² Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 285—293, 323—325, 348—351.
- ¹³ Зданович С. Я. Саргаринская культура. . .
- ¹⁴ Потемкина Т. М. О соотношении. . . , с. 27—29.
- ¹⁵ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, 88, с. 98—104, табл. XXIX, 9, 11; XXX, 4; XXXI, 13; LV, 1, 4—7, 17; LVIII, 3, 4 и др.
- ¹⁶ Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979, с. 198—238, рис. 155—157, 174 и др.
- ¹⁷ Итаина М. А. История степных племен. . . , с. 147—172.
- ¹⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959, с. 37, табл. XXVII, 7; XXVIII, 2, 6; *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. — В кн.: Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972, вып. 1, с. 21, рис. 7—10, 12, 22, 38.
- ¹⁹ Черныш Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — СА, 1978, 4, с. 70—77, рис. 9.
- ²⁰ Черныш Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. — М., 1976, с. 158, рис. 58, с. 183.
- ²¹ Там же, с. 188, 189, 198.
- ²² Лесков А. М. Заключительный этап. . . , с. 19—21; *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА, 1958, 61, с. 146 след.; *Отрощенко В. В.* Могильники степного Поднепровья. — В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978, с. 85.
- ²³ Лесков А. М. Заключительный этап. . . , с. 24.
- ²⁴ Мелюкова А. И. Культуры предскифского периода. . . , с. 6—8; *Тереножкин А. И.* Предскифский период. . . , с. 6—10 и др.
- ²⁵ Лесков А. М. Заключительный этап. . . , с. 17—19; *Зданович С. Я.* Саргаринская культура. . . , с. 17, 18; *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени. . . , с. 17; *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура. . . , с. 257—263; *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья. — МИА, 1958, 61, с. 266—272 (к сожалению, в этой работе из памятников срубной культуры тогда не были вычленены комплексы с валиковой керамикой, а стадо рассматривалось суммарно); *Таттар А. В.* Фауна из поселений кобяковской культуры. — В кн.: *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени. . . , с. 81—83.

- ²⁶ Черных Е. Н. *Металлургические провинции. . .*, с. 76, 77; *Он же. Древняя металлообработка. . .*, с. 172, 173 и другие работы.
- ²⁷ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, с. 101—129, рис. 51, табл. 12—23.
- ²⁸ Аскарлов А. Сапаллитепа, с. 126—128; *Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дис. . .* докт. ист. наук. М., 1978, с. 44—48 и другие работы.
- ²⁹ Черных Е. Н. *Древняя металлообработка. . .*, с. 150—158.
- ³⁰ *Зданович С. Я. Саргаринская культура. . .*
- ³¹ Не исключено, что начало фазы может быть отодвинуто вплоть до XV—XIV вв. до н. э. См.: Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978, с. 257—261.
- ³² Лесков А. М. *Заключительный этап. . .*, с. 4, 46—52.
- ³³ Эта достаточно широко распространенная точка зрения ныне весьма активно оспаривается А. Х. Маргуланом. См.: *Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура. . .*, с. 64—66.
- ³⁴ *Итина М. А. Южное и восточное Приаралье в эпоху первобытности. — В кн.: Очерки истории Каракалпакской АССР. Ташкент, 1964, т. I, с. 32—38.*
- ³⁵ *Езеро. Раннебронзовото селище. София, 1979, с. 228—316, 497—519.*
- ³⁶ Литература по этому вопросу весьма велика. Множество данных по ранней валиковой керамике опубликовано, к примеру, в материалах Симпозиума по балканской культуре Подунавья и Карпатского бассейна. См., например: *Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, 1973, S. 71, Abb. 2, 4; S. 171, Abb. 2, 7, 8, 11; 9, 4; S. 269, Abb. 5, 1—3, 5, 12, 18; S. 415, Abb. 12, 4—6; 14, 2; 15, 11—13, 15—17.*
- ³⁷ См., например: *Езеро, с. 223, табл. 40.*
- ³⁸ *Березанская С. С. О погребениях культуры многоваликовой керамики. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 10—15, рис. 4—6; Она же. Северная Украина в эпоху бронзы. Автореф. дис. . .* докт. ист. наук. Киев, 1977, с. 10.
- ³⁹ Черных Е. Н. Горное дело и металлургия. . . с. 202, табл. 40, 9, 10; с. 235, табл. 68, 7.
- ⁴⁰ *Morintz S. Erosa bronzului. . .*, p. 94, fig. 53.
- ⁴¹ *Ibid.*, p. 158, 159.
- ⁴² *Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.*
- ⁴³ *Сарианиди В. И. Раскопки Тилля-тепе. . .*, с. 21.
- ⁴⁴ Там же, с. 35, 36; *Дьяконов И. М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956, с. 137 след.; Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 10 след.; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 39—47.*

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ИРАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. Л. Членова

Еще недавно предполагалось, что ираноязычное население в Северном Причерноморье жило в скифскую и сарматскую эпоху, т. е. не ранее VII—VI вв. до н. э. Впоследствии В. И. Абаев пришел к выводу, что североиранские племена жили в Восточной Европе задолго до скифской эпохи¹. Сейчас имеется ряд археологических данных, которые подтверждают эти заключения лингвистов и позволяют датировать появление ираноязычного населения в Северном Причерноморье доскифским временем.

Само собой разумеется, что определение языковой принадлежности народов бесписьменных и тем более таких, от которых не дошло хотя бы небольшого количества слов, сохранившихся в письменных источниках других народов, — дело очень сложное, и никаких окончательных решений, по крайней мере в настоящее время, как мне представляется, здесь предложить нельзя. Речь может идти лишь о предположении, подтвержденном рядом косвенных данных. Данные эти следующие:

Непосредственными предшественниками и одним из важнейших предков скифов в Северном Причерноморье были носители срубной культуры позднего бронзового века (середина II тысячелетия—VIII в. до н. э.). Антропологически скифы и носители срубной культуры почти не различаются (по данным антрополога Г. Ф. Дебеца, подтверждено на новом материале Т. С. Кондукторовой и С. И. Круц)². Население срубной культуры было для своего времени необычайно многочисленно.

При составлении археологической карты, где нанесены все археологические памятники шести культур позднего бронзового века на территории СССР, выяснилось, что памятников срубной культуры (как ранне-, так и поздне-срубных) в несколько раз больше, чем синхронных им памятников любой из других культур бронзового века, так что для срубной культуры пришлось сделать исключение и нанести не все ее памятники, а только важнейшие³.

На некоторых хорошо обследованных территориях (как Башкирия) срубных памятников оказалось в 10 раз больше, чем памятников других культур, и та же картина начинает выявляться и в других районах распространения срубной культуры по мере сплошного обследования этих районов (Куйбышевское Поволжье и Украина).

Очень вероятно, что, будучи столь многочисленными и будучи физическими предками скифов, носители срубной культуры были их предками по языку, т. е. были ираноязычны или индоираноязычны.

Широко применяемым приемом при определении языковой принадлежности какой-либо археологической культуры является сопоставление ее ареала с ареалом тех или иных топонимов (главным образом гидронимов.) Сопоставления ареала срубной культуры и иранских гидронимов пока не производилось (за исключением докторской диссертации С. С. Березанской, где сопоставлен ареал срубных памятников с ареалом иранских гидронимов на территории Северной Украины) ⁴.

Надо сказать, что на этом пути есть целый ряд трудностей. Первая из них: до последнего времени не существовало общей карты срубных и андроновских памятников, на которой их ареал был бы обозначен не приблизительно, штриховкой, а точно, путем нанесения всех или хотя бы важнейших памятников. Такая работа выполнена мною. На карту нанесено 354 памятника срубной культуры (это не все, а важнейшие памятники, т. е. те, на которых произведены значительные раскопки, или те, которые находятся на границах срубной культуры) и, кроме того, 399 памятников андроновской культуры, родственной срубной и приблизительно синхронной ей (из них 215 — памятники алакульского типа, или разновидности андроновской культуры, и 184 — памятники федоровского типа андроновской культуры), на всей территории их распространения. Таким образом, всего на карту нанесено 753 памятника срубной и андроновской культур. При составлении этой карты использованы археологические карты отдельных районов ⁵.

Вторая трудность при сопоставлении ареалов срубной и андроновской культур и топонимики — в отсутствии топонимических карт для рассматриваемого региона степной и лесостепной зон Восточной Европы, Казахстана, Средней Азии, Западной и Средней Сибири. Исключением являются две книги — В. Н. Топорова и О. Н. Трубочева,

где подробно рассмотрены все имеющиеся на этой территории гидронимы и составлены прекрасные карты⁶. Что касается остальных территорий, то приходится только пользоваться имеющимися в литературе указаниями на наличие тех или иных гидронимов на той или другой территории. Все же и такое состояние материала позволяет начать работу по сопоставлению памятников срубно-андроновского круга с иранскими гидронимами.

По представленной карте видно, что срубные и андроновские памятники охватывают территорию от Молдавии до Енисея и от Среднего Поволжья до Афганистана. При этом срубные памятники занимают преимущественно западную часть этого ареала, от Молдавии (некоторое количество их есть и юго-западнее, в Румынии и Болгарии) до Урала (некоторое их количество известно и восточнее, на Тоболе и Ишиме), а андроновские — преимущественно восточную часть ареала, от Енисея до Урала, а также Казахстан и часть Средней Азии (некоторое количество их встречается и западнее — в Куйбышевском Поволжье и на Украине, вплоть до Южного Буга). На огромной (протяженностью около 1000 км) территории от Поволжья до Тобола наряду с чистыми срубными и чистыми андроновскими памятниками встречено большое количество памятников с керамикой смешанной, срубно-андроновской.

На территории Северной Украины и несколько севернее, в бассейне Днепра и его притоков — Сулы, Псла, Ворсклы, в низовьях Десны и особенно в бассейне Сейма располагается целая группа иранских гидронимов (выделенных В. Н. Топоровым, О. Н. Трубачевым и А. С. Стрыжком)⁷. Эта группа хорошо совпадает с северной частью ареала срубной культуры и частично размещается вдоль северной его границы. Эти гидронимы следующие: *Апажа*, *Апака*, *Асмонь* (*Есмань*, *Эсмань*, *Османь*, *Асмонька*, *Амонька*), *Рать*, *Реть*, *Реут*, *Свапа*, *Сев*, *Сейм*, *Снов*, *Снова*, *Удай*, *Удав*, *Хан* и большое количество гидронимов *Руд*, *Руда*. В более южных степных районах иранских гидронимов мало; они вытеснены тюркскими гидронимами (как считал еще М. Фасмер). В бассейне Дона и Северского Донца также есть некоторое количество гидронимов, либо идентичных тем, что встречены в бассейне Днепра, либо других, которые могут быть иранскими. Из них некоторые — *Уды* в бассейне Северского Донца, *Сарда* и *Сердоба* в бассейне Дона — уже приводились в качестве иранских О. Н. Трубачевым и В. Н. Топоровым, но специальной

работы по гидронимии бассейна Дона пока нет. По книге П. Л. Маштакова «Список рек Донского бассейна»⁸ можно выделить еще несколько гидронимов, иранскую принадлежность которых можно предполагать. Это следующие гидронимы: реки *Снова* (с притоками *Богатая Снова* и *Кобылья Снова*), *Усмань*, *Сухая Усманка*, озеро *Усменское*, *Хава* (или *Гава*). Все они относятся к бассейну верхнего и среднего Дона и его притоков Битюга, Вороны и Хопра, как раз к той части, где располагаются многочисленные памятники срубной культуры. Южнее в бассейне Дона, где срубные памятники также многочисленны, встречены исключительно тюркские и русские гидронимы, которые, очевидно, стерли гидронимы более ранние, — картина такая же, как и для бассейна Днепра.

Несколько аналогичных гидронимов (*Сев*, *Уда*, *Усманка*, *Серта*) и много гидронимов на *-ап*, *-оп*, *-аба*, *-уб*, *-уба* (*Урап*, *Уроп*, *Урюп*, *Шалап*, *Сузоп*, *Антроп*, *Обь*, *Объюл*, *Тараба*, *Хараба*, *Аба*, *Уба*, *Убинка*, *Убиенка*, оз. *Убинское*, *Убик*), а также гидронимы *Ур*, *Уруна*, *Ушна* имеются в Сибири. Почти все они располагаются тремя компактными группами: 1) на верхнем Иртыше (*Уба*, *Убинка*); 2) в бассейне верхней Оби и ее притоков Чумыша, Ини, верхней Томи, т. е. на Северном Алтае и в Кузнецкой котловине (*Урап*, *Шалап*, *Тараба*, *Хараба*, *Уда*, *Ушна*, *Уруна*, *Сузоп*, *Антроп*, *Сев*, *Убик*, *Аба*, *Ур*, *Уроп*); 3) в бассейне верхней Кии и верхнего Чулыма (*Серта*, *Усманка*, *Убиенка*, *Урюп*, *Объюл*). Все три группы расположены близко друг от друга (расстояние между второй и третьей группами — около 90 км, между первой и второй группами — около 240 км), все относятся к бассейну верхней Оби и все хорошо совпадают с тремя группами андроновских памятников, расположенных на этой территории, — верхнеиртышской, североалтайско-кузнецкой и североминусинской.

Обособленно расположены три гидронима: оз. *Убинское* в Барабинской степи, р. *Убаган* — приток Тобола (близ них также расположены андроновские памятники) и р. *Абакан* — приток Енисея. На самом Абакане андроновские памятники не обнаружены, но они есть вблизи его устья, на Енисее, по обоим берегам.

После того как были выделены эти гидронимы, я обратилась к В. И. Абаеву для выяснения, являются ли они иранскими. В. И. Абаев определил их как иранские и достаточно древние и дал их истолкование (как тем, что были

выявлены в Сибири и бассейне Дона, так и из бассейна Днепра, — тем, которые были истолкованы ранее другими лингвистами). При этом в некоторых случаях интерпретация В. И. Абаева отличается от той, что приведена в книге О. Н. Трубачева.

Таким образом, составлен небольшой словарь гидронимов, в основном иранских, но некоторые из них могут быть и индоиранскими. Словарь включает 104 гидронима (из них 33 — *Руд, Руда*) (см. Приложение).

Некоторое количество гидронимов (около 20) может быть и индоиранским, хотя это сомнительно (гидронимы на *ār, uḍa, aśman, ug, ugu-ar*). Особенно много их в Южной Сибири, где они хорошо совпадают с ареалом памятников андроновской культуры. Все же вероятнее, что все перечисленные гидронимы — иранские.

Есть ли основания предполагать, что они относятся к доскифскому времени? Думается, что некоторые основания есть. Помимо совпадения ареалов срубной и андроновской культур и перечисленных гидронимов, в пользу их доскифского возраста говорят еще следующие соображения. Скифами (и сарматами) на юге европейской части СССР оставлены гидронимы на *-дон* (*Дон, Донец, Днепр, Днестр*), из них название «Дон» достоверно существовало уже в скифское время в форме *Τάναϊς* (зафиксировано у Геродота), а название «Днепр» (в форме *Δάναπρις*) впервые встречается в IV в. до н. э. (*Periplus Ponti Euxini et lacus Maeoti*), как и название «Днестр» (*Danaster*). В осетинском языке практически все гидронимы кончаются на *-дон* (из 500 гидронимов, собранных в книге А. Дз. Цагаевой⁹, 499 оканчиваются на *-дон* и только 1 — на *-аф* р. Ираф). Поскольку ни андроновская, ни срубная культуры в Северной Осетии не распространены, а осетинский язык считается прямым наследником скифского, гидронимы на *-дон*, видимо, относятся к скифам и их потомкам — аланам, осетинам. В «Словаре скифского языка», составленном В. И. Абаевым, слово *ār (av)* имеется только в значении «вода», но не «река», а в осетинском языке *av* сохранилось лишь пережиточно, в таких словах, как «стекло» (*avg*), т. е. «прозрачное, как вода»¹⁰, или «водопад» (*ææ-særdzæŋ*)¹¹. Можно предположить поэтому, что гидронимы на *ār (āv)* оставлены не скифами и не их потомками, а более древним населением. Это предположение подтверждается и тем, что в Сибири, где не было скифов, нет и гидронимов

на -дон*. Скифское время представлено на пространстве от Украины до Енисея рядом локальных культур, обнаруживающих сходство лишь в некоторых категориях вещей, но значительно менее близких между собой и не образующих такого единства, как в предшествующую эпоху срубная и андроновская культуры. Этому единству хорошо соответствуют и те сходные или в некоторых случаях даже идентичные гидронимы, о которых шла речь.

Рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на андроновской культуре и ее распространении. Подчеркну только, что андроновские памятники распространены на очень широкой территории. Наиболее южные из них известны в Средней Азии, в Южной Туркмении (на пути в Иран) и в Афганистане (на пути в Индию), а северо-западные — в Среднем Зауралье и Башкирии, в зоне контакта с носителями черкаскульской культуры — вероятно, финно-уграми по языку. Все это позволяет думать, что носители андроновской культуры также были иранцами или индоиранцами по языку.

Имеется обширная зона интенсивного смешения и контактов срубной и андроновской культур (от Заволжья до Южного Зауралья и, видимо, Приаралья); значительное количество андроновских и смешанных срубно-андоновских памятников выявлено в последнее время на Украине (вплоть до Буга на западе). Родство носителей срубной культуры с носителями культуры андроновской и их тесные связи на огромной территории от Буга до Тобола служат дополнительным аргументом в пользу того, что носители срубной культуры, в том числе и те, что обитали в Северном Причерноморье, были иранцами по языку.

Основные выводы: 1. В доскифское время, приблизительно с середины II и до первых веков I тысячелетия до н. э. в Северном Причерноморье жили необычайно многочисленные носители срубной культуры. Антропологами установлено, что именно они были физическими предками скифов, растворившими в силу своей многочисленности то пришедшее с востока население, которое принесло с собой многие характерные элементы скифской культуры. Вполне возможно, что будучи физическими предками скифов, носители срубной культуры были и их

* За исключением двух ареалов: в северной части Кемеровской обл. (в Кузнецком Алатау) и в бассейне Колымы. Их отношение к скифскому -дон пока совершенно не ясно.

предками по языку, т. е. они были ираноязычны, как и скифы.

2. На территории Украины и несколько севернее, в бассейне Днепра и Дона, имеется ряд иранских гидронимов, ареал которых совпадает с северной частью и северной границей срубной культуры; есть основания думать, что они доскифские. Некоторые из них могут быть и индоиранскими, хотя это сомнительно.

3. Подобные же иранские гидронимы имеются в Южной Сибири, главным образом в бассейне Оби, где хорошо вписываются в ареал андроновской культуры, близкородственной срубной. Среди этих гидронимов также есть такие, которые могут считаться индоиранскими.

4. Срубное и андроновское население находилось в постоянных контактах друг с другом, проникая далеко на территории друг друга, что, вероятно, сопровождалось языковыми контактами.

5. Северная граница срубных памятников проходит по Мокше, нижней Суре, нижней Каме и Белой (в последних двух районах есть и андроновские, и срубно-андоновские памятники), т. е. как раз в той области, где, вероятнее всего, должен был осуществляться контакт иранцев с финно-уграми, что также является доводом в пользу ираноязычности носителей срубной и андроновской культур. Наконец, андроновская керамика есть на Амударье — нижней и верхней (в пределах Афганистана), и в Южной Туркмении, что может быть интерпретировано как движение носителей андроновской культуры как в сторону Индии, так и в сторону Ирана.

6. Что касается населения, жившего в Северном Причерноморье еще раньше (в начале II, III и IV тысячелетиях до н. э.), то о его языковой принадлежности можно будет судить лишь в том случае, если удастся провести работу по сопоставлению археологических данных с данными топонимики и другими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965; *Он же.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972.

² *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948, с. 164, 181, 182; *Он же.* О физических типах людей скифского времени. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 9; *Кондукторова Т. С.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972,

- с. 21, 22, 72—74, табл. 6, 7; *Круц С. И.* Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины. — В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 223—225.
- ³ *Членова Н. Л.* Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы. — В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
- ⁴ *Береганская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Докт. дис. (рукопись).
- ⁵ При составлении карты учтены следующие публикации: для Молдавии — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1973, вып. 3; для Украины — карта 8 в кн.: Археология Украинской РСР. Київ, 1971, т. 1; для Воронежской обл. — карты в кн.: *Либеров П. Д.* Древняя история населения Подонья. Докт. дис. (рукопись); *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976; *Он же.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977; для Поволжья — карты в работах: *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; *Агапов С. А., Васильев И. Б.* Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье. — В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976; Памятники Нижнего Поволжья (МИА, 60). М., 1959; для территории Башкирии — карты в работах: *Шокуров А. П.* Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик. — В кн.: Древности Башкирии. М., 1970; Археологическая карта Башкирии. М., 1976; для Зауралья — карты в кн.: *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; для андроновских памятников — карты в работах: Андроновская культура, вып. 1. — САИ, 1966, вып. ВЗ-2; *Зотова С. В.* Ковровые орнаменты андроновской керамики. — МИА, 1965, 130; специально для андроновских памятников Казахстана — в кн.: *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, 88; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960; для Новосибирской обл. — карты в работах: *Грязнов М. П., Троицкая Т. Н., Уманский А. П., Севастьянова Э. А.* Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища. — В кн.: Вопросы археологии Сибири (Научные труды НГПИ, вып. 85). Новосибирск, 1973; *Комарова М. Н., Молодин В. И.* Археологическая карта правобережья р. Оби в Сузунском р-не Новосибирской обл. — Там же; *Романцова В. Д., Троицкая Т. Н., Матеева В. И.* Археологическая карта побережья р. Уень. — Там же; *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской обл. Новосибирск, 1980. Кроме того, учтены все данные из ежегодников «Археологические открытия» за период с 1966 по 1976 г. и «Археологические исследования на Украине» (4 вып.) и сборников «Вопросы отечественной и всеобщей истории» (Куйбышев, 1975) и «Очерки истории и культуры Поволжья» (Куйбышев, 1976).
- ⁶ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
- ⁷ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ...; *Трубачев О. Н.* Названия рек...; *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.

- ⁸ *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
⁹ *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975, ч. 1.
¹⁰ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1948, т. 1, с. 153, 158.
¹¹ *Цагаева А. Дз.* Иранские архаизмы в топонимии Северной Осетии. — В кн.: Иранское языкознание. История, этимология, типология. М., 1976, с. 172.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРЬ ГИДРОНИМОВ (толкование В. И. Абаева)

БАСЕЙН ДНЕПРА

- Амонька* (18)* — вероятно, из *Асмонька*
Алажа (23) — иран. ар «вода», «река»
Апака (24) — иран. арака «прозрачный (как вода)»
Артополот (11) — ?
Асмонь (20) — арийск.: др.-инд. aśman, иран. asman «камень», ср. *Каменка*
Ворскла (6) — осет. ogs. «белый» + тюрк. kö1 «рукав реки»
Домоткань (5) — ?
Есмань, Эсмань, Османь (15, 16, 20) — см. *Асмонь*
Рать (28) = *Реут?* (см. ниже)
Рашевка (7)?
Реть (14, 17) = *Реут?* (см. ниже)
Реут (1, 21, 25) — др.-иран. gautah «река»
Руд, Руда — др.-иран. gautah «река»
Самоткань (Савоткан), Замохан (4) — ?
Сава (19) — иран. sava-ар. «Черная река»
Сев (22) — иран. sava «черный»
Сейм (12) — арийск.: др.-инд. śyama «черный, темный»
Снов, Снова (13, 27, 31) — иран. snāvā «шнур»(??)
Снопород (3) — др.-иран. srapa-gautah «священная река»(?)
Сула (9) — тюрк. sulau «водопой»
Сура (2) — др.-иран. sūra «сильный»(?)
Удав (Удава) (8) } арийск.: др.-инд. uḍa «вода»
Удай (Уда) (10) }
Хон (Хан) (27а) — иран. хап «родник»

БАСЕЙН ДОНА

- Сарда* (35) — иран. sarta «холодная»
Сердоба (37) — иран. sarta-ар «холодная река»
Снова (31) — см. выше (бассейн Днепра)
Сухая Усманка (32) — см. выше *Асмонь* (бассейн Днепра)
Уды (38) — см. выше: *Удай* (бассейн Днепра)

* Номера в скобках соответствуют номерам на карте.

Усмань (33) — см. выше: *Асмонь* (бассейн Днепра)
Усменское, оз. (36) — см. выше *Асмонь* (бассейн Днепра)
Хава (Газа) (34) — иран. gau, авест. gao «скот», «стойбище скота»

БАССЕЙН ВОЛГИ

Обва (40) — иран. āp (?) + коми va «вода»
Сура (39) — см. выше: *Сура* (бассейн Днепра)

ЗАУРАЛЬЕ

Ревда, Рефт (41) — иран. rautah, см. выше (бассейн Днепра)
Реж (42) — ?
Решт, Решеты (41) — иран. gasta «прямой» (?)
Урефты, оз. (43) — см. выше: *Ревда, Рефт*

БАССЕЙНЫ ОБИ И ЕНИСЕЯ

Аба (59) — арийск.: др.-инд., иран. āp «вода», «река»
Абакан (69) — иран. āpaka (?), см. выше: *Апака* (бассейн Днепра)
Антроп (57) — иран. antar-āp «междуречье» (??)
Объял (68) — иран. āp + тюрк. (чулымск.) юл «вода», «река»
Обь (не помечено номером на карте) — иран. āp
Сев (60) — иран. sava, см. выше (бассейн Днепра)
Серта (65) — иран. sarta «холодная»
Солтонка (53a) — иран. sarta (salta) «холодная», ср. осет. sald-
don «мерзлая река»
Сузон (55) — иран. saūba-āp, перс. sūz-āp «горячая (жгучая)
вода» (??)
Тараба (50) — арийск.: иран. tantra-āp «темная река» (?)
Уба (46) — иран. āp (?)
Убаган (44) — см. выше: *Абакан*
Убиенка (66) }
Убик (63) } иран. āp (?)
Убинка (47) }
Убинское, оз. }
Уда (49) — арийск.: др.-инд., иран. uda «вода»
Ур (61) — арийск.: иран. uгу «широкий» (?)
Урап (48) }
Уроп (62) } арийск.: др.-инд., иран. uгу-āp «широкая река»
Уруна (54) — арийск.: иран. uгу «широкий»
Урюп (67) — см. выше: *Урап, Уроп*
Усманка (64) — см. выше: *Асмонь* (бассейн Днепра)
Ушна (56) — иран. huša-āp «сухая река» (?)
Харапа (51) — иран. хага-āp «серая (мутная) река» (?)
Шалап (52, 53, 58) — иран. sarta (salta) «холодная река»

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

- БРС — Белорусско-русский словарь. М., 1962.
- Варшавский словарь — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1952, I—VIII.
- Геров — *Геровъ Н.* Рѣчник на българский языкъ. Пловдив, 1895—1940, I—V.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907—1909, I—IV.
- Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд. М., 1903—1909, I—IV.
- ДМР — Дикционар молдовенеск-русеск. Кишинэу, 1961.
- ДФСП — Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
- Желеховский — *Желеховский Е., Недільский С.*, Малоруско-німецький словарь. Львів, 1886.
- Карадић — *Карадић В. С.* Српски рјечник (1818). Београд, 1966.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- КДА — Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Макарушка — *Макарушка О.* Словарь українських виразів, перейнятих з мов турських. — Зап. наук. тов-ва м. Шевченка. Львів, 1895, т. 5, № 2.
- Младенов — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- НО — Надписи Ольвии. Л., 1968.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Неопубликованные материалы.
- Радлов — *Радлов В. О.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911, I—IV.
- РММ СХЈ — *Димитровски Т., Корубин Т., Стаматоски Т.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961, I—III.
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. София, 1954—1959, I—III.
- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959, I—.
- САИ — Свод археологических источников.
- Севортян — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1903, I—III.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965, I—.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973, I—IV.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1981, вып. 1—8.
- Ağakay — *Türkçe sözlük. Dördüncü baskı. Hazırlıyan Mehmet Ağakay.* Ankara, 1966.
- AIS — *Jaberg K., Jud J.* Sprach- und Sachatlas Italiens und der Schweiz. Zofingen, 1940.

- ALR — *Pop S.* Atlasul lingvistic român. Cluj-Sibiu, 1938—1942, I.
 ALRRMar — Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureş. Bucureşti, 1969.
- Arvinte — *Arvinte V.* e. a. Glosar regional. Bucureşti, 1961.
- Bálint — *Bálint S.* Szegedi szótár. Budapest, 1957, I—II.
- Battisti — *Battisti C., Alesio G.* Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1951—1953, I—III.
- Brükner — *Brükner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Chantraine — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968—1977, I—IV.
- Cioranescu — *Cioranescu A.* Diccionario Etimológico Rumano. Tenerife; Madrid, 1958—1961, I—VI.
- DExpl — Dicţionarul explicativ al limbii române. Bucureşti, 1975.
- DLR — Dicţionarul limbii române. Bucureşti, 1913—, I—.
- DLRLC — Dicţionarul limbii române literare contemporane. Bucureşti, 1955—1957, I—IV.
- EIL — *Wilmons G.* Exempla inscriptionum Latinarum in usum praecipue academicum. B., 1873.
- Feist — *Feist F.* Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
- FHG — *Müller C.* Fragmenta historicorum graecorum. P., 1841—1870, I—V.
- Fjalor — *Fjalor i gjuhës shqipe.* Tiranë, 1954.
- Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954—1972. Bd. I—III.
- Hofmann — *Hofmann I. B.* Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1971.
- IG — Incunabula Graeca.
- IPE (IOSPE) — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
- Kalal — *Kalal M.* Slovensky slovník z literatury aj nářeči. Banská Bystrica, 1924.
- Karłowicz — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900—1911, I—VI.
- Kiss — *Kiss G.* Ormánysági szótár. Budapest, 1952.
- Kluge — *Kluge F.* Etymologische Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. B., 1951.
- Kniezsa — *Kniezsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, 1955, I—II.
- Kristoph. — *Χριστοφορίδος Κ.* Λεξικόν τῆς ἀλβανικῆς γλώσσης. Ἀθήναι, 1904.
- KUB — Keilschrifturkunde aus Boghazköi. B., 1901—1980.
- Leotti — *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937.
- Liddel — *Scott — Liddel H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English lexicon. Oxford, 1948.
- Linde — *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807—1814, I—VI.
- Machek — *Machek V.* Etimologický slovník jazyka českého. Praha, 1957.
- Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzegefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953—1972.
- Meyer EWA — *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.

- Mičatek — *Mičatek L. A.* Differenciálny slovensko-ruský slovník. Turčiansky Sv. Martin, 1900.
- Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- MNyTESz — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára.* Budapest, 1967—1976, I—III.
- Papahagi — *Papahagi T.* Dictionarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959, Bd I—II.
- PSJČ — *Přiruční slovník jazyka českého.* Praha, 1935—1957, I—VIII.
- RE — *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.* Begr. von J. Pauly, neu hrsg. von R. Wissowa, W. Kroll u. a. Stuttgart, 1896—.
- RJA — *Rječnik hrvatskoga ili sprskog jezika.* Zagreb, 1880—1967, I—XIX.
- Schwyzler — *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. München, 1968, I.
- Scriban — *Scriban A.* Dicționarul limbii românești. Iași, 1939.
- SJP — *Słownik języka polskiego,* Warszawa, 1958—, I—.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1959—, I—.
- Ślawski — *Ślawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, 1952,— I—.
- SSJČ — *Slovník spisovného jazyka českého* Praha, 1960.
- SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika.* Ljubljana, 1970—, I—.
- Syll.³ — *Sylogae inscriptionum graecarum.* Ed. W. Dittenberger. 3. Aufl. Leipzig, 1915.
- Tamás — *Tamás L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.
- Udrescu — *Udrescu D.* Glosar regional. Arges. București, 1967.
- Viciu — *Viciu A.* Glosar de cuvinte dialectale al poporului român din Ardeal. București, 1906.
- Walde — *Hoffman — Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hofman. Heidelberg, 1938.
- Wichmann — *Wichmann J.* Wörterbuch der ungarischen Moldauer Nordcsángó- und des Héftaluer Csángódialektes. Helsinki, 1936.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВМУ — Вестник Московского университета.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
- КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- НАА — Народы Азии и Африки.
- ПСА — Проблемы скифской археологии.
- СА — Советская археология.

- САИ — Свод археологических источников.
AA — Archaeologischer Anzeiger.
AAWW — Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien.
BSA — The Annual of the British School at Athens.
IF — Indogermanische Forschungen.
JHS — The Journal of Hellenic Studies.
JIRS — Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache in Leipzig.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn.
MA — Memoria antiquitatis. Acta musei Petrodavensis.
MCD — Materiale și cercetări dialectale.
NC — La nouvelle Clio.
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society.
RHA — Revue hittite et asianique.
SBAWW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse.
SCIVA — Studii și cercetări de istorie veche și arheologie.
SMEA — Studi micenei ed egeo-anatolici.
TAPA — Transaction of the American Philological Association.
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde Morgenlandes.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест.	— авестийский	гом.	— гомеровский
адыг.	— адыгейский	гот.	— готский
азерб.	— азербайджанский	греч.	— греческий
аккад.	— аккадский	груз.	— грузинский
алб.	— албанский	дак.	— дакийский
алт.	— алтайский	дак.-миз.	— дакомизийский
арийск.	— арийский	дат.	— датский
арм.	— армянский	др.-англ.	— древнеанглийский
ассир.	— ассирийский	др.-болг.	— древнеболгарский
балт.	— балтийский	др.-в.-нем.	— древневерхне-немецкий
баск.	— баскский	др.-греч.	— древнегреческий
башк.	— башкирский	др.-евр.	— древнееврейский
бербер.	— берберский	др.-инд.	— древнеиндийский
блр.	— белорусский	др.-иран.	— древнеиранский
болг.	— болгарский	др.-ирл.	— древнеирландский
булг.	— болгарский	др.-исл.	— древнеисландский
вавил.	— вавилонский	др.-исп.	— древнеиспанский
вед.	— ведийский	др.-макед.	— древнемаке-
венг.	— венгерский		
галльск.	— галльский		
герм.	— германский		

	дон-ский	казах.	янский
др.-н.-франк.	— древне-нижне-франкский	караг.	— казахский
др.-перс.	— древнеперсидский	караим.	— карагасский
др.-русск.	— древнерусский	кельт.	— караймский
др.-сакс.	— древнесаксонский	кирг.	— кельтский
др.-сев.	— древнесеверный	ккал.	— киргизский
др.-фриз.	— древнефризский	койб.	— каракалпакский
др.-хетт.	— древнехеттский	копт.	— койбалынский
др.-чуваш.	— древнечувашский	крым.-гот.	— коптский
егип.	— египетский	крым.-татар.	— крымско-готский
и.-е.	— индоевропейский	кум.	— крымско-татарский
иер.	— иероглифический	курд.	— кумыкский
инд.	— индийский	кушит.	— курдский
индоарийск.	— индоарийский	лат.	— кушитский
ион.	— ионийский	леб.	— латинский
ион.-атт.	— ионийско-аттический	лид.	— лебединский
иран.	— иранский	лик.	— лидийский
ирл.	— ирландский	лит.	— ликийский
исп.	— испанский	лоб.	— литовский
итал.	— итальянский	лтш.	— лобский
		лув.	— латышский
		макед.	— лувийский
		маньчжурск.	— македонский
			— маньчжурский

мил.	— милый-ский	ср.-в.-нем.	— средне-верхне-немец-кий
молд.	— молдав-ский		
н.-греч.	— ново-грече-ский	ср.-н.-нем.	— средне-нижне-немец-кий
нем.	— немец-кий		
нидерл.	— нидер-ланд-ский	ср.-норв.	— средне-норвеж-ский
н.-нем.	— ниже-немец-кий	ст.-каталон.	— старо-ката-лон-ский
ног.	— ногай-ский	ст.-слав.	— старо-славян-ский
осет.	— осетин-ский	ст.-франц.	— старо-фран-цуз-ский
перс.	— персид-ский		
польск.	— поль-ский	с.-хорв.	— сербо-хорват-ский
португ.	— порту-галь-ский	тадж.	— таджик-ский
праслав.	— пра-славян-ский	татар.	— татар-ский
прованс.	— прован-саль-ский	тув.	— тувин-ский
прусск.	— прус-ский	тунгусск.	— тунгус-ский
рум.	— румын-ский	тур.	— турец-кий
русск.	— рус-ский	туркм.	— турк-мен-ский
сак.	— сакский	тюрк.	— тюрк-ский
санскр.	— сан-скрит	угарит.	— угарит-ский
сар.-юг.	— сарык-югур-ский	узб.	— узбек-ский
слав.	— славян-ский	уйг.	— уйгур-ский
словац.	— словац-кий	укр.	— украин-ский
словен.	— словен-ский	фрак.	— фракий-ский
согд.	— согдий-ский	франц.	— фран-цуз-ский
ср.-болг.	— средне-болгар-ский	хак.	— хакас-ский

хат.	— хатт- ский	швейц.	— швей- цар- ский
хет.	— хетт- ский	шор.	— шор- ский
хуррит.	— хуррит- ский	шумер.	— шумер- ский
чагат.	— чага- тай- ский	южнослав.	— южно- славян- ский
чеш.	— чеш- ский	якут.	— якут- ский
чуваш.	— чуваш- ский		

СОДЕРЖАНИЕ

Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований)	3
<i>Л. А. Гиндин, Н. Я. Мерперт</i>	
Некоторые вопросы методики изучения проблем этногенеза славян	11
<i>С. Б. Вернштейн</i>	
• ЛИНГВИСТИКА. ФИЛОЛОГИЯ	
Фракийский социальный термин <i>Tarabosteis</i>	18
<i>В. И. Абаев</i>	
Общелувийский глагольный тип (Вопросы реконструкции)	21
<i>Л. С. Баюн</i>	
Архаизация в византийской этнонимии	30
<i>М. В. Вибиков</i>	
Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV)	36
<i>Л. А. Гиндин</i>	
К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным). II. Славянские топонимы у Прокопия Кесарийского	43
<i>Л. А. Гиндин</i>	
Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху	47
<i>Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский</i>	
О происхождении др.-греч. ἐλέφας 'слоновая кость, слон'	66
<i>В. В. Иванов</i>	
Материалы для Index Procopiana, I. χῶρος	76
<i>С. А. Иванов</i>	

К этимологии др.-греч. $\delta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\alpha\rho$ и $\beta\lambda\acute{\iota}\rho$	80
<i>В. П. Каванскене</i>	
Названия хлеба в языках Восточного Средиземноморья	85
<i>Н. Н. Казанский</i>	
Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 7. *palan(V)k-	91
<i>Г. П. Клепикова</i>	
Методика работы с минойскими текстами (дешифровка и интерпретация)	101
<i>А. А. Молчанов</i>	
К этимологии слав. *осьть	110
<i>В. Э. Орел</i>	
Тюркские jag — арук — jaruga — árok на карпатской территории	114
<i>Г. Ф. Семенова</i>	
Этнонимы в поэтическом тексте.	119
<i>М. Н. Славятинская</i>	
Oium Иордана (Getica, 27—28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье.	128
<i>В. Н. Топоров</i>	
«Киммерийская топонимия», I	142
<i>С. Р. Тохтасьев</i>	
Indoarica в Скифии и Дакии	148
<i>О. Н. Трубачев</i>	
К интерпретации некоторых древнемакедонских глосс	152
<i>В. Л. Цымбурский</i>	

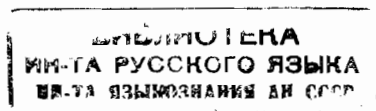
ИСТОРИЯ

Формы эксплуатации сельского населения Малой Азии	157
<i>Е. С. Голубцова</i>	
Пути сохранения древнебалканской обрядовой традиции	165
<u><i>Г. Д. Златковская</i></u>	

Фракийские сюжеты у Исократа и Демосфена	174
<i>В. И. Исаева</i>	
К вопросу об агафирсах.	181
<i>Ю. К. Колосовская</i>	
Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян	193
<i>Г. Г. Литаврин</i>	
Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии (на материалах хроники Малалы)	203
<i>Е. П. Наумов</i>	
К проксенической деятельности Ольвии и Боспора	210
<i>В. П. Яйленко</i>	

АРХЕОЛОГИЯ

Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н. э.	224
<i>А. И. Мелюкова</i>	
Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века.	234
<i>Н. Я. Мерперт</i>	
Общность культур валиковой керамики Евразии (к постановке проблемы)	246
<i>Е. Н. Черных</i>	
О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье	259
<i>Н. Л. Членова</i>	
Принятые сокращения	269

ЭТНОГЕНЕЗ
НАРОДОВ БАЛКАН
И СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

*Лингвистика
история
археология*

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики
Академии наук СССР

Редакторы издательства
Ф. Н. Арский, В. С. Матюхина, Н. И. Сергиевская

Художник
Э. Л. Эрман

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Ф. М. Хенох

Корректоры
К. П. Лосева, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 26503

Сдано в набор 18.03.83
Подписано к печати 26.03.84
Т-02355. Формат 84×108^{1/2}₂
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,9. Усл. кр. отт. 15,65
Тираж 1550 экз. Тип. зак 261
Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7,
Москва В-485 Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2 р. 70 к.

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ БАЛКАН И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Статьи, включенные в сборник, отражают современное состояние разработки вопросов лингвистики, истории, этногенеза и археологии древних Балкан и прилегающих областей. Особое внимание уделено методике междисциплинарных исследований в области античной балканистики.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

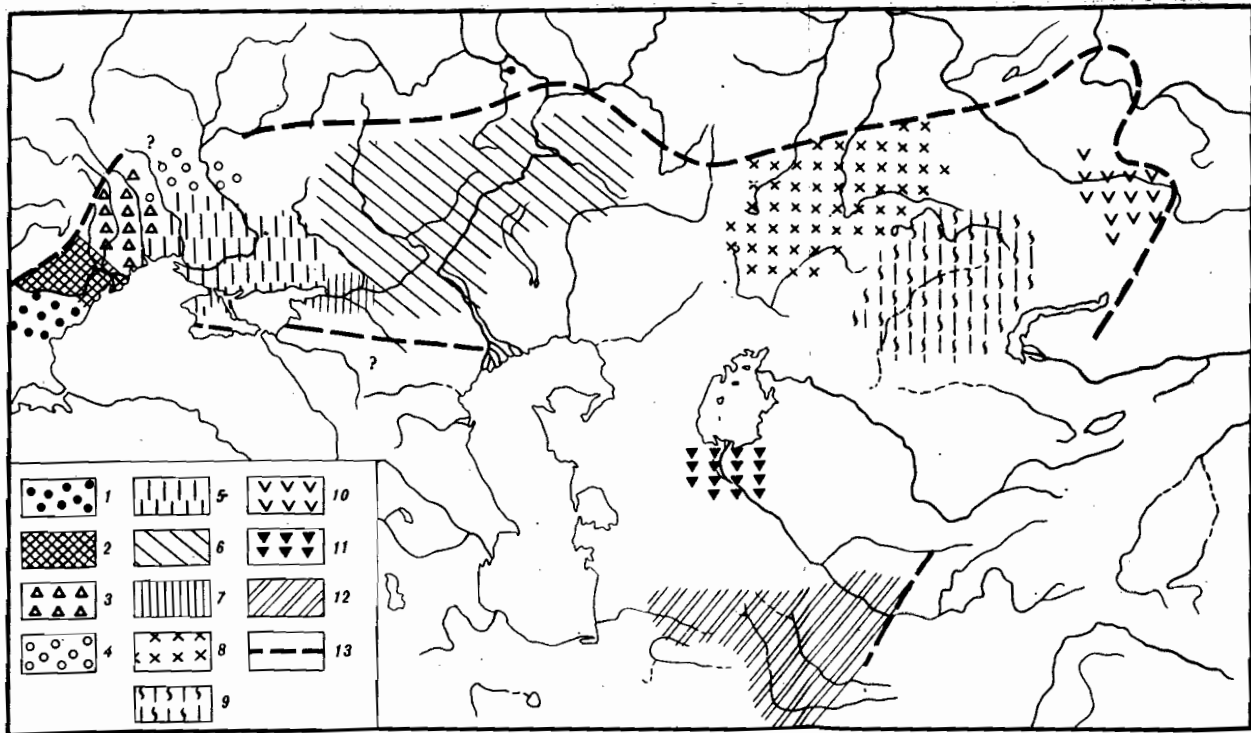
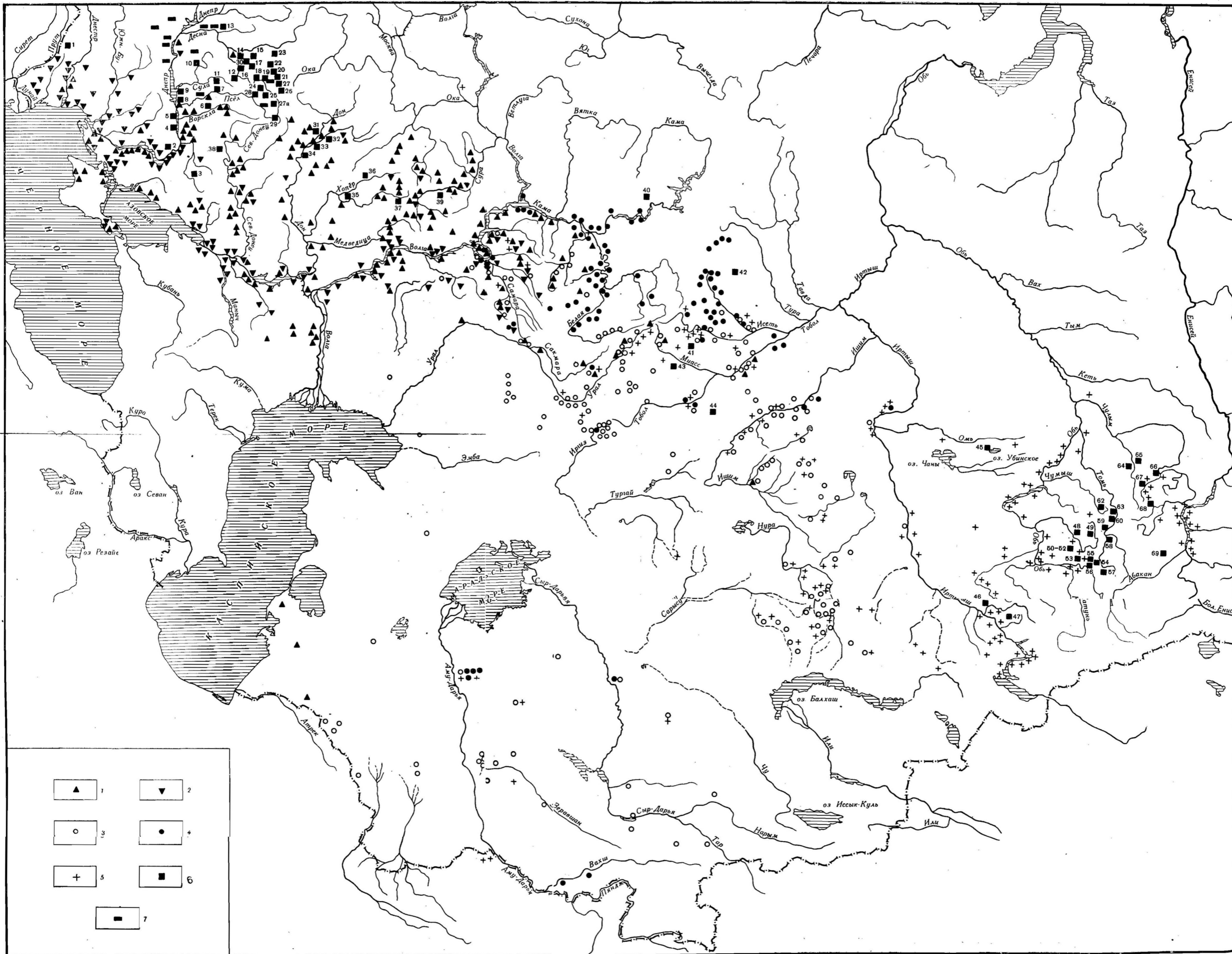

Схема распространения культур валяковой керамики

1 — Пшеничево—Бабадаг; 2 — Кослоджен; 3 — Ноа и более поздние памятники фракийского гальштата; 4 — белогородовская и более поздняя чернолеская; 5 — сабадиновская и более поздняя белозерская; 6 — так называемая срубно-хвалынская; 7 — нояновская; 8 — саргаринская; 9 — поселения бегазы-дандыбаевской культуры; 10 — памятники трушниковского типа; 11 — амирабадская; 12 — памятники типа Яз I — Тиллятепе; 13 — предполагаемые границы общности культур валяковой керамики

Распространение срубных и андроновских памятников и древнеиранские гидронимы в Северной Евразии
 1 — раннесрубные памятники; 2 — позднесрубные памятники; 3 — андроновско-алакульские памятники; 4 — чернакульские памятники; 5 — андроновско-федоровские памятники 6 — гидронимы; 7 — гидронимы Руд, Руда